

Библейско-богословская коллекция
Серия «**Вселенские соборы**»

Смирнов К.

**ОБОЗРЕНИЕ
ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ
І НИКЕЙСКАГО
ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА**

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ
ИСТОРИИ
ПЕРВАГО ВСЕЛЕНСКАГО
Никейскаго Собора.

Сочиненіе
на степень магистра богословія
К. Смирнова.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Г. Фалькъ. Духовская ул., соб. домъ.

1888.

Отъ Съѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется. Апрѣля
14 дня 1888 г.
Академіи Ректоръ *Епископъ Христофоръ*.

В в е д е н і е.

Первый вселенскій Никейскій соборъ представляетъ собою въ высшей степени крупное, важное и безпримѣрное явленіе въ церковной жизни. Ничего подобнаго ему не было въ церковной исторіи предшествовавшихъ вѣковъ. Если епископскіе соборы были обычнымъ въ христіанской церкви дѣломъ еще съ первыхъ вѣковъ ея историческаго существованія, то тѣ соборы и по своему характеру и по своему составу не имѣли ничего общаго съ соборомъ Никейскимъ. Прежніе епископскіе соборы были прежде всего собраніями если и дозволенными верховною государственною властью, то во всякомъ случаѣ официально не утвержденными ею: государственная власть только терпѣла ихъ, но не принимала въ нихъ активнаго участія. Притомъ соборы первыхъ трехъ вѣковъ были соборы помѣстные; на эти соборы сходились епископы только одной или нѣсколькихъ областей. Наконецъ, эти соборы были не болѣе, какъ совѣщательными собраніями, а не законодательными въ полномъ смыслѣ слова. Положимъ, эти соборы постановляли иногда извѣстныя опредѣленія; но опредѣленія ихъ, имѣя значеніе руководительныхъ началъ для участвовавшихъ въ постановленіи ихъ пастырей и предстоятелей церковныхъ, не были положительными законами. „Въ этомъ дѣлѣ, говоритъ напр. Киприанъ объ одномъ изъ опредѣленій бывшаго при немъ Кароагенскаго собора,—въ этомъ дѣлѣ мы никого не принуждаемъ, никому не даемъ закона, потому что всякій предстоятель свободенъ управлять церковію по своей волѣ, имѣя дать отчетъ въ своемъ дѣйствованіи Господу“ ¹⁾. Та или другая мѣстная цер-

¹⁾ Письмо 59 къ Стефану; по русск. пер. ч. I, стр. 284.

ковъ подчинялась подобнымъ опредѣленіямъ, какъ приговору своихъ пастырей, видя въ немъ, по обѣтованію Христову, внушеніе Духа Святаго ¹⁾. Входя въ церковную практику, опредѣленія эти обращались въ правила мѣстныхъ церквей, но въ правила въ смыслѣ обычаевъ, а не законовъ писанныхъ ²⁾. Не таковъ былъ соборъ Никейскій. Это было первое открытое, торжественное собраніе епископовъ, собраніе не только дозволенное государственною властію, но официально утвержденное ею. Церковь, еще наканунѣ подвергавшаяся жестокимъ, кровавымъ гоненіямъ Діоклетіана и его соправителей, слѣды которыхъ, (гоненій) еще не успѣли сгладиться, здѣсь — на Никейскомъ соборѣ — вступаетъ въ самыя тѣсныя отношенія съ государствомъ: ея интересы являются интересами всего государства, ея вопросы занимаютъ государственную власть не менѣе, если не болѣе — вопросовъ чисто-государственныхъ. Сама государственная власть созываетъ епископовъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ; и представители власти церковной — епископы, которые незадолго предъ тѣмъ являлись преступниками въ глазахъ государства, заслуживавшими терпѣть и, дѣйствительно, терпѣвшими наказанія и пытки, здѣсь являются какъ-бы государственными людьми, отирающими государственныя обязанности: они пользуются покровительствомъ государства, получаютъ изъ государственнаго казначейства деньги на проѣздъ и содержаніе ³⁾, а представитель государственной власти — императоръ — объявляетъ себя „сослужителемъ епископовъ“ ⁴⁾, „епископомъ внѣшнихъ дѣлъ церкви“ ⁵⁾, принимаетъ живое участіе въ богословскихъ — догматическихъ, обрядовыхъ и дисциплинарныхъ вопросахъ, утверждаетъ опредѣленія епископовъ своею

1) Григорія Неокесарійскаго пр. 8.

2) Василія Великаго пр. 1.

3) Евсейій „Жизнь Константина“ кн. 3, гл. 6. Migne. Cursus patr. s. gr. t. 20.

4) Рѣчь Константина Собору. Gelasii Syziceni hist. conc. Nicaeni lib. II, cap. 7. Migne. ser. gr. t. 85. Дѣян. вселенск. соборовъ т. I, стр. 95.

5) Евсейій. „Жизнь Константина“ кн. IV, гл. 24. Migne t. 20.

печатью ¹⁾) и издаетъ ихъ, какъ государственные законы ²⁾). Здѣсь, такимъ образомъ, фактически религія христіанская признана была религіею государственною и получила значеніе важнаго государственнаго института. Далѣе: Никейскій соборъ былъ соборъ вселенскій, первый вселенскій соборъ. По зову государя собрались епископы не одной какой-либо области, но всѣхъ странъ и народовъ, епископы всего тогдашняго міра, отъ крайнихъ границъ верхней Фиваиды до странъ Готскихъ, отъ Испаніи до Персіи. „Тутъ (на соборѣ) собрались мужи, говорить Евсевій, весьма отличные другъ отъ друга не только душою, но и тѣломъ, и страною, и мѣстомъ, и языкомъ и всѣхъ ихъ принялъ одинъ городъ“ ³⁾). Это собраніе, по словамъ того-же Евсевія ⁴⁾), походило на то собраніе разнородныхъ племенъ, которое было въ первый день рожденія Христіанской церкви, — въ день первой христіанской Пятидесятницы. Это собраніе было по истинѣ вселенскою церковію, явившеюся здѣсь въ лицѣ своихъ предстоятелей. Наконецъ, соборъ Никейскій является первымъ соборомъ, дѣйствовавшимъ съ значеніемъ общаго законодательнаго органа въ церкви Христіанской. Епископы, являясь на Никейскій соборъ представителями своихъ церквей, принесли съ собою и то церковное преданіе, которое сохранялось въ каждой изъ нихъ (церквей) отъ временъ апостольскихъ: голосъ собора былъ, такимъ образомъ, голосомъ и свидѣтельствомъ всей вселенской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и голосомъ главы церкви — Христа, общавшаго пребывать въ церкви „во вся дни до скончанія вѣка“ ⁵⁾), и Духа Святаго, пребывающаго въ церкви во вѣкъ ⁶⁾). „Признанное единогласно тремя стами святыхъ епископовъ, писалъ императоръ Кон-

1) Ibid. IV. 27.

2) Rufinus histor. ecclesiast. lib. I. c. 5. Migne ser. lat. t. 21. Socrates hist. eccl. lib. I. c. 9. Migne curs. patr. s. gr. t. 67.

3) Евсевій. „Жизнь Константина“ кн. III, гл. 6. Migne t. 20.

4) Ibid. III. 8.

5) Мс. XXVIII гл. 20 ст.

6) Иоан. XIV гл. 16 ст.

стантинъ Александрійской церкви, есть не что иное, какъ мысль Самого Сына Божія, особенно когда въ умахъ столь великихъ и многихъ мужей присутствовалъ Духъ Святой, Который открылъ имъ Божественную волю¹⁾. Вслѣдствіе этого, постановленія Никейскаго собора, какъ постановленія всей вселенской церкви, руководимой Духомъ Святымъ, явились въ качествѣ положительныхъ законовъ, притомъ обязательныхъ не для одной какой-либо помѣстной церкви, но для всей церкви Христовой. Такъ императоръ Константинъ объявилъ отцамъ собора, что всякій противящійся догматамъ вѣры (въ смыслѣ опредѣленій собора), какъ нарушитель опредѣленій Божественныхъ, будетъ наказанъ ссылкой²⁾. Съ этой стороны, т. е. со стороны обязательности Никейскихъ опредѣленій для всѣхъ, современники собора находили прототипъ ему только въ извѣстномъ апостольскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ, разсуждавшемъ объ обрѣзаніи и издавшемъ постановленіе о необязательности для христіанъ обрядоваго закона Моисеева. „Такой-то, связанный узами мира, вѣнокъ, говоритъ Евсевій, представляющій въ наше время образъ лика апостольскаго (*εἰκόνα χορείας ἀποστολικῆς ταύτην καθ' ἡμᾶς σιστησάμενος*), отъ вѣковъ прошлыхъ однимъ только царемъ Константиномъ принесенъ Христу Спасителю, какъ благоприличный даръ за побѣду надъ врагами и мятежниками“³⁾.

Будучи такимъ чрезвычайнымъ, безпримѣрнымъ явленіемъ въ исторіи христіанской церкви по своему характеру и положенію, соборъ Никейскій былъ явленіемъ выдающимся и по важности тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ онъ занимался, по широтѣ и плодотворности своей дѣятельности. Въ продолженіи первыхъ 3-хъ вѣковъ, по причинѣ жестокихъ гоненій на христіанъ со стороны римской государственной власти, помѣстныя

1) Дѣян. т. I. стр. 178. Сократъ. церк. ист. I. 9. Migne. curs. patr. s. gr. t. 67.

2) Созоменъ. Церковн. ист. кн. I. гл. 20. Migne. curs. patr. ser. gr. t. 67.

3) Евсевій. „Жизнь Константина“ кн. III, гл. 7.

церкви не всегда удобно могли сноситься между собою и повѣрять свои обычаи или рѣшать современные вопросы на основаніи вселенскаго преданія; а потому во многихъ помѣстныхъ церквахъ утвердились разные обычаи, иногда не совѣмъ согласные съ общимъ церковнымъ преданіемъ. Эти разности въ обычаяхъ заходили иногда такъ далеко, что по поводу ихъ возникали споры и несогласія между помѣстными церквами. Таково напр. было разногласіе между азійскими церквами и всѣми остальными относительно времени празднованія Пасхи. По поводу этого вопроса были споры еще во II-мъ вѣкѣ. Не смотря на различныя попытки къ устраненію несогласія ¹⁾, оно продолжалось и въ III-мъ вѣкѣ и, какъ видно по памятникамъ, оставшимся отъ временъ Никейскаго собора, не устранено было и къ началу IV-го вѣка. Были въ церкви въ то время и другія серьезныя неурядица и волненія. Такъ въ Египтѣ возникъ расколъ Мелетія, довольно сильно волновавшій церковь и производившій большіе беспорядки. Но самое серьезное и опасное волненіе произвелъ въ то время Арій. Аріанское ученіе о тварности Сына Божія въ своихъ дальнѣйшихъ выводахъ вело къ уничтоженію главнаго догмата христіанства—догмата искупленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ низверженію всего христіанства. Это лжеученіе было тѣмъ опаснѣе, что оно вскорѣ послѣ своего появленія получило значительное распространеніе и приобрѣло себѣ очень многихъ сторонниковъ. „Богохульство распространялось въ церквахъ Египетскихъ и восточныхъ, пишеть Феодоритъ, въ каждомъ городѣ и селеніи стали открываться споры и ссоры за божественные догматы. А простой народъ былъ зрителемъ событій и судьбою рѣчей, присоединяясь либо къ одной сторонѣ, либо къ другой. Дѣла происходили горькія и достойныя слезъ. Не иноплеменики и враги, какъ было нѣкогда,

¹⁾ Въ видахъ устраненія несогласія относительно времени празднованія Пасхи еще въ III-мъ вѣкѣ составлены были пасхальныя исчисленія, какъ напр. Діонисіево, Анатоліево, Ипполитово: первое опредѣляло время празднованія Пасхи на 8 лѣтъ, второе—на 19 л., а третіе—на 119 лѣтъ.

осаждали теперь церковь, а единоплеменики, люди, живущіе подъ однимъ кровомъ и пользующіеся одною трапезою, вмѣсто стрѣль языкомъ поражали другъ друга, или лучше—члены, составляющіе единое тѣло, вооружались другъ противъ друга“ ¹⁾). Нужно было устранить всѣ эти неурюстройства въ церкви, нужно было на основаніи вселенскаго преданія провѣрить укороенившіеся обычаи, пересмотрѣть мѣстные порядки и правила, надлежащимъ образомъ оцѣнить направленія богословствующей мысли; нужно было осудить одно, утвердить другое, уничтожить разногласія и раздѣленія и дать должное направленіе христіанской жизни и дѣятельности. Никейскій соборъ все это и дѣлаетъ. Какъ высшее судилище, онъ пересматриваетъ обычаи и порядки мѣстныхъ церквей, утверждая одни и запрещая другіе, разрѣшаетъ недоумѣнія и споры дисциплинарные и обрядовые, наконецъ, произноситъ судъ надъ ходомъ богословскаго развитія первыхъ вѣковъ, осуждаетъ уклоненія и заблужденія въ этой области и, точно формулируя православное догматическое ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, завершаетъ одинъ фазисъ богословскаго развитія древней церкви и полагаетъ начало другому. Такъ по вопросамъ церковной дисциплины и управления соборъ издаетъ 20 правилъ; разрѣшаетъ разногласіе относительно времени празднованія Пасхи и произноситъ судъ надъ расколомъ Мелетія. Но самое важное, самое главное дѣло Никейскаго собора, которое составляетъ его славу и величіе, есть символъ вѣры. Этотъ символъ представляетъ собою изложеніе православнаго ученія о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, изложеніе въ высшей степени полное и изумительно точное: полное на столько, что, по выраженію св. Аѳанасія Александрійскаго, „этого изложенія довольно и достаточно къ низложенію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія“ ²⁾); точное,—такъ что никакія усилія аріанской діалек-

¹⁾ Феодоритъ. Церковн. ист. кн. I, гл. 6. Migne cur. patr. ser. gr. t. 82. lib. I. c. 5.

²⁾ Св. Аѳанасія Александрійскаго „посланіе къ Африканскимъ епископамъ“. Твор. ч. III. стр. 315. Migne curs. patr. t. 26 ser. gr. c. I.

тиги не въ состояніи были перетолковать это изложеніе, и аріанамъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или принять это изложеніе и согласиться съ православнымъ ученіемъ или вовсе отвергнуть самое изложеніе; принять-же символъ, но не принять православнаго смысла его—было нельзя: *tertium non datur*. Особенно замѣчательно слово „единосущный“ — „*ὁμοούσιος*“, которое внесено въ Никейскій символъ: оно было лозунгомъ православія въ Никейскую эпоху, такимъ-же остается и до-нынѣ. Въ этомъ одномъ словѣ были обозначены и рѣшены всѣ тринитарные вопросы; имъ однимъ полагался конецъ и субординаціонизму и монархіанизму (савелліанизму) во всѣхъ ихъ видахъ, волновавшимъ церковь въ первые вѣка христіанства, и богословская мысль должна была закончить свое блужданіе. Положимъ, и послѣ Никейскаго собора тринитарные споры продолжались съ значительною силою; но продолжались потому только, что не всѣ въ то время понимали полный и глубокий смыслъ „*ὁμοούσιος*“; многіе видѣли въ немъ только полемическое средство, не чуждое опасной крайности. А что, дѣйствительно, *ὁμοούσιος* уничтожало всѣ тринитарные споры, разительнымъ доказательствомъ этого служить второй вселенскій соборъ. Въ опроверженіе всѣхъ ересей по тринитарнымъ вопросамъ онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ подтвердить вѣру Никейскую, подтвердить знаменитое „*ὁμοούσιος*“.

Какъ исключительное, безпримѣрное явленіе съ одной стороны, какъ въ высшей степени важное по своей дѣятельности—съ другой, Никейскій соборъ заслуживаетъ самаго внимательнаго, серьезнаго и всесторонняго изученія. Правда, послѣдующая исторія христіанской церкви (IV—VIII вв.) представляетъ намъ еще нѣсколько соборовъ такого-же рода, какъ Никейскій, но эти послѣдующіе соборы не ослабляютъ значенія и интереса собора Никейскаго. Даже болѣе: они увеличиваютъ интересъ собора Никейскаго, потому что онъ былъ типомъ и образцомъ ихъ. Всѣ послѣдующіе вселенскіе соборы составлялись и дѣйствовали подобно собору Ни-

кейскому: всё они были открытыми и торжественными собраніями, всё составлялись по распоряженію верховной государственной власти и вызывались исключительными обстоятельствами, наконецъ, всё обладали правомъ верховнаго законодательнаго органа въ церкви. Слѣдовательно, Никейскій соборъ заслуживаетъ вниманія не только какъ важное само по себѣ явленіе, а и какъ типъ другихъ также важныхъ, чрезвычайныхъ событій въ исторіи христіанской церкви.

Но научность и серьезность всякаго историческаго изслѣдованія требуетъ предварительной обработки источниковъ, какъ основанія и фундамента, на которомъ воздвигается прочное зданіе исторіи. Вопросъ объ источникахъ—это первый основной вопросъ всякаго изслѣдованія, претендующаго на серьезность; отъ правильности и обстоятельности разъясненія источниковъ зависитъ правильность и обстоятельность самыхъ научно-историческихъ построеній и выводовъ. Такое значеніе имѣетъ вопросъ объ источникахъ во всякой исторической области. По отношенію-же къ исторіи перваго вселенскаго собора этотъ вопросъ имѣетъ еще большее значеніе, вслѣдствіе особаго характера * самыхъ источниковъ. Большинство сказаній о Никейскомъ соборѣ было писано не съ историческими, а практическими, по преимуществу полемическими цѣлями. Этотъ практическій, въ частности—полемиическій характеръ повѣствованій не могъ не отразиться въ нихъ нѣкоторыми чертами, невыгодными въ научно-историческомъ отношеніи. Практическія цѣли заставляли писателей, въ ущербъ полнотѣ повѣствованія, иногда обращать вниманіе на одно, пропуская совсѣмъ другое, передавать ходъ событій не въ дѣйствительной связи и послѣдовательности, а эпизодически, скачками и отрывками. Мало того, практическія цѣли писателей, случалось, имѣли своимъ результатомъ и то, что нѣкоторые факты изъ исторіи собора если не прямо извращались, то передавались односторонне, получали слишкомъ субъективную окраску, сильно увеличивались или крайне уменьшались. Очевидно, пользуясь безъ

всякой критики такими показаніями, легко представить дѣло неполно и неточно, выдвинуть одну сторону въ ущербъ другой, принять за несомнѣнную историческую петинцу то, что приведено древними писателями только какъ средство для полемическихъ или вообще для практическихъ цѣлей, и такимъ образомъ извратись дѣйствительную исторію. Встрѣчаются даже и такіе случаи, что въ двухъ источникахъ равноавторитетныхъ и имѣющихъ самостоятельное значеніе сообщаются извѣстія о томъ или другомъ эпизодѣ исторіи собора, по видимому, совершенно противоположны и непримиримы между собою, а между тѣмъ нѣтъ основаній, относиться съ сомнѣніемъ къ показаніямъ обоихъ источниковъ. Если пользоваться безъ критики такими документами, то придется, при изложеніи исторіи—или принимать показанія только одного какого-нибудь источника, совершенно игнорируя другою,—или сопоставлять рядомъ свѣдѣнія противоположнаго характера изъ двухъ разнородныхъ источниковъ, не пытаясь ихъ согласить или объяснить, или-же выбирать изъ того и другаго источника частныя показанія по произволу, по своему уже напередъ составленному представленію о характерѣ и ходѣ событій и дѣйствій собора, и оставлять безъ вниманія другія показанія, не подходящія подъ это представленіе. Но ясно, что ни тотъ, ни другой, ни третій способъ не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ исторической науки и не ведутъ къ несомнѣнно истинному и полному воспроизведенію дѣйствительности.

Далѣе, извѣстно, что не всѣ древнія повѣствованія о Никейскомъ соборѣ имѣютъ самостоятельное значеніе и не къ каждому изъ нихъ можно относиться, какъ къ источнику первой руки. Большинство повѣствованій о соборѣ относится къ разряду источниковъ второстепенныхъ. Авторы ихъ заимствуютъ свѣдѣнія у очевидцевъ собора и вообще у болѣе раннихъ писателей; но при этомъ часто извѣстія послѣднихъ передаютъ въ парафразѣ и поясняютъ, а иногда пополняютъ новыми свѣдѣніями, полученными изъ другихъ источниковъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи. При-

этомъ древніе писатели рѣдко указываютъ прямо источники, изъ которыхъ они заимствуютъ свѣдѣнія, и рѣдко отдѣляютъ свои самостоятельныя показанія или поясненія отъ заимствованныхъ изъ болѣе древнихъ источниковъ. Вслѣдствіе всего этого иногда можно какую нибудь черту второстепеннаго источника принять за самостоятельное новое показаніе, между тѣмъ какъ эта новая, по видимому, черта представляетъ только парафразъ, поясненіе, иногда даже совершенно произвольное, ни на чемъ не основанное или основанное на случайномъ недоразумѣніи, примышленіе позднѣйшаго писателя къ первоисточнику; иногда-же — на оборотъ — тамъ-то именно, гдѣ не придается никакого значенія второстепенному источнику, у него является совершенно самостоятельное и важное показаніе. При разногласіи одного писателя съ другими можно опять или придать слишкомъ большее значеніе этому разногласію въ такомъ случаѣ, гдѣ оно явилось только вслѣдствіе недоразумѣнія, или — напротивъ, не придать ему никакого значенія тамъ, гдѣ это разногласіе очень существенно. Вообще, при пользованіи второстепенными источниками представляется возможность для множества недоразумѣній и ошибокъ.

Наконецъ, въ ряду древнихъ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ много такихъ, которыя представляютъ совершенно новыя, часто очень обширныя свѣдѣнія, неизвѣстныя по источникамъ достоверно современнымъ собору и ближайшимъ къ нему по времени. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣствованій прямо выдають себя за второстепенныя, составленныя на основаніи болѣе раннихъ источниковъ, какъ дошедшихъ, такъ и не дошедшихъ до насъ; нѣкоторыя-же, наоборотъ, выдають себя за вполне самостоятельныя и современныя собору, а нѣкоторыя — даже за подлинныя акты собора.

Изъ представленнаго очерка общихъ свойствъ источниковъ исторіи Никейскаго собора ясно, что пользоваться этими источниками безъ всякаго изслѣдованія и критики — нельзя: пользуясь ими безъ предварительнаго сравнительнаго изученія ихъ, можно

совсѣмъ извратить исторію собора, извратить до неузнаваемости. Для болѣе точнаго, полнаго и научно-обоснованнаго изложенія исторіи собора, нужно критически разобрать и изслѣдовать самые источники: нужно отдѣлить подлинныя документы отъ подложныхъ, достовѣрные отъ недостовѣрныхъ; нужно опредѣлить цѣну и значеніе каждаго источника, показать, насколько можно довѣрять ему, какія свѣдѣнія, передаваемые имъ, истинны, какія—нѣтъ, какія—самостоятельны, какія—заимствованы; наконецъ, нужно уяснить, какъ каждый изъ древнихъ писателей относится къ описываемому событію и почему одинъ останавливается на такой, а другой—на иной сторонѣ исторіи собора; короче,—для болѣе или менѣе правильнаго и точнаго воспроизведенія исторіи собора необходимы предварительныя критико-библіографическія работы надъ самыми источниками съ цѣлью объясненія и очищенія содержащагося въ нихъ матеріала. Такое критическое обозрѣніе источниковъ для исторіи собора и составляетъ задачу нашего изслѣдованія.

Планъ и порядокъ, въ которомъ мы намѣрены обозрѣвать источники исторіи Никейскаго собора, будетъ обуславливаться съ одной стороны, хронологическою послѣдовательностью въ появленіи источниковъ, съ другой—характеромъ самыхъ писателей и, такъ сказать, номинальнымъ достоинствомъ ихъ произведеній.

Хронологическій порядокъ въ обозрѣніи источниковъ—поятеня: онъ вызывается самымъ существомъ дѣла. Цѣнность историческаго памятника опредѣляется его близостью къ событію: чѣмъ извѣстное сказаніе по времени ближе къ событію, о которомъ оно говоритъ, тѣмъ оно важнѣе и цѣннѣе. Слѣдовательно, при оцѣнѣ источниковъ мы должны сообразоваться съ ихъ близостью къ Никейскому собору и сказанія позднѣйшія повѣрять болѣе ранними. Далѣе, сказанія ближайшія по времени къ описываемому событію—суть сказанія въ большинствѣ случаевъ самостоятельныя, независимыя отъ другихъ сказаній, и чѣмъ они ближе къ

событію, тѣмъ самостоятельнѣе. Наоборотъ, сказанія позднѣйшія являются зависимыми отъ болѣе раннихъ. Другими словами: сказанія современниковъ собора можно назвать свѣтилами самосвѣтящимися, сіяющими своимъ собственнымъ, хотя и не одинаково яркимъ свѣтомъ; между тѣмъ позднѣйшія сказанія — тѣла болѣе или менѣе темныя, почти весь свой свѣтъ получающія отъ сказаній современниковъ. Вслѣдствіе этого современное собору сказаніе мы должны разсматривать независимо отъ другихъ, въ немъ самомъ находить критерій для его оцѣнки, а если и будемъ сличать его, то только съ такимъ-же современнымъ самосвѣтящимся сказаніемъ, тогда какъ разборъ позднѣйшихъ сказаній требуетъ сличенія ихъ со всѣми предыдущими, а слѣдовательно, и знакомства съ этими послѣдними. Въ силу такой-то зависимости позднѣйшихъ сказаній отъ болѣе раннихъ и большей цѣнности послѣднихъ сравнительно съ первыми — необходимо при обзорѣ нѣи источниковъ держаться хронологическаго порядка.

Но держась хронологическаго порядка, мы должны принять въ соображеніе и номинальное достоинство источниковъ. Не всѣ даже и одновременные памятники имѣютъ одинаковое значеніе въ качествѣ источника исторіи того или другаго событія. Официальный напริมѣръ документъ заслуживаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ записъ частнаго лица, хотя-бы и очевидца событія, такъ какъ эта записъ можетъ содержать въ себѣ вмѣстѣ съ объективными и субъективные элементы, слѣдовательно, пуждается въ повѣрѣ со стороны официального документа, а потому и въ ряду источниковъ должна занимать низшее мѣсто сравнительно съ послѣднимъ. Далѣе, не всѣ сказанія и частныхъ лицъ (разумѣемъ сказанія приблизительно одновременныя) одинаковы по своему достоинству. Историкъ напр., рассказывая о томъ или другомъ событіи, преслѣдуетъ чисто историческую цѣль и относится къ событію, по возможности, съ объективной точки зрѣнія. Наоборотъ, писатель, преслѣдующій какія-нибудь практическія цѣли, не такъ строго слѣдитъ за объективностью

историческаго разсказа: онъ смотритъ на событіе преимущественно съ своей практической точки зрѣнія. Поэтому разсказъ историка долженъ имѣть большую цѣнность, а слѣдовательно, и занимать высшее мѣсто въ ряду источниковъ, чѣмъ разсказъ писателя не-историка.

Принимая во вниманіе и хронологическую послѣдовательность въ появленіи самыхъ источниковъ и ихъ номинальное достоинство, мы должны раздѣлить источники исторіи Никейскаго собора на слѣдующія группы и въ такомъ порядкѣ должны обзрѣвать ихъ. Первое мѣсто должны занимать официальные документы, составленные на самомъ соборѣ. Для исторіи вселенскихъ соборовъ вообще такими официальными источниками служатъ акты, т. е. протоколы засѣданій, или точныя официальныя записи всего происходившаго на соборѣ. Отъ перваго вселенскаго собора мы не имѣемъ такихъ актовъ, но такъ какъ съ одной стороны—акты отъ другихъ вселенскихъ соборовъ (начиная съ 3-го Ефесскаго) имѣются, съ другой—и первому вселенскому собору приписываются нѣкоторые документы въ качествѣ подлинныхъ актовъ его, то мы въ началѣ своего изслѣдованія должны поставить вопросъ объ актахъ, опредѣлить, существовали-ли когда акты собора и можно-ли признать за подлинныя акты тѣ документы, которые выдаются или печатаются подъ этимъ именемъ. Это I-я глава нашего изслѣдованія. Послѣ официальныхъ записей первое мѣсто и по времени и по достоинству занимаютъ сказанія современниковъ и очевидцевъ событія. Мы имѣемъ такія сказанія о Никейскомъ соборѣ отъ Евсевія Кесарійскаго, Аванасія Александрійскаго и Евстафія Антиохійскаго. Ни одно изъ этихъ сказаній нельзя называть строго-историческимъ, потому что всѣ они, не исключая и сказаній Евсевія, этого отца древней исторіи, не болѣе, какъ повѣствованія съ практическимъ характеромъ. Слѣдовательно, сказанія современниковъ собора нельзя подраздѣлять на сказанія историковъ и сказанія писателей не-историковъ; всѣ эти сказанія должны составить одну группу источниковъ, обзрѣвіе которыхъ

составить II-ю главу нашего изслѣдованія. За сказаніями современниковъ слѣдуютъ сказанія позднѣйшія. Среди авторовъ этихъ сказаній есть и историки и писатели не-историки. Такъ какъ чисто-историческія сказанія преимуществуютъ предъ сказаніями съ практическимъ характеромъ, то въ III-й главѣ мы изслѣдуемъ рядъ сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ какъ латинскихъ — Руфина и Сульциція Севера, такъ и греческихъ — Филосторгія, Сократа, Созомена и Θεодорита. Наконецъ въ IV-й главѣ мы займемся обзорнымъ извѣстій и повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, вышедшихъ изъ-подъ пера писателей не-историковъ, какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ, каковы извѣстія о Никейскомъ соборѣ Епифанія Кипрскаго, анонимное сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „актовъ Никейскаго собора“, исторія Никейскаго собора, составленная Геласіемъ Кизическимъ, слово Григорія, пресвитера Кесарійскаго о 318 отцахъ Никейскихъ, и другія краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ нашего изслѣдованія. Перейдемъ теперь къ самому изслѣдованію.

Глава I-я.

Акты Никейскаго собора.

Выраженіе „акты соборовъ“ понимается въ двоякомъ смыслѣ: во 1-хъ подъ именемъ актовъ разумѣются только опредѣленія и постановленія собора, изложенныя письменно и утвержденныя подписями членовъ собора; во 2-хъ подъ актами разумѣются протоколы засѣданій собора, или точныя записи всего происходившаго на соборѣ, со включеніемъ сюда и самыхъ постановленій собора.

Въ существованіи актовъ Никейскаго собора, если разумѣть подъ ними письменно изложенныя опредѣленія и постановленія, скрѣпленныя подписями присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ, нельзя сомнѣваться. За существованіе такихъ актовъ ручается единогласное свидѣтельство всѣхъ древнихъ писателей и историковъ. Такъ Аѳанасій Александрійскій—очевидецъ и участникъ Никейскаго собора—неоднократно свидѣтельствуешь, что собравшіеся въ Никей епископы вѣру, полученную отъ отцовъ, предали памяти письменно (*ὁπέμνησαν γράψαντες*)¹⁾ и что подъ изложеніемъ вѣры подписались не только православные, но и большинство арианствующихъ епископовъ. „Когда изложеніе сіе (т. е. Никейскій символъ) подписано было всѣми, то и Евсевіевы приверженцы подписались къ тѣмъ реченіямъ (*ἐκ τῆς οὐσίας, ὁμοούσιος*)²⁾. Другой очевидецъ и участникъ Никейскаго собора—Евсевій Кесарійскій также свидѣтельствуешь, что постановленія собора (изложеніе вѣры и опредѣленіе о Пасхѣ) были утверждены подпискою каждаго изъ присутствовавшихъ“³⁾. Тоже самое свидѣтельствуешь и Сократъ въ своей церковной исторіи⁴⁾. Подлинный экземпляръ этихъ актовъ съ подписями всѣхъ епископовъ хранился, несомнѣнно, въ государственномъ архивѣ, какъ государственный документъ. Объ этомъ свидѣтельствуешь и Созоменъ. „Говорятъ, пишетъ онъ, что Евсевій, Никомидійскій епископъ, и Θεογνίστς Никейскій, подкупивъ того, кому царь ввѣрялъ для

1) Аѳанасій Александрійскій. Окружное посланіе къ епископамъ Египта и Ливіи. Твор. ч. I. стр. 412. *Migne curs patr. t. 25 col. 356*, также: посланіе объ опредѣленіяхъ Никейск. соб. Твор. ч. I. стр. 340. *Migne t. 25. c. 20 col. 452*, посланіе къ африканск. епископамъ. Тв. ч. III. стр. 320. *Migne t. 26. col. 1037*; о соборахъ, ч. III. стр. 110—111. *Migne t. 26. col. 689*.

2) Аѳанасій Александрійскій. Посланіе объ опред. Никейскаго соб. Твор. ч. I. стр. 314. *Migne t. 25. col. 427*, также стр. 336 col. 454. и мн. др.

3) Евсевій. „Жизнь Константина“ кн. III. гл. 14.

4) Сократъ. I, 8, гдѣ онъ говоритъ, что Евсевій Кесарійскій сначала колебался принять изложенную въ Никей вѣру, но потомъ вмѣстѣ съ другими подписалъ ее: слѣдовательно, подиясь была всеобщую; и I кн. гл. 13,—гдѣ онъ свидѣтельствуешь, что епископы написали и каноны.

храненія акты Никейскаго собора, изгладили въ нихъ свои подписи и стали открыто утверждать, что Сына не должно признавать единосущнымъ Отцу“¹⁾). Но этого подлиннаго экземпляра актовъ Никейскихъ до насъ не сохранилось. Можетъ быть, его уничтожили ариане во время господства надъ православными въ царствованіе императора Констанція и особенно Валента, чтобы стереть слѣды своего лицемерія; а можетъ быть, этотъ экземпляръ погибъ и безъ участія арианъ, какъ погибаютъ и многіе архивные документы. Вѣроятно, впрочемъ, первое предположеніе. Ариане, какъ видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства Созомена, имѣли чрезъ своихъ единомышленниковъ доступъ въ государственный архивъ, въ которомъ хранился и экземпляръ Никейскихъ актовъ.

Не сохранилось до насъ и полной копіи съ Никейскихъ актовъ. Мы владѣемъ только отрывками этихъ актовъ, именно:

¹⁾ Созоменъ, кн. II, гл. 21.—Противъ нашего утвержденія существованія актовъ (въ смыслѣ опредѣленій) Никейскаго собора и особенно списковъ епископовъ говоритъ, по видимому, неопредѣленность показанія участниковъ собора о числѣ епископовъ, бывшихъ на соборѣ. О числѣ епископовъ участники собора говорятъ только приблизительно и притомъ не всѣ согласно опредѣляютъ эту приблизительную цифру. Такъ Евсевій Кесарійскій говоритъ, что епископовъ на соборѣ было болѣе 250 („Жизнь Константина“ кн. III, гл. 8). Аванасій Александрійскій опредѣляетъ число епископовъ приблизительно въ 300 („болѣе или менѣе 300“). Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. Тв. ч. I, стр. 313. Migne t. 25. col. 428). Евставій Антиохійскій также неопредѣленно говоритъ, что на Никейскомъ соборѣ собралось около 270 епископовъ и при этомъ дѣлаетъ такое характерное замѣчаніе: „говорю „около“, пишетъ Евставій, „потому что по многочисленности собравшихся не могу съ точностью опредѣлить число ихъ, да при томъ я и не изслѣдовалъ этого съ особенною заботливостью“ (Θеодоритъ. Церк. ист. кн. I, гл. 8. Migne t. 82. cap. 7). Эти приблизительныя опредѣленія количества епископовъ приводятъ, по видимому, къ той мысли, что актовъ или, по крайней мѣрѣ, списковъ епископовъ не было. Если бы были списки, то легко было-бы опредѣлить число епископовъ и для этого не требовалось-бы „особенной заботливости“. Но это только по видимому. Изъ этихъ неопредѣленныхъ показаній о числѣ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ, можно заключить только о томъ, что упомянутые участники собора не заинтересовались пересчитать членовъ собора—своихъ соучастниковъ—даже и по подписямъ. Другого-же вывода сдѣлать нельзя.

символомъ вѣры съ анафематствованіемъ на Арія и 20 канонами; но не имѣемъ опредѣленія (самаго текста) о Пасхѣ, о мелетіанахъ и списка епископовъ, что несомнѣнно было въ подлинномъ экземпляръ актовъ Никейскихъ¹⁾. Положимъ, мы имѣемъ нѣсколько экземпляровъ списковъ епископовъ; но всѣ эти списки позднѣйшаго происхожденія. Подписи епископовъ въ этихъ спискахъ расположены по провинціямъ, начиная съ Египта, а не по заслугамъ и достоинству самыхъ епископовъ и ихъ каедръ. Между тѣмъ въ подлинныхъ актахъ порядокъ подписей опредѣлялся, вѣроятно, достоинствомъ епископовъ и ихъ каедръ. По крайней мѣрѣ, Сократъ перечисляетъ имена собравшихся въ Никеѣ епископовъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они перечисляются въ существующихъ нынѣ спискахъ. По свидѣтельству Сократа, подписи идутъ въ такомъ порядкѣ: „Осіа, епископъ Кордубскій изъ Испаніи...., Витонъ и Викентій—римскіе пресвитеры, Александръ Египетскій, Евстаоій, епископъ великой Антіохіи, Макарій Іерусалимскій, Гарпократіонъ, епископъ Кинополиса...“²⁾; тогда какъ по существующимъ спискамъ вслѣдъ за Осією Кордубскимъ и римскими пресвитерами идутъ всѣ епископы Египта и Ливіи, потомъ Палестины, Финикіи, Сиріи и т. д.³⁾. А нужно замѣтить, что Сократъ перечисляетъ имена епископовъ по сборнику св. Афанасія Александрійскаго, который (сборникъ), вѣроятно, былъ спискомъ съ подлиннаго экземпляра актовъ Никейскихъ. Равнымъ образомъ имѣется и опредѣленіе о Пасхѣ; оно находится напр. въ арабскихъ каноническихъ коллекціяхъ; подобное опредѣленіе о Пасхѣ нашелъ въ одномъ греческомъ манускриптѣ кардиналь Питра и издалъ его въ своемъ трудѣ „Spicilegium soles-

¹⁾ Это видно изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ Афанасія Александрійскаго, Евсевія Кесарійскаго, Сократа и Созомена.

²⁾ Сократъ кн. I. гл. 13.

³⁾ См. списки епископовъ: Mansi sacr. Conc. t. II. col. 692—702; Pitra. spicil. solesm. 1852. t. I. p. 515—516; Pitra. Analecta sacra spicilegio solesmensi 1883. t. IV. p. 459—464.

menſe“¹⁾. Но дѣйствительно-ли эти документы²⁾ представляютъ точную копію Никейскаго опредѣленія, сказать положительнѣ нельзя. Итакъ, повторяемъ, мы не имѣемъ подлиннаго и полнаго экземпляра актовъ Никейскихъ и владѣемъ только отрывками ихъ, хотя, конечно, сущность и не дошедшихъ до насъ опредѣленій собора намъ известна изъ свидѣтельства какъ официальныхъ документовъ — грамотъ и посланій императора и собора, такъ и древнихъ писателей.

Здѣсь самъ собою напрашивается вопросъ (рѣшеніе котораго между прочимъ можетъ служить и доказательствомъ выказанныхъ нами мыслей), какъ православные допустили потерю актовъ (въ смыслѣ опредѣленій) Никейскихъ? Что аріане при покровительствѣ нѣкоторыхъ императоровъ, особенно Констанція и Валента, имѣли возможность уничтожить подлинный экземпляръ Никейскихъ актовъ, — это понятно. Но какъ православные не позаботились сохранить точной копіи съ этого документа, дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ — трудно. Здѣсь можно сдѣлать только нѣкоторыя болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Вотъ они. Опредѣленія Никейскаго собора всѣми православными епископами, присутствовавшими и неприсутствовавшими на соборѣ, признаны были за непреложныя; всѣ были убѣждены въ ихъ истинности и готовы были твердо стоять за нихъ. Но принимая Никейскія опредѣленія, большинство епископовъ не считало нужнымъ, кажется, позаботиться о самомъ текстѣ опредѣленій; не считало нужнымъ снять съ этихъ опредѣленій точныя копіи и распространить ихъ по своимъ епархіямъ. По крайней мѣрѣ такъ отнеслась большая часть епископовъ къ тѣмъ опредѣленіямъ собора, которые не представляли собою особенно живаго интереса для ихъ мѣстныхъ церквей и не измѣняли существовавшаго тамъ строя. Напр. за-

¹⁾ Т. IV. col. 541.

²⁾ Точнѣе: который-нибудь одинъ изъ этихъ документовъ; такъ-какъ они не буквально сходны между собою. Арабское опредѣленіе составляетъ, кажется, передѣлку документа, который опубликовалъ кардиналъ Питра.

падные епископы, которыхъ мало касались арианскіе споры IV вѣка, хотя приняли Никейскій символъ, можетъ быть, взяли и копіи съ него, но нисколько не заботились о введеніи его въ церковное употребленіе. Вотъ что говоритъ въ своемъ сочиненіи „De synodis“ Иларій Пуатьскій—человѣкъ высокообразованный для своего времени: „Свидѣтельствуюсь Богомъ неба и земли, я никогда не слыхалъ ни того, ни другаго ихъ этихъ выраженій (ex substantia et consubstantialem), но мыслилъ всегда согласно съ ними. Возрожденный въ св. крещеніи и даже пробывъ нѣсколько лѣтъ епископомъ, я однако-же услышалъ вѣру Никейскую (текстъ символа) лишь тогда, когда меня отправили въ изгнаніе (fidem Nicaenam nunquam, nisi exulaturus audivi)¹⁾. Изъ этого свидѣтельства ясно, что Никейскій символъ на западѣ не имѣлъ никакого распространенія. Но если такъ относились епископы къ символу, этому важнѣйшему опредѣленію собора, имѣющему отношеніе ко всему христіанскому міру, такъ какъ оно касается сущности христіанской догматики, то что сказать о другихъ опредѣленіяхъ, которыя касались только обрядовой стороны и имѣли только мѣстный интересъ, каково напр. опредѣленіе о Пасхѣ, касающееся только азійскихъ церквей (потому что другія церкви и ранѣе соблюдали тотъ обычай, который утвержденъ соборомъ), или опредѣленіе о мелетіанахъ, касающееся только Египта? Текстъ этихъ опредѣленій, вѣроятно, вовсе не получилъ распространенія, или—если и былъ распространенъ, то только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти опредѣленія имѣли особое значеніе и живой интересъ. Для доказательства нашей мысли можно указать на посланіе Никейскаго собора къ церкви Александрійской и прочимъ церквамъ Египетскимъ²⁾. Въ этомъ посланіи очень подробно и обстоятельно (хотя не текстуально) излагается опредѣленіе собора

¹⁾ Hilarius. De synodis. Migne curs. patr. ser. lat. t. 10. c. 91. col. 944—945.

²⁾ Посланіе это можно читать у Сократа въ церковной исторіи кн. I. гл. 9; у Θεодор. церк. ист. кн. I. гл. 9. Migne c. 8. Gelas Cyzic. hist. conc. Nic. lib. II. c. 33. „Дѣянія“ т. I. стр. 186.

о Мелетіи и мелетіанахъ, между тѣмъ о постановленіи касательно празднованія Пасхи сдѣлано только краткое замѣчаніе. Почему такая разница? Исключительно потому, что въ Египтѣ интересовались рѣшеніемъ Мелетіева дѣла и нуждались въ этомъ рѣшеніи, но не нуждались въ рѣшеніи собора о Пасхѣ. Если-же такъ относились къ тексту опредѣленій Никейскихъ церковь Александрійская и прочія церкви Египетскія, гдѣ Никейскій соборъ съ самаго начала уважался гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстныхъ церквахъ, потому что онъ былъ, можно сказать, созданиемъ Александрійской церкви, то, несомнѣнно, въ этихъ послѣднихъ о текстѣ Никейскихъ опредѣленій заботились еще менѣе. Что-же касается подписей епископовъ, то ими не интересовались даже и такіе образованные и ревностные сторонники Никейскаго собора, каковъ былъ напр. Евстаѳій Антиохійскій¹⁾. Изъ сказаннаго видно, что въ Никейскую эпоху не всѣ православные епископы интересовались самымъ текстомъ Никейскихъ опредѣленій и что полныя и точныя копія съ подлиннаго экземпляра Никейскихъ опредѣленій, вѣроятно, сняли очень немногіе епископы, такіе, для которыхъ Никейскій соборъ составлялъ сущность и цѣль жизни, каковъ напр. былъ Аѳанасій Александрійскій; большинство-же ограничилось копировкой тѣхъ только опредѣленій, которыя имѣли прямое отношеніе къ ихъ мѣстнымъ церквамъ; а если сдѣлали копія и съ другихъ постановленій, то не особенно ревностно охраняли ихъ. Такое отношеніе къ тексту Никейскихъ опредѣленій обусловливалось, можетъ быть, и тѣмъ обстоятельствомъ, что православные во время самого собора не предвидѣли предстоящаго господства аріанъ и, надѣясь на сохраненіе подлиннаго экземпляра въ государственномъ архивѣ, считали излишнимъ копировать и не интересующія ихъ опредѣленія, а особенно—подписи епископовъ, какъ имѣющія только формальное и временное значеніе. Въ результатъ такого отношенія православныхъ къ Никей-

¹⁾ Слова его приведены выше,—стр. 18, примѣчаніе.

скимъ опредѣленіямъ получило то, что полныхъ экземпляровъ этихъ опредѣленій было очень мало. Количество-же копій съ отдѣльныхъ постановленій опредѣлялось важною и значеніемъ этихъ послѣднихъ (постановленій), а также количествомъ тѣхъ мѣстностей, которыя интересовались этими постановленіями. Такъ символъ (съ приложеніемъ анаѳематствованія на Арія), какъ самое существенное и важное опредѣленіе собора, распространился, конечно, въ очень многихъ экземплярахъ и сохранялся съ особенною заботливостію, потому что отъ точности выраженной зависѣлъ самый смыслъ его. Въроятно, также широкое распространеніе получили каноническія постановленія собора, такъ какъ они, касаясь церковнаго благочинія и управленія, имѣли отношеніе ко всѣмъ церквамъ. Наоборотъ, опредѣленія о Пасхѣ и мелетіанахъ, имѣющія только мѣстный интересъ, и списокъ епископскихъ подписей, какъ имѣющій одно формальное значеніе, несомнѣнно, существовали въ очень немногихъ экземплярахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, аріане, во время своего продолжительнаго господствованія въ царствованіе Констанція и Валента, легко могли уничтожить какъ полные экземпляры Никейскихъ актовъ, такъ и копіи съ отдѣльныхъ опредѣленій, которыя (копіи) существовали въ небольшомъ количествѣ, а равнымъ образомъ и списки епископовъ, особенно послѣдніе, такъ какъ въ нихъ были подписи аріанскихъ епископовъ, свидѣтельствующія о лицемѣрїи аріанъ и измѣнѣ ихъ своимъ убѣжденіямъ. Конечно, говоря такъ, мы вовсе не думаемъ утверждать, что аріане уничтожали безусловно всѣ полные экземпляры Никейскихъ опредѣленій, или въ частности—уничтожили всѣ копіи съ опредѣленій о Пасхѣ и мелетіанахъ, а также копіи съ подписей епископовъ. Несомнѣнно, нѣкоторые экземпляры остались и существовали даже въ V вѣкѣ, какъ это видно изъ свидѣтельства Сократа о синодикѣ Аоанасія¹⁾. Мы утверждаемъ только то, что большую часть списковъ

¹⁾ Сократъ. 1. 13.

Никейскихъ опредѣленій аріане уничтожили и этихъ списковъ осталось такъ мало ¹⁾, что имъ легко было совершенно погибнуть отъ разныхъ случайностей. Наоборотъ, догматическія и каноническія опредѣленія собора, какъ наиболѣе распространенныя и тщательнѣе сохраняемыя, не могли быть уничтожены, хотя аріане, вѣроятно, болѣе желали уничтожить ихъ, особенно первыя, чѣмъ всѣ остальные ²⁾. Выводъ изъ сказаннаго получается такой: акты Никейскаго собора, если разумѣть подъ ними опредѣленія, скрѣпленныя подписями епископовъ, существовали несомнѣнно; но въ полномъ видѣ они до насъ не дошли. До насъ дошли только отрывки ихъ, сохранившіеся въ сочиненіяхъ древнихъ писателей церковныхъ и другихъ памятникахъ древности.

Мы рассмотрѣли вопросъ о существованіи актовъ Никейскаго собора, если понимать подъ актами опредѣленія собора, и рѣшили этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Теперь рассмотримъ вопросъ объ актахъ Никейскихъ въ смыслѣ протоколовъ засѣданій собора, или точныхъ записей всего происходившаго на соборѣ.

Актовъ Никейскаго собора, если понимать подъ ними про-

¹⁾ Во времена Сократа, можетъ быть, былъ только одинъ полный экземпляръ Никейскихъ актовъ—синодикъ Аванасія, потому что къ нему только одному отсылаетъ Сократъ своихъ читателей.

²⁾ Противъ нашего мнѣнія объ уничтоженіи аріанами полныхъ экземпляровъ Никейскихъ опредѣленій говоритъ, по видимому, то обстоятельство, что церковь не обличала аріанъ въ уничтоженіи Никейскихъ опредѣленій. Но такое молчаніе церкви не должно казаться особенно страннымъ. Православные въ Никейскую эпоху, какъ мы говорили, мало заботились о самомъ текстѣ опредѣленій; а потому и уничтоженіе текста не могло надѣлать много шума. Большинство православныхъ, вѣроятно, и не замѣило того, что подлинный текстъ опредѣленій пропадаетъ. Съ другой стороны есть слѣды и обличеній. Такъ въ подложномъ посланіи Аванасія къ папѣ Марку (*Migne curs. patrol. gr. ser. t. 28, col. 1445—1446*) говорится о сожженіи аріанами 70 главъ Никейскихъ; въ предисловіи къ арабскимъ канонамъ также говорится о сожженіи аріанами протоколовъ засѣданій и самыхъ опредѣленій Никейскаго собора (*Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 1065—1066*). Положимъ, эти свидѣтельства не заслуживаютъ довѣрія сами по себѣ, но нельзя-ли считать ихъ отголосками (хотя и далеко нечистыми) дѣйствительнаго обличенія церковію аріанъ?...

токолы соборныхъ засѣданій, до насъ не дошло не только въ цѣломъ видѣ, но и въ отрывкахъ. Вѣроятно, такихъ актовъ никогда и не существовало. Есть нѣсколько свидѣтельствъ о существованіи актовъ Никейскаго собора и актовъ очень обширныхъ. Такъ Лжеисидоръ въ предисловіи къ своему собранію канонѡвъ говорить, что акты Никейскаго собора, какъ узналъ онъ будто отъ восточныхъ епископовъ, были объемистѣе, чѣмъ 4 евангелія. На Флорентійскомъ соборѣ одинъ защитникъ папства утверждалъ, между прочимъ, будто-бы еще Аѳанасій Великій спрашивалъ отъ папы Юлія неповрежденнаго списка актовъ Никейскаго собора, жалуясь, что всѣ списки восточные извращены аріанами¹⁾. Въ предисловіи къ арабскому собранію церковныхъ правилъ (открыт. въ XVI в.) говорится, что акты Никейскаго собора въ свое время писаны были, что они по обширности своей составляли 40 или даже болѣе книгъ и распространены были повсюду. „Отцы входили въ состязаніе съ еретиками и лицемерами, читаемъ въ предисловіи къ арабскому сборнику канонѡвъ, въ которомъ описывается и исторія Никейскаго собора,—и это собраніе продолжалось 3 года, пока еретики не принуждены были устами исповѣдать истину (а что у нихъ было на сердцѣ и въ душѣ, объ этомъ знаетъ одинъ только Богъ). Пренія съ еретиками и противниками вѣры были всѣ записаны; также записано было и то, о чемъ отцы между собою говорили и разсуждали,—и все это составляетъ 40 книгъ. Мнѣнія же отдѣльныхъ отцовъ, ихъ рѣчи и исповѣданія вѣры были изданы въ особыхъ 15 книгахъ, которыя носятъ названіе „апостольскихъ“ и сохраняются въ церковныхъ бібліотекахъ; каноны же и постановленія были собраны отдѣльно въ 3 книгахъ“²⁾. Таково свидѣтельство арабскаго предисловія. Издатель арабскихъ канонѡвъ—Abraamus Ecchelensis

¹⁾ Hefele. Concilien-geschichte. Band. I. s. 282. Zw. Auf. I. 1873. Также „Исторія первыхъ 3-хъ вселенскихъ соборовъ“ Еп. Іоанна, стр. 26—27 въ прилѣж.

²⁾ Mansi. sacr. conc. coll. t. II. col. 1063.

—въ подтвержденіе арабскаго свидѣтельства о существованіи актовъ проводить и другія свидѣтельства—Евтихія, патріарха Александрійскаго, и Абухарка Абассида, магометанскаго писателя. Первый въ своей хроникѣ, упоминая о Никейскомъ соборѣ, между прочимъ говоритъ: „составлено было для Константина 40 книгъ, которыя содержали въ себѣ постановленія и законы“. Другой—во второй части своей апологій замѣчаетъ: „Никейцы утвердили для Константина вѣру, а также 40 книгъ, которыя назвали канонами“¹⁾. Ссылается на акты Никейскаго собора и Вальсамонъ (XII в.)²⁾. Есть свидѣтельства о существованіи актовъ Никейскаго собора и изъ болѣе древнихъ временъ. Такъ Григорій, пресвитеръ Кесарійскій, въ своемъ словѣ о 318 отцахъ Никейскихъ неоднократно упоминаетъ „о томъ соборномъ“ (τόμος συνοδικός)³⁾ и даже прямо о существованіи актовъ Никейскаго собора, которые сохранялись во дворцѣ⁴⁾. Геласій Кизическій, писатель конца V вѣка, въ предисловіи (praefatio) въ своей исторіи Никейскаго собора говоритъ, что онъ въ молодости, когда еще жилъ въ домѣ отца, нашелъ одну древнюю книгу, принадлежащую Далматію, архіепископу Кизическому, написанную на пергаментѣ, въ которой заключалось все, что было говорено, сдѣлано и постановлено на соборѣ. Эта книга была такъ велика, что онъ, не смотря на все свое стараніе, не могъ запомнить ея содержаніе: по обширности своего содержанія она была подобна неизмѣримому морю“⁵⁾. Анонимный повѣствователь о Никейскомъ соборѣ также упоминаетъ объ актахъ Никейскихъ, при чемъ указываетъ и писателя актовъ—какого-то Александра⁶⁾. Бл. Иеронимъ очень ясно говоритъ, что онъ читалъ акты Никейскаго

¹⁾ Mansi sacr. conc. col. t. II. col. 1063.

²⁾ Толкованіе на 1-е правило Антиохійскаго собора.

³⁾ Combefesis. Novum auctarium. Paris. 1648. t. II. col. 552, 560

⁴⁾ Ibid. 557.

⁵⁾ Gelasii Cyzicen. Hist. conc. Nic. Migne t. 85 gr. ser. col. 1193.

⁶⁾ Τὰ πραχθέντα. Combefesis. Novum auctarium t. II. col. 584.

собора ¹⁾). Упоминаетъ объ актахъ Никейскихъ Созоменъ ²⁾, а Сократъ цитируетъ книгу св. Аѳанасія подъ заглавіемъ „*Synodikos*“, въ которой между прочимъ находился полный списокъ всѣхъ епископовъ, присутствовавшихъ на Никейскомъ соборѣ ³⁾. Какъ на свидѣтельство о существованіи актовъ Никейскихъ, указываютъ на подложное посланіе Аѳанасія къ папѣ Марку, гдѣ Аѳанасій говоритъ, что аріане сожгли 70 гл. Никейскаго собора ⁴⁾; а Бароніи находятъ указаніе на акты Никейскаго собора въ посланіи св. Аѳанасія о соборахъ (*de synodis*) ⁵⁾. На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ высказываются за существованіе актовъ и нѣкоторые новѣйшіе ученые. Такъ существованіе Никейскихъ актовъ очень настойчиво отстаиваетъ французскій ученый Ревилью (*Revillout*) ⁶⁾. За существованіе актовъ высказался и русскій ученый, профессоръ Лашкаревъ, въ своихъ статьяхъ „изъ чтеній по церковному праву“, напечатанныхъ въ журналѣ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ за 1886 годъ. „Не сохранилось до насъ, говоритъ профессоръ Лашкаревъ, актовъ Никейскаго собора, хотя въ свое время они существовали несомнѣнно“ ⁷⁾,—и потомъ приводитъ въ доказательство своей мысли указаннныя нами свидѣтельства Созомена, Вальсамона и Геласія Кизическаго.—Итакъ есть свидѣтельства въ пользу существованія актовъ Никейскихъ, есть и защитники ихъ существованія изъ новѣйшихъ ученыхъ. Но древнія свидѣтельства въ дѣйствительности не могутъ имѣть большаго значенія въ рѣшеніи вопроса о существованіи актовъ (протоколовъ), такъ-какъ одни изъ этихъ свидѣтельствъ говорятъ объ актахъ въ смыслѣ опредѣленій, су-

¹⁾ Hieronym. *Dialog adv. Lucif.* Migne s. l. t. XXIII, col. 174.

²⁾ Созоменъ II. 21. Слова Созомена приведены выше, стр. 17—18.

³⁾ Сократъ I. 13.

⁴⁾ Migne *curs. patr. gr. ser. t. 28, col. 1445—1446.*

⁵⁾ Baronii *annales ad an. 325. c. 62. t. IV.*

⁶⁾ Concile de Nicée 1873. Paris. Concile de Nicée. Nouvelle série de documents. 1881. Paris.

⁷⁾ Октябрь. стр. 210.

ществованіе которыхъ нельзя отвергать, другія — не имѣютъ цѣны, какъ подложныя или слишкомъ позднія. Такъ свидѣтельство псевдо-Аѳанасіева посланія къ Марку, какъ принадлежащаго къ числу произведеній несомнѣнно подложныхъ (*spuria*), не заслуживаетъ никакого довѣрія. Притомъ въ этомъ посланіи говорится только о сожженіи аріанами „какихъ-то главъ Никейскаго собора“; а главы (*capitula*) не то-же, что протоколы соборныхъ засѣданій. Относительно синодика Аѳанасія, цитируемаго Сократомъ, нужно замѣтить, что этотъ синодикъ содержалъ въ себѣ списокъ Никейскихъ отцовъ, а, можетъ быть, и опредѣленія собора, ибо Аѳанасій, какъ ревностный и горячій защитникъ Никейскаго собора, вѣроятно, постарался пріобрѣсти полный экземпляръ Никейскихъ постановленій; но нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ этомъ синодикѣ экземпляръ протоколовъ соборныхъ засѣданій. Что-же касается Баронія, который, на основаніи сочиненій Аѳанасія, утверждаетъ существованіе актовъ Никейскихъ, то онъ просто введенъ былъ въ заблужденіе латинскимъ переводомъ того мѣста изъ посланія Аѳанасія „о соборахъ“, которое онъ цитируетъ. Въ латинскомъ переводѣ, дѣйствительно, есть слово „акты“ (*acta*)¹⁾, но это слово нужно понимать въ смыслѣ опредѣленій, постановленій собора, какъ это ясно видно изъ греческаго подлинника²⁾. Свидѣтельства Геронима и Созомена опять говорятъ не объ актахъ въ смыслѣ протоколовъ, а только объ актахъ въ смыслѣ опредѣленій, скрѣпленныхъ подписями епископовъ³⁾. Точно также и свидѣтельства анонимнаго писателя и

¹⁾ „Quod si (hac de causa) synoda opus est extant Patrum acta“. (De synodis c. 6. col. 690. Migne t. 26).

²⁾ „Εἰ δὲ καὶ συνόδῳ χρεια (περὶ τούτου) ἔστι τὰ τῶν πατέρων· καὶ τούτου γὰρ οὐκ ἠμελήσαν οἱ ἐν Νικαίᾳ συνελθόντες· ἀλλὰ καὶ ἔγραψαν (οὕτω) καλῶς“ (Ibid. col. 689. ч. III. стр. 110—111).

³⁾ Свидѣтельство Созомена мы уже приводили, а свидѣтельство Бл. Геронима читается такъ: „Legamus acta et nomina episcoporum sinodi Nicoenae et hos quos supra diximus fuisse susceptos, subscripsisse homousion, inter ceteros reperimus“.

Григорія Кесарійскаго подтверждають существованіе только актовъ въ смыслѣ опредѣленій, а не протоколовъ; за правильность такого пониманія ручается контекстъ. Притомъ свидѣтельства этихъ писателей, какъ довольно позднихъ и далеко неавторитетныхъ, не могутъ имѣть большаго значенія въ вопросѣ о существованіи актовъ Никейскихъ. Болѣе опредѣленнымъ и рѣшительнымъ является свидѣтельство Геласія Кизическаго: книга Далматія, которую онъ читалъ въ молодости, вполне подходитъ къ актамъ. Равнымъ образомъ и его исторія Никейскаго собора, въ которой онъ помѣстилъ выдержки изъ книги Далматія, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, какъ напр. въ изложеніи споровъ языческихъ философовъ съ епископами, напоминаетъ акты. Мы не будемъ теперь разбирать свидѣтельства Геласія: это завело бы насъ слишкомъ далеко; мы разберемъ это свидѣтельство ниже (въ IV главѣ), когда будемъ говорить о Геласіи и его исторіи, какъ источникѣ исторіи Никейскаго собора. Теперь-же только замѣтимъ, что свидѣтельство Геласія не можетъ имѣть значенія, потому что оно не заслуживаетъ довѣрія. Что касается Вальсамона, то послѣдній имѣлъ подъ руками ничто иное, какъ исторію Геласія Кизическаго, извѣстную прежде подъ именемъ „актовъ Никейскаго собора“. Остаются арабскія свидѣтельства о существованіи актовъ Никейскихъ. Но эти свидѣтельства не подтверждаются никакими достовѣрными историческими показаніями. Притомъ самые арабскіе каноны, въ предисловіи къ которымъ говорится о существованіи актовъ Никейскаго собора, своею явною подложностью даютъ должную оцѣнку и показанію предисловія: если предисловіе обладаетъ такою-же степенью вѣроятности, какъ и самые арабскіе каноны (а это несомнѣнно такъ), то не зачѣмъ и разбирать показаніе предисловія. Вѣроятно, мысль о существованіи актовъ Никейскаго собора и актовъ громаднхъ явилась у арабовъ и вообще у жителей дальняго востока вслѣдствіе ихъ неправильнаго представленія о соборѣ. По восточному преданію, Никейскій соборъ продолжался 3 года; присутствовало

на немъ около 2000 епископовъ. Такое представленіе о Никейскомъ соборѣ возбуждало живую фантазію араба приписывать Никейскому собору громадныя акты: если отъ другихъ вселенскихъ соборовъ, соборовъ очень незначительныхъ въ сравненіи съ Никейскимъ (конечно, по арабскому представленію) и по продолжительности и по количеству участниковъ, остались большіе акты,— то отъ Никейскаго собора должны остаться гораздо большіе акты. И вотъ арабская фантазія, можетъ быть, поддерживаемая какими-либо недостоверными свидѣтельствами, въ родѣ свидѣтельства Геласія Кизическаго, или неправильнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ выраженій отцовъ церкви, упоминавшихъ о соборѣ, создастъ громадныя акты Никейскаго собора. Отсюда понятно, какое значеніе мы должны придавать арабскому свидѣтельству о существованіи актовъ. Свидѣтельство Лжеисидора также не заслуживаетъ никакого довѣрія не только какъ очень позднее, но и какъ вышедшее отъ лица, слишкомъ безцеремонно обращавшагося со всѣми древними документами и ихъ показаніями, лица, не задумывавшагося вымыслить какое-угодно свидѣтельство въ пользу своего мнѣнія. Наконецъ, что касается ссылки папскаго защитника на Флорентійскомъ соборѣ на св. Аѳанасія въ пользу существованія актовъ, то здѣсь допущена не болѣе, какъ жалкая ошибка, если только не злонамѣренная ложь: ни въ какомъ изъ своихъ писемъ Аѳанасій не спрашивалъ Римскаго папу объ актахъ Никейскаго собора. Итакъ всѣ свидѣтельства о существованіи Никейскихъ актовъ не могутъ имѣть значенія; а вѣдствіе этого теряютъ свой кредитъ и мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о существованіи Никейскихъ актовъ, какъ основанныя на этихъ свидѣтельствахъ.

Наоборотъ, въ пользу противоположной мысли, т. е. что актовъ Никейскаго собора никогда не существовало, можно привести довольно серьезныя основанія. Прежде всего за вѣрность этой мысли ручается глубокое молчаніе о Никейскихъ актахъ всѣхъ достоверныхъ древнихъ церковныхъ писателей и историковъ.

Ни одинъ изъ нихъ не упомянулъ объ актахъ, ни одинъ не зналъ ихъ и не пользовался ими. Но такое молчаніе было-бы положительно невѣроятно, если-бы Никейскіе акты въ свое время были писаны: это былъ-бы фактъ единственный въ своемъ родѣ. Древніе писатели, любившіе дѣлать замѣчанія о всѣхъ произведеніяхъ, даже маловажныхъ, и приводить изъ нихъ значительныя выдержки въ своихъ сочиненіяхъ, не пропустили-бы безъ замѣчанія такой важной исторической документъ, какъ акты Никейскаго собора; особенно не пропустили-бы безъ замѣчанія писатели, оставившіе повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Такое положеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что нѣкоторые древніе писатели, писавшіе о Никейскомъ соборѣ, имѣли и поводы упомянуть объ этихъ актахъ. Такъ напр. къ св. Аѳанасію Александрійскому другъ его обращается съ просьбою—описать дѣянія Никейскаго собора. Аѳанасій описываетъ дѣянія и въ концѣ посланія замѣчаетъ: „я описалъ тебѣ, припомнивъ, сколько могъ, что было сдѣлано на соборѣ“¹⁾. Если-бы существовали акты, то съ одной стороны, другу Аѳанасія не нужно было-бы обращаться къ послѣднему съ просьбою описать то, что было сдѣлано на соборѣ: онъ объ этомъ лучше могъ бы узнать изъ подробныхъ актовъ; съ другой стороны, и Аѳанасій не сталъ-бы только „припоминать“, что сдѣлано на соборѣ, а прямо бы сдѣлалъ нужныя выдержки изъ актовъ, или же указалъ бы своему другу на акты, какъ на источникъ, изъ котораго можно получить свѣдѣнія о соборѣ. Имѣлъ поводъ упомянуть объ актахъ и Сократъ. Онъ, упоминая въ своей исторіи объ актахъ Савина Македонянина, утверждаетъ, что эти акты не заслуживаютъ довѣрія и въ доказательство своей мысли апеллируетъ къ повѣствованію Евсевія Кесарійскаго. Такъ, приводя значительную выдержку изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ (кн. III. гл. 13—14) о дѣятельности Никейскаго

¹⁾ Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. Твор. ч. I, стр. 360. Migne curs. patrol. t. 25. col. 476.

собора и его опредѣленійхъ, Сократъ продолжаетъ: „такія письменныя сказанія оставилъ намъ Евсевій объ этомъ событіи; и мы не неугодно воспользовались ими; но смотря на нихъ, какъ на свидѣтельство, внесли ихъ для того, чтобы въ случаѣ чьихъ-либо обвиненій собора Никейскаго касательно вѣры, не обращать на нихъ вниманія и не вѣрить Савину Македоняину“¹⁾. Но, несомнѣнно; Сократъ и въ опроверженіе мнѣній Савина и въ доказательство важности собора Никейскаго обратился бы къ актамъ собора, какъ болѣе подробному и обстоятельному изложенію соборныхъ дѣяній, если бы такіе существовали, а не къ сочиненію Евсевія, въ которомъ очень мало говорится о внутренней дѣятельности собора, тѣмъ болѣе, что въ противовѣсъ актамъ невѣрнымъ „искаженнымъ“, каковы акты Савина, всего и естественнѣе было выставить акты вѣрные, подлинныя. Наконецъ, въ пользу несуществованія актовъ Никейскаго собора рѣшительно говоритъ то обстоятельство, что и отъ втораго вселенскаго собора не осталось актовъ (въ смыслѣ протоколовъ). Несуществованіе-же въ настоящее время актовъ втораго вселенскаго собора прямо говоритъ за то, что такихъ актовъ никогда и не было. Второй вселенскій соборъ былъ въ очень мирное время (сравнительно съ временемъ перваго вселенскаго собора) и нѣтъ никакихъ основаній предположить, чтобы кто-нибудь уничтожилъ акты этого собора, какое предположеніе высказываютъ относительно актовъ Никейскаго собора. Но нельзя допустить, чтобы второй вселенскій соборъ вывелъ изъ употребленія то, что признано было полезнымъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, т. е. запись протоколовъ. Второй вселенскій соборъ слѣдовалъ первому, и если-бы на Никейскомъ соборѣ записаны были протоколы засѣданій, то тоже самое сдѣлано было-бы и на Константинопольскомъ. Очевидно, такимъ образомъ, что на Никейскомъ соборѣ акты не были писаны.

Мы, насколько могли, показали, что актовъ Никейскаго

¹⁾ Сократъ I. 8.

собора, въ смыслѣ опредѣленій, въ полномъ видѣ до насъ не дошло; а актовъ, въ смыслѣ протоколовъ соборныхъ засѣданій, никогда не существовало. Но есть цѣлые сборники и отдѣльные документы, которые носятъ громкое названіе актовъ, или дѣяній Никейскаго собора. Таковы извѣстныя изданія „дѣяній соборовъ“, въ томъ числѣ и перваго Никейскаго, на разныхъ языкахъ—греческомъ, латинскомъ и русскомъ, недавно изданные „коптскіе тексты Никейскаго собора“ и „сирскіе акты“; таковы-же давно извѣстныя сочиненія: „превіе Аѳанасія Александрійскаго съ Аріемъ на Никейскомъ соборѣ“, анонимное сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „актовъ Никейскаго собора“, и протоколы споровъ языческихъ философовъ съ православными епископами, помѣщенные въ исторіи Геласія Кизическаго. Поэтому мы должны разсмотрѣть всѣ эти документы и рѣшить вопросъ, могутъ-ли они быть признаны за акты Никейскаго собора. Къ обзорѣнію указанныхъ документовъ мы теперь и перейдемъ.

Сборники соборныхъ дѣяній.

Существующія изданія соборныхъ дѣяній на греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ напр. Labbei et Cossartii (1671) Paris, Harduini (1715) Parisiis, Mansi (1759) Florentiae, и другія, а также „дѣянія вселенскихъ соборовъ“, изданныя въ русскомъ переводѣ при Казанской Духовной Академіи (1859 г. Казань), содержатъ акты, или дѣянія только другихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, отъ которыхъ остались подлинныя записи всего происходившаго на соборѣ, а не перваго (а также и не втораго) вселенскаго собора. По отношенію же къ первому вселенскому собору перечисленные нами изданія соборныхъ дѣяній—ничто иное, какъ сборники разныхъ документовъ, относящихся къ Никейскому собору и его дѣятельности, и нѣкоторыхъ повѣствованій объ этомъ соборѣ, какъ подлинныхъ, достовѣрныхъ, такъ и недостовѣрныхъ, подложныхъ, извлеченныхъ

издателями соборныхъ дѣяній изъ произведеній древнихъ писателей и церковныхъ историковъ, изъ каноническихъ коллекцій, а также изъ рукописей и фрагментовъ, открытыхъ въ разное время ¹⁾. Представляя собою только сборникъ извлеченій изъ древнихъ произведеній и изъ вновь открытыхъ памятниковъ, притомъ сборникъ, составленный сравнительно въ очень позднее время, эти „дѣянія“ не могутъ считаться не только за акты Никейскаго собора, но даже не могутъ имѣть мѣста и среди самостоятельныхъ источниковъ исторіи собора. Эти дѣянія, представляя сводъ документовъ (хотя и не всѣхъ), могутъ служить только

1) Вотъ содержаніе самого полнаго изданія соборныхъ дѣяній Манси: 1. Письмо Александра, епископа Александрійскаго, къ соименному ему Александру, епископу Константинопольскому (извл. изъ церк. ист. Θεοδωριτα I. 5. Migne с. 4); 2. Другое посланіе епископа Александра къ католической церкви (церк. ист. Собр. 1. 6. Gelasii Syz. Hist. conc. Nic. lib. II. с. 3. Migne t. 85). 3. Рѣчь императора Константина на Никейскомъ соборѣ о мирѣ (Евсевій „Жизнь Константина“). 4. Рѣчь Евстаѳа Антиохійскаго на Никейскомъ соборѣ (Gregorii presbyteri oratio. Combesfesis t. II. col. 555). 5. Изложеніе вѣры, или символъ Никейскій въ нѣсколькихъ редакціяхъ (редакціи эти извлечены изъ разныхъ древнихъ манускриптовъ, изъ сочиненій церковныхъ писателей (изъ посланія св. Аванасія къ Іовіану) и церковныхъ историковъ (Руфина, Сократа, Θεοδωριτα). 6. Каноны Никейскіе въ нѣсколькихъ редакціяхъ и двѣ редакціи списка отцовъ, бывшихъ на соборѣ (извлечены изъ манускриптовъ, каноническихъ коллекцій и древнихъ писателей (напр. Руфина, Геласія Кизическаго). 7. Арабскій парафразъ Никейскихъ каноновъ (изъ изданія соборныхъ дѣяній Гардуина). 8. Письмо отцовъ Никейскаго собора къ папѣ Силивестру и отвѣтъ этого послѣдняго въ двухъ редакціяхъ (изъ Ватиканской бібліотеки и другихъ). 9. Покаянная грамота Евсевія Никомидійскаго и Θεογνισа Никейскаго (Сократъ I. 14). 10. Посланіе Никейскаго собора къ церкви Александрійской и прочимъ церквамъ Египетскимъ (Θεοδωριτ I. 9. Migne с. 8. Сократъ I. 9. Gelas. Syz. II. 33). 11. Посланіе императора Константина послѣ Никейскаго собора ко всѣмъ церквамъ (Евсевій „Жизнь Константина“ III. 16—18; Gelas. Syz. II. с. 36). 12. Его-же посланіе къ церкви Александрійской (Сократъ I. 9). 13. Его-же посланіе ко всѣмъ епископамъ и народамъ (Сократъ I. 6; Gel. Syz. II. 36). 14. Его-же посланіе къ церкви Никомидійской противъ Евсевія и Θεογνισа (Θεοδωριτ I. 20. Migne lib. 1. с. 19; Gelas. Syz. III. с. 2). Далѣе въ изданіи Манси помѣщаются краткія сказанія, или замѣтки о Никейскомъ соборѣ: а) изъ синодальной книжки, б) изъ письма Фотія къ Михаилу, князю Болгаріи, или изъ сочиненія о семи вселенскихъ соборахъ, с) изъ синопитическаго разсказа Нила, митрополита Родосскаго, или изъ сочи-

пособіємъ для занимающагося исторіей Никейскаго собора¹⁾. Поэтому и подробное обозрѣніе этихъ дѣяній выходитъ за предѣлы нашей задачи, тѣмъ болѣе, что почти со всеѣми документами, помѣщенными въ „дѣяніяхъ“, мы встрѣтимся при обозрѣніи источниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, какъ къ пособію, мы впослѣдствіи будемъ обращаться къ дѣяніямъ. Теперь же остановимъ свое вниманіе только на двухъ документахъ, съ которыми мы не встрѣтимся при обозрѣніи повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, именно—на письмѣ епископовъ Никейскихъ къ папѣ Силвестру и отвѣтѣ послѣдняго собору и на спискахъ епископовъ, присутствовавшихъ на Никейскомъ соборѣ и подписавшихся подъ его опредѣленіями.

Посланіе Никейскаго собора къ папѣ Силвестру и от-

ненія о вселенскихъ соборахъ и наконецъ, d) изъ анонимнаго повѣствованія о 6 соборахъ. Послѣ этихъ краткихъ сказаній въ изданіи Манси приводится исторія Геласія Кизическаго въ полномъ видѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, конца, который находится еще въ рукописи), а также арабскіе канони и постановленія въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Вотъ содержаніе дѣяній по изданію Манси. Русское изданіе „дѣяній“ гораздо короче: въ немъ нѣтъ арабскихъ каноновъ и постановленій, а равнымъ образомъ и всеѣхъ другихъ несомнѣнно неподлинныхъ документовъ; символъ и канони приведены въ одной редакціи; изъ исторіи Геласія Кизическаго сдѣланы только нѣкоторыя извлеченія; списокъ отцовъ представленъ въ одной редакціи и то очень неполной: перечислены только нѣкоторые болѣе извѣстные епископы, о присутствіи которыхъ на соборѣ говорятъ древніе писатели или церковное преданіе.

¹⁾ Какъ о пособіи, о дѣяніяхъ нужно замѣтить, что не все документы приводятся въ нихъ по болѣе древнимъ и болѣе исправнымъ редакціямъ. Напр. посланіе Евсевія Кесарійскаго къ паствѣ, какъ въ латинскомъ изданіи Манси, такъ и въ русскомъ изданіи Казанской Духовной Академіи—приводится по редакціи, сохраненной Геласіемъ Кизическимъ; между тѣмъ лучшею редакціею этого посланія считается редакція, сохраненная въ приложеніи къ посланію св. Афанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (А. П. Лебедевъ „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ стр. 31 прим.). Еще примѣръ. Болѣе древнею и точною редакціею Никейскаго символа считается редакція, сохраненная въ томъ-же приложеніи къ посланію Афанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (ibid. стр. 26—27); но ни въ изданіи Манси, ни въ русскомъ изданіи Никейскій символъ по этой редакціи не приводится. Подобныхъ примѣровъ можно-бы привести довольно много.

этѣ послѣдняго собору ¹⁾). Въ заголовкѣ письма Никейскаго собора къ папѣ Силвестру стоятъ имена Осія Кордубскаго, Макарія Герусалимскаго, Виктора и Викентія, римскихъ пресвитеровъ и легатовъ папы Силвестра. Понменованныя лица отъ имени 318 отцовъ Никейскихъ просятъ этимъ письмомъ папу Силвестра утвердить опредѣленія Никейскія. Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо Силвестръ утверждаетъ всѣ опредѣленія, исправляя только постановленіе отцовъ о времени празднованія Пасхи. Вотъ содержаніе писемъ.

Оба эти письма никакъ нельзя признать подлинными: они явно подложныя, апокрифическія. Доказательства слѣдующія: 1) Стиль этихъ писемъ чисто варварскій и до крайности непонятный ²⁾: онъ напоминаетъ средніе вѣка, а не начало IV вѣка, когда писали языкомъ чистымъ и изысканнымъ. 2) Какъ показываетъ дата, письмо Никейскаго собора было написано и отправлено папѣ Силвестру въ 13-е іюльскихъ календъ, т. е. 19 іюня; очевидно, здѣсь предполагается, что къ 19 іюня всѣ разсужденія собора были окончены. Но это едвали такъ. По указанію Евномія, епископа Никомидійскаго, читавшаго на Халкидонскомъ соборѣ Никейскій символъ (дѣяніе 2-е), 19 число іюня (9 день мѣсяца Дасія, или 13 іюльскихъ календъ) представляется временемъ составленія только символа вѣры. Другія же опредѣленія составлены были послѣ, можетъ быть, только 25 іюля, когда наступило двадцатилѣтіе императора Константина ³⁾, а можетъ быть, и еще позднѣе, такъ какъ соборъ продолжался до 25 Августа, какъ показываетъ замѣтка изъ кодекса, принадлежащаго Аттвику,

¹⁾ Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 719—720. Письмо это въ первый разъ издано Суріемъ (Surio), нашедшимъ его въ древней Колоньской книгѣ (ex vetusto libro Coloniensi); находится это письмо также въ рукописныхъ кодексахъ кресконіанской коллекціи (cresconianae collectionis), но здѣсь крайне испорчено.

²⁾ Ceillier. Hist. gener. des autr. sacr. et eccles. ed. 1861. t. III. p. 446.

³⁾ Евсевій. „Жизнь Константина“ III. 15.

епископу Константинопольскому ¹⁾. Следовательно, соборъ не могъ 19 іюня сообщать папѣ Силивестру о всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ. 3) Павлинъ и Юліанъ называются въ письмѣ собора „*summi consules*“; такой титулъ никогда не давался консуламъ ²⁾. 4) Въ отвѣтномъ письмѣ Никейскому собору Силивестръ указываетъ на Викторина, который доказалъ неправильность пасхальнаго цикла, утвержденаго отцами. Но Викторинъ сталъ извѣстенъ только послѣ смерти Силивестра ³⁾. 5) Хронологическая дата отвѣтнаго письма заразъ представляетъ нѣсколько ошибокъ. Письмо написано было въ 8-е Ноябрьскихъ календъ, т. е. 27 Октября, а получено въ 4-е Февральскихъ идъ, т. е. 10 Января, въ 7-е консульство Константина и въ 4-е цезаря Констанція. Здѣсь предполагается, что соборъ продолжался и въ 326 году (7-е консульство Константина началось съ 326 г.); но, по сказанію Евсевія ⁴⁾ и другихъ историковъ, соборъ кончился въ 325 г. Притомъ въ 326 году, въ 7-е консульство Константина, было 1-е, а не 4-е консульство Констанція ⁵⁾. 6) Соборъ, упоминаемый въ отвѣтномъ письмѣ, который будто былъ собранъ папою Силивестромъ изъ епископовъ Рима и Італіи для утвержденія Никейскихъ постановленій, вовсе неизвѣстенъ древности. Стараятся доказать, что это есть тотъ Римскій соборъ изъ 275 епископовъ, происходившій въ присутствіи императора Константина, который въ латинскихъ изданіяхъ соборныхъ дѣяній помѣщается, обыкновенно, послѣ Никейскаго ⁶⁾. Но былъ-ли дѣйствительно такой соборъ, въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Прежде всего императоръ Константинъ не былъ въ Римѣ въ 325 году ⁷⁾. Далѣе: столь многочисленный соборъ (изъ 275 епископовъ) и столь

¹⁾ Baronii annales ad an. 325, c. 8. t. IV.

²⁾ Ceillier. Hist. gen. t. III. p. 446.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Евсевій „Жизнь Константина“ III. 15.

⁵⁾ Замѣтка издателя. Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 720.

⁶⁾ Въ изданіи Манси t. II. col. 1081—1084.

⁷⁾ Ceillier. Hist. gen. t. III. p. 446.

важный по предмету своихъ разсужденій (утвержденіе Никейскихъ постановленій) ни подъ какимъ видомъ не былъ бы забытъ св. Афанасіемъ, Иларіемъ и др. писателями, оставившими намъ исторію соборовъ своего времени. Изъ сказаннаго получается прямой выводъ, что оба письма—собора Никейскаго папѣ Силвестру и Силвестра собору—подложныя и не могутъ служить источниками исторіи Никейскаго собора. Оба эти письма ничто иное, какъ грубая, невѣжественная фальсификація какого-нибудь средне-вѣковаго ультрамонтана, желавшаго возвеличить папскую власть и показать великое значеніе папы даже во времена перваго вселенскаго собора ¹⁾).

Списки епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ ²⁾). Мы уже говорили выше, что епископы, бывшіе на Никейскомъ соборѣ, подписались подъ его опредѣленія. Списокъ этихъ подписей вмѣстѣ съ самыми опредѣленіями хранился, какъ оффиціальнй документъ, въ государственномъ архивѣ, но до насъ не дошелъ. До насъ дошли уже позднѣйшіе списки, въ которыхъ епископы, между прочимъ, перечисляются не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они подписывались на Никейскомъ соборѣ. Въ изданіи соборныхъ дѣланій Манси приведены два такіе списка епископовъ. Списки эти, какъ сознаются сами издатели ихъ и изслѣдователи, крайне испорчены и нѣтъ никакой возможности возстановить ихъ въ ихъ подлинномъ видѣ. Такая порча списковъ вполне естественна. Собственные имена лицъ, названіе мѣстъ и каедръ всего легко подвергаются порчѣ. Какъ скоро переписчикъ или вслѣдствіе опіски или вслѣдствіе недосмотра допустилъ ошибку въ имени лица

¹⁾ Въ изданіи Манси (col. 721—722) помѣщается еще экземпляръ отвѣтнаго письма папы Силвестра собору. Этотъ второй экземпляръ, нечуждый тѣхъ грубыхъ ошибокъ и анахронизмовъ, которыми изобилуетъ первый, нами разсмотрѣнный, обладаетъ еще и новыми. Такъ въ немъ говорится, что Никейскій соборъ осудилъ и Фотина; но Фотинъ съ своею ересью явился уже послѣ Никейскаго собора.

²⁾ Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 692—702.

или названіи мѣста, эта ошибка остается, получаетъ значеніе истины и порождаетъ ошибки въ дальнѣйшихъ копіяхъ, потому что ошибка въ собственномъ имени труднѣе замѣчается: не всякій усмотритъ ее, а тѣмъ болѣе не всякій, какъ слѣдуетъ, можетъ исправить ее. Были и другія причины появленія ошибокъ въ спискахъ епископовъ. Извѣстно, что завоеванія арабовъ и турокъ въ VII—XV вв. были такъ опустошительны, что многіе цвѣтущіе города и мѣстности превратились въ пустыни и стали неизвѣстны потомству. Встрѣчаясь съ названіями такихъ мѣстъ и городовъ, переписчики недоумѣвали и, сомнѣваясь въ исправности оригинала, сами исправляли его: вмѣсто названія несуществующаго и неизвѣстнаго въ ихъ время города они вписывали созвучное названіе другаго города. Тоже самое могло случиться и съ собственными именами лицъ. Встрѣчаясь съ именами иностранными, переписчики, съ цѣлью помочь дѣлу, замѣняли эти незнакомыя имена созвучными отечественными и имъ понятными. Благодаря такимъ передѣлкамъ въ спискахъ встрѣчаются замѣчательныя курьезы. При дальнѣйшемъ списываніи и переписываніи эти ошибки не только не исправлялись, но въ силу вышеуказанныхъ причинъ еще болѣе увеличивались, такъ что положительно невозможно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время возстановить подлинный списокъ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ. Многіе ученые пытались примирить разногласія въ спискахъ епископовъ и посредствомъ сличенія и критики ихъ составить списокъ болѣе близкій къ подлинному. Но эти труды ученыхъ, не имѣвшіе подъ собой твердой опредѣленной почвы, не должны были привести и дѣйствительно не привели ни къ какому результату. Списки разныхъ ученыхъ издателей, составленные на основаніи разбора и сличенія древнихъ списковъ, такъ же много разнятся между собой, какъ и древніе списки. Влѣдствіе такой непорочности списки епископовъ не могутъ имѣть важнаго значенія и на основаніи только ихъ нельзя приходить къ какимъ-либо новымъ выводамъ и заключеніямъ; нельзя напр. рѣшительно утверждать

присутствіе какого-либо епископа на томъ основаніи, что имя его значится въ спискахъ; равнымъ образомъ нельзя и отрицать это присутствіе въ силу того, что въ спискахъ имени этого лица не находится. Впрочемъ, говоря о неисправности списковъ епископовъ, мы не думаемъ отнимать у нихъ всякое значеніе. Въ случаяхъ сомнительныхъ, напр. при разногласіи двухъ равноавторитетныхъ писателей, можно обращаться къ этимъ спискамъ и смотрѣть на ихъ показанія, какъ на рѣшающія разногласіе. Этими замѣчаніями мы покончимъ обзоръ соборныхъ дѣяній и перейдемъ къ обзорънью другихъ документовъ, которые не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ называются актами Никейскаго собора.

Коптскіе тексты Никейскаго собора.

Изданіе коптскихъ фрагментовъ, относящихся къ Никейскому собору, было начато еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Ученый археологъ Георгъ Цега (Zoega), датскій консулъ въ Римѣ, умершій въ 1809 году, открылъ въ коптскомъ манускриптѣ Боржіанскаго музея 4 фрагмента, приписываемые Никейскому собору, и издалъ ихъ въ своемъ „*Catalogus codicum copticorum manuscriptorum musei Borgiani*“ съ латинскимъ переводомъ; причемъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя поясненія относительно текста, обставилъ его примѣчаніями и сносками; особенно старательно изучены имъ были подписи епископовъ собора. Такъ какъ каталогъ Цеги скоро сдѣлался библиографическою рѣдкостью, — экземпляры его сохранились только въ большихъ бібліотекахъ и весьма рѣдко встрѣчались въ продажѣ, — то предпринято было новое изданіе коптскихъ фрагментовъ, обнародованныхъ Цегою. Это дѣло взялъ на себя Ленорманъ. Онъ издалъ коптскіе фрагменты сначала въ 19 томѣ „*Memoires des inscriptions et Belles-lettres*“, а потомъ въ I т. „*Spicilegium solesmense*“ 1852, гдѣ онъ предпослалъ фрагментамъ введеніе на латинскомъ языкѣ и

снабдилъ ихъ новымъ латинскимъ переводомъ. Коптскій манускриптъ, обнародованный Цегою, а потомъ вновь изданный Ленорманомъ, состоитъ изъ 4 фрагментовъ: первый фрагментъ начинается съ 19 листа и кончается 26; второй фрагментъ имѣетъ только два листа—47-й и 48-й; третій фрагментъ—четыре листа—69—72; наконецъ четвертый фрагментъ состоитъ изъ 4-хъ нумерованныхъ листовъ.

Продолжателемъ дѣла Цегги и Ленормана по открытію и изданію коптскихъ текстовъ Никейскаго собора явился французскій ученый, извѣстный специалистъ въ области позднѣйшихъ формаций Египетскаго языка, Э. Ревилью, адъюнктъ-консерваторъ Египетскаго Луврскаго музея. Въ 1873 году онъ издалъ въ своемъ сочиненіи „Le Concile de Nicée, d'après les textes coptes. Première série de documents. Paris“—два большіе фрагмента на коптскомъ языкѣ о Никейскомъ соборѣ, открытые имъ въ папирусахъ Туринской бібліотеки. Одинъ изъ этихъ фрагментовъ догматическаго содержанія, или какъ называется коптами: „томъ о вѣрѣ православной“; другой фрагментъ нравственнаго содержанія и озаглавивается: „гномы св. собора“. Изъ сравненія Туринскихъ фрагментовъ съ Боржіанскими, обнародованными Цегою, открывається, говоритъ Ревилью, что эти двѣ серіи фрагментовъ—ничто иное, какъ два коптскіе перевода одного и того-же, вѣроятно, греческаго оригинала, потому что эти двѣ редакціи, совершенно тождественныя по сущности, много разнятся между собою по формѣ и синонимическимъ выраженіямъ, которыя встрѣчаются въ нихъ. По содержанію своему первый фрагментъ Ревилью пополняетъ второй фрагментъ, изданный Цегою, а обширный второй фрагментъ Ревилью, заключающій въ себѣ гномы собора, составляетъ продолженіе третьяго фрагмента Цегги (Цега имѣлъ подъ руками и издалъ только заглавіе и первую страницу гномовъ). Въ 1881 г. Ревилью въ своемъ сочиненіи „Le concile de Nicée, d'après les textes coptes et les diverses collections canoniques. Paris. 1881.“

— издалъ новые фрагменты на коптскомъ языкѣ, относящіяся къ Никейскому собору, которые онъ нашелъ въ Боржіанскомъ музеѣ. Эти послѣдніе Боржіанскіе фрагменты составляютъ прямое дополненіе и продолженіе фрагментовъ, обнаруженныхъ Цегою. Одни изъ текстовъ, вновь открытыхъ Ревилью, слѣдуютъ непосредственно послѣ втораго фрагмента Цеги, т. е. послѣ листа 48: они заключаютъ въ себѣ листы съ 49 по 64; другая серія текстовъ примыкаетъ непосредственно къ третьему фрагменту Цеги: начинается съ 73 листа и оканчивается листомъ 84. Конецъ послѣдней серіи текстовъ представляетъ собою неполный переводъ разсужденія о гномахъ, полный текстъ которыхъ представляетъ фрагментъ Туринской бібліотеки. Соединяя вновь открытые фрагменты Боржіанскаго музея, говоритъ Ревилью, съ фрагментами, открытыми Цегою, и пополняя пробѣлы тѣхъ и другихъ Туринскими фрагментами, какъ представляющими собою только другую редакцію, или другой переводъ одного и того-же оригинала, можно будетъ возстановить манускриптъ почти въ цѣломъ видѣ. Вотъ содержаніе его ¹⁾.

Сначала съ листа 19-го идетъ символъ вѣры со словъ: „отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта“ и анаематствованіе на Арія. Отличіе символа коптскаго отъ символа, несомнѣнно принадлежащаго Никейскому собору, состоитъ только въ слѣдующемъ: вмѣсто слова „страдавшаго“ стоитъ слово „умершаго“ (*mortuus est*); предъ словами: „въ Духа Святаго“ прибавлено слово: „вѣруемъ“ (*et credimus in Spiritum Sanctum*). Въ анаематствованіи синонимическія понятія: „предложимъ и измѣняемъ“ выражены однимъ словомъ: „измѣняемъ“ (лат. „*mutabilem*“, фр. *qu'il change* ²⁾).

¹⁾ Для большей ясности и раздѣльности мы будемъ передавать содержаніе Боржіанскаго и Туринскаго манускриптовъ отдѣльно и въ такомъ порядкѣ: въ текстѣ мы будемъ передавать содержаніе манускрипта Боржіанскаго, какъ наиболѣе полнаго, а въ примѣчаніи будемъ отмѣчать особенности Туринскаго манускрипта.

²⁾ Pitra. *Spicilegium solesmense* 1852 t. I. pag. 513—514. *Rerillout. Le concile de Nicée*. 1881. p. 4—5. *Dissertation critique*.—Въ Туринскомъ манускриптѣ находится весь символъ въ полномъ видѣ. Различіе его отъ подлиннаго въ слѣ-

Затѣмъ идутъ такіа анаѳематствованія, какихъ не находится при символѣ Никейскомъ: подвергаются анаѳемѣ—Савеллій, Фотинъ, Павелъ Самосатскій, Валентинъ и Маркіонъ¹⁾). За анаѳематствованіями слѣдуетъ списокъ отцовъ, бывшихъ на соборѣ; приѣтомъ прежде чисто номинальнаго перечня отцовъ представлена въ полномъ видѣ форма подписи Осія Кордубскаго и папскихъ легатовъ. Епископы перечисляются по провинціямъ; самыя провинціи расположены въ географическомъ порядкѣ по отношенію къ Египту; такъ послѣ Египта и къ нему принадлежащей Ливіи здѣсь слѣдуютъ: Палестина, Финикія, двѣ Сирии, Аравія, Месопотамія, Вилікія, Каппадокія, двѣ Арменіи, два Понта, Пафлагонія, Галатія, Асія, Лидія, Фригія, Писидія, Ликія и Памфілія. На Памфіліи прерывается коптскій фрагментъ Боржіанскаго музея. Послѣдній листъ перваго фрагмента Цеги носитъ № 26 и далѣе нѣтъ нумерованныхъ листовъ до 47. Такимъ образомъ, если отнести 4 ненумерованные листа, составляющіе 4-й фрагментъ Цеги, къ концу, то будетъ пробѣлъ въ 20 листовъ. Но эти четыре ненумерованные листа, въ которыхъ помѣщаются 6 первыхъ Никейскихъ канонѳвъ (впрочемъ неполныхъ: недостаетъ начала перваго и конца послѣдняго) вѣроятнѣе всего должно помѣстить между 26 и 47 нумерованными листами. Помѣщая 4 ненумерованные листа въ двадцати-листовой пробѣлъ, мы такимъ образомъ будемъ имѣть пробѣлъ уже только въ 16 листовъ, въ которыхъ должны заключаться недостающія подписи епископовъ и недостающіе канѳны. Черезъ сравненіе имѣющихся въ коптскомъ манускриптѣ подписей епископовъ и канѳновъ съ латинскимъ изданіемъ списка епископовъ и канѳновъ, можно приблизительно опредѣлить, сколько листовъ коптскаго писъма должны занимать

дующемъ: послѣ слова „воплотившагося“ недостаетъ слова „и вочеловѣчившагося“; послѣ слова „страдавшаго“ прибавлено „умершаго“. Въ анаѳематствованіи—выраженія: „существа и сущности“ замѣнены однимъ словомъ „сущности“ (essence); пропущены слова: „что Сынъ созданъ“; къ понятію „церковь“ прибавленъ эпитетъ „апостольская“.

¹⁾ Ibid.

недостающія подписи епископовъ и каноны. Часть коптскаго списка подписей епископовъ, которою мы владѣемъ и которая кончается Памфилией, занимаетъ въ манускриптѣ 5 листовъ; эта-же часть списка епископовъ въ лат. изданіи соборныхъ дѣяній Гардуина занимаетъ 181 строку; слѣдовательно, 36 строкъ латинскаго изданія равняются одному листу коптскаго манускрипта. Подписи, недостающія въ коптскомъ текстѣ, занимаютъ 87 строкъ въ латинскомъ изданіи; слѣдовательно, въ коптскомъ манускриптѣ они заняли-бы около 2¹/₂ листовъ. Шестъ первыхъ каноновъ занимаютъ въ коптскомъ текстѣ 4 листа, въ латинскомъ изданіи Гардуина они занимаютъ 89 строкъ; то есть 22 строки латинскаго изданія равняются одному листу коптскаго манускрипта; каноны, недостающіе въ коптскомъ текстѣ, занимаютъ 221 строку въ латинскомъ изданіи; слѣдовательно, въ коптскомъ манускриптѣ они заняли-бы 10 листовъ. Такимъ образомъ недостающіе каноны и подписи епископовъ заняли-бы всего 12¹/₂ листовъ коптскаго письма. Присоединяя къ нимъ 4 нумерованныхъ листа, содержащихъ первые 6 каноновъ, мы получаемъ 16¹/₂ листовъ; слѣдовательно, изъ двадцати-листоваго пробѣла остается только 3¹/₂ листа, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно. На листахъ 47 и слѣдующихъ помѣщается конецъ символа со словъ: „отъ Котораго произошло все, что на небѣ и на землѣ“ — съ нѣкоторыми варіаціями; ученіе о Духѣ Святомъ выражено здѣсь полнѣе, чѣмъ въ символѣ несомнѣнно Никейскомъ: здѣсь указано на отношеніе Духа Святаго къ Отцу: „вѣруемъ въ Духа Святаго животворящаго, Который исходитъ отъ Отца“. Съ нѣкоторыми-же варіаціями и дополненіями сравнительно съ Никейскимъ передается и анаѳематствованіе на Арія. Далѣе идутъ анаѳематствованія на Савеллія и Фотина¹⁾, сходныя съ тѣми, которыя находятся въ первомъ фрагментѣ. За анаѳематствованіями слѣдуютъ раскры-

¹⁾ Подобныя анаѳематствованія есть и въ Туринскомъ манускриптѣ. См. Le concile de Nicée. Revillout 1873; также: „Никейскій соборъ по коптскимъ текстамъ“ Ал. Ш. Лебедева. Чтенія въ общ. люб. д. пр. 1875 г. III.

тіе и изъясненіе догматовъ о святой Троицѣ, о воулощеніи и Божествѣ Святаго Духа, а потомъ общительныя письма, то есть та-кія, которыми епископы выражали свое согласіе по вопросамъ вѣры другъ съ другомъ или соборными опредѣленіями. Таково письмо св. Павлина, которое существуетъ и на греческомъ языкѣ въ концѣ посланія Александрійскаго собора исповѣдниковъ (362 г.) къ Антіохійцамъ¹⁾, и письмо св. Епифанія. На 64 листѣ коптскій Боржіанскій манускриптъ прерывается; слѣдующій нумерованный листъ есть уже 69-й; слѣдовательно является пробѣлъ въ 4 листа. Содержаніе этихъ недостающихъ 4 листовъ составляютъ, вѣроятно, также общительныя письма, потому что и далѣе на листахъ 69 и 70 помѣщается общительное же письмо архіепископа Руфина или Руфиніана. Очевидно, въ коптскомъ манускриптѣ помѣщена была цѣлая серія писемъ, изъ которой мы владѣемъ только двумя первыми и однимъ послѣднимъ. Послѣ общительныхъ писемъ на концѣ 70 листа помѣщается мистическое размышленіе о числѣ отцовъ Никейскаго собора—о присутствіи между 318 отцами 319-го участника собора—Св. Духа. Съ листа 71 и до конца манускрипта идутъ гномы, или трактатъ, касающійся морали и поведенія христіанъ. Впрочемъ, здѣсь не все правила нравственнаго характера, есть много положеній и чисто догматическихъ. Гномы эти, или сентенціи состоятъ изъ обшихъ отрывочныхъ положеній, безъ всякой связи и послѣдовательности. Передадимъ нѣкоторыя сентенціи²⁾. Вотъ сентенціи догматическаго содержанія: „Блажь Богъ Отець, блажь Христось и Онъ Богъ, Блажь Святой Духъ... Богъ не имѣетъ начала, не имѣетъ конца въ своемъ Божествѣ, потому что Богъ есть начало и конецъ

1) Аванасія „посланіе къ Антіохійцамъ“. Твор. Аван. ч. III. стр. 197—198. Migne t. 26. col. 809.

2) Такъ какъ въ Боржіанскомъ манускриптѣ трактатъ о гномахъ почти буквально сходенъ съ такимъ-же трактатомъ Туринскаго манускрипта и такъ какъ съ другой стороны, по мнѣнію Ревилью (Le Concile de Nicée 1881. p. 3), Туринскій текстъ есть болѣе древній и чистый и въ то-же время болѣе полный, то мы будемъ передавать содержаніе гномовъ по Туринскому манускрипту.

всего“. Такимъ-же общимъ характеромъ отличаются и сентенціи чисто нравственнаго свойства. Вотъ что говорятъ эти сентенціи: „Кто хочетъ повиноваться Богу, тотъ долженъ слушаться и Его повелѣній. Человѣкъ этотъ будетъ посѣщать церковь. Тотъ, кто не спѣшитъ въ церковь, небрежетъ о своемъ спасеніи“. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ наставленій и предписаній женщинѣ, потомъ мужчинѣ и наконецъ дѣвѣ; далѣе слѣдуетъ множество предписаній и правилъ самого разнообразнаго и часто неопредѣленнаго характера; такъ есть правила о приступающихъ къ евхаристіи, о благотвореніи, о спасеніи души; приѣтомъ предписанія часто повторяются, если не по буквѣ, то по содержанію¹⁾. Гномами заканчиваются коптскіе манускрипты.

Мы передали содержаніе коптскихъ текстовъ какъ по Боржіанскому, такъ и по Туринскому манускриптамъ. Теперь изложимъ взглядъ на нихъ ихъ издателя и защитника Эжена Ревилью²⁾.

Ревилью признаетъ важное церковно-историческое значеніе за коптскими фрагментами. Прежде всего онъ старается доказать ихъ глубокую древность характеромъ Туринскаго манускрипта, откуда извлечена одна редакція этихъ актовъ. Коллекція Туринскихъ папирусовъ, говоритъ Ревилью, въ сущности составляетъ цѣлую отдѣльную бібліотеку, которая образовалась въ одно время³⁾. Между начальными листами Туринскихъ папирусовъ находится очень интересный для насъ актъ; вотъ самый актъ буквально: ... „даръ, по обѣту сдѣланный одною женою. Господь Богъ знаетъ ихъ имена. Она положила его въ этомъ мѣстѣ св. Іоанна Предтечи ради спасенія своей души и своего покойнаго мужа, своихъ дѣтей и всего своего рода, въ ихъ имя, чтобы Господь и Іоаннъ Креститель благословили ихъ, ихъ наслѣдни-

¹⁾ Le Concile de Nicée 1873. Подробно содержаніе гномовъ передано у Ал. П. Лебедева „Никейскій соборъ по коптскимъ текстамъ“. Чтен. въ общ. люб. дух. просвѣщ. 1875. III.

²⁾ Мы будемъ приводить взглядъ одного Ревилью, потому что взгляды предидущихъ издателей коптскихъ текстовъ неопредѣлены.

³⁾ Le Concile de Nicée. 1873. p. 8.

ковъ и весь ихъ домъ благословеніемъ Авраама, Исаака и Иакова. Въ мирѣ. Аминь“. Мы здѣсь, разсуждаетъ Ревилью, имѣемъ дѣло съ даромъ, вѣроятно, книгъ, которыя и составили нашу библіотеку, съ даромъ, сдѣланнымъ богатою вдовою Египтянкой изъ Оиваиды вслѣдствіе обѣта ея мужа ¹⁾). Но какъ даръ, эта коллекція книгъ, конечно, сохранялась въ томъ видѣ, въ какомъ была пожертвована, то есть въ эту коллекцію послѣ ея пожертвованія не вносили никакихъ документовъ; слѣдовательно, всѣ документы, въ ней находящіеся, относятся ко времени ея первоначальнаго образованія и пожертвованія въ мартиріонъ св. Іоанна Крестителя. Самое пожертвованіе было сдѣлано не позднѣе конца святительствованія св. Кирилла Александрійскаго ²⁾); составлена же была эта коллекція, какъ можно заключать изъ самыхъ папирусовъ, теперь Туринскихъ, ранѣе. Такъ Кириллъ Александрійскій, сочиненія котораго распространены были по всему востоку или, лучше сказать, по всему христіанскому міру, почти совсѣмъ не фигурируетъ въ коптскихъ манускриптахъ, какъ и прочіе его знаменитые современники. Напротивъ, дядя его Теофила, этотъ воинственный архіепископъ Александрійскій, столь знаменитый въ свое время, но мало извѣстный теперь, если выключить его споры съ Іоанномъ Златоустомъ, находится представленнымъ очень ярко: мы встрѣчаемъ здѣсь очень многія его проповѣди. Въ большей части этихъ документовъ имя Теофила встрѣчается безъ эпитета „*μακρόριος*“, который прилагался, обыкновенно, къ именамъ епископовъ уже умершихъ: знаешь, что проповѣди Теофила еще при его жизни вошли въ составъ библіотеки. Съ другой стороны, и сочиненія Іоанна Златоуста, которыя также встрѣчаются въ Туринскихъ папирусахъ, не обозначены именемъ Златоуста: опять, несомнѣнно, потому, что и этотъ святитель былъ еще живъ въ то время и неудобно было такой хвалеб-

¹⁾ Le Concile de Nicée 1873. p. 9—10.

²⁾ Le Concile de Nicée 1881. p. 112.

ный эпитетъ прилагать къ имени лица еще живаго ¹⁾. Во всякомъ случаѣ съ полною увѣренностью можно утверждать, что Туринская коллекція окончательно составлена не позднѣе первой половины V вѣка, вскорѣ послѣ 3-го вселенскаго собора ²⁾. Слѣдовательно, никакъ не позднѣе этого времени явились и фрагменты, относящіеся къ Никейскому собору. А такъ какъ Туринскіе и Боржіанскіе фрагменты о Никейскомъ соборѣ представляютъ ничто иное, какъ два перевода одного и того-же оригинала, то заключеніе о древности Туринскихъ коллекцій простирается и на фрагменты Боржіанскіе, если не по ихъ образованію, то, по крайней мѣрѣ, по ихъ содержанію.

Утвердивъ древность коптскихъ фрагментовъ о Никейскомъ соборѣ по ихъ образованію, Ревилью переходитъ къ вопросу объ ихъ происхожденіи, или точнѣе: о происхожденіи греческаго оригинала этихъ фрагментовъ—и рѣшаетъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: коптскіе тексты есть коптскій переводъ подлинныхъ актовъ Александрійскаго собора исповѣдниковъ (362 г.), воспроизведшаго и обнародовавшаго акты собора Никейскаго. Содержаніе коптскихъ текстовъ, по мнѣнію Ревилью, вполне согласно съ извѣстіями современниковъ и церковныхъ историковъ о дѣятельности Александрійскаго собора 362 г. Какъ извѣстно, говоритъ Ревилью, Никейскій соборъ, немного спустя послѣ своего обнародованія, былъ оставленъ и забытъ всѣми, даже большею частию тѣхъ, которые подписались подъ его опредѣленія, и самимъ императоромъ, который созвалъ соборъ и торжественно утвердилъ его опредѣленія. Императоръ Константинъ, осудившій Арія и отправившій его въ ссылку, вскорѣ возвратилъ его и такъ сталъ къ

¹⁾ Le Concile de Nicée 1873. p. 8—9.

²⁾ Le Concile de Nicée 1881. p. 112. Въ первомъ своемъ сочиненіи (Le Concile de Nicée. 1873) Ревилью рѣшительно относитъ окончательное образованіе Туринской коллекціи къ началу святительства Кирилла (p. 9). Въ другомъ-же сочиненіи (Le Concile de Nicée. 1881) онъ выражается не совсѣмъ опредѣленно: относитъ образованіе коллекціи то къ серединѣ, то даже къ концу святительства Кирилла.

нему благосклоненъ, что требовалъ отъ Константинопольскаго епископа принять Арія въ церковное общеніе. Таковую-же благосклонность оказала Константинъ и мелетіанамъ и, по наговорамъ послѣднихъ, удалилъ съ Александрійской кафедры св. Аѳанасія. Реакція противъ Никейскаго собора еще болѣе усилилась при сынѣ Константина Великаго—Констанціи. Къ концу царствованія Констанція аріане, пользуясь явнымъ покровительствомъ императора, достигли полнаго господства надъ православными. Они, изгоняя православныхъ епископовъ, заняли всѣ главныя епископскія кафедры. Немногіе исповѣдники, какъ напр. Либерій, Осія, Астерій, Евсевій Версельскій, Люциферъ Каларитскій, которые осмѣливались вступать въ борьбу съ аріанами, подвергались высылкѣ изъ своего отечества въ самые крайніе предѣлы римской имперіи: Галлы были ссылаемы въ Египеть, Египтяне—въ Галлію. Что касается до св. Аѳанасія, то онъ, принужденный скрываться отъ преслѣдованія аріанъ, долгое время жилъ въ неизвѣстномъ для всѣхъ убѣжищѣ. При такомъ господствѣ аріанъ соборъ Никейскій былъ повсемѣстно забытъ. Его акты, сожженные аріанами, пропали. Во многихъ провинціяхъ не знали Никейскаго символа даже по имени. Взамѣнъ Никейскаго собора аріане почти каждый годъ составляли свои соборы, часто очень большіе по количеству епископовъ. Но въ этихъ соборахъ, гдѣ символы противорѣчили символамъ, опредѣленія—опредѣленіямъ, анаѳематствованія—анаѳематствованіямъ, не было ничего устойчиваго, укрѣпленнаго вселенскимъ преданіемъ. Такія нестроенія вызывали въ защитникахъ православія сознание необходимости возстановить вѣру отцовъ. Эта вѣра, освященная вселенскимъ преданіемъ, которую всѣ церкви, разъединенныя одна отъ другой во время гоненій, сохраняли, какъ драгоцѣнный залогъ единства, была вѣра, утвержденная на Никейскомъ соборѣ. Нужно было, слѣдовательно, возвратиться къ вѣрѣ Никейской, къ Никейскому символу, который содержитъ истинную вѣру отцовъ и котораго достаточно для уясненія всѣхъ вопросовъ вѣры и опроверженія всѣхъ ересей; а для этого нужно

было возстановить и обнародовать самые акты Никейскаго собора. Защитники православія ожидали только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы произвести это возстановленіе. Такія благопріятныя обстоятельства наступили при императорѣ Юліанѣ. Юліанъ, вступивъ на престоль, объявилъ амнистію всѣмъ пострадавшимъ за религіозныя убѣжденія, въ томъ числѣ и православнымъ епископамъ. Воспользовавшись этою свободою, православные епископы, прославившіеся своимъ исповѣдничествомъ, между которыми выдавались Евсевій Версельскій и Люциферъ Каларитскій, во главѣ съ св. Аѳанасіемъ, составили въ 362 году въ Александріи соборъ. Возстановить текстъ Никейскаго символа, утвердить его въ томъ видѣ, въ какомъ нѣкогда подписали его отъ имени своихъ церквей епископы, изъ которыхъ многіе впали въ заблужденіе, и присоединить къ нему толкованіе для разрѣшенія новыхъ вопросовъ, выступившихъ на очередь къ тому времени, — такова была цѣль св. Аѳанасія и таково было дѣло славнаго собора исповѣдниковъ 362 года. Въ этомъ согласны извѣстія всѣхъ современниковъ и церковныхъ историковъ. Такъ Сократъ и Созоменъ говорятъ намъ, что Александрійскій соборъ составленъ для подтвержденія догматовъ церкви чрезъ возстановленіе Никейскихъ опредѣленій „ἐπι βεβαιώσει τῶν ἐν Νικαίᾳ δοξάσεων“. А современный біографъ Евсевія Версельскаго говоритъ о дѣятельности исповѣдниковъ, бывшихъ на Александрійскомъ соборѣ: „утвердили вѣру Никейскую, чтобы ненарушимо сохранялась“ (confirmaverunt fidem Nicaeni concilii, ut inviolabiter conservaretur)¹⁾. И это не было только утвержденіе Никейскихъ опредѣленій, но возстановленіе и обнародованіе самыхъ актовъ Никейскаго собора. Эта новая редакція Никейскихъ актовъ и замѣнила собою первоначальную, уничтоженную аріанами. Вотъ почему Сократъ, когда писалъ исторію Никейскаго собора и желалъ указать епископовъ, участвовавшихъ на этомъ соборѣ, обращался

¹⁾ Le concile de Nicée. 1881. p. 10.

не къ первоначальнымъ актамъ Никейскимъ, а къ Аѳанасіеву синодиду, который одинъ только, по его словамъ, содержалъ имена епископовъ въ цѣлости (ὄν εἰς πλῆρες τὰ ὀνόματα κείται ἐν τῷ Συνοδικῷ Ἀθανασίου τοῦ Ἀλεξανδρείας ἐπισκόπου).—Впрочемъ возстановленіе Никейскихъ актовъ было не совсѣмъ текстуальное. Къ символу Никейскому и анаѳематствованіямъ на Арія присоединены были анаѳематствованія на нѣкоторыхъ другихъ еретиковъ, изъ которыхъ одни хотя и были извѣстны Никейскому собору, но не были прямо осуждены послѣднимъ, потомучто Никейскій соборъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду Арія, а другіе и не были извѣстны Никейскому собору, какъ явившіеся послѣ него. Такъ присоединены были анаѳематствованія на Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, Аполлинарія и др. На Александрійскомъ же соборѣ сдѣланы были, на основаніи Никейскаго символа, изъясненія догматовъ о воплощеніи, о Божествѣ Св. Духа и др., о которыхъ (догматахъ) въ то время возбуждались вопросы и происходили споры. Объ этихъ изъясненіяхъ Александрійскаго собора говорятъ Сократъ, Созоменъ, Руфинъ, біографъ Евсевія Версельскаго и посланіе къ Антиохійцамъ¹⁾. Но съ другой стороны исповѣдниками сдѣланы были и намѣренныя олущенія изъ актовъ Никейскихъ. Исповѣдники руководились не научными цѣлями, а чисто практическими; они имѣли въ виду не текстуальное воспроизведеніе записей Никейскаго собора, а борьбу съ ересями и язычествомъ. Поэтому они и воспроизводили изъ актовъ Никейскихъ только то, въ чемъ была прямая, насущная потребность. Нужно было воспроизвести Никейскій символъ, какъ наилучшее орудіе противъ всѣхъ ересей,—исповѣдники его и воспроизвели, а для болѣе вѣскаго, такъ сказать, нагляднаго доказательства его истинности и его согласія съ вселенскимъ преданіемъ, воспроизвели и списокъ епископовъ, подъ нимъ подписавшихся. Двадцать дисциплинарныхъ правилъ, изданныхъ на Ни-

¹⁾ Le concile de Nicée 1881. p. 112.

кейскомъ соборѣ, могли служить могущественнымъ орудіемъ противъ возрождавшагося при Юліанѣ отступниѣвъ политеизма; исповѣдники воспроизвели и 20 правилъ. Но то, въ чемъ не было особенной нужды и что не вполне подходило къ обстоятельствамъ времени, было опущено исповѣдниками. Такъ опущены были самые протоколы соборныхъ засѣданій. А эти протоколы, какъ свидѣтельствуетъ Геласій Кѣзическій, были очень обширны. Свидѣтельство Геласія объ обширности Никейскихъ актовъ вполне согласно и съ здравымъ разсужденіемъ: если официальные акты соборовъ Ефесскаго (3 всел.) и Халкидонскаго (4 всел.) наполняютъ собою цѣлые фоліанты, то дѣло Никейскаго собора должно быть громадно, потому что этотъ соборъ продолжался долѣе Ефесскаго и Халкидонскаго. Кромѣ протоколовъ соборныхъ засѣданій опущены были исповѣдниками и нѣкоторыя соборныя постановленія. Такъ изъ свидѣтельствъ церковныхъ историковъ и писателей мы знаемъ, что Никейскій соборъ сдѣлалъ постановленіе о древнихъ схизматикахъ Египта—мелетіанахъ: они допущены были къ общенію съ православными. Между тѣмъ этого постановленія нѣтъ въ Никейскихъ актахъ по Александрійской редакціи: оно было опущено исповѣдниками и опущено потому, что мелетіане послѣ Никейскаго собора соединились съ евсевіанами и полуаріанами и вели ожесточенную борьбу противъ преемника Александра Александрійскаго—Аѳанасія. Извѣстно также, что Никейскій соборъ сдѣлалъ постановленіе о времени празднованія Пасхи. Но и это постановленіе не было восстановлено Александрійцами, потому что во времена собора исповѣдниковъ не было уже разногласія по этому вопросу: всѣ церкви, не исключая даже и еирекнхъ, приняли соборное постановленіе о времени празднованія Пасхи. Вѣроятно, опущены были исповѣдниками и многія другія постановленія Никейскаго собора. Конечно, нельзя точно опредѣлить, что именно было опущено, такъ какъ древность несогласна сама съ собою въ опредѣленіи первоначальнаго количества постановлений и правилъ, издаваемыхъ на Никейскомъ соборѣ. Одни, какъ

напр. 6-й Карфагенскій соборъ, говорятъ намъ о 20 правилахъ, другіе, напр. Руфинъ,—о 22 правилахъ, иные, св. Афанасій въ письмѣ къ Марку,—о 70, а нѣкоторые—еще о большемъ числѣ правилъ. Во всякомъ случаѣ, изъ разныхъ свидѣтельствъ древности можно видѣть, что Никейскій соборъ, кромѣ опредѣленія о Пасхѣ и мелетіанахъ, сдѣлалъ много и другихъ постановленій, которыхъ нѣтъ среди 20 Никейскихъ канонѣвъ. Такъ папы Юлій (IV в.) и Левъ (V в.), бл. Августинъ, Амвросій Медиоланскій, бл. Иеронимъ, Созоменъ и др. свидѣтельствуютъ о такихъ постановленіяхъ Никейскихъ, которыхъ мы не имѣемъ въ настоящее время. Очевидно, эти постановленія опущены были исповѣдниками, какъ не имѣющія насущной потребности, какъ не представляющія собою прямого практическаго интереса. Такова была дѣятельность Александрійскаго собора исповѣдниковъ 362 г. Коптскіе фрагменты какъ нельзя болѣе подходятъ подъ эту дѣятельность собора. Текстуально воспроизведенный Никейскій символъ и анаеоматствованіе на Арія съ присоединеніемъ анаеоматствованій на Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, Валентина Маркіона указываютъ именно на Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, какъ на своего автора. Списокъ епископовъ, расположенныхъ по провинціямъ, которыя въ свою очередь распределены въ географическомъ порядкѣ по отношенію къ Египту, также говорятъ о своемъ происхожденіи изъ Египта. Наконецъ, изъясненія догматовъ о Троицѣ, воплощеніи, Божествѣ Св. Духа и общительныхъ письма, помѣщенныхъ въ коптскихъ фрагментахъ, снова ведутъ насъ къ Александрійскому собору. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ можно положительно утверждать, что коптскіе фрагменты суть акты Александрійскаго собора исповѣдниковъ. Но они въ то-же время суть и акты собора Никейскаго. Выдѣливъ изъ актовъ Александрійскаго собора специфически ему принадлежащее, какъ-то: анаеоматствованіе на Савеллія, Фотина и др. еретиковъ, кромѣ Арія, разъясненія догматовъ о Троицѣ, воплощеніи, Божествѣ св. Духа, также общительныхъ письма, мы

получимъ акты собора Никейскаго и акты, нужно замѣтить, очень важные. Первоначальные акты Никейскаго собора рѣшительно всѣ были уничтожены аріанами и до насъ прямо отъ Никейскаго собора не дошло ничего: все, чѣмъ мы владѣемъ отъ этого собора и что ему приписываемъ, дошло до насъ чрезъ соборъ Александрійскій. Этимъ только объясняется неполнота имѣющихся у насъ Никейскихъ опредѣленій; эта-же неполнота вмѣстѣ съ тѣмъ служить и доказательствомъ того, что мы имѣемъ Никейскія дѣянія не въ первоначальной, а въ Александрійской редакціи. Слѣдовательно, имѣя въ коптскихъ фрагментахъ подлинныя акты Александрійскаго собора исповѣдниковъ, мы, можно сказать, владѣемъ и подлинными актами собора Никейскаго или, по крайней мѣрѣ, тою редакціею этихъ актовъ, которая только и могла до насъ сохраниться и которая замѣнила собою первоначальную. Вотъ почему копты на фрагментахъ и озаглавили акты Александрійскаго собора: „соборъ Никейскій“.—Но кромѣ этого коптскіе фрагменты важны и по другой причинѣ. Благодаря счастливой случайности, они полнѣе, чѣмъ редакціи Никейскихъ актовъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ: они сохранили намъ, кромѣ догматическихъ и дисциплинарныхъ, еще моральныя постановленія Никейскаго собора, или гномы, которыхъ нѣтъ въ другихъ спискахъ ¹⁾. Показаніе коптскихъ фрагментовъ о трехчастномъ со-

¹⁾ Взглядъ свой на гномы Ревилью высказалъ пока очень неопредѣленно. Въ сочиненіи 1873 г.: „Le concile de Nicée“ онъ положительно склоняется въ пользу принадлежности гномовъ Никейскому собору (р. 5). Въ другомъ своемъ сочиненіи: „Le concile de Nicée“ 1881. онъ относительно гномовъ не говоритъ ничего положительнаго. По его мнѣнію, гномы не принадлежать собственно къ актамъ Александрійскаго собора: Александрійскій соборъ гномами не занимался; ихъ присоединилъ къ Александрійскимъ актамъ переписчикъ. Вотъ собственныя слова Ревилью: „общительными письмами оканчиваются акты собора исповѣдниковъ. Но переписчикъ прибавилъ къ нимъ мистическое размышленіе о числѣ отцовъ Никейскихъ и переписалъ гномы („Le copiste transcrit le traite des gnomes“ р. 13). Откуда взялъ переписчикъ гномы? Съ чего онъ списалъ ихъ? Ревилью на эти вопросы не отвѣчаетъ. По нашему мнѣнію, смыслъ приведенныхъ словъ Ревилью, если сопоставить ихъ съ предыдущими мыслями его о гномахъ и дѣятельности Александрійскаго собора, долженъ быть таковъ: Алек-

ставъ актовъ Никейскаго собора согласуется и со свидѣтельствами древности. Такъ Геласій Кизическій утверждаетъ, что кромя протоколовъ засѣданій акты Никейскаго собора состояли изъ 3-хъ частей: догматической, которая заключала въ себѣ символъ и анаематизмы, дисциплинарной, касающейся церковнаго благочинія, которая резюмировалась въ канонахъ, или правилахъ (изъ нихъ только 20 дошли до насъ въ своей первоначальной, подлинной формѣ), и нравственной которая состояла изъ правилъ жизни христіанской. Двѣ послѣднія части составлены по неотступной просьбѣ Константина, послѣ того, какъ кончились разсужденія о вѣрѣ. Итакъ коптскіе фрагменты, представляя экземпляръ Александрійскихъ актовъ, имѣютъ особенную важность для Никейскаго собора, такъ какъ они сохранили болѣе дѣяній отъ этого собора, чѣмъ сколько сохранилось отъ него чрезъ официальные редакціи актовъ, изданныхъ на Александрійскомъ соборѣ. Вотъ взглядъ Ревилью на открытые имъ коптскіе фрагменты о Никейскомъ соборѣ.

Не нужно много внимательности, чтобы видѣть, что почтенный издатель коптскихъ текстовъ слишкомъ увлекся своей находкой. Его сужденія крайне послѣпны и произвольны, его аргументація слишкомъ слаба. Онъ подтасовываетъ историческіе факты, съ свидѣтельствами древности обращается по своему произволу: опускаетъ изъ виду крупныя факты и останавливается на мелочахъ,

сандрійскій соборъ не воспроизвелъ гномы, хотя они и составляли часть Никейскихъ актовъ, потому что въ нихъ (гномахъ) не было особенной потребности. Но переписчикъ, можетъ быть, потому, что придавалъ гномамъ особенно важное значеніе, а можетъ быть потому, что заботился о полнотѣ воспроизведенія Никейскихъ дѣяній, самъ приписалъ къ Александрійскимъ актамъ гномы. Откуда-же онъ ихъ заимствовалъ? Оттуда-же, откуда заимствованы и другія Никейскія постановленія, воспроизведенныя на Александрійскомъ соборѣ, т. е. изъ преданія очевидцевъ и участниковъ Никейскаго собора, преданія, которое было представлено на Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, можетъ быть, даже въ видѣ записи. Съ этой-то записи, вѣроятно, переписчикъ и списалъ гномы, которые не были воспроизведены, по отсутствію нужды въ нихъ, соборомъ. Слѣдательно, гномы хотя и не обнародованы соборомъ Александрійскимъ, все-же они подлинныя Никейскія постановленія. — Такъ представляемъ мы себѣ взглядъ Ревилью.

игнорируетъ прямыя и достовѣрныя свидѣтельства и приводитъ косвенныя или незаслуживающія никакого довѣрія; притомъ нѣкоторыя свидѣтельства онъ произвольно усебаетъ, другія — расширяетъ. Вообще всюду у него сквозитъ предвзятая тенденція. Но чтобы не быть голословными, обратимся къ частному разбору сужденій Ревилью о значеніи и важности открытыхъ имъ коптскихъ фрагментовъ о Никейскомъ соборѣ.

Прежде всего считаемъ нужнымъ нѣсколько поправить показаніе Ревилью о самыхъ Туринскихъ папирусахъ (а равно и о Боржіанскомъ манускриптѣ), изъ характера которыхъ онъ выводитъ заключеніе о древности коптскихъ фрагментовъ, относящихся къ Никейскому собору. По мнѣнію Ревилью, Туринскіе папирусы, представлявшіе изъ себя связаное цѣлое, образовались въ первой половинѣ V вѣка, а въ концѣ святительства Кирилла Александрійскаго уже положены были въ бібліотеку мученика св. Іоанна Крестителя, гдѣ они и сохранялись въ первоначальномъ своемъ видѣ. Мы не имѣемъ полного и удовлетворительнаго описанія Туринскихъ папирусовъ, которое необходимо для болѣе основательнаго опроверженія мнѣнія Ревилью. Но уже и то, что мы знаемъ о содержаніи этихъ папирусовъ, не позволяетъ согласиться съ мнѣніемъ французскаго ученаго: а) въ I Туринскомъ коптскомъ папирусѣ среди другихъ сказаній помѣщается рассказъ о двѣхъ Евдоксіи, сестрѣ Константина Великаго, которая въ 365 году по воскресеніи Христовомъ путешествуетъ въ Іерусалимъ и проситъ своего брата, возвратившагося изъ побѣдоноснаго похода на Персовъ, поднять гоненіе на іудеевъ и принудить ихъ креститься; слѣдовательно, по этому рассказу Константинъ Великій въ 365 году представляется еще въ живыхъ: такой анахронизмъ трудно (хотя, конечно, не невозможно...) допустить въ писателѣ начала V в. б) Въ VII папирусѣ Туринской коллекціи очень много бесѣдъ св. Іоанна Златоуста. Это обиліе бесѣдъ Іоанна Златоуста въ Египетской коллекціи первой половины V в. очень подозрительно. Какъ извѣстно, Теофилъ

Александрійскій, а за нимъ и другіе Египтяне очень недружественно относились къ Златоусту; даже въ 417 году въ Александріи отказались внести его имя въ диптихи. Между тѣмъ, если согласиться съ Ревилью, то выйдетъ, что къ 444 г. бесѣды Златоуста въ Египтѣ получили уже широкое распространеніе, нашли здѣсь глубокихъ почитателей, переведены были на коптскій языкъ и вошли въ большомъ количествѣ въ составъ сборника. Все это если и не совсѣмъ невѣроятно, то очень подозрительно. с). Въ Туринской коллекціи есть нѣсколько отрывковъ, относящихся къ собору Ефесскому, изъ которыхъ одинъ, по мнѣнію Ревилью ¹⁾, составляетъ часть слова, произнесеннаго на самомъ соборѣ на другой день Рождества Христова пресвитеромъ Вилеємскимъ — Филипомъ. Если согласиться въ данномъ случаѣ съ Ревилью, то отрывокъ слова будетъ говорить прямо противъ древности папируса: въ 444 году, конечно, должны были знать, что Ефесскій соборъ до 26-го декабря или 7 января не продолжался. Но въ текстѣ отрывка ясны только слѣдующія фразы: „сегодня второй день праздновать намъ Спасителю нашему, когда сей великій соборъ собрался бороться... Несторій... вѣра сего великаго православнаго собора... [послу]шаемъ(?) Филиппа, пресвитера св. града Вилеема, который свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря“... Дальнѣйшее не ясно. О пресвитерѣ Филиппѣ († 455), ученикѣ бл. Иеронима, говорить Гоннадій ²⁾; но зачѣмъ современнику св. Кирилла потребовалось свидѣтельство объ Ефесскомъ соборѣ лица еще живаго и мало авторитетнаго? Не тогда ли папирусъ былъ написанъ, когда Филиппъ считался уже древнимъ писателемъ?.. d). Въ IV папирусѣ находится подложное житіе св. Аѳанасія Александрійскаго. Можно догадываться, что это житіе сходно съ арабскимъ житіемъ Аѳанасія Великаго ³⁾; а арабское житіе почти сло-

¹⁾ Le Concile de Nicée 1881. p. 112—113.

²⁾ Cave. Historia litter. script. eccles. t. II. p. 280. Genevae. 1705.

³⁾ Migne. Cours. patr. ser gr. t. 25.

во въ слово переведено съ одной южно-контской рукописи, отрывки которой сохранились въ Боржіанской коллекціи. Эта рукопись была очень значительна по объему, называлась она „исторією церкви“ (очевидно Александрійской); рассказъ въ ней несомнѣнно обнималъ время правленія св. Кирилла, потомучто на стр. 163—170 этой рукописи очень подробно говорится о поведѣнїи къ написанію и о назначеніи книгъ св. Кирилла противъ Юліана (на этомъ рукопись обрывается), а можетъ быть, продолжался и далѣе. Но такъ какъ Туринская коллекція въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ представляетъ дублиеты Боржіанской, напр. въ постановленіяхъ, приписываемыхъ Никейскому собору, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, если и подложное житіе Аѳанасія и нѣкоторыя другія историческія сказанія, находящіяся въ Туринскихъ папирусахъ, окажутся главами изъ „исторіи церкви“, написанной несомнѣнно послѣ 444 года ¹⁾. Сказаннаго нами достаточно для того, чтобы усомниться въ увѣреніи Ревилью, что Туринскіе папирусы были положены въ бібліотеку мученика св. Іоанна Крестителя въ концѣ святительствованія св. Кирилла Александрийскаго, а образовались еще ранѣе. Съ вѣроятностью можно относить образованіе Туринскихъ папирусовъ къ гораздо позднему времени... Конечно, позднѣйшее образованіе Туринской коллекціи въ ея цѣломъ видѣ не говоритъ еще за несомнѣнно позднее происхожденіе частей ея, въ томъ числѣ и фрагментовъ, относящихся къ Никейскому собору, но за то не можетъ и ручаться за ихъ глубокую древность. Пойдемъ далѣе.

Желая видѣть въ контскихъ фрагментахъ подлинныя акты Никейскаго собора и не находя возможности признать ихъ вышедшими прямо отъ этого собора, такъ какъ въ нихъ есть указанія на такія историческія событія, которыя имѣли мѣ-

¹⁾ Болѣе подробныя свидѣнія о Туринскихъ папирусахъ находятся въ статьѣ профес. Болотова „Житіе бл. Афу, епископа Пемджесскаго“. Христ. чт. 1886 г. мартъ—апрѣль. стр. 336—343. Изъ этой статьи и мы заимствовали свои свидѣнія.

сто послѣ Никейскаго собора, Ревилью относить коптскіе фрагменты къ Александрійскому собору исповѣдниковъ 362 года, но относить такъ, что они не теряютъ своего значенія и для собора Никейскаго: Александрійскому собору онъ приписываетъ реставрированіе Никейскихъ актовъ, совершенно уничтоженныхъ въ первоначальномъ своемъ видѣ аріанами, влѣдствіе чего александрійская редакція Никейскихъ опредѣленій получаетъ у него значеніе первоначальной, подлинной редакціи. Нельзя отказать Ревилью въ находчивости, но не болѣе: признать же за истинныя его мнѣнія не позволяетъ историческая правда. Что Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, во главѣ съ св. Аоанасіемъ и подъ предѣдательствомъ этого послѣдняго, подтвердилъ догматическія опредѣленія Никейскаго собора и указалъ на Никейскій символъ, какъ на вполне достаточное изложеніе вѣры, дѣлающее излишнимъ всякое другое изложеніе, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Объ этомъ говорить посланіе св. Аоанасіи къ Антиохійцамъ: „Умоляемъ васъ, ищеть Аоанасій, не выставлять на видъ ничего иного, кромѣ Никейскихъ опредѣленій“¹⁾. Объ этомъ же свидѣлствуютъ церковныя историки Сократъ²⁾ и Созоменъ³⁾. Вѣрно также и то, что соборъ исповѣдниковъ анаеаметствовалъ нѣкоторыя еретическія мнѣнія, о которыхъ не упоминалъ соборъ Никейскій, и разрѣшалъ на основаніи Никейскаго символа нѣкоторые новые догматическіе вопросы. Св. Аоанасій въ посланіи къ Антиохійцамъ отъ лица Александрійскаго собора предъявляетъ такіе требованія всѣмъ желающимъ быть въ мирѣ и единеніи съ православными: „ничего не требуйте отъ нихъ (т. е. отъ оставившихъ аріанство) больше, а только чтобы предали анаеомъ аріанскую ересь и исповѣдали вѣру, св. отцами исповѣданную въ Никее; предали также анаеомъ утверждающихъ, что Духъ святой есть тварь и отдѣленъ отъ сущности Христовой“... и далѣе: „всѣми да будутъ

¹⁾ „Посланіе къ Антиохійцамъ“. Твор. Аоан. ч. III. стр. 188—189.

²⁾ Церковн. истор. кн. III. гл. 6.

³⁾ Церковн. истор. кн. V гл. 12.

преданы анаемѣ нечестіе Савеллія и Павла Самосатскаго, безуміе Валентина и Василида и безразсудство манихеевъ¹⁾. Эти требованія показываютъ, что соборъ Александрійскій сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія какъ къ догматическимъ опредѣленіямъ Никейскаго собора (напр. о Божествѣ св. Духа), такъ и къ анаематизмамъ. Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія къ Антиохійцамъ Аванасій, указавъ нѣкоторые догматическіе вопросы, возбуждавшіе въ то время споры, какъ-то: о выраженіяхъ: сущность и ипостась, о Божествѣ св. Духа и Его единосущіи съ Отцомъ и Сыномъ, о воплощеніи и вочеловѣченіи Слова,—продолжаетъ: „и мы оставшіеся въ Александріи..., хотя не должно было спрашивать ни о чемъ, кромѣ Никейскаго собора, и не терпѣть спорныхъ реченій, однако же ради мира и чтобы не отвергнуть желающихъ вѣровать право, предлагали имъ сіи вопросы и что они исповѣдали, то изложили кратко“²⁾. По свидѣтельству Сократа³⁾, соборъ исповѣдниковъ разсуждалъ о существѣ св. Духа, о Божествѣ и челоуѣчествѣ Иисуса Христа—противъ Аполлинарія, хотя послѣдній и не назывался по имени, о различіи терминовъ: сущность и ипостась. Тоже говоритъ и Созоменъ⁴⁾. Но отсюда еще никакъ нельзя заключать, что Александрійскій соборъ исповѣдниковъ реставрировалъ и обнародовалъ Никейскіе акты. О такой дѣятельности собора исповѣдниковъ никто не говоритъ. Слова Сократа⁵⁾ и Созомена⁶⁾ объ отцахъ Александрійскаго собора, что они (отцы) подтвердили Никейскія опредѣленія, и слова біографа Евсевія Версельскаго: „утвердили вѣру собора Никейскаго, чтобы она ненарушимо сохранялась“, приводимыя Ревилью, говорятъ только о подтвержденіи Александрійскими отцами Никейскихъ опредѣленій, о засвидѣтельствванні

1) „Посланіе къ Антиохійцамъ“. Тв. ч. III. стр. 190.

2) Ibid. Тв. ч. III. стр. 195—196.

3) Церковн. ист. кн. III гл. 7.

4) Церковн. ист. кн. V. гл. 12.

5) Церковн. ист. кн. III гл. 6.

6) Церковн. ист. кн. V. гл. 12.

ихъ (опредѣлений) значенія и важности, что въ то время было нужно, такъ какъ ариане и полуариане на своихъ многочисленныхъ соборахъ, составившихся послѣ Никейскаго, старались ослабить значеніе Никейскихъ опредѣлений и замѣнить ихъ своими, вновь составленными; но ничего не говорятъ о редактированіи и обновленіи самого текста Никейскихъ опредѣлений.

Въ доказательство того, что Никейскіе акты воспроизведены Александрійскимъ соборомъ исповѣдниковъ и что мы имѣемъ воспроизведенные, а не первоначальные акты, Ревилью указываетъ на неполноту Никейскихъ опредѣлений, извѣстныхъ намъ. Но это доказательство французскаго ученаго съ одной стороны слишкомъ не твердо и само нуждается въ стороннихъ подтвержденіяхъ, а съ другой—и не достигаетъ цѣли, т. е. не можетъ подтверждать то, къ подтвержденію чего оно назначается. Прежде всего мы не думаемъ, что Никейскихъ опредѣлений въ дѣйствительности было больше, чѣмъ сколько мы знаемъ ихъ теперь. Смысла Ревилью на Геласіеву исторію не можетъ убѣдить насъ въ противномъ. Геласій не заслуживаетъ такого довѣрія, чтобы можно было опираться на него, какъ на авторитетъ; онъ самъ нуждается въ подтвержденіи со стороны писателей болѣе достовѣрныхъ и современныхъ собору. Равнымъ образомъ не слишкомъ убѣдительно и собственныя соображенія французскаго ученаго. По его мнѣнію, дѣянія Никейскаго собора должны быть громадны, потому что этотъ соборъ продолжался больше, чѣмъ Ефесскій и Халкидонскій. Но откуда Ревилью знаетъ, что Никейскій соборъ былъ продолжителенъ? По несомнѣнно достовѣрнымъ историческимъ даннымъ можно заключать, что соборъ Никейскій продолжался никакъ не болѣе 3 мѣсяцевъ, если взять въ расчетъ и предварительныя совѣщанія епископовъ и пиршествъ послѣ собора. Всѣ даты относительно времени собора колеблются только между 20 мая и 25 августа ¹⁾; далѣе же этихъ крайнихъ пунктовъ даты не захо-

¹⁾ Крайній пунктъ начала собора указываетъ Сократъ (церкв. ист. I.

дять. Правда, анонимный повѣтсователь о Никейскомъ соборѣ ¹⁾ и Геласій Кизическій ²⁾ утверждаютъ, что Никейскій соборъ продолжался 3¹/₂ года; но эти показанія просто басня и на нихъ, вопреки достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, нельзя основывать своихъ соображеній. Не болѣе тверды и дальнѣйшіе аргументы Ревилью въ пользу большого количества Никейскихъ опредѣленій, въ частности—каноновъ, чѣмъ сколько мы имѣемъ ихъ теперь. Совершенно справедливо, что Руфинъ насчитываетъ не 20, а 22 правила Никейскаго собора. Но это произошло оттого, что Руфинъ дѣлитъ нѣкоторыя правила на два, а не оттого, что онъ указываетъ другія правила, не имѣющіяся въ числѣ извѣстныхъ 20. Показаніе Аонасіева посланія къ Марку, какъ подложнаго, не имѣетъ значенія. Также мало помогаютъ Ревилью и другія древнія свидѣтельства, на которыя онъ ссылается для подтвержденія своихъ положеній. У нѣкоторыхъ древнихъ писателей, дѣйствительно, можно найти указанія на такія постановленія Никейскаго собора, которыхъ нѣтъ (по крайней мѣрѣ въ буквальномъ видѣ) въ числѣ извѣстныхъ 20 каноновъ. Мы не думаемъ отвергать этихъ свидѣтельствъ; но всѣ они несколько не говорятъ за большое количество Никейскихъ каноновъ, чѣмъ сколько мы имѣемъ ихъ теперь. Всѣ постановленія, сверхъ 20 правилъ, какія приписываются Никейскому собору, на основаніи нѣкоторыхъ древнихъ свидѣтельствъ, представляютъ собою выводъ изъ дѣйствій собора или извѣстныхъ намъ каноновъ или, наконецъ, простое недоразумѣніе. Въ правилахъ излагается только результатъ соборныхъ разсужденій, выраженный кратко, безъ подробностей и разъясненій. Притомъ не все, о чемъ разсуждалъ и что рѣшало соборъ, помѣщалось въ правилахъ. Вслѣдствіе этого въ соборныхъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ можно находить много такого, чего не видно въ правилахъ, выводить

14), а окончанія—кодексъ, принадлежащій Аттіку, епископу Константинопольскому (Baron. annal. t. IV. ad an 325. c. 8.).

¹⁾ „Τα πραθέντα εν Νικαία“. Combefesis. Nov. auct. t. II. col. 584.

²⁾ Gel. Cyzic. Histor. conc. Nic. I. II. c. 36. col. 1341. Migne t. 85 ser. gr.

такія рѣшенія собора, о которыхъ правила не говорятъ ничего. Далѣе: изъ самыхъ правилъ можно дѣлать такіе выводы, которые буквально не находятся въ нихъ (правилахъ), и эти выводы выдаютъ иногда за соборныя постановленія. Наконецъ, въ древности правила нѣкоторыхъ соборовъ иногда соединялись вмѣстѣ и извѣстны были подъ именемъ постановленій котораго-нибудь одного изъ нихъ. Напр. почти во всѣхъ западныхъ коллекціяхъ правила собора Сардинійскаго соединялись съ правилами собора Никейскаго и обращались подъ именемъ постановленій одного послѣдняго. Въ результатѣ всего этого и выходило то, что нѣкоторые древніе писатели указывали, какъ на Никейскія, на такія постановленія, которыхъ соборъ Никейскій въ дѣйствительности не издавалъ. Сказанное вообще о древнихъ свидѣтельствахъ приложимо и къ тѣмъ изъ нихъ (свидѣтельствъ), на которыя указываетъ Ревилью. Такъ папы Юлій (IV в.)¹⁾ и Левъ (V в.)²⁾ въ своихъ посланіяхъ, дѣйствительно, ссылаются на неизвѣстное намъ правило Никейскихъ отцовъ, чтобы дѣянія и постановленія однихъ соборовъ были разсматриваемы другими, меньшихъ—большими. Но это указываемое папами правило не болѣе, какъ выводъ изъ дѣйствій Никейскаго собора, который своими рѣшеніями подтвердилъ опредѣленія однихъ соборовъ, напр. Александрійскаго 321 и 324 гг., и отвергъ опредѣленія другихъ, напр. арианскаго, бывшаго въ Вноиніи въ 323 г. Бл. Августинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ³⁾ цитуетъ Никейскій декретъ, запрещающій поставять къ церкви епископа, когда при этой церкви живъ еще прежній епископъ. Буквально такого постановленія нѣтъ въ числѣ 20 Никейскихъ канонѣвъ. Но легко видѣть, что этотъ декретъ есть послѣднія слова 8 Никейскаго правила. Аналогичный примѣръ такого пониманія 8 правила представляетъ намъ

1) Julii epist. ad orient. episc. ap. Athan. apol. contra arian. Migne. t. 25. c. 22. col. 284.

2) Leonis epist. 24 ad Theodos. jun. Migne ser. lat. t. LIV.

3) Augustin. epist. 213. t. II p. 790.

12 Толедскій соборъ: отцы собора цитуютъ именно 8 правило, какъ запрещающее быть двумъ епископамъ въ одномъ городѣ¹⁾. А можетъ быть, Августинъ и Толедскій соборъ пользовались Руффиновой редакціей Никейскихъ канонѳвъ, въ которой послѣднія слова 8 правила составляютъ отдѣльный 10 канонъ. Гораздо труднѣе объяснить свидѣтельство Амвросія Медиоланскаго. Амвросій очень опредѣленно и ясно говорить о Никейскомъ постановленіи, въ силу котораго двоеженцы исключаются не только изъ священства, но даже и изъ клира²⁾. Въ объясненіе этого свидѣтельства можно представить только догадки: вѣроятно, Амвросій ошибочно приписалъ Никейскому собору такой декретъ потому, что въ экземплярѣ каноническихъ постановленій, какимъ онъ пользовался, къ опредѣленіямъ собственно Никейскимъ присоединены были многія другія правила, которыя дѣйствовали въ практикѣ мѣстной Медиоланской или даже всей западной церкви. Что касается бл. Иеронима, то онъ вовсе не говоритъ объ утвержденіи Никейскимъ соборомъ канона священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, что хотятъ вывести изъ его словъ. Смыслъ словъ Иеронима слѣдующій: читая о Никейскомъ соборѣ, можно видѣть, что этотъ послѣдній допустилъ книгу Іудеѳъ въ число книгъ священныхъ; другими словами: на Никейскомъ соборѣ книга Іудеѳъ цитовалась, какъ каноническая, — и только³⁾. Наконецъ, относительно славословія (слава Отцу и Сыну и Святому Духу), приписываемаго будто Созоменомъ Никейскому собору, замѣтимъ слѣдующее. Изъ словъ Созомена нельзя прямо вывести, что онъ присваиваетъ славословіе Никейскому собору. Созоменъ го-

¹⁾ Conc. Tol. XII. cap. 4. Mansi sacr. conc. t. XI, col. 1031.

²⁾ Ambros. epist. 63 ad Eccles. Vercellens. p. 1037.

³⁾ Вотъ подлинныя слова Иеронима: „Apud Hebraeos liber Iudith inter apocrypha legitur; cuius auctoritas ad roboranda illa quae in contentionem veniunt minus idonea iudicatur. Chaldeo tamen sermone conscriptus inter historias computatur. Sed quia hunc librum synodus Nicaena in numero scripturarum legitur computasse, acquievi postulationi tuae (Hier. praefatio in libr. Judith. Migne ser. lat. t. XXIX, col. 37—39).

ворить только, что Леонтій, аріанскій епископъ, управлявшій Антиохійскою церковію, не осмѣливался запретить прославлять Бога по преданію Никейскому¹⁾. Бл. Θεодоритъ же въ своей книгѣ „басни еретиковъ“²⁾ утверждаетъ, что славословіе Отца и Сына и Святаго Духа было въ практикѣ отъ временъ апостольскихъ и что Аріій еще до собора Никейскаго, находя въ этой формулѣ славословія осужденіе своей ереси, замѣнилъ ее такою формулою: „слава Отцу чрезъ Сына во Святомъ Духѣ“. Св. Василій Великій утверждаетъ также, что это славословіе было въ церковномъ употребленіи съ незапамятныхъ временъ и подтверждаетъ свои слова древними церковными писателями—Климентом Римскимъ, Иринеємъ, Діонисіємъ Римскимъ и многими другими³⁾. Итакъ древнія свидѣтельства, на которыя ссылается Ревилью, не говорятъ о большемъ сравнительно съ извѣстнымъ намъ количествомъ Никейскихъ опредѣленій. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что только два постановленія, несомнѣнно сдѣланныя Никейскимъ соборомъ, не находятся въ числѣ 20 Никейскихъ канонѣвъ: именно—постановленія о времени празднованія Пасхи и мелетіанахъ. Но этихъ опредѣленій нѣтъ въ числѣ 20 канонѣвъ не потому, что Никейскія опредѣленія дошли до насъ въ неполной Александрійской редакціи, а потому, что самъ соборъ не велючилъ ихъ въ каноническія правила. Какъ извѣстно, обычай праздновать Пасху вмѣстѣ съ іудеями велъ свое начало отъ практики Іоанна Богослова. Поэтому и строгое опредѣленіе противъ этого обычая было не совсѣмъ умѣстно: оно могло накинуть тѣнь или на Іоанна Богослова или на самый соборъ. Въ данномъ случаѣ можно было только совѣтовать, увѣщевать оставить обычай, который хотя и освященъ былъ практикою Іоанна Богослова, а за нимъ и нѣкоторыхъ мужей апостольскихъ (напр. Поликарпа

¹⁾ Созоменъ. Церк. ист. III. 20.

²⁾ Theodor. Haereticor. fabul. lib. IV c. I. Migne gr. ser. t. 83.

³⁾ Василій Великій „о Св. Духѣ“ гл. 27. Тв. ч. III. Migne curs. patr. gr. ser. t. 32.

Смирнскаго), однако, при измѣнившихся обстоятельствахъ, сдѣлался не совсѣмъ удобенъ,—и принять другой, также освященный практикою апостоловъ. Соборъ такъ и поступаетъ: онъ дѣлаетъ постановленіе о времени празднованія Пасхи, но не включаетъ его въ каноническія правила въ качествѣ непреложнаго опредѣленія, отступленіе отъ котораго считается нарушеніемъ закона. Замѣчательно въ данномъ случаѣ посланіе императора Константина, писанное имъ послѣ Никейскаго собора ¹⁾. Тогда какъ въ посланіяхъ о другихъ Никейскихъ постановленіяхъ онъ прямо требуетъ отъ епископовъ принятія этихъ постановленій, не аргументируя ихъ правильность, а только констатируя ее, въ посланіи о Пасхѣ онъ поступаетъ не такъ: онъ прежде всего приводитъ разныя соображенія и доказательства въ пользу, такъ сказать, законности соборнаго постановленія, а потомъ уже и совѣтуетъ (и то только совѣтуетъ...) принять его: явный знакъ, что соборъ издалъ постановленіе о Пасхѣ не въ качествѣ категорическаго требованія, а въ качествѣ совѣта и наставленія. Такой-то характеръ постановленія о Пасхѣ и былъ, по нашему мнѣнію, причиною того, что это постановленіе не включено въ каноны. Что касается постановленія о Мелетіи и мелетіанахъ, то оно не было включено въ каноническія постановленія вслѣдствіе своего частнаго характера, какъ постановленіе особенное, не приложимое ко всѣмъ подобнымъ случаямъ, потому что при разсужденіи о дѣлѣ Мелетія соборъ принялъ во вниманіе особыя обстоятельства Мелетія ²⁾. Таже часть соборнаго постановленія о Мелетіи, которая была общаго характера, которая направлялась не лично противъ Мелетія, а противъ самого принципа его раскола — не признавать главенства и власти Александрійскаго епископа въ Египтѣ,—эта часть заключена была въ каноническія постановленія. Такъ 6-мъ Никейскимъ правиломъ епископу Александ-

¹⁾ Евсеій „Жизнь Константина“ III. 18—19.

²⁾ Подробнѣе у Еп. Іоанна „исторія первыхъ 3 всеел. соборовъ“ стр. 48-54.

рпн вручается первенство и власть надъ всѣми епископами Египта и запрещается поставленіе епископовъ безъ согласія митрополита. Такимъ образомъ для объясненія отсутствія постановленій о Пасхѣ и мелетіанахъ среди Никейскихъ канонѡвъ незначѣмъ придумывать какую-то Александрійскую редакцію Никейскихъ опредѣленій, о которой никто никогда не слыхалъ; а равнымъ образомъ самое отсутствіе этихъ постановленій среди Никейскихъ канонѡвъ нисколько не говоритъ за то, что мы имѣемъ Никейскія опредѣленія не въ первоначальной, а въ Александрійской редакціи. Въ частности, относительно извѣстнаго свидѣтельства Сократа о синодикѣ Аѳанасія, на которое ссылается Ревилью для подтвержденія своихъ соображеній, нужно замѣтить, что это свидѣтельство, по нашему мнѣнію, рѣшительно говоритъ противъ французскаго ученаго. Ревилью хочетъ видѣть въ синодикѣ Аѳанасія реставрированный экземпляръ Никейскихъ опредѣленій и списка отцовъ, а не первоначальный. Но онъ просмотрѣлъ, что въ отрывкѣ изъ этого синодика, приведенномъ у Сократа, подписи епископовъ идутъ въ порядкѣ достоинства самыхъ епископовъ и ихъ кафедръ, между тѣмъ какъ въ реставрированныхъ спискахъ, по сознанію самого Ревилью¹⁾, подписи епископовъ идутъ по провинціямъ, начиная съ Египта. Очевидно, въ синодикѣ Аѳанасія находился первоначальный, а не реставрированный списокъ.

Наконецъ, если даже и допустить, что Никейскій соборъ издалъ гораздо больше постановленій, чѣмъ сколько намъ извѣстно теперь, то никакимъ образомъ нельзя объяснить эту неполноту тѣмъ, что исповѣдники при реставрированіи Никейскихъ опредѣленій одно возстановляли, а другое, какъ ненужное, опускали. Такое предположеніе не согласно съ духомъ и характеромъ исповѣдниковъ. Исповѣдники, составившіе Александрійскій соборъ 362 г., особенно предсѣдатель этого собора св. Аѳанасій,

¹⁾ Le Concile de Nicée. Dissert. critique. 1881. p. 13—14.

были проникнуты самымъ глубокимъ уваженіемъ, такъ сказать, благоговѣніемъ къ Никейскому собору, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всѣмъ его постановленіямъ. Аванасій Александрійскій называетъ Никейскій соборъ словомъ Бога, священнымъ и божественнымъ оракуломъ св. Духа. Такого-же взгляда на Никейскій соборъ держались и другіе участники Александрійскаго собора. Послѣ этого странно было-бы предположить, что исповѣдники одно изъ Никейскихъ актовъ воспроизвели, а другое—опустили. Если-бы исповѣдники, дѣйствительно, воспроизводили Никейскіе акты, то воспроизвели бы ихъ до мельчайшихъ подробностей или, по крайней мѣрѣ, воспроизвели бы ихъ настолько полно, насколько имъ позволяла память. Правда, Ревилью указываетъ причины, почему исповѣдники одни изъ Никейскихъ опредѣленій воспроизводили, а другія—опускали: онъ объясняетъ такое явленіе практическимъ направленіемъ исповѣдниковъ. Но эти объясненія слишкомъ произвольны. Такъ напр. въ объясненіе того, почему воспроизведены 20 Никейскихъ канонѳвъ, Ревилью говорить, что эти 20 канонѳвъ были могущественнымъ средствомъ борьбы противъ возрѳздавшагося при императорѣ Отступникѣ политеизма¹⁾. Какъ могли дисциплинарныя постановленія противодѣйствовать политеизму, что въ нихъ было особенно страшнаго для послѣдняго, — совершенно непонятно; по крайней мѣрѣ, никто никогда не смотрѣлъ на дисциплинарныя постановленія, какъ на средство борьбы съ политеизмомъ. Вотъ другія объясненія Ревилью. „Постановленіе о празднованіи Пасхи было опущено, потому что всѣ церкви въ то время были уже въ согласіи между собою и съ Никейскимъ постановленіемъ касательно этого предмета“. Опять аргументъ, взятый на удачу. Обычай праздновать Пасху вмѣстѣ съ іудеями существовалъ и послѣ Никейскаго собора и даже послѣ Александрійскаго; этого обычая держались напр., по свидѣ-

¹⁾ Le Concile de Nicée. Dissert. critique. 1881. p. 19.

тельству Сократа ¹⁾ и Созомена ²⁾, новаціане. О четырнадцатидневникахъ, или тетрадитахъ говоритъ 7-е правило 2-го вселенскаго собора; слѣдовательно, тетрадиты существовали и во время 2-го вселенскаго собора. Такимъ образомъ повода къ опущенію Никейскаго постановленія о времени празднованія Пасхи у Александрійскихъ отцовъ не могло быть. Мало этого, у исповѣдниковъ не только не было поводовъ къ опущенію постановленія о Пасхѣ, равно и о мелетіанахъ, а напротивъ были всѣ поводы къ реставраціи ихъ и даже болѣе, чѣмъ къ реставраціи символа съ анаематствованіемъ и каноновъ, такъ какъ догматическія и каноническія постановленія собора въ силу своей значительной распространенности не могли быть совершенно уничтожены аріанами; наоборотъ опредѣленія о Пасхѣ и мелетіанахъ, какъ менѣе распространенныя, рано вышли изъ употребленія и потому болѣе нуждались въ реставраціи. Между тѣмъ исповѣдники воспроизводятъ, по Ревилью, тѣ опредѣленія, которыя не нуждались въ реставраціи, и не воспроизводятъ тѣхъ, которыя нужно было воспроизвести. Очевидно, Ревилью говоритъ о дѣятельности Александрійскаго собора и о Никейскихъ актахъ не на основаніи достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, а на основаніи своихъ фрагментовъ, приписываетъ Александрійскому и Никейскому собору то, что есть или о чемъ можно заключить на основаніи фрагментовъ, и отрицаетъ то, чего нѣтъ.

Но сдѣлаемъ Ревилью капитальную уступку: согласимся съ нимъ, что Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, дѣйствительно, реставрировалъ Никейскіе акты и реставрировалъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Что-же отсюда слѣдуетъ? Можно-ли и послѣ этой уступки признать, что то новое въ коптскихъ фрагментахъ, чего нѣтъ въ греческихъ и латинскихъ редакціяхъ, то есть гномы, или

¹⁾ Церковн. истор. V. 22.

²⁾ Церковн. истор. VI. 24; VII. 18.

нравственныя правила суть постановленія Никейскаго собора? Никакимъ образомъ. Если нельзя согласиться съ мнѣніемъ французскаго ученаго о дѣятельности Александрійскаго собора исповѣдниковъ, то въ данномъ случаѣ еще менѣе поводовъ къ согласію съ этимъ ученымъ. Мы уже показали, что нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о большемъ количествѣ Никейскихъ актовъ, чѣмъ сколько мы знаемъ ихъ. Свидѣтельство Геласія касательно этого вопроса вообще, въ частности касательно трехчастнаго состава Никейскихъ опредѣленій не имѣетъ цѣны и значенія. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній приписывать Никейскому собору нравственныя правила, или гномы, помѣщенные въ коптскихъ фрагментахъ. Кромѣ этихъ историческихъ доказательствъ сами гномы своимъ характеромъ и содержаніемъ рѣшительно говорятъ противъ своей принадлежности собору Никейскому.

а) Моральныя правила коптскихъ фрагментовъ изложены крайне безпорядочно, безъ всякаго плана и послѣдовательности. Правила объ одномъ предметѣ перемѣшиваются съ правилами о другомъ: однородныя правила помѣщаются въ разныхъ мѣстахъ, а разнородныя соединяются. Притомъ одни и тѣ-же правила часто безъ всякой нужды повторяются не только въ парафразѣ, но даже и въ буквальномъ видѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ правилахъ соборовъ, въ частности—въ правилахъ Никейскаго собора: въ нихъ нѣтъ многословія, есть планъ, послѣдовательность и стройность; предписанія распределены по предметамъ и самые предметы точно обозначены.

б) Правила коптскихъ фрагментовъ состоятъ изъ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ предписаній, что становится совершенно непонятнымъ, зачѣмъ собору нужно было составлять ихъ? Соборы вселенскіе всегда собирались для того, чтобы удовлетворить современнымъ потребностямъ, разрѣшить вопросы, недоумѣнія, прекратить раздѣленія и споры; поэтому ихъ опредѣленія и правила носятъ всегда отпечатокъ современныхъ потребностей, даютъ разрѣшеніе животрепещущимъ вопросамъ. Между тѣмъ гномы очень часто представляютъ собою просто изреченія свящ. Писанія, пе-

реданныя точно или въ видѣ парафраза. Къ чему собору было заниматься такой хрестоматіей? Правила, несомнѣнно принадлежащія Никейскому собору, не представляютъ ничего аналогичнаго съ правилами коптскими. с) Большинство моральныхъ правилъ, помѣщенныхъ въ коптскихъ фрагментахъ, дышетъ сильнымъ аскетизмомъ: они напоминаютъ наставленія отшельниковъ и такимъ-же отшельникамъ, а не опредѣленія собора, назначаемыя на все время, для всѣхъ лицъ, званій и состояній. Нѣкоторыя правила рѣшительно могутъ имѣть отношеніе только къ лицамъ, живущимъ въ монастыряхъ, но не приложимы ко всѣмъ и каждому; таковы напр. наставленія дѣвѣ (дѣва здѣсь прямо называется монахиней, какъ скоро хочетъ проводить жизнь дѣвственную). Но Никейскій соборъ не состоялъ изъ лицъ съ крайне-аскетическимъ направленіемъ. Мы знаемъ, что Никейскій соборъ не утвердилъ обязательнаго безбрачія даже для епископовъ и священниковъ, хотя это безбрачіе во многихъ церквахъ было обычно. Мало того, Никейскіе отцы не только не хотѣли другихъ стѣснять нравственно-ригорическими предписаніями, но и сами были далеки отъ этого ригоризма: они напр. охотно принимали участіе въ пиршествахъ, которыя дѣлалъ для нихъ Константинъ Великій. Все это не согласуется съ тѣмъ сильнымъ аскетизмомъ, которымъ проникнуты правила коптскихъ фрагментовъ. Правила эти могли явиться только въ Египтѣ, гдѣ монашескій духъ съ раннихъ поръ прочиталъ церковную атмосферу. d) Наконецъ, нѣкоторыя моральныя правила коптскихъ фрагментовъ рѣшительно не могутъ быть приписаны Никейскому собору по своей тривіальности, по своей оскорбительной для нравственнаго чувства человѣческаго неприкровенности. Самъ Ревилью не счелъ удобнымъ перевести таковыя на французскій языкъ и передаетъ ихъ на латинскомъ менѣе популярномъ. Напр. правила коптовъ говорятъ: „какъ земледѣлецъ не бросаетъ зеренъ на камни, потому что они (камни) ничего не производятъ для него, *ita nullus homo sapiens fundet semen suum ad meretrices, non enim germinaret*

ei, aut si forsau germinaret ad maledictionem esset“¹⁾).

Изъ сказаннаго ясно, что коптскіе фрагменты никакимъ образомъ не могутъ быть признаны за отрывки подлинныхъ актовъ Никейскихъ, реставрированныхъ Александрійскимъ соборомъ исповѣдниковъ, и не имѣютъ того важнаго значенія для исторіи Никейскаго собора, какое приписываетъ имъ французскій ученый.

Что-же это за документъ и какое дѣйствительное значеніе его для исторіи Никейскаго собора? На первый вопросъ мы не можемъ дать рѣшительнаго отвѣта. Отвѣта на этотъ вопросъ можно ждать отъ полнаго и обстоятельнаго описанія Туринскихъ и Боржіанскихъ манускриптовъ, какого мы теперь еще не имѣемъ. Вѣроятно, эти фрагменты представляли изъ себя какой-либо сборникъ, назначенный для частнаго употребленія, гдѣ наряду съ правилами и постановленіями соборовъ помѣщались и другія правила и наставленія, одобренныя обычаемъ и практикою. А можетъ быть, эти фрагменты составляли часть какой-либо церковной исторіи. Мѣстомъ происхожденія разбираемаго нами документа нужно признать Египеть: за это ручается строгій аскетизмъ, проникающій гномы, и самый переводъ документа на коптскій языкъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Относительно времени происхожденія коптскаго документа сказать что-либо положительное довольно трудно. Но во всякомъ случаѣ составленіе его нужно относить ко времени послѣ 2-го вселенскаго собора, потому что въ немъ находится точно сформулированное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца.

Что касается значенія коптскаго документа, какъ источника исторіи Никейскаго собора, то на этотъ вопросъ мы должны дать отрицательный отвѣтъ: коптскіе фрагменты не имѣютъ почти никакого значенія для исторіи Никейскаго собора. Та часть

¹⁾ Le Concile de Nicée 1873. p. 65. Разборъ гномовъ и доказательствъ ихъ непринадлежности Никейскому собору представлены въ статьѣ А. П. Лебедева: „Никейскій соборъ по коптскимъ текстамъ“. Чтен. общ. любит. духов. просв. 1875. III. Этою статьею пользовались и мы.

содержанія коптскихъ фрагментовъ, которая дѣйствительно принадлежитъ Никейскому собору, (символь съ анаематствованіемъ на Арія, списокъ епископовъ и бапоны) не представляетъ ничего новаго для характеристики Никейскаго собора; другая же часть, которая содержитъ новыя свѣдѣнія, не можетъ быть приписана Никейскому собору, такъ что мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести слова Амедея Пейрона, сказанныя имъ о всѣхъ Туринскихъ папирусахъ, къ коптскимъ фрагментамъ о Никейскомъ соборѣ: „все лучшее въ нихъ — старо; все новое — ново“¹⁾). Если чѣмъ и важны коптскіе фрагменты, такъ только тѣмъ, что они представляютъ очень тщательный списокъ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ. Въ этомъ списокѣ точно указано число епископовъ каждой провинціи, тщательно обозначены города и провинціи, особенно Египетскія и сосѣднія съ Египтомъ, епископы которыхъ присутствовали на Никейскомъ соборѣ, и имена самихъ епископовъ. Такой тщательно написанный списокъ епископовъ, конечно, важенъ, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что всѣ списки Никейскихъ отцовъ, сохранившіеся на греческомъ, латинскомъ и арабскомъ языкахъ, страдаютъ крайнею неисправностью. Притомъ коптскій списокъ въ нѣкоторыхъ частяхъ и полнѣе другихъ списковъ: здѣсь находятся указанія на такія каедры, епископы которыхъ никогда не считались присутствовавшими на соборѣ. Въ силу этого коптскій списокъ можетъ служить къ исправленію другихъ списковъ. Ленорманъ при помощи коптскихъ фрагментовъ, дѣйствительно, и сдѣлалъ очень много для исправленія списка Никейскихъ отцовъ. Вотъ все значеніе коптскихъ текстовъ Никейскаго собора.

Сирскіе акты Никейскаго собора.

Ничто подобное коптскимъ фрагментамъ представляетъ сир-

¹⁾ Болотова „Житіе Афу, епископа Пемджесскаго“. Христ. Чтен. 1886 г. мартъ—апрѣль. стр. 337.

свѣй памятникъ, также относящійся къ Никейскому собору. Этотъ памятникъ нашель кардиналь Пятра въ манускриптѣ Британскаго музея и издалъ его съ латинскимъ переводомъ въ IV т. своихъ „*Analecta sacra spicilegio solesmensi*“ (1883)¹⁾. Относительно важности и значенія этого документа самъ издатель прямо не сказалъ ничего. Но, какъ можно выводить изъ его словъ, онъ признаеть за документомъ глубокую древность и чуть-ли не считаеть его переводомъ, сдѣланнымъ съ подлиннаго экземпляра Никейскихъ актовъ. По крайней мѣрѣ эту мысль онъ довольно опредѣленно высказываетъ относительно канонѣвъ, находящихса въ разбираемомъ нами документѣ. „У сирійцевъ, говоритъ онъ, существуетъ нѣсколько переводѣвъ Никейскихъ канонѣвъ; который изъ нихъ сдѣланъ Маруфою въ IV вѣкѣ, сказать трудно; но думаемъ, что не далеко будемъ отъ истины, если припишемъ св. мужу, который былъ изъ числа Никейскихъ отцовъ, переводъ, имѣющійся въ двухъ кодексахъ Британскаго музея подъ № 14528 и 14529“²⁾. Въ виду высказаннаго мнѣнія о древности сирскаго документа, мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Содержаніе документа слѣдующее: 1) указывается время Никейскаго собора: „Великій св. и вселенскій соборъ 318 отцовъ, читаемъ въ документѣ, которые собраны были въ Никеѣ, Визинской митрополи, былъ въ 636 году греческой эры, т. е. отъ Селевка Никатора, царя Сиріи, какъ считають едессяне³⁾, въ консульство Павлина и Юліана, славныхъ мужей, въ 13-е іюльскихъ календъ, въ 20-й годъ царствованія императора Константина“. 2). Приводится образчикъ писемъ Константина, которыми онъ приглашалъ епископѣвъ на соборъ. 3) Помѣщается символъ тотъ самый, какой мы имѣемъ въ греческомъ текстѣ. Особенности

¹⁾ Pag. 224—240; 451—464.

²⁾ Pag. XXVIII.

³⁾ Эра едесская такъ же, какъ и сиро—македонская, начинается съ 311-го года до Рожд. Хр. Pitra. Anal. sacra t. IV. p. 452. not. I.

этого символа исключительно вербальныя и притомъ самыя незначительныя. Вотъ онѣ: въ анаематствованіи противъ Арія въ выраженіи: „утверждающихъ...., что Онъ (Сынъ) созданъ, предложимъ или измѣняемъ, предаеть анаемѣ каѳолическая церковь“ пропущено слово „созданъ“, къ понятію же „церковь“ прибавлены эпитеты „святая и апостольская“ (sancta et apostolica). 4). За символомъ и анаематизмами на Арія идутъ анаематизмы на Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, Манеса, Валентина, Маркіона и на всѣхъ еретиковъ, возстающихъ противъ церкви. 5). Указывается форма подписи епископовъ Никейскихъ и объясняется причина, почему подписи не всѣхъ 318 отцовъ находятся въ спискахъ. 6). Дѣлается замѣтка объ опредѣленіи собора касательно времени празднованія Пасхи. 7). Приводятся 20 канонъ и 8) списокъ епископовъ (числомъ 220¹⁾).

Изъ представленнаго содержанія сирскаго памятника открывается, что документъ этотъ никакъ нельзя признать переводомъ подлинныхъ актовъ Никейскаго собора: за это ручаются помѣщенные въ нихъ анаематизмы противъ разныхъ еретиковъ, особенно противъ Фотина, которыхъ не имѣлъ въ виду Никейскій соборъ. Вѣроятно, этотъ документъ, какъ и коптскіе тексты, назначался для частнаго пользованія, гдѣ къ подлиннымъ Никейскимъ опредѣленіямъ присоединены разъясненія, вызванныя потребностями времени. Образовался этотъ памятникъ еще до 2-го вселенскаго собора: въ немъ нѣтъ никакихъ намековъ на установленную формулу ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца.— Не имѣя достоинства подлинныхъ актовъ Никейскаго собора, сирскій памятникъ не лишенъ, однако, значенія, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора.

1) Въ этомъ памятникѣ приводится въ подлинномъ видѣ письмо императора Константина къ епископамъ съ приглашеніемъ

¹⁾ Списокъ епископовъ у Пятра приводится въ двухъ экземплярахъ— въ сирскомъ и армянскомъ; послѣдній содержитъ въ себѣ только 211 именъ.

прибыть въ Никею на вселенскій соборъ, каковаго письма не сохранили намъ другіе историческіе памятники. Въ подлинности этого письма едва-ли можно сомнѣваться. Содержаніе письма вполне соотвѣтствуетъ той характеристикѣ, какую дѣлаетъ о приглашенныхъ письмахъ Евсевій. Евсевій говоритъ, что императоръ приглашалъ епископовъ на соборъ почтительными грамотами¹⁾. Въ нашемъ посланіи императоръ называетъ епископовъ: „*dilecti fratres, dilectissimi fratres*“,—и не просто приказываетъ епископамъ явиться въ Никею, но разъясняетъ имъ причины, почему именно Никея выбрана мѣстомъ собора, а не какой-либо другой городъ. Причины эти слѣдующія: а) въ Никею удобнѣе и легче было пріѣхать епископамъ Италіи и остальной Европы²⁾; б) Никея отличалась благоуханностью воздуха; в) императору, имѣвшему свою резиденцію въ Никомидіи, удобно было наблюдать за соборомъ въ Никеѣ, такъ какъ Никомидія была недалеко отъ Никеи.³⁾

2) Въ сирскомъ документѣ приводится списокъ Никейскихъ отцовъ; а каждый новый экземпляръ списка имѣетъ значеніе, потому что онъ можетъ помогать дѣлу исправленія списковъ.

Преніе Аѳанасія Александрійскаго съ Аріемъ на Никейскомъ соборѣ⁴⁾

Преніе Аѳанасія съ Аріемъ представляетъ разговоръ между Аѳанасіемъ и сторонниками Арія, а потомъ и самимъ Аріемъ на

1) Жизнь Константина. Ш. 6.

2) Никея чрезъ озеро имѣла хорошее сообщеніе съ пропонтидою (храморнымъ моремъ).

3) Никея отстояла отъ Никомидіи въ 20 миляхъ. Лекціи Станлея. Прав. Обзор. 1863 г. 2 т. 38 стр.

4) Полное заглавіе этого сочиненія въ греческомъ подлинникѣ слѣдующее: „*Διάλογος ἐν τῇ κατὰ Νίκειαν συνόδῳ πρὸς Ἀρειὸν*“. Въ другихъ кодексахъ заглавіе этого сочиненія нѣсколько варьируется. Такъ въ Августинскомъ кодексѣ это сочиненіе озаглавливается: „*Διάλογος ἐν τῇ κατὰ Νίκειαν πρὸς Ἀρειανόν*“; въ Базиліанскомъ и Англиканскомъ: „*τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου, ἀρχιεπισκόπου*

Никейскомъ соборѣ, — разговоръ очень длинный. Такое содержаніе сочиненія ставитъ предъ читателемъ дилемму: этогь памятникъ есть или точная записъ дѣйствительнаго разговора, составленная во время самаго пренія, — въ такомъ случаѣ въ немъ все достовѣрно, — или же преднамѣренный подлогъ фальсификатора, такъ какъ нельзя передать съ дословною точностью длинные разговоры спустя долгое время послѣ того, какъ они происходили, а тѣмъ болѣе лицу, не бывшему непосредственнымъ слушателемъ этихъ разговоровъ: *tertium non datur*. Такой характеръ памятникъ облегчаетъ и разборъ его: здѣсь придется имѣть дѣло только съ двумя предположеніями.

Сочиненіе носитъ имя Аѳанасія Александрійскаго. Если-бы заглавіе было закононо, т. е. если бы преніе дѣйствительно принадлежало Аѳанасію, то это служило бы ручательствомъ за достовѣрность его содержанія и его можно было бы признать за подлинную записъ части соборныхъ протоколовъ. Но дѣло въ томъ, что это произведеніе не можетъ принадлежать св. Аѳанасію и никому изъ его современниковъ. а) По нѣкоторымъ изданіямъ разбираемый нами памятникъ носитъ такое заглавіе: „*Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας διαλέξις ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ ἐν ἔτει τῆς θείας σαρκώσεως τι', ἐν ἡμέραις τοῦ εὐσεβοῦς βασιλέως Κωνσταντίνου καὶ τοῦ μακαρίου πατᾶ Σιλβέστρου καὶ ἐπισκόπου Βιζαντίου Ἀλεξάνδρου*“. Если такое заглавіе признать первоначальнымъ, выпшедшимъ отъ самого автора, то оно своимъ невѣжественнымъ анахронизмомъ ясно говоритъ за позднее происхожденіе сочиненія. б) Въ этомъ діалогѣ говорится, что сынъ Константина Великаго — Констанцій царствовалъ совмѣстно со своимъ отцомъ¹⁾: опять показаніе не-

που Ἀλεξανδρείας διαλέξις ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ“. Сочиненіе это всегда издавалось вмѣстѣ съ твореніями св. Аѳанасія; оно находится уже въ самомъ древнемъ Випценскомъ изданіи твореній Аѳанасія (1482 г.), а затѣмъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Въ новѣйшемъ изданіи Мпня оно помѣщено въ 28 томѣ греч. серіи среди сочиненій подложныхъ (*spuria*).

¹⁾ Migne. t. 28. с. 28.

вѣроятное для Аѳанасія или его современника. Константинъ Великій царствовалъ единодержавно и его сыновья не были его соправителями. Очевидно, здѣсь перемѣшаны историческія лица и событія: совмѣстное царствованіе Констанція и Константина II, сына Константина Великаго, принято за совмѣстное царствованіе Константина Великаго и Констанція. е) Въ преніи Аѳанасій свидѣтельствуетъ, что достоинство клирика Аріій получилъ не отъ православныхъ епископовъ, а отъ еретиковъ¹⁾: невѣроятность. Положимъ, Аріій былъ нѣкогда участникомъ расколоучителя Мелегія въ его нововведеніяхъ, но достоинство клирика (сначала діакона, а потомъ священника) онъ получилъ отъ православныхъ епископовъ Александріи—Петра и Ахиллы²⁾. Аѳанасію это, конечно, было хорошо извѣстно и онъ никогда не допустилъ бы такой несправды. д) Наконецъ, въ этомъ преніи Аѳанасій, толкуя текстъ св. Писанія „Азъ и Отець едино есма“ (Іоан. X, 30), признаетъ двойственность (δύαξ) въ Богѣ³⁾. Невѣроятно, потому что Аѳанасій, какъ видно изъ несомнѣнно подлинныхъ его сочиненій, считалъ этотъ терминъ противорѣчащимъ ученію о Троицѣ и отвергалъ его⁴⁾.

За непринадлежность разбираемаго нами произведенія Аѳанасію Александрійскому ручается, кромѣ его содержанія, и глубокое молчаніе о немъ всѣхъ древнихъ писателей, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли поводъ упомянуть о немъ. Такъ напр. когда Кириллъ Александрійскій⁵⁾, а равнымъ образомъ церковные историки: Руфинъ⁶⁾, Сократъ⁷⁾ и Созомень⁸⁾ говорятъ объ участіи

1) Ibid. с. 46.

2) Созомень Церк. ист. II. 15.

3) Καὶ τὴν θυσίαν τελείαν παρέστῆσεν ἐν τῷ λέξει ἐν ἑσμεν. с. 40.

4) Посланіе къ Серапіону. Тв. ч. III. стр. 3. Migne t. 26. с. 2.

5) Epist. I. ad monachos Aegypti. Migne curs. patr. gr. ser. t. 77. с. 16.

6) Rufin. Hist. eccles. I. 6. Migne t. 21. ser. lat.

7) Церковн. ист. 1. 8.

8) Церковн. ист. 1. 15.

Аѳанасія Александрійскаго въ спорахъ съ аріанами на Никейскомъ соборѣ, то они вовсе не упоминаютъ объ этомъ сочиненіи Аѳанасія. Но они непременно указали бы на него съ одной стороны, какъ на доказательство истинности своихъ словъ, а съ другой — какъ на болѣе подробный и обстоятельный источникъ, откуда можно заимствовать свѣдѣнія объ участи Аѳанасія въ спорахъ, если бы это сочиненіе было имъ извѣстно. Очевидно, древность не знала среди сочиненій Аѳанасія разбираемаго нами произведенія.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, что преніе не можетъ принадлежать Аѳанасію, а равнымъ образомъ никому изъ современниковъ Аѳанасія. Но если этотъ памятникъ не запись современника и очевидца, то, какъ мы сказали выше, онъ непременно подлогъ, фальсификація: средняго здѣсь быть не можетъ, — и какъ подлогъ фальсификатора, онъ не можетъ имѣть никакого значенія для исторіи Никейскаго собора. Этотъ выводъ получить еще большую устойчивость, если мы обратимся къ самому содержанію пренія.

1. Преніе говоритъ намъ, что на Никейскомъ соборѣ поднимался вопросъ не о Божествѣ только Сына Божія, но и Святаго Духа: и православные и аріане очень полно и опредѣленно высказывали свои мысли относительно этого вопроса. Такъ Аѳанасій въ своемъ исповѣданіи даетъ уже очень обстоятельное изложеніе ученія о Св. Духѣ, Его Божествѣ и отношеніи къ Отцу и Сыну. Вотъ его исповѣданіе по вопросу о Св. Духѣ: „(Вѣрую) и въ Духа Святаго, что Онъ одинаковой сущности съ Отцемъ и что Онъ совѣченъ Отцу и Сыну“¹⁾. Равнымъ образомъ и Арій въ изложеніи своего ученія говоритъ не только о Сынѣ Божіемъ, но и Святомъ Духѣ. „(Вѣрую) и въ Духа Святаго, Который сотворенъ Сыномъ“²⁾. Затѣмъ между Аѳана-

²⁾ „Πιστεύω καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον ὅτι τῆς τοῦ Πατρὸς ἐστὶν οὐσίας, καὶ συναϊδίον τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ τοῦ ἁγίου τὸ ἅγιον Πνεῦμα“ (с. 5).

³⁾ „Πιστεύω καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, τὸ ὑπὸ τοῦ Υἱοῦ γεγενῆς“ (с. 6).

сіемъ и Аріємъ идетъ продолжительный споръ по вопросу о Божествѣ Св. Духа и отношеніи Его къ Отцу и Сыну¹⁾, въ которомъ Аріій доказываетъ свой взглядъ на Св. Духа, какъ на твореніе и низшее Сына, а Аѳанасій утверждаетъ равенство и единосущіе Святаго Духа съ Отцемъ и Сыномъ. Но ученіе аріанъ о Святомъ Духѣ появилось гораздо позднѣе Никейскаго собора. Даже въ 1-мъ символѣ Антиохійскаго собора 341 г. ученіе о Святомъ Духѣ представлено аріанами въ томъ-же краткомъ и неопредѣленномъ видѣ, какъ и въ символѣ Никейскомъ: „Вѣруемъ также и въ Духа Святаго“²⁾. Аріанское ученіе о Святомъ Духѣ открыто было высказано не ранѣе 341 г. Къ этому же времени нужно относить и заботы православныхъ точно и опредѣленно формулировать ученіе о Святомъ Духѣ. На Никейскомъ-же соборѣ вопроса о Святомъ Духѣ вовсе не поднималось. Самымъ сильнымъ доказательствомъ этого служить символъ Никейскій. Если-бы на Никейскомъ соборѣ поднимались какіе-либо вопросы о Святомъ Духѣ, то въ символѣ точно и подробно было бы изложено православное ученіе о Святомъ Духѣ; точно также сдѣлано было бы упоминаніе о неправомыслящихъ по этому вопросу и въ анаѳематствованіи. Между тѣмъ въ анаѳематизмахъ Никейскихъ нѣтъ никакихъ упоминаній о духоборцахъ, а въ символѣ ученіе о Святомъ Духѣ представлено въ такомъ краткомъ и неопредѣленномъ видѣ, въ какомъ оно не отвергается самыми крайними духоборцами. Въ пользу нашей мысли говорятъ и положительныя свидѣтельства. Такъ Епифаній Кипрскій въ своемъ Панаріи³⁾ прямо замѣчаетъ, что Никейскій соборъ не разсуждалъ о Святомъ Духѣ. „Если-бы нѣкоторые изъ нихъ (духоборцевъ), пишетъ Епифаній, захотѣли сказать, мы сами исповѣдуемъ вѣру, изложенную на Никейскомъ соборѣ: покажи-же намъ

¹⁾ с. 37—44.

²⁾ Аѳанасій „посланіе о соборахъ“. Твор. ч. III стр. 134. Migne. t. 26. с. 22.

³⁾ Ересь 74 противъ духоборцевъ.

на ея основаніи, что Духъ Святой сопричисляется съ Божествомъ, то они окажутся изблеченными этою вѣрою. *Тогда не было изысканія о Духъ*. Что подлежить изслѣдованію въ извѣстное время, о томъ соборы составляютъ твердое опредѣленіе“. Василій Великій во многихъ своихъ письмахъ утверждаетъ то-же самое ¹⁾.

2. Преніе говоритъ намъ, что Аѳанасій убѣдилъ Арія въ неправоности его мнѣній и истинности общецерковнаго ученія: Арій согласился съ Аѳанасіемъ, призналъ единосущіе Сына и Духа Святаго съ Отцемъ, ихъ полное равенство, полное всемогущество ²⁾, сталъ восхвалять православное ученіе о единосущной Троицѣ, ублажать тѣхъ, которые твердо хранятъ православную вѣру, и просилъ Аѳанасія помолиться вмѣстѣ съ нимъ ³⁾; но Аѳанасій не принялъ его въ общеніе ⁴⁾. Здѣсь опять несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью. Арій, какъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, нисколько не отступилъ на Никейскомъ соборѣ отъ своихъ воззрѣній, за что и подвергся ссылкѣ ⁵⁾. Онъ исповѣдалъ православное ученіе о единосущіи Сына Божія (и то неполно и лицемѣрно) уже много спустя послѣ Никейскаго собора ⁶⁾.

Изъ сказаннаго ясно, что преніе на имѣетъ характера достовѣрнаго историческаго повѣствованія. Это не болѣе, какъ амплификація нанегириста, который очень свободно обращается съ историческими фактами и передаетъ ихъ въ томъ видѣ, въ той связи и послѣдовательности, въ какой это ему нужно, не справляясь съ тѣмъ, соотвѣтствуетъ-ли его повѣствованіе исторической дѣйствительности.

¹⁾ Basil. Magn. Epist. 125. col. 550. c. 3. Epist. 159. col. 620. c. 2. Epist. 258. col. 949. c. 2. Migne t. 32 (по русск. перев. Твор. ч. 6. письмо 120; 154; ч. 7—письмо 250).

²⁾ с. 37. 46.

³⁾ с. 46.

⁴⁾ с. 47.

⁵⁾ Сокр. I, 8.

⁶⁾ Сокр. I, 26; Созом. II, 27.

О времени происхожденія пренія нельзя сказать ничего положительнаго. Но на основаніи глубокаго молчанія объ этомъ сочиненіи церковныхъ историковъ (Руфина, Сократа, Созомена) и Кирилла Александрійскаго, говорившихъ о дѣятельности Аѳанасія на Никейскомъ соборѣ, а также и Геласія Кизическаго, тщательно разыскивавшаго всякія извѣстія о соборѣ, можно съ вѣроятностью относить происхожденіе пренія ко времени послѣ V вѣка ¹⁾).

Мы разсмотрѣли вопросъ объ актахъ Никейскаго собора, понимаемыхъ какъ въ смыслѣ опредѣленій, такъ и въ смыслѣ протоколовъ засѣданій, и нашли, что отъ опредѣленій остались только отрывки, сохраненные разными писателями, а протоколовъ никогда не существовало. Документы, которые выдаются за акты собора, не могутъ быть признаны таковыми. Все это заставляетъ обращаться къ древнимъ повѣствованіямъ о Никейскомъ соборѣ, какъ главнымъ и единственнымъ источникамъ исторіи этого послѣдняго. Къ обзорѣннѣе разныхъ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ мы теперь и перейдемъ.

Глава II-я.

Повѣствованія о Никейскомъ соборѣ современниковъ его—Евсевія Кесарійскаго, св. Аѳанасія Александрійскаго и св. Евстаѳія Антиохійскаго.

Въ ряду источниковъ исторіи Никейскаго собора первое мѣсто занимаютъ сказанія объ этомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго,

¹⁾ Кроме разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ за акты Никейскаго собора выдаются еще нѣкоторыя произведенія. Такъ исторія Геласія Кизическаго, по свидѣтельству самаго автора, заключаетъ въ себѣ отрывки подлинныхъ актовъ Никейскаго собора. Существуетъ еще анонимное сочиненіе, которое носитъ громкое заглавіе „актовъ Никейскихъ“. Но такъ какъ эти памятники скорѣе можно назвать повѣствованіями о соборѣ, чѣмъ актами, то мы и разсмотримъ ихъ при разборѣ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ.

Анастасія Александрійскаго и Евстазія Антіохійскаго. Всѣ эти поименованные писатели, повѣствованія которыхъ о Никейскомъ соборѣ дошли до насъ (хотя и не всѣ въ полномъ видѣ), были не только современниками, но и очевидцами собора. Всѣ они присутствовали на Никейскомъ соборѣ и принимали живое и дѣятельное участіе въ его засѣданіяхъ. Поэтому они вполне авторитетны въ своихъ показаніяхъ о соборѣ: они заимствуютъ свои свѣдѣнія не изъ вторыхъ рукъ, а изъ непосредственнаго наблюденія надъ соборомъ и ходомъ его засѣданій. Но, признавая авторитетность названныхъ писателей въ показаніяхъ о Никейскомъ соборѣ, мы должны замѣтить, что ихъ повѣствованія о соборѣ все-же нуждаются въ критикѣ. Мы не можемъ пользоваться этими повѣствованіями безъ всякаго разбора, принимать каждое показаніе ихъ за несомнѣнную истину, а особенно довѣрять ихъ изображенію и свидѣтельству о порядкѣ и послѣдовательности соборныхъ засѣданій и разсужденій. Всѣ сказанія названныхъ писателей передаютъ исторію собора далеко не въ одномъ и томъ же видѣ (особенно такъ представляется при первомъ взглядѣ на эти сказанія), между ними существуютъ нѣкоторыя разногласія. Причина этого заключается въ томъ, что названные писатели въ своихъ повѣствованіяхъ о соборѣ руководились не научно-историческими, а чисто-практическими цѣлями; ихъ сочиненія назначались не для того, чтобы дать полное описаніе собора, полную исторію и обстоятельное изображеніе всѣхъ дѣйствій его, а чтобы выяснитъ тотъ или другой частный практическій вопросъ на основаніи исторіи собора¹⁾). Руководясь такими цѣлями, названные писатели выбираютъ и передаютъ изъ исторіи собора только отдѣльные эпизоды, указываютъ только одни для нихъ нужные моменты соборной дѣятельности, оставляя въ тѣни другіе; при-

¹⁾ Исключеніе представляетъ только сочиненіе Евсевія „Жизнь Константина“ — и то не вполне. „Жизнь Константина“, какъ панегирическое произведеніе, нельзя назвать строго историческимъ сочиненіемъ; въ немъ историческія цѣли соединяются съ панегирическими и перья часто приносятся въ жертву послѣднимъ.

этомъ они иногда соединяють въ одно и передають въ послѣдовательности и связи такія дѣйствія собора, которыя въ дѣйствительности разъединены были другими дѣйствіями. Отсюда разногласіе между писателями современниками, но отсюда же необходимость критическаго разбора ихъ сказаній для правильности пользованіями ими, какъ источниками.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго.

Мѣсто рожденія Евсевія Памфила неизвѣстно; время его рожденія съ вѣроятностью относятъ къ царствованію императора Валеріана (253—259)¹⁾. Незвѣстно также ничего о родителяхъ Евсевія, а изъ родственниковъ его у древнихъ писателей можно найти упоминаніе только объ одномъ Никомидійскомъ епископѣ Евсевіи²⁾. Первоначальное образованіе онъ, вѣроятно, получилъ дома; потомъ мы видимъ его въ Кесаріи Палестинской, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Памфиломъ, пресвитеромъ Кесарійскимъ, посвящаетъ все время учебнымъ занятіямъ. Былъ Евсевій также и въ Антиохіи и слушалъ здѣсь уроки знаменитаго пресвитера Доротея. Во время гоненія Діоклетіана онъ оставилъ Кесарію и переходилъ съ мѣста на мѣсто, побывалъ въ разныхъ углахъ Палестины, Финикіи, былъ въ Египтѣ и Фиваидѣ. По прекращеніи гоненія онъ снова является въ Кесаріи и около 315 года³⁾ избирается въ тамошніе епископы. На каедрѣ Кесарійскаго епископа онъ и оставался до самой своей смерти, которую, обыкновенно, относятъ къ 340-му году⁴⁾. Во время своего епископства онъ принималъ дѣятельное участіе въ аріанскихъ движеніяхъ и присутствовалъ на многихъ соборахъ, въ томъ числѣ и на первомъ вселенскомъ соборѣ—Никейскомъ.

1) Розановъ. Евсевій Памфилъ. Москва. 1880. стр. 3.

2) Теодоритъ. Церковн. истор. 1. 5. (по изд. Миня. с. 4).

3) Евсевій. Церковн. истор. X. 4.

4) Сократъ. Церк. ист. II. 78.

Свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ Евсевій передаетъ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ—въ „Жизни царя Константина“ и въ „посланіи къ кесарійцамъ въ Палестинѣ“.

Прежде чѣмъ приступить къ обзорѣнню этихъ свѣдѣній, считаемъ не лишнимъ отмѣтить нѣкоторыя черты въ возрѣніяхъ Евсевія, которыя наложили отпечатокъ на его сказанія о Никейскомъ соборѣ.—Евсевій Памфилъ былъ человекъ склонный къ тихой, спокойной жизни, а потому для него очень дороги были миръ, безопасность и благополучіе. Какъ высоко цѣнилъ Евсевій миръ и спокойствіе, это очень ясно видно изъ его словъ о состояніи церкви и христіанства во времена императора Константина, произведшаго переворотъ во вѣщнемъ положеніи христіанъ. „Послѣ прежнихъ мрачныхъ зрѣлищъ и страшныхъ повѣтствованій, говоритъ онъ въ началѣ 10 кн. своей исторіи, мы удостоились созерцать теперь и славить то, что желали видѣть на землѣ и не видѣли, хотѣли слышать на землѣ и не слышали многіе истинные праведники и мученики Божіи... Теперь свѣтлый и ясный день, не омраченный никакимъ облакомъ, озарилъ лучами небснаго свѣта церкви Христовы во всей вселенной, такъ что и тѣ, которые не принадлежатъ къ нашему братству, могутъ пользоваться одинаковымъ съ нами жребіемъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ наслаждаться отраженіемъ Божественныхъ благъ, сдѣлавшихся нашимъ достояніемъ“¹⁾. Состояніе церкви при Константиנѣ было, по Евсевію, самое блестящее, вполне идеальное. „Настала, говоритъ онъ о времени царствованія Константина, какая-то новая и преобразованная жизнь, тогда на мѣстѣ мрака вдругъ возсіялъ смертнымъ дивный свѣтъ“²⁾. Такъ высоко цѣня миръ и спокойствіе и безмѣрно восхваляя виновниковъ мира, Евсевій, наоборотъ, очень непріязненно относился ко всему, что нарушало миръ и тишину, производило волненія и безпокойства.

¹⁾ Церковн. ист. X. I.

²⁾ „Жизнь Константина“ III. I.

Особенно непріязненно относился Евсевій къ догматическимъ тринитарнымъ спорамъ, бывшимъ въ его время. Будучи противникомъ всякихъ споровъ, какъ возмущавшихъ „глубокій, торжественный миръ“, считая ихъ „порожденіемъ зависти“¹⁾, Евсевій вооружался противъ тринитарныхъ споровъ еще и потому, что считалъ ихъ совершенно бесполезными, такъ какъ предметы этихъ споровъ недоступны человѣческому пониманію. „Мы не понимаемъ, говорить онъ, тысячи такихъ вещей, которыя находятся предъ нашими глазами. Кто знаетъ, какимъ образомъ душа соединена съ тѣломъ и какимъ образомъ она оставляетъ его, каково существо ангельское, какова сущность нашей души? И мы послѣ этого дерзаемъ доискиваться познанія сущности вѣчнаго Божества, когда уже и здѣсь видимъ себя окруженными такимъ множествомъ затрудненій? Зачѣмъ спрашивать о неистощимомъ? Почему не удовлетвориться свидѣтельствомъ Отца о возлюбленномъ Сынѣ „вотъ Сынь Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе: Сего послушайте“? ²⁾. Въ другомъ своемъ сочиненіи Евсевій выражается такимъ образомъ о томъ-же предметѣ: „Споръ ничему не научаетъ... Ибо когда есть намътованіе о Богѣ, то благочестивый умъ трепещетъ, нѣмощствуетъ и языкъ“....³⁾ и еще: „состязаніе приличествуетъ конямъ, а не церкви Божіей“⁴⁾. Итакъ любовь къ миру и спокойствію, наоборотъ непріязнь ко всѣмъ волненіямъ, въ частности и въ особенности къ догматическимъ тринитарнымъ спорамъ, какъ совершенно бесполезнымъ,—вотъ первая характеристическая черта Евсевія, имѣвшая вліяніе на его отношеніе къ Никейскому собору, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на его сказанія о соборѣ.

¹⁾ Жизнь Константина II. 1.

²⁾ De ecclesiastica Theologia. lib. I. c. 12. col. 848—849. Migne gr. ser. t. 24.

³⁾ De fide adversus Sabellium lib. I. Migne t. 24, col. 1055.

⁴⁾ Ibid. lib. II col. 1063.

Другая черта, которую намъ нужно отмѣтить во взглядахъ Евсевія, это его религиозныя богословскія воззрѣнія. Евсевій былъ глубокимъ почитателемъ идей Оригена, главнаго представителя теоріи субординаціонизма въ ученіи о Св. Троицѣ, теоріи, которая близко подходила къ арианской доктринѣ. Евсевій также держался теоріи субординаціонизма и по своимъ воззрѣніямъ довольно близко стоялъ къ Арію. Евсевій считалъ Сына низшимъ Отца, второю сущностью (*δεύτερα μετ' αὐτόν [Θεὸν] οὐσία*)¹⁾, вторымъ виновникомъ происхожденія міра²⁾. Отець, по Евсевію, есть первый и большій Богъ (*πρῶτος καὶ μείζων*), высшій и большій (*ὁ ἀνωτάτω καὶ μείζων αὐτός*), отличный отъ Сына (*διαφερόντος τοῦ χρισμένου*)³⁾. Логосъ есть господинъ надъ всѣмъ существующимъ и, въ свою очередь, имѣетъ надъ собою господиномъ высшаго Бога⁴⁾. Для характеристики до-Никейскихъ воззрѣній Евсевія на отношеніе Сына Божія къ отцу можно привести еще одно мѣсто изъ его церковной исторіи. „Прославляя Отца всяческихъ, говоритъ Евсевій, не оставимъ безъ прославленія и вторую причину (*δεύτερον αἴτιον*) нашихъ благъ, Началоположника богопознанія... Иисуса“⁵⁾. Держась такихъ взглядовъ на отношеніе Сына Божія къ Отцу, Евсевій, при возникновеніи споровъ между православными и арианами, естественно, долженъ былъ примкнуть къ партіи послѣднихъ. Онъ такъ и дѣлаетъ. Онъ принимаетъ Арія подъ свое покровительство и убѣждаетъ Александрійскаго епископа Александра принять отлученнаго Арія въ церковное общеніе на томъ основаніи, что ученіе Арія есть единственно правильное, вполне православное. „Ты обвиняешь арианъ въ томъ, писалъ Евсевій Александру, что буд-

1) *Demonstr. Evang. Migne t. 22. lib VI. prooemium.*

2) *Ibid. V. prooemium.*

3) *Demonstr. Evang. lib. VI. c. 15. col. 305.*

4) *Ibid. IV. c. 4, 8.*

5) Евсевій. Церк. ист. X. 4.

то бы они говорятъ: „Тотъ, Который существуетъ, родилъ Того, Который не существовалъ“. А я удивляюсь, можно-ли еще сказать иначе: ибо если существующій есть только одинъ, то, конечно, все съ Нимъ произошло отъ Него. Если-же существующій не одинъ, а Сынъ также есть „Тотъ, Который есть“, то какимъ образомъ Того, Который былъ, могъ родить Тотъ, Который есть“ ¹⁾. На соборъ Никейскій Евсевій явился съ тѣми же воззрѣніями аріанскаго характера и желалъ отстоять ихъ. Положимъ, онъ на соборѣ велъ себя очень осторожно, не высказывалъ никакой вражды къ православнымъ, не соединялся съ крайними аріанами, во главѣ которыхъ стоялъ Евсевій Никомидійскій, но тѣмъ не менѣе онъ не оставлялъ своего аріанскаго образа мыслей и въ глубинѣ души былъ далекъ отъ православія. Яснымъ доказательствомъ этого служить символъ Евсевія, представленный имъ на соборѣ въ качествѣ формулы вѣры ²⁾. Въ этомъ символѣ, правда, нѣтъ терминовъ, составлявшихъ отличительную особенность крайняго аріанства, какъ-то: Сынъ—тварь, произведеніе и т. п., но

¹⁾ Отрывки изъ этого письма приведены въ дѣяніяхъ 7-го вселенскаго собора (дѣяніе 6).

²⁾ Относительно того, какъ смотрѣть на символъ, предложенный Евсевіемъ на Никейскомъ соборѣ, какъ на символъ ли помѣстной Кесарійской церкви или какъ на символъ, принадлежащій лично Евсевію, нарочито имъ составленный на соборѣ или для собора, относительно этого ученые разногласятъ. Изъ русскихъ ученыхъ очень рѣшительно высказали свои мнѣнія по этому вопросу о. Иванцовъ-Платоновъ и проф. Ал. П. Лебедевъ. О. Иванцовъ считаетъ символъ, представленный Евсевіемъ, символомъ помѣстной Кесарійской церкви (Рел. движ. стр. 118); профессоръ-же Лебедевъ признаетъ этотъ символъ за личное произведеніе Евсевія (Всел. соб. IV и V вв. стр. 20—21; Изъ ист. всел. соб. IV и V вв. стр. 90. примѣч. 1). Мы, съ своей стороны, склоняемся ко второму мнѣнію, какъ болѣе основательному и имѣющему за себя довольно всѣкя доказательства. Кроме тѣхъ аргументовъ, какіе приводить въ пользу этого мнѣнія Ал. П. Лебедевъ, по нашему мнѣнію, можно привести еще одинъ. Евсевій въ своемъ посланіи къ кесарійцамъ пишетъ: „мы сочли *необходимымъ* послать къ вамъ (т. е. кесарійцамъ) предложенную нами формулу вѣры“... и далѣе дословно приводитъ эту формулу (Mign t. 20. col. 1537. Дѣянія I, 191—192). Если-бы символъ, внесенный Евсевіемъ на соборъ, былъ символомъ Кесарійской церкви, то Евсевію не было-бы *необходимости* послать его къ своей паствѣ; ему достаточно было бы только указать на него.

всѣ выраженія такого характера, что они очень неточно и неопредѣленно выражали ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу и могли быть поняты въ аріанскомъ смыслѣ. Вотъ какъ излагается это ученіе: „Вѣруемъ во единого Господа Иисуса Христа, Божіе Слово, Бога отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта, жизнь отъ жизни, Сына единороднаго, перворожденнаго всея твари, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго“¹⁾. Здѣсь Сынъ исповѣдывается и Богомъ и происшедшимъ отъ Отца; но это такъ или иначе допускали и крайніе аріане; главный же вопросъ о степени близости Сына къ Отцу здѣсь нисколько не разрѣшается. Далѣе, въ символѣ Евсевія слишкомъ выдѣляются одно отъ другаго Лица св. Троицы. „Вѣруемъ, читаемъ въ символѣ Евсевія, что каждый изъ нихъ — Отецъ, Сынъ и Духъ Святой есть и имѣетъ свое бытіе, что Отецъ истинно Отецъ, Сынъ истинно Сынъ, Духъ Святой истинно Духъ Святой“²⁾. Этимъ выдѣленіемъ лицъ св. Троицы Евсевій значительно отдѣлялся отъ церковнаго ученія о существennomъ единеніи Сына Божія съ Отцомъ. Довозательствомъ аріанскаго образа мыслей (конечно, въ умѣренной формѣ) Евсевія на соборѣ служить и то, что онъ, по свидѣтельству Сократа³⁾, затруднялся и недоумѣвалъ, слѣдуетъ-ли принять изложенную формулу вѣры (Никейскій символъ). Приверженцемъ аріанской доктрины Евсевій остался и послѣ Никейскаго собора. Въ его сочиненіяхъ, появившихся послѣ Никейскаго собора, ясно сквозитъ аріанское ученіе. Такъ въ сочиненіи противъ Маркелла Евсевій только одному Отцу придаетъ эпитеты: *ἀναρχος* (безначальный), *αἰδιος* (вѣчный), не выражаясь вѣлѣвъ затѣмъ такимъ-же образомъ о Сынѣ⁴⁾. Сынъ, по его воззрѣнію, есть посредникъ между Богомъ и ангелами: Онъ не ангелъ и не Богъ, Который надъ всѣми, — Богъ только одинъ⁵⁾.

¹⁾ Migne t. 20 col. 1537. Дѣян. I. стр. 192.

²⁾ Migne t. 20 col. 1537. Дѣян. I. стр. 192.

³⁾ Сократъ. Церкви. ист. I. 8.

⁴⁾ Contra Marcellum. Migne t. 24. lib. I c. I. col. 720.

⁵⁾ Ibid; col. 728. Подробнѣе объ аріанствѣ Евсевія см. Розанова „Евсевій

Указанныя двѣ черты въ воззрѣніяхъ Евсевія, т. е. его любовь къ миру и непріязнь къ спорамъ вообще, въ особенности — къ догматическимъ тринитарнымъ, съ одной стороны, и приверженность къ арианству, съ другой — должны были наложить и дѣйствительно наложили очень замѣтный отпечатокъ на его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ, дали этимъ повѣствованіямъ иную окраску, чѣмъ какой требовали безпристрастіе и объективное отношеніе къ дѣйствительности. Никейскій соборъ, событіе въ высшей степени грандіозное и величественное, самъ по себѣ способенъ былъ привести въ восторгъ Евсевія, тѣмъ болѣе, что онъ (соборъ) имѣлъ въ виду водворить миръ и спокойствіе, чего такъ сильно желалъ Евсевій. Но имѣя въ виду прекратить споры и водворить миръ, Никейскій соборъ въ то-же время не осудилъ въ принципѣ самыхъ споровъ, нарушавшихъ миръ. Соборъ осудилъ не обѣ спорившія стороны, какъ того желалъ Евсевій, а только одну — арианскую: ее подвергъ анаемѣ, а православныхъ призналъ защитниками истины. Притомъ Никейскій соборъ осудилъ не чуждое Евсевію ученіе, а близко его касающееся: осудилъ арианство, доктрину котораго держался самъ Евсевій. Такимъ образомъ Никейскій соборъ сразу осуждалъ и непріязнь Евсевія къ догматическимъ тринитарнымъ спорамъ и его арианскія воззрѣнія. Отсюда понятно, что Евсевій не могъ быть объективнымъ и искреннимъ повѣствователемъ объ этомъ соборѣ. Подробно, обстоятельно и сообразно съ истиной передать дѣло — значило для Евсевія вполне осудить себя и свои взгляды, признать себя неправомыслящимъ и еретичествующимъ. Чтобы отстоять свои взгляды на споры и прикрыть свои религіозныя воззрѣнія, онъ долженъ былъ фальшивить при повѣствованіи о соборѣ; тѣ стороны изъ исторіи Никейскаго собора, которыя указывали на умѣстность споровъ защитниковъ истины съ лжеучителями, а также

на важность Никейскаго собора, на его великую заслугу для православія и церкви и на полное осужденіе аrianства во всѣхъ его видахъ, онъ долженъ былъ обходить молчаніемъ или передавать блѣдно, неопредѣленно, въ общихъ безсодержательныхъ фразахъ и даже прямо неправдиво. Напротивъ тѣ факты изъ исторіи собора, которые соотвѣтствовали его мнѣнію о безполезности догматическихъ тринитарныхъ споровъ или могли прикрывать его религіозныя возрѣнія (хотя бы и при помощи неправильнаго толкованія), онъ долженъ былъ возвеличивать и расширять до крайности, вопреки справедливости. — Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ частному разбору повѣствованій Евсевія о Никейскомъ соборѣ.

Сочиненіе Евсевія „Жизнь Константина“. — Сочиненіе „Жизнь Константина“ написано Евсевіемъ немного спустя послѣ смерти Константина, послѣдовавшей въ 337 году, и по всей вѣроятности въ слѣдующемъ 338 году. Эта дата достаточно обосновывается однимъ мѣстомъ изъ самого сочиненія „Жизнь Константина“. Въ 11-й гл. I-й кн. Евсевій, говоритъ: „теперь самое время позволяеть безбоязненное (ἀκολούτως) прославлять поистинѣ блаженнаго царя различными родами рѣчи; потому что дѣлать это прежде было невозможно, не велѣно ублажать человека до его смерти, ибо неизвѣстно, какии превратности подвергнется жизнь его“. Изъ приведенныхъ словъ видно, что „Жизнь Константина“ была написана векорѣ послѣ смерти Константина. Это же подтверждается и изъ другихъ мѣсть, гдѣ Евсевій выражается о смерти Константина, какъ о событіи очень новомъ, только что совершившемся ¹⁾.

Предметъ этого сочиненія — царствованіе Константина преимущественно съ его религіозно-правственной стороны. Самъ Евсевій въ такихъ словахъ опредѣляетъ предметъ и задачу своего сочиненія: „я думаю умолчать о весьма многихъ государственныхъ

¹⁾ „Жизнь Константина“ I. 1, 2.

распоряженіяхъ блаженвѣйшаго императора, напр. о его войнахъ и сраженіяхъ съ врагами, о его мужествѣ, побѣдахъ, трофеяхъ и торжествахъ надъ ними, о его постановленіяхъ въ пользу частныхъ лицъ, о его законодательствѣ ко благу общественной жизни подданныхъ и о другихъ безчисленныхъ его подвигахъ на поприщѣ государственнаго управленія, о которыхъ всѣ помнить. Сообразно съ предположенною цѣлью сего сочиненія, мы будемъ говорить и писать только то, что относится къ жизни богоудной¹⁾. Поставивъ такую задачу для своего сочиненія, Евсевій, естественно, долженъ былъ отвести очень видное мѣсто и сказанію о Никейскомъ соборѣ, какъ выдающемуся событію церковной жизни временъ Константина. И дѣйствительно, повѣтствованіе о Никейскомъ соборѣ, объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ, занимаетъ очень большую часть сочиненія Евсевія. Именно—къ исторіи Никейскаго собора относятся: 61—73 гл. II кн., 4—23 гл. III кн. Въ 61—73 гл. II кн. и въ 4—5 гл. III кн. говорится объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ собору и вызвавшихъ его; въ 6—14 гл. III кн. содержится разсказъ о созваніи собора и самомъ соборѣ; наконецъ, 15—23 гл. III кн. посвящены обстоятельствамъ, бывшимъ послѣ собора.

Характеръ, свойство и самое содержаніе разсказа о Никейскомъ соборѣ опредѣляются здѣсь, кромѣ указанныхъ нами личныхъ возрѣній Евсевія, общею цѣлью „Жизни Константина“. Принявъ на себя задачу описать царствованіе Константина съ религіозно-нравственной стороны, Евсевій, въ силу своей любви къ миру, виновникомъ котораго былъ Константинъ, и въ силу своихъ дружескихъ отношеній къ Константину и, наконецъ, въ силу общаго требованія отъ императорскихъ біографовъ того времени, поставилъ цѣлью своего сочиненія только прославлять Константина

¹⁾ „Жизнь Константина“ I. II.

и его время, говорить только о хороших сторонах его царствованія, „проповѣдать великую славу добродѣтелей Константина“. Онъ самъ объявляетъ, что „за правило принялъ не возобновлять въ памяти ничего худаго“¹⁾, что онъ будетъ писать только „о добрыхъ дѣлахъ“²⁾. Такая цѣль сочиненія заставляла автора игнорировать, въ ущербъ исторической правдѣ, недостатки эпохи или, по крайней мѣрѣ, представлять ихъ не въ настоящемъ, а въ прикрашенномъ видѣ, и слишкомъ возвеличивать все, что только можно было хвалить. Далѣе, такъ какъ время царствованія Константина было болѣе блестяще и болѣе могло вызывать восторговъ, особенно въ христіанинѣ, свою внѣшнюю стороною, чѣмъ внутреннюю, то отсюда новое свойство сочиненія Евсевія: описаніе преимущественно внѣшней стороны и почти совершенное молчаніе о внутренней³⁾.

Эти общія свойства, точнѣе — недостатки сочиненія „Жизнь Константина“ вполне отразились и на повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ и даже отразились въ большей степени, потому что здѣсь имъ способствовали еще личныя симпатіи и антипатіи Евсевія.

Въ повѣствованіи Евсевія о Никейскомъ соборѣ многое существенно важное, даже необходимое для цѣльнаго и отчетливаго представленія объ этомъ событіи, но несогласное съ личными взглядами Евсевія и общемою цѣлью сочиненія, опущено или передано съ окраской, несоотвѣтствующей дѣйствительности. Такъ въ

1) „Жизнь Константина“. III. 59.

2) Ibid. I. 11. Migne t. 20. lib. 1. c. 10.

3) Это свойство вытекало, впрочемъ, и изъ общаго характера историческаго таланта Евсевія. Евсевій вообще былъ болѣе хорошій рассказчикъ, чѣмъ мыслитель. Поэтому онъ вездѣ больше вниманія обращаетъ на внѣшнее, чѣмъ на внутреннее. И ему лучше удаются описанія внѣшнихъ сторонъ жизни, чѣмъ внутреннихъ. Такъ напр. описаніе мученическаго героизма христіанъ первыхъ вѣковъ — лучшая часть Евсевіевой исторіи. Напротивъ изложеніе еретическихъ ученій и развитія самого христіанскаго богословія въ соприкосновеніи съ ними — въ исторіи Евсевія самая слабая часть. (Ересь и расколы первыхъ трехъ вѣковъ. Иванцова. стр. 263).

силу своего сочувствія къ арианству и въ силу идеализаціи времени Константина Евсевій старается по возможности умолчать объ арианствѣ и скрыть его отъ читателя. Онъ не излагаетъ сущности арианскаго воззрѣнія, не указываетъ серьезности арианскихъ споровъ и даже прямо говоритъ противъ этой серьезности, называя ихъ личнымъ разногласіемъ, личнымъ раздоромъ епископовъ, не касающимся церкви. „Зависть, говоритъ Евсевій, поссорила епископовъ и, подъ предлогомъ защиты догматовъ, возбудила между ними несогласія и раздоры“¹⁾. Рассказывая объ арианскихъ спорахъ въ Александріи, послужившихъ поводомъ къ созванію Никейскаго собора, онъ не приводитъ и даже не упоминаетъ о такихъ документахъ, которые могли дать ясное представленіе о самомъ арианствѣ и о характерѣ арианскихъ споровъ, каковы посланія Александра Александрійскаго къ каеолической церкви и Александру Византійскому. Въмѣсто этихъ документовъ онъ приводитъ письмо императора Константина къ Александру Александрійскому и Арію, которое не только не разъясняетъ сущности арианскихъ споровъ, но даже затѣмняетъ ее, представляя эти споры простымъ недоумѣніемъ, разногласіемъ въ словахъ, а не въ существѣ дѣла. При описаніи же самого собора онъ не только не говоритъ о дѣйствіи Арія и арианъ, объ осужденіи ихъ, отлученіи и дальнѣйшей судьбѣ, но не упоминаетъ даже имени Арія, какъ будто Никейскій соборъ вовсе не имѣлъ въ виду и не рассуждалъ объ Аріи и арианствѣ. Вотъ почему Сократъ въ своей исторіи и замѣчаетъ, что Евсевій, „описывая жизнь Константина, упомянулъ и объ Аріи, но только отчасти, ибо, какъ въ похвальномъ словѣ, болѣе заботился о похвалахъ царю и о торжественной рѣчи, чѣмъ о точномъ раскрытіи событій“²⁾. Описывая прибывшихъ на соборъ епископовъ, Евсевій очень обще говоритъ объ ихъ характерѣ и достоинствахъ, обще указываетъ на ихъ

¹⁾ „Жизнь Константина“. II. 61.

²⁾ Сократъ. Церк. ист. I. 1.

мудрость и добродѣтели, подвижничество, кротость и возраст¹⁾, и не указываетъ существенно-необходимаго для характеристики епископовъ, какъ членовъ собора: не отмѣчаетъ религіозныхъ воззрѣній собравшихся въ Никей епископовъ, не обозначаетъ, какія были партіи, какъ онѣ велики и въ чемъ состояли ихъ отличительныя особенности вообще, въ направленіи ихъ богословія и въ рѣшеніи вопроса о Божествѣ Сына Божія—въ частности. Не указываетъ Евсевій и болѣе выдающихся членовъ собора или точиѣ—не называетъ ни одного изъ членовъ по имени²⁾. А это все, конечно, очень существенно для характеристики епископовъ, собравшихся для рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса. Несомнѣнно, и самъ Евсевій сознавалъ, что его характеристика епископовъ неполна и неточна. Но сказать о партіяхъ—значило нарушить идеализацію времени Константина, а указать видныхъ дѣятелей собора—значило восхвалить своихъ враговъ.

Самыя засѣданія собора Евсевій обходитъ почти полнымъ молчаніемъ. Онъ не излагаетъ, какъ и въ какомъ порядкѣ шли разужденія и совѣщанія отцовъ, какъ епископы отвергли арианство (даже не говорятъ о томъ, отвергли-ли арианство) и утвердили православное ученіе, какіе представлялись доводы и основанія въ пользу того или другаго мнѣнія, какія были возраженія, кто выступалъ на соборѣ и въ какомъ порядкѣ. Все это пропущено въ повѣствованіи Евсевія. Тамъ же, гдѣ Евсевію приходилось касаться внутренней исторіи собора, говорить о самыхъ засѣданіяхъ, онъ передаетъ дѣло неопредѣленно, упоминаетъ о тѣхъ или другихъ фактахъ какъ-бы мимоходомъ, вмѣсто раздѣльнаго и отчетливаго изложенія дѣла прибѣгаетъ къ общей безсодержательной фразѣ, такъ что изъ его описанія не получается никакого яснаго представленія о дѣйствительности. Такъ описывая самыя разсуж-

¹⁾ „Жизнь Константина“. III. 9.

²⁾ За такое молчаніе о Никейскихъ отцахъ упрекали Евсевія еще Сократъ (Церк. истор. I. 10).

денія собора, онъ говоритъ, что, по приходѣ царя на соборъ, епископы начали обвинять другъ друга и между ними поднялся великій споръ¹⁾. Что это были за обвинения и возраженія? Въ чемъ состоялъ споръ? Евсевій не объясняетъ. По его описанію, какъ будто выходитъ, что всё спорили, всё говорили, а потомъ, благодаря вліянію императора, замолки и пришли къ соглашенію между собой. Относительно самыхъ постановленій собора Евсевій также выражается очень неопредѣленно. „Для согласнаго исповѣданія вѣры, пишетъ Евсевій, спасительное празднованіе Пасхи надлежало совершать всѣмъ въ одно и то-же время. Поэтому сдѣлано было общее постановленіе и утверждено подпискою каждаго изъ присутствовавшихъ“²⁾, — вотъ все, что говоритъ Евсевій о постановленіяхъ собора. Изъ этихъ словъ видно только то, что разногласіе о вѣрѣ и Пасхѣ было прекращено постановленіями собора; но въ чемъ состояли эти постановленія? Сколько ихъ было? Этого не видно. Евсевій здѣсь измѣняетъ даже своей любимой привычкѣ — приводитъ въ подлинникѣ документы или, по крайней мѣрѣ, дѣлать изъ нихъ значительныя выдержки: онъ не приводитъ изъ постановленій собора ни одной строки. Понятно, почему такъ поступаетъ Евсевій. Подробно передать внутреннюю исторію собора — значило сказать о несогласіяхъ и раздѣленіяхъ между епископами п обѣ осужденіи аріанства; а это непріятно было Евсевию и какъ панегиристу, желавшему представить эпоху Константина безъ всякихъ пятенъ, и какъ стороннику аріанской доктрины.

Страдая пробѣлами и неопредѣленностью, сказаніе Евсевія о Никейскомъ соборѣ по мѣстамъ возбуждаетъ сомнѣніе въ своей достовѣрности или даже прямо является неправдивымъ. Такъ, по сказанію Евсевія, инициатива созванія собора принадлежала исключительно Константину: онъ самъ будто-бы пришелъ къ мысли

1) Евсевій „Жизнь Константина“ III. 23.

2) Ibid. III. 14.

о необходимости созвать соборъ, не слѣдуя въ этомъ чьему-либо постороннему совѣту. „Константинъ, услышавъ о разногласіяхъ въ Египтѣ, пишетъ Евсевій, и понявъ, что посланное имъ въ Александрію письмо осталось безъ исполненія, тотчасъ размыслилъ самъ съ собою (αὐτὸς ἑαυτοῦ τὴν διάνοιαν ἀνακινήσας) и рѣшилъ, что по этому случаю должно идти новою войною противъ тайнаго врага, возмущавшаго церковь ¹⁾). Потомъ, какъ-бы уготовляя противъ него полкъ Божій, царь созвалъ вселенскій соборъ ²⁾). Это извѣстіе очень сомнительно. Константинъ, какъ видно изъ его письма къ Александру и Арію, признавалъ происшедшее въ Александріи разногласіе очень маловажнымъ, считалъ его только разногласіемъ въ словахъ, а не въ существѣ дѣла, происшедшимъ отъ одного многословія, отъ неосторожныхъ вопросовъ и необдуманыхъ отвѣтовъ, называлъ его „мелочнымъ и суетнымъ словопреніемъ“ ³⁾). При такомъ взглядѣ на аріанскіе споры въ Александріи, Константинъ едва-ли самъ пришелъ къ мысли созвать вселенскій соборъ: слишкомъ странно созывать всѣхъ епископовъ для того только, чтобы прекратить „маловажное и незначительное разногласіе“. Притомъ вселенскій соборъ требовалъ и значительныхъ затратъ со стороны государства, потомучто епископы, по свидѣтельству Евсевія, ѣхали на счетъ казны или получали большое количество вьючныхъ животныхъ ⁴⁾, въ Никее имъ щедро выдавалось казенное содержаніе ⁵⁾, а по окончаніи собора императоръ каждаго епископа почтилъ дарами ⁶⁾. Все это говоритъ за то, что инициатива созванія собора не могла принадлежать самому Константину: онъ созывалъ епископовъ отъ своего

1) „Жизнь Константина“. III. 5. Migne. t. 20.

2) Ibid. III. 6.

3) Ibid. II. 70—71.

4) Ibid. III. 6.

5) Ibid. III. 9.

6) Ibid. III. 16.

имени, но по совѣту приближенныхъ епископовъ (вѣроятно, Осія Кордубскаго, лично ознакомившагося съ сущностью дѣлъ въ Александріи), выяснившихъ императору серьезность разногласій между Александромъ и Аріемъ и необходимость для устранения этихъ разногласій рѣшенія всѣхъ епископовъ, или вселенскаго собора. Очевидно, панегиристъ здѣсь взялъ верхъ надъ безпристрастнымъ историкомъ. Далѣе, по Евсевію, всѣ епископы, собравшіеся на Никейскій соборъ, были въ самомъ миролюбивомъ настроеніи, всѣ они составляли единое, неразрывное цѣлое, „составляли какъ-бы одинъ, сплетенный изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, великій вѣнокъ іереевъ¹⁾; всѣ отличались великими достоинствами²⁾ и не было между ними лицъ не совсѣмъ безупречныхъ. Однако ни то, ни другое не вѣрно. Если-бы члены собора были вполнѣ единодушны между собою, то не зачѣмъ было-бы составлять и соборъ: соборъ созванъ былъ для прекращенія споровъ и раздѣленій. Равнымъ образомъ и настроеніе епископовъ едва-ли было вполнѣ миролюбивое: изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что епископы при началѣ собора подавали императору жалобы другъ на друга. Да и самъ Евсевій подрываетъ свое свидѣтельство о миролюбіи епископовъ, когда говоритъ, что, по приходѣ Константина на соборъ, „одни (изъ епископовъ) начали обвинять своихъ ближнихъ, другіе защищались и порицали другъ друга“³⁾. Взаимныя обвиненія и порицанія не вполнѣ согласны съ миролюбіемъ и безупречностью. Наконецъ, по сказанію Евсевія, на Никейскомъ, соборѣ произошло полное соглашеніе епископовъ касательно спорныхъ пунктовъ и всѣ приняли общее постановленіе. „Императоръ, пишетъ Евсевій, однихъ убѣждая, другихъ усовѣщивая словомъ, иныхъ, говорившихъ хорошо, хвала, и cadaго склоняя къ единомыслію, наконецъ, согласилъ понятія и мнѣнія всѣхъ касательно спорныхъ

¹⁾ „Жизнь Константина“ III. 6.

²⁾ Ibid. III. 9.

³⁾ Ibid. III. 13.

предметовъ 1). Сдѣлано было общее постановленіе и утверждено подпискою каждаго изъ присутствовавшихъ 2). Что приведенное показаніе Евсевія о водвореніи мира между всѣми присутствовавшими на соборѣ не вѣрно, это едва-ли нужно доказывать. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что не всѣ даже и подписались къ опредѣленіямъ собора, а въ душѣ не согласились съ этими опредѣленіями и довольно многіе. Опять Евсевій, какъ панегиристъ времени Константина, жертвуетъ исторической правдой.

Мы указали недостатки Евсевіева сказанія о Никейскомъ соборѣ. Но это сказаніе имѣетъ и достоинства: вѣщная исторія собора въ этомъ сказаніи изображена очень подробно и обстоятельно. Евсевій говоритъ здѣсь и говоритъ краснорѣчиво обо всемъ, о чемъ только находилъ удобнымъ сказать; онъ не позабываетъ сказать даже объ одеждѣ, походкѣ, взорѣ и креслѣ императора. Вообще описаніе вѣшной стороны собора у Евсевія превосходитъ описанія другихъ повѣствователей о соборѣ и своею подробностью и краснорѣчіемъ. Вотъ почему всѣ позднѣйшіе повѣтствователи о Никейскомъ соборѣ пользовались Евсевіевымъ изображеніемъ вѣшной исторіи собора и приводили въ своихъ сочиненіяхъ очень значительныя выдержки изъ его разсказа.

Послѣ сказаннаго о достоинствахъ и недостаткахъ Евсевіева повѣствованія о Никейскомъ соборѣ легко опредѣлить и то, какое значеніе имѣетъ это повѣствованіе въ качествѣ источника исторіи Никейскаго собора, какія и для какой части исторіи мы можемъ заимствовать свѣдѣнія изъ него.

Для исторіи самыхъ засѣданій собора „Жизнь Константина“ не имѣетъ почти никакого значенія. Для этой части Евсевій даетъ намъ по большей части одни только намеки, которые сами по себѣ не ведутъ къ опредѣленному представленію. Вотъ они:

1. На засѣданіе собора, бывшее въ присутствіи императо-

1) „Жизнь Константина“ III. 13.

2) Ibid. III. 14.

ра, епископы явились уже съ готовыми, опредѣленными мнѣніями. „Въ день, назначенный для разрѣшенія недоумѣнія спорящихъ, каждый явился на соборъ съ своимъ мнѣніемъ“¹⁾.

2. На соборъ не сразу и не вдругъ установлены были опредѣленія: установленію предшествовалъ „великій споръ“ (πολλή ἀμφιλογία) между епископами²⁾ и обстоятельное изслѣдованіе спорныхъ пунктовъ (ἅπαντα τῆς προσήκουσας τετύχηκεν ἐξετάσεως³⁾).

3. Дѣятельное участіе въ соглашеніи и умиротвореніи епископовъ принималъ самъ императоръ⁴⁾. Показаніе Евсевія объ умиротворяющей дѣятельности Константина не возбуждаетъ сомнѣнія въ своей достовѣрности, потомучто Константинъ, какъ видно изъ его письма къ Александру и Арію и изъ рѣчи, сказанной на соборѣ, сильно желалъ водворить миръ между епископами.

Не имѣя большаго значенія для исторіи внутренней дѣятельности Никейскаго собора, Жизнь Константина, не смотря на тенденціозность и нѣкоторые недостатки, въ высшей степени важный источникъ для внѣшней исторіи собора. Отсюда мы получаемъ очень подробныя и интересныя свѣдѣнія, которыя не повторяются въ другихъ повѣтствованіяхъ о соборѣ и являются единственными. Для внѣшней исторіи собора мы получаемъ слѣдующія данныя:

1. Въ „Жизни Константина“ указываются обстоятельства, предшествовавшія собору и послужившія поводомъ къ его созванію: споры аріанскіе⁵⁾, расколъ Мелетія⁶⁾ и разногласіе касательно времени празднованія Пасхи⁷⁾.

1) „Жизнь Константина“ III. 10.

2) Ibid. III. 13.

3) Ibid. III. 17.

4) Ibid. III. 13.

5) Ibid. II. 61—73; III. 4.

6) Ibid. III. 6.

7) Ibid. III. 7—8.

2. Изображается созваніе Никейскаго собора¹⁾, указываются страны, изъ которыхъ съѣхались епископы на соборъ²⁾, опредѣляется число епископовъ (болѣе 250 и множество пресвитеровъ, діаконовъ, чтецовъ и др. лицъ)³⁾ и дается характеристика ихъ⁴⁾. Характеристика епископовъ, представленная Евсевіемъ, хотя не полна и не точна, однако важна тѣмъ, что картинно изображаетъ разнообразіе членовъ собора. По разнообразію своихъ членовъ соборъ походилъ, говоритъ Евсевій, на собраніе разныхъ народовъ въ день Пятидесятницы около дома апостоловъ⁵⁾: тутъ присутствовали ученые и неученые, старцы и юноши, епископы, уже приближавшіеся къ могилѣ, и лица, еще недавно вступившія на поприще служенія⁶⁾. Конечно, различіе въ лѣтахъ между членами собраній, особенно многочисленныхъ, дѣло обычное. Но на Никейскомъ соборѣ разница между стариками и юношами была значительнѣе обыкновеннаго, потому что эта эпоха была переходнымъ временемъ въ исторіи церкви. Новое поколѣніе было воспитано въ мирѣ и спокойствіи. Не таковы были старшіе члены собранія, составлявшіе большинство: они пережили послѣднія, самыя тяжелыя гоненія и были мучениками и исповѣдниками.

3. Описывается торжественное засѣданіе епископовъ въ царскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора и его приближенныхъ⁷⁾. Предъ началомъ разсужденій епископъ, занимавшій первое мѣсто съ правой стороны, произнесъ привѣтственную рѣчь императору⁸⁾. Содержаніе этой рѣчи Евсевій не передаетъ, а также не называетъ по имени и епископа, произносившаго рѣчь. Причина та-

1) „Жизнь Константина“ III. 6.

2) Ibid. III. 7—8.

3) Ibid. III. 8.

4) Ibid. III. 9.

5) Ibid. III. 7.

6) Ibid. III. 8—9.

7) Ibid. III. 10.

8) Ibid. III. 11.

кого молчанія, вѣроятно, заключается въ томъ, что рѣчь произносилъ самъ Евсевій. Въ пользу этого послѣдняго мнѣнія (о произнесеніи рѣчи Евсевіемъ) можно привести нѣкоторые соображенія. Въ началѣ своего сочиненія „Жизнь Константина“ Евсевій говоритъ, что въ двадцатилѣтіе императора онъ произносилъ рѣчь среди собора служителей Божіихъ ¹⁾. Но такъ какъ Евсевій упоминаетъ только объ одной рѣчи, произнесенной въ двадцатилѣтіе Константина, — о рѣчи на Никейскомъ соборѣ, то можно заключить что показанія I-й кн. 1 гл. и III-й кн. 11 гл. относятся къ одному и тому же факту. Наше заключеніе поддерживаетъ и Созоменъ: онъ Евсевію приписываетъ честь произнесенія привѣтственной рѣчи императору ²⁾. На привѣтственную рѣчь епископа императоръ отвѣтилъ рѣчью собору: эта рѣчь приведена Евсевіемъ въ подлинникѣ ³⁾. На соборѣ были сдѣланы общія постановленія касательно вѣры ⁴⁾ и празднованія Пасхи ⁵⁾, которыя скрѣпи-

¹⁾ *Ἦμεῖς αὐτοὶ τὸν κολλήτικον μέσον ἀπολαβόντες Θεοῦ λειτουργῶν συνόδου εἰκοσαετηρικοῖς ὄμοις ἐγεραιόμεν*“. *Ib.* I. c. 1. Migne t. 20.

²⁾ Созом. Церк. ист. I. 19.—Высказанное нами мнѣніе оспаривается другими древними писателями: такъ Теодоритъ утверждаетъ, что привѣтственную рѣчь императору на соборѣ произносилъ Евстагій Антиохійскій (Migne t. 82. *Hist. eccles.* I. 6; по русск. изд. гл. 7); а Теодоръ Мопсуенскій приписываетъ эту честь Александру Александрійскому. Нѣкоторые ученые (Мелеръ „*Athanase le grande et l'eglise de son temps.* (traduit de l'allemand). 1840. Paris. t. II. p. 15. и еп. Іоаннъ „*Исторія первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ*“) также считаютъ болѣе вѣроятнымъ, что рѣчь произносилъ Евстагій. Но такъ какъ они не представляютъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего предположенія, то мы и не будемъ разбирать ихъ мнѣніе.

³⁾ „Жизнь Константина“ III. 12.—Важно здѣсь одно замѣчаніе Евсевія по очень интересующему латинянъ вопросу о предсѣдательствѣ на Никейскомъ соборѣ. Приведа рѣчь Константина, Евсевій замѣчаетъ: „сказавъ это на римскомъ языкѣ, императоръ посредствомъ толмача передалъ свою рѣчь предсѣдательствовавшимъ на соборѣ (τοῖς τῆς συνόδου προέδροις. III. 13). Если-бы на Никейскомъ соборѣ предсѣдательствовали папскіе легаты, какъ утверждаютъ латиняне, то императору не зачѣмъ было-бы прибѣгать къ посредству толмача: римскій языкъ былъ ихъ роднымъ языкомъ. Очевидно, предсѣдательствующіе были не латиняне, а греки, которые плохо понимали латинскій языкъ и нуждались въ переводчикѣ.

⁴⁾ *Ibid.* III. 13.

⁵⁾ *Ibid.* III. 14.

лены были подписями присутствовавшихъ епископовъ ¹⁾ и печатью императора ²⁾.

4. Указывается время окончанія засѣданій собора. Окончаніе засѣданій собора, по Евсевію, совпало съ двадцатилѣтнемъ царствованія Константина ³⁾. Константинъ вступилъ на престолъ, по смерти отца своего Констанція, въ 306 году, и двадцатилѣтіе его царствованія падало на 325 годъ, консульство Павлина и Юліана, на 8-е азгустовскихъ календъ, т. е. на 25-е іюля; слѣдовательно, засѣданія собора окончились въ 325 г. 25 іюля (или около этого времени).

5. Описываются обстоятельства послѣ собора. Послѣ собора императоръ устроилъ для епископовъ пиршество ⁴⁾, а при отправленіи давалъ имъ дары ⁵⁾ и совѣты—быть въ мирѣ между собою ⁶⁾. Въ тѣ-же церкви, епископы которыхъ не присутствовали на соборѣ, онъ послалъ собственноручныя грамоты о постановленіяхъ собора ⁷⁾. При этомъ Евсевій приводитъ въ подлинникѣ посланіе Константина ⁸⁾. Посланіе это свидѣтельствуетъ: а) о присутвіи императора на соборѣ и объ участіи его въ соборныхъ разсужденіяхъ. „Я, какъ одинъ изъ всѣхъ васъ, пишетъ Константинъ епископамъ, присутствуя на соборѣ, до тѣхъ поръ подвергалъ все надлежащему изслѣдованію, пока угодная блюстителю всѣхъ Богу мысль не была озарена свѣтомъ, такъ что не оставалось болѣе мѣста разномыслію и спору о вѣрѣ“ ⁹⁾; б) говоритъ о тщательности соборныхъ разсужденій, что видно

1) „Жизнь Константина“ III. 14.

2) Ibid. III. 23.

3) Ibid. III. 15.

4) Ibid. III. 15.

5) Ibid. III. 16.

6) Ibid. III. 21.

7) Ibid. III. 16.

8) Ibid. III. 17--20.

9) Ibid. III. 17.

изъ приведенныхъ словъ; с) показываетъ, что постановленіе о празднованіи Пасхи (согласно съ обычаемъ Римской и Александрійской церкви) издано скорѣе въ качествѣ совѣта, чѣмъ положительнаго закона, „Общимъ мнѣніемъ признано было за благо, пишетъ императоръ, всеѣмъ и вездѣ праздновать Пасху въ одинъ и тотъ же день“¹⁾. „Не годится, пишетъ императоръ далѣе, быть различію въ отношеніи къ столь священному предмету (т. е. празднованію Пасхи); *гораздо лучше* слѣдовать положенному мнѣнію“²⁾. Такъ не говорятъ о положительномъ законѣ. Вотъ данныя для исторіи Никейскаго собора, получаемыя изъ „Жизни Константина“. Теперь перейдемъ къ разбору другаго сочиненія Евсевія, относящагося къ Никейскому собору, его посланію къ кесарійцамъ.

*Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ*³⁾. Это посланіе было написано вскорѣ послѣ Никейскаго собора, еще до возвращенія Евсевія въ свою епархію; слѣдовательно, никакъ не позже 326 года. Поводомъ къ написанію посланія было опасеніе Евсевія, чтобы кесарійцы не перетолковали въ худомъ смыслѣ его поведенія на соборѣ. Евсевій, подписываясь къ Никейскому символу и къ акту отлученія Арія, котораго прежде принималъ подъ свое покровительство, тѣмъ самымъ, казалось, измѣнялъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Такая перемѣна убѣжденій могла подорвать репутацію Евсевія, подорвать уваженіе и почетъ, какимъ онъ пользовался отъ своихъ пасомыхъ. Чтобы оправдать себя въ своемъ поступкѣ, онъ и пишетъ посланіе къ своей паствѣ. Этотъ поводъ ясно обозначенъ въ самомъ посланіи. „Думаю, возлюбленные,

¹⁾ „Жизнь Константина“ III. 18.

²⁾ Ibid. III. 19.

³⁾ Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ сохранилось въ приложеніи къ посланію Аванасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (Migne t. 20.), въ церковной исторіи Сократа (I. 8), Феодорита (I. 11 по русск. изд. гл. 12) и у Геласія Киваческаго (Hist. conc. Nic. II. 34). Древнѣйшее и болѣе вѣрное редакцію признается, какъ мы замѣчали выше, первая изъ указанныхъ нами.

пишетъ Евсевій въ началѣ посланія, что до васъ кажимъ-нибудь образомъ дошли уже свѣдѣнія о дѣлахъ великаго Никейскаго собора, разсуждавшаго о вѣрѣ церковной. Молва, обыкновенно, предупреждаетъ подлинныя извѣстія о событіяхъ. Но чтобы она не искажала истины, мы признали необходимымъ послать вамъ какъ то изложеніе вѣры, которое было нами предложено собору, такъ и то, въ которомъ обнаружены были нѣкоторыя дополненія, сдѣланныя къ нашимъ выраженіямъ“¹⁾. И въ концѣ посланія онъ пишетъ: „Къ этому посланію, возлюбленные, вынудила насъ необходимость: наше желаніе было показать вамъ осмотрительность нашего изслѣдованія и соглашенія и то, что съ самаго начала до настоящей минуты мы отстаивали свое мнѣніе, когда въ письменныхъ изложеніяхъ, поданныхъ другими, мы встрѣчали разногласіе съ нашимъ мнѣніемъ. Когда же, по здоровомъ изслѣдованіи смысла словъ, оказалось, что эти слова сходны съ тѣми, которыя употреблены въ нашемъ исповѣданіи вѣры, тогда мы приняли ихъ безъ спора, какъ не представляющія никакихъ затрудненій“²⁾.

По характеру своего содержанія посланіе раздѣляется на двѣ части—историческую и изяснительную. Въ первой части излагается внутренняя исторія собора съ того момента, какъ Евсевій предложилъ собору свое вѣроизложеніе и до того, когда окончательно утверждёнъ былъ Никейскій символъ. Въ изяснительной части Евсевій объясняетъ смыслъ нѣкоторыхъ терминовъ, внесенныхъ отцами въ символъ, какъ-то: изъ сущности (*ἐκ τῆς οὐσίας*), рожденнаго и несотвореннаго (*γεννηθέντα καὶ οὐ ποιηθέντα*), единосущнаго Отцу (*ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ*), а также свое согласіе на эти термины и на анаематствованіе Арія.

Указанные нами поводъ къ написанію посланія и цѣль посланія уже заранѣе предрасполагаютъ насъ видѣть въ посланіи

¹⁾ Epistola ad Caesarienses. Migne t. 20. col. 1537. Дѣланіе т. I. стр. 191.

²⁾ Ibid. col. 1544; стр. 197.

Евсевія неискренность и фальшь. Въ посланіи Евсевіи хотѣлъ показать, что онъ, принимая Никейское вѣроизложеніе, не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, что Никейскій символъ въ дѣйствительности нисколько не отличается отъ символа, имъ предложеннаго. Но Никейскій символъ по существу своему былъ вовсе не похожъ на шаткое, двусмысленное вѣроизложеніе Евсевія, и при искреннемъ отношеніи къ дѣлу пришлось-бы доказать не то, что соборъ не утвердилъ ничего новаго сравнительно съ доктриной Евсевія, а то, что онъ отмѣнилъ эту доктрину, какъ недостаточную, неполную и неточную. Слѣдовательно, Евсевію, чтобы достигнуть своей цѣли, т. е. доказать, что символъ Никейскій вполне согласенъ съ его символомъ, нужно было подтасовывать факты, давать имъ неправильное освѣщеніе и перетолковывать ихъ въ пользу своей цѣли. Евсевій такъ и поступаетъ. Его посланіе дышетъ неискренностью, всюду видна тенденціозность. Эта тенденціозность проявляется уже въ самой постановкѣ повѣствованія о дѣятельности собора. Евсевій въ посланіи къ паствѣ передаетъ исторію собора только съ того момента, какъ онъ самъ выступилъ на соборъ съ своимъ вѣроизложеніемъ. Такая постановка повѣствованія является уже неискренностью со стороны Евсевія, потому что она даетъ поводъ неправильно представлять дѣло. Передавая исторію собора только съ момента выступленія съ своимъ вѣроизложеніемъ, Евсевій тѣмъ самымъ располагалъ читателей къ мысли, что его символъ составляетъ сущность символа Никейскаго и не отличается отъ послѣдняго. Точно также, указывая только тотъ фактъ, что слово „*ὁμοούσιος*“ предложено для внесенія въ символъ императоромъ и имъ же было объяснено, Евсевій тѣмъ самымъ показывалъ, что этотъ терминъ не имѣетъ въ себѣ самомъ доказательствъ своей истины: внесеніе этого термина обуславливалось не важностью и значеніемъ его самого, а внѣшнею силою—властію императора, лица вовсе неавторитетнаго въ дѣлахъ вѣры. Между тѣмъ разсказъ о предыдущихъ моментахъ соборной дѣятельности выяснилъ бы, что символъ Никейскій и символъ Евсевія да-

леко не одно и то же, что хотя послѣдній и легъ въ основу Никейскаго, однако самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ обо всѣхъ терминахъ, которыми выражено въ немъ догматическое ученіе о Сынѣ Божіемъ, епископы уже разсуждали и отвергли ихъ, какъ неточные и недостаточные, и что символъ Евсевія въ дѣйствительности не болѣе, какъ одна форма, въ которую епископы вложили новое содержаніе. Равнымъ образомъ повѣствованіе о предыдущихъ моментахъ соборной дѣятельности показало бы, что слово „*ὁμοούσιος*“ было не произволомъ императора, а прямымъ логическимъ выводомъ изъ разсужденій отцовъ, что отцы, разбирая и тщательно изслѣдуя библейскія выраженія объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, указали всѣ свойства Сына Божія, заключающіяся въ понятіи „единосущный“, и что, суммируя всѣ разнообразныя библейскія выраженія, отцы необходимо должны были признать Сына „единосущнымъ“ Отцу; „единосущіе“ было необходимымъ заключеніемъ соборнаго разсужденія, а императоръ только согласился съ этимъ заключеніемъ и утвердилъ его. Евсевій для своей цѣли намѣренно опускаетъ всѣ эти предыдущія обстоятельства, разъясняющія собою послѣдующія.

Еще болѣе тенденціозность Евсевія проявляется въ изъяснительной части его повѣствованія. Во всѣ термины, внесенные отцами въ Никейскій символъ, Евсевій старается вложить свой смыслъ и лишить ихъ истиннаго значенія. Такъ объясняя терминъ „изъ сущности Отца“, онъ указываетъ не положительный смыслъ его, который (смыслъ) собственно и былъ важенъ для Никейскихъ отцовъ, а отрицательный: „изъ сущности Отца, по Евсевію, означаетъ тоже, что отъ Отца, только отнюдь Сынъ не есть часть Отца“¹⁾. Очевидно, такимъ изъясненіемъ Евсевій хотѣлъ только замаскировать свое несочувствіе къ истинному смыслу термина и отклонить другихъ отъ этого смысла. Если-бы онъ ис-

¹⁾ Τὸ ἐκ τῆς οὐσίας ὁμολογεῖτο δηλωτικὸν εἶναι τοῦ ἐκ μὲν τοῦ Πατρὸς εἶναι οὐ μᾶλλον ὡς μέρος ὑπάρχον τοῦ Πατρὸς. Migne t. 20. col. 1541. Дьян. т. 1 стр. 195.

кренно жедаль выяснить смысл термина, то онъ постарался-бы указать прежде всего смысл положительный, а потомъ уже говорить и объ отрицательномъ. Да притомъ, при надлежащемъ раскрытїи положительнаго смысла, даже было-бы и излишне изъясненіе отрицательнаго: и безъ того ясно было-бы, что епископы, признавая Сына такимъ же Богомъ, какъ и Отецъ, далеки отъ савелліанства или эманатизма. Объясняя выраженіе „рожденнаго, несотвореннаго“, Евсевій опять указываетъ только отрицательный смыслъ, не имѣвшій значенія для православнаго символа, назначеннаго къ опроверженію аріанства, и оставляетъ въ тѣни смыслъ положительный, раскрывающій православное ученіе и отвергающій аріанское. Выраженіемъ „рожденнаго, несотвореннаго“, по Евсевію, обозначается, что Сынъ не есть твореніе подобное тѣмъ, которыя Онъ Самъ создалъ, но есть существо превосходнѣйшее всякой твари“¹⁾. Не говоря уже о томъ, что терминъ „рожденнаго, несотвореннаго“ говоритъ не о достоинствѣ (въ какомъ смыслѣ изъясняютъ терминъ Евсевій), а объ образѣ происхожденія Сына отъ Отца, нужно замѣтить, что Евсевіево объясненіе нисколько и не устраняло аріанства; оно согласно было даже съ крайнимъ аріанствомъ. Слово „единосущный — *омоούσιος*“ объясняется Евсевіемъ довольно правильно (хотя и неполно) не только съ отрицательной, но и съ положительной стороны, вѣроятно, по невозможности перетолковать его. „Выраженіе „единосущный“, говоритъ Евсевій, значитъ не другое что, какъ то, что Сынъ Божїй не имѣетъ никакого сходства съ тварями, но во всемъ сходствуетъ только съ Отцомъ, родившимъ Его, и существуетъ не отъ другой какой-либо природы и сущности, но отъ Отца“. Зато Евсевій прямо даетъ знать, что въ принятїи этого выраженія большую роль играло желаніе мира, а не смыслъ термина. „Не отвергли и слово „единосущный“, говоритъ Евсевій, имѣя въ виду сохранить миръ, котораго всей душой желаемъ“²⁾. Точно такую же изворотливость

¹⁾ Migne t. 20. col. 1541. Дѣян. I. 195.

²⁾ Ibid. col. 1541; стр. 195.

показываетъ Евсевій, когда объясняетъ свое согласіе съ анаеѣматствованіемъ Аріа и аріанства. Смысль анаеѣматствованія тотъ, что проблинались всѣ непризнающіе Сына единосущнымъ и со-вѣчнымъ Отцу. Евсевій не говоритъ ни слова объ этомъ прямо, положительномъ смыслѣ; онъ указываетъ только частное и, такъ сказать, внѣшнее примѣненіе анаеѣматствованія. Анаеѣматствованіе, по нему, направляется на термины, которыми аріане выражали свое ученіе о Сынѣ Божіемъ, потому что этихъ терминовъ нѣтъ въ св. Писаніи, а не потому, что они заключаютъ въ себѣ еретическій смыслъ. „Такъ какъ ни въ одной богодухновенной книгѣ, пишетъ Евсевій, нѣтъ словъ: Сынъ произошелъ изъ несущаго или было время, когда Его не было, и другихъ тому подобныхъ, то и не прилично произносить ихъ и употреблять при обученіи (οὐκ εὐλογον ἐφάνη ταῦτα λέγειν καὶ διδάσκειν). Съ этимъ прекраснымъ мнѣніемъ мы согласились и потому еще, что и прежде не имѣли обыкновенія употреблять подобныхъ словъ“¹⁾. При такомъ изъясненіи анаеѣматствованіе теряетъ все свое значеніе и силу: а) оно осуждаетъ аріанство не въ его существѣ, а только во внѣшней его формѣ, осуждаетъ за употребленіе не-библейскихъ терминовъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ; б) оно вовсе не касается полуаріанъ, выразившихъ свои воззрѣнія терминами, взятыми исключительно изъ св. Писанія; в) оно запрещаетъ или находитъ неприличнымъ употребленіе аріанскихъ не-библейскихъ терминовъ только при обученіи народа, но не въ богословскихъ разсужденіяхъ. Но особенно прозрачно извращаетъ Евсевій смыслъ анаеѣматствованія, направленного противъ аріанскаго выраженія: „(Сынъ) не существовалъ до рожденія“ — „πρὸ τοῦ γεννηθῆναι οὐκ ἦν“. Аріа училъ, что Сынъ не существовалъ до рожденія отъ Отца; православные епископы и анаеѣматствуютъ это ученіе Аріа. Между тѣмъ Евсевій даетъ этому анаеѣматствованію совершенно иной смыслъ; слово „γεννηθῆναι“ онъ относитъ не къ

¹⁾ Migne t. 20. col. 1544; Дѣянія т. I стр. 197.

предвѣчному рожденію Сына отъ Отца, а къ человѣческому рожденію, къ рожденію по плоти отъ Дѣвы Маріи; слѣдовательно, здѣсь уже анаеаметуется не аріанское ученіе, отвергающее существованіе Сына до рожденія отъ Отца, а евіонитское, по которому Сынъ не существовалъ до рожденія отъ Дѣвы Маріи. „Не считаемъ безразсуднымъ, говоритъ Евсевій, произнести анаеому и на эти слова: не существовалъ до рожденія, когда всѣми признается, что Сынъ Божій существовалъ до рожденія по плоти“¹⁾. Ясно, что всѣ объясненія давались Евсевіемъ съ цѣлю умалить значеніе Никейскаго собора и его символа и подвести православное ученіе какъ можно ближе къ аріанскому. Это была сдѣлка Евсевія съ своею совѣстью, а не искреннее, правдивое изъясненіе смысла и значенія символа Никейскаго и тѣхъ терминовъ, какіе внесены были въ него православными не только для опроверженія аріанства, но и для раскрытія положительнаго церковнаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Евсевій, конечно, понималъ сущность православнаго ученія, понималъ, что собственно значать тѣ термины, которые внесены были отцами (странно предполагать противное въ Евсевіи, человѣкѣ очень образованномъ, едвали не превосходившемъ своею ученостью всѣхъ членовъ Никейскаго собора²⁾), но ему не хотѣлось принимать Никейскій символъ въ его полномъ смыслѣ и значеніи, какъ противорѣчащій его убѣжденіямъ,—и вотъ онъ изъясняетъ его такъ, что отъ Никейскаго символа не остается ничего, хотя эти изъясненія выдаетъ за дѣйствительное пониманіе всего собора. „Въ посланіи къ церкви кесарійской Евсевій, говоритъ Ал. В. Горскій, частію клеветою, частію лжетолкованіемъ старается объяснить свое согласіе подписать символъ Никейскій“³⁾.

¹⁾ „Ἐτι μὲν τοῦ ἀναημεταιώσθαι τὸ, πρὸ τοῦ γεννηθῆναι οὐκ ἦν οὐκ ἄσπονον ἐνομισθῆ τῷ παρὰ πάντων βιολογεῖσθαι τὸ εἶναι τὸν Υἱὸν τοῦ Θεοῦ πρὸ τῆς κατὰ σάρκα γεννήσεως. Migne t. 20. col. 1544 (въ русск. вѣд. дѣяній этого мѣста нѣтъ).

²⁾ См. у А. П. Лебедева „Изъ ист. всел. соб. IV и V вв.“ стр. 79—80.

³⁾ „Жизнь св. Аванасія“ стр. 43. Очень подробно выяснена и доказана неискренность посланія Евсевія къ кесарійцамъ: Clerici Ars. crit. ca Epist. II. p.

Признавая фальшивыми, тенденціозными какъ самую постановку повѣствованія о соборѣ въ посланіи Евсевія, такъ особенно изъясненіе терминовъ, внесенныхъ отцами въ Никейскій символъ, мы, однако, не можемъ отказать этому посланію въ достовѣрности его историческаго содержанія. Въ пользу достовѣрности сообщаемыхъ въ посланіи историческихъ показаній говорятъ простыя соображенія и свидѣтельства древности. Евсевій писалъ свое посланіе тотчасъ послѣ собора (въ 325 или 326 году), когда дѣянія собора были всеѣмъ извѣстны; но крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ Кесаріи ходили слухи о дѣлахъ собора, какъ объ этомъ замѣчаетъ и самъ Евсевій въ началѣ своего посланія. По нашему мнѣнію, можно даже утверждать, что дѣявія собора были хорошо извѣстны всеѣмъ современникамъ его, въ частности—кесарійцамъ. Изъ Палестины, къ которой принадлежала и Кесарія, однихъ епископовъ присутствовало на Никейскомъ соборѣ 19, какъ видно изъ списковъ епископскихъ подписей; кромѣ того, можетъ быть, было много пресвитеровъ, діаконовъ, прочихъ клириковъ и даже мірянъ¹⁾. Все эти лица, присутствовавшія на соборѣ, конечно, хорошо знали исторію его и, вѣроятно, передавали ее своимъ соотечественникамъ. Поэтому извращеніе или непра-

28—68; у Мелера „Athanasie le grand et l' église de son temps“ t. II. p. 22—23, также въ сочиненіи А. П. Лебедева; „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ Напротивъ о. Иванцовъ въ своемъ сочиненіи „Религіозныя движенія IV и V вв.“ доказываетъ, что объясненія Евсевія искренни, высказаны отъ души, безъ задней мысли (118—119). Мы не будемъ разбирать мнѣнія о. Иванцова; оно уже опровергается отчасти тѣмъ, что мы сказали объ изъясненіяхъ Евсевія; при этомъ оно разобрано А. П. Лебедевымъ въ сочиненіи „Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вв.“ (стр. 94—95). Мы считаемъ достаточнымъ привести слѣдующія слова А. П. Лебедева изъ сейчасть указаннаго сочиненія: противъ мнѣнія о. Иванцова говоритъ цѣльный религіозный образъ Евсевія; Евсевій является арианномъ до собора Никейскаго, такимъ же былъ и на соборѣ (онъ колебался подписать символъ Никейскій), такимъ же является и послѣ Никейскаго собора, во все время своей дѣятельности. Можно-ли послѣ этого допустить какой-то неестественный моментъ въ жизни Евсевія, когда бы онъ дурно вѣрнулъ православному ученію?...

¹⁾ Обычную свиту епископа составляли въ то время два пресвитера и три слуги (Церк. ист. Евсев. X. 5).

вильная передача Евсевіемъ даже одного факта тотчасъ была-бы замѣчена его насомыми и возбудила-бы подозрѣніе въ своему па-стырю, т. е. извращеніемъ фактической стороны Евсевій достигъ бы цѣлей совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія имѣлъ въ виду и ради которыхъ онъ писалъ самое посланіе. Конечно, это Евсевій хорошо понималъ и никогда не рѣшился бы на глазахъ всѣхъ неправильно передать факты. Слѣдовательно, мы должны смотрѣть на историческія показанія Евсевія, какъ на вполне до-стовѣрныя. Наше положеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ свидѣтельствѣ св. Аѳанасія Александрійскаго. Аѳанасій приво-дитъ это посланіе въ своемъ сочиненіи „объ опредѣленіяхъ Ни-кейскаго собора“ въ видѣ приложенія, но ничего не говорятъ противъ его достовѣрности. Мало того, намъ думается, что Аѳа-насій даже ручается за достовѣрность историческихъ показаній посланія. По нашему мнѣнію, Аѳанасій приложилъ посланіе Ев-севія къ своему сочиненію между прочимъ въ качествѣ источника свѣдѣній о соборѣ. Передавъ вѣчто изъ исторіи собора самъ, Аѳанасій, вмѣсто повѣствованія о дальнѣйшихъ дѣлахъ собора, приложилъ посланіе Евсевія. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что повѣствованіе самого Аѳанасія оканчивается какъ разъ на томъ моментѣ дѣятельности собора, съ котораго на-чинаетъ свой разсказъ Евсевій. Если-же все это справедливо, то невозможно сомнѣваться въ достовѣрности историческаго со-держанія посланія. Аѳанасій, писавшій свое сочиненіе „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, съ цѣлью дать своему дру-гу правильныя свѣдѣнія о соборѣ, не предложилъ бы въ ка-чествѣ источника (хотя и неполнаго) этихъ свѣдѣній посланіе Ев-севія, если-бы въ послѣднемъ неправильно передавались факты. Точно также церковные историки V в. — Сократъ и Θεодоритъ, помѣ-щая посланіе Евсевія въ своихъ исторіяхъ, ничего не говорятъ противъ его достовѣрности; слѣдовательно, признавали его пока-занія вполне истинными. Въ противномъ случаѣ они упрекнули-бы Евсевія, какъ упрекали напр. Сократъ за сочиненіе „Жизнь

Константина^а. Особенно Θεодоритъ не оставилъ-бы безъ замѣчанія посланіе Евсевія, если-бы послѣднее грѣшило противъ исторической правды. Θεодоритъ былъ глубокимъ почитателемъ Евстаѳія Антиохійскаго, а этотъ послѣдній былъ непримиримымъ противникомъ Евсевія Кесарійскаго. Итакъ съ увѣренностью можно утверждать, что историческая часть посланія Евсевія вполне достовѣрна.

Признавъ достовѣрность историческихъ показаній Евсевіева посланія, мы должны признать и большую важность за нимъ, какъ источникомъ исторіи Никейскаго собора. Это посланіе сообщаетъ намъ много важныхъ свѣдѣній о внутренней исторіи собора, притомъ такихъ, какихъ нѣтъ въ другихъ повѣствованіяхъ о соборѣ. Слѣдовательно, посланіе Евсевія является важнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ и незамѣнимымъ источникомъ, а потому оно должно занимать видное мѣсто въ ряду источниковъ исторіи Никейскаго собора¹⁾. Изъ этого посланія мы получаемъ слѣдующія свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ:

1. Изъ посланія Евсевія открывается, что на соборѣ предлагались (не указано кѣмъ) письменныя изложенія вѣры, которыя подвергались строгому изслѣдованію и обсужденію. „Когда въ письменныхъ изложеніяхъ, поданныхъ другими (*τὰ ἑτεροῖως γραφέντα*), пишетъ Евсевій, мы встрѣчали разногласіе съ нашимъ мнѣніемъ, то защищали свое мнѣніе до послѣдней возможности“²⁾. Въ числѣ подававшихъ письменныя вѣроизложенія былъ и самъ Евсевій. Его изложеніе читалось предъ соборомъ³⁾; слѣдовательно, также было изложено письменно.

¹⁾ Нѣкоторые ученые совершенно игнорируютъ этотъ источникъ. Такъ напр. Мелеръ говоритъ, что посланіе Евсевія очень важный документъ для исторіи Никейскаго собора (*Athanasie le grand et l'eglise de son temps t. II. p. 23*), но при изложеніи самой исторіи собора показаніямъ посланія не даетъ никакого мѣста.

²⁾ Migne col. 1544; стр. 197. Дѣян. 1.

³⁾ Ibid. стр. 191.

2. Слово „*ἑρισούσιος*“ — „единосущный“ предложено было для внесения въ символъ самимъ императоромъ; императоръ же далъ и толкованіе этого слова. „Императоръ, пишеть Евсевій, всѣмъ повелѣлъ принять наше изложеніе..., присовокунивъ лишь слово „единосущный“, которому самъ же сдѣлалъ толкованіе“... ¹⁾). Самъ ли Константинъ подыскалъ это слово или предложилъ его по совѣту епископовъ, Евсевій объ этомъ ничего не говоритъ.

3. Передается процессъ образованія Никейскаго символа и приводится самый текстъ символа. Въ основу символа Никейскаго легъ символъ Евсевія. „Мы признали необходимымъ послать вамъ, пишеть Евсевій кесарійцамъ, какъ то изложеніе вѣры, которое было предложено нами собору, такъ и то, въ которомъ обнародованы нѣкоторыя дополненія, сдѣланныя къ нашимъ выраженіямъ“ ²⁾). Изъ этихъ словъ ясно, что символъ Никейскій есть дополненный символъ Евсевія. Впрочемъ, эти дополненія и вообще измѣненія, какъ можно видѣть изъ сличенія символа Никейскаго съ символомъ Евсевія, были очень значительны и существенны: они сдѣлали символъ Евсевія неузнаваемымъ. Вотъ эти измѣненія. а) Въ первомъ членѣ была произведена одна, но очень характерная замѣна: слово „всѣхъ“ передано вмѣсто „*ἀπάντων*“ простымъ „*πάντων*“. Слово „*ἅπας*“ энергичнѣе, нежели „*πᾶς*“; „*ἅπας*“ — значить рѣшительно все, все безъ исключенія, все въ совокупности. Слѣдовательно, слово „*ἅπας*“ могло представлять для аріанъ одну изъ лазеекъ, въ которой они могли укрываться съ своей діалектикой. „Если Богъ есть Творецъ рѣшительно всего (*ἀπάντων*), то Онъ Творецъ и Сына и Св. Духа“. б) Во второмъ членѣ опущено было выраженіе „Слово Божіе — *Λόγον τοῦ Θεοῦ*“. По миѣнію однихъ, это выраженіе опущено было потому, что отцы не хотѣли вводить въ символъ отвлеченныхъ богословскихъ терминовъ. Но это сдвали такъ. Никейскій символъ называется не

¹⁾ Migne col. 1544; стр. 193.

²⁾ Ibid. стр. 191.

символомъ собственно, а въроизложеніемъ (*μάθημα* — положеніе научное): его предназначали не для крещаемыхъ, а для строго-богословскаго и полемическаго употребленія. Въроятнѣе слово „*Λόγος*“ опущено было потому, что оно неправильно употреблялось нѣкоторыми еретиками (напр. Павломъ Самосатскимъ) и могло смущать православныхъ. Поэтому на мѣсто термина „*Λόγος*“ ставится „*Υἱός*“. с) Безразличное выраженіе Евсевіева символа „жизнь отъ жизни“ замѣнено болѣе точнымъ и опредѣленнымъ „Бога истиннаго отъ Бога истиннаго (*Θεὸν ἀληθινὸν ἐκ Θεοῦ ἀληθινοῦ*)“, потому что ариане, допуская, что Сынъ Божій есть Богъ, только съ натяжкой могли признать Его истиннымъ Богомъ. d) Для болѣе опредѣленнаго и полнаго раскрытія православнаго ученія и опроверженія арианскаго, понятіе „рожденнаго“ разъяснено точнѣе съ положительной стороны словами „отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца (*τούτέστιν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς*) и „единосущнаго Отцу“ (*ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ*), а съ отрицательной—словомъ „несотвореннаго“ (*οὐ ποιηθέντα*). e) Для болѣе точнаго и полнаго обозначенія творческой дѣятельности Сына Божія, обнимающей все тварное, и для устраненія арианскаго ученія, по которому нѣчто создано непосредственно Самимъ Отцомъ, въ словахъ Евсевіева символа: „черезъ Котораго (т. е. Сына) все произошло“ прибавлено: „какъ на небѣ, такъ и на землѣ“ (*τὰ τε ἐν τῷ οὐρανῷ, καὶ τὰ ἐν τῇ γῆ*). f) Намѣренно опущены слова „перворожденнаго всея твари (*πρωτοτόκον πάσης κτίσεως*), потому что этимъ терминомъ характеризуется отношеніе Сына Божія къ тварямъ, а не къ Отцу. g) Опущены были также слова Евсевіева символа: „каждый изъ Нихъ есть и имѣетъ свое бытіе, Отецъ есть истинно Отецъ, Сынъ есть истинно Сынъ, Духъ Святый есть истинно Духъ Святый“, такъ какъ этими словами слишкомъ, почти до различія по сущности, выдѣляются Лица Св. Троицы одно отъ другаго. Ученіе о Духѣ Святомъ взято въ символъ Никейскій прямо изъ Евсевіева символа: „и въ Духа Святаго“ (опущены только слова „въруемъ“ и „единаго“). Всѣ эти

измѣненія произведены были епископами. „Епископы, пишетъ Евсевій, по поводу слова „единосущный“ составили слѣдующее изложеніе вѣры“, и далѣе излагаетъ самый символъ Никейскій ¹⁾).

4. Противъ составленнаго символа Никейскаго, въ частности противъ нѣкоторыхъ терминовъ, въ него внесенныхъ, дѣлались возраженія. „Когда изложеніе (Никейское) было объявлено ими (епископами), пишетъ Евсевій, мы не оставили безъ тщательнаго извѣдыванія отъ нихъ, какъ надобно понимать выраженія: „изъ сущности Отца и единосущнаго Отцу“, употребленныя ими. По сему поводу даваемы были вопросы и отвѣты и смыслъ словъ былъ внимательно разсмотрѣн ²⁾). Въ чемъ состояли возраженія и распросы, можно вывести изъ отвѣтовъ епископовъ, которые приводитъ Евсевій ³⁾. „Епископы признавали, пишетъ Евсевій, что выраженіе „изъ сущности Отца“ значитъ то-же, что отъ Отца, только отнюдь Сынъ не есть часть Отца“ ⁴⁾. Такимъ образомъ возраженія состояли въ томъ, не вносятся-ли терминами изъ „сущности“ и „единосущный“ матеріальныя представленія въ понятіе Божества, не ведутъ ли эти термины къ эманатизму. Самыя возраженія были уступчивы, имѣли болѣе форму вопросовъ, и какъ скоро термины изъяснялись, ихъ принимали безъ сопротивленія. Вѣроятно, горячность возраженій и споровъ сдерживали авторитетъ и воля императора, предложившаго слово „ὁμοούσιος“ и одобрившаго самый символъ. Можетъ быть, здѣсь и проявилась та умиротворяющая дѣятельность Константина на соборѣ, о которой такъ краснорѣчиво говоритъ Евсевій въ „Жизни Константина“ ⁵⁾; по крайней мѣрѣ здѣсь было умѣстно проявиться ей.

¹⁾ Дѣян. I. 194.

²⁾ Ibid. 194—195.

³⁾ Впрочемъ, можно вывести только предположительно. Въ изъяснительной части своего повѣствованія Евсевій слишкомъ тенденціозенъ, а потому, можетъ быть, намѣренно опускаетъ многіе вопросы своей партіи и изъясненія православныхъ.

⁴⁾ Дѣян. I. 195.

⁵⁾ Ibid. III. 13.

5. Наконецъ, изъ посланія Евсевія видно и то, что не всѣ епископы — члены собора, подписавшіеся подъ Никейскимъ вѣроизложеніемъ, вполне согласились съ нимъ, приняли его искренно. Самъ Евсевій, несомнѣнно, былъ далекъ отъ искренняго принятія вѣры Никейской и въ глубинѣ души оставался при своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Но Евсевій Кесарійскій стоялъ во главѣ многочисленной партіи¹⁾, которая, конечно, была согласна въ мнѣніяхъ съ своимъ представителемъ; слѣдовательно, многіе изъ членовъ собора согласились съ Никейскимъ вѣроизложеніемъ лицемѣрно, только на словахъ, а не на дѣлѣ. — Этимъ мы закончимъ обзоръ повѣствованій Евсевія о Никейскомъ соборѣ.

Извѣстія о Никейскомъ соборѣ св. Аѳанасія Александрійскаго.

Свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ св. Аѳанасій сообщаетъ главнымъ образомъ въ двухъ своихъ посланіяхъ: „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (de decretis Nicaenae synodi²⁾) и „къ африканскимъ епископамъ“ (ad Afros episcopos³⁾). Но есть не мало краткихъ и отрывочныхъ замѣтокъ о Никейскомъ соборѣ и въ другихъ сочиненіяхъ Аѳанасія, напр. въ окружномъ посланіи къ епископамъ Египта и Ливіи⁴⁾, въ посланіи къ монахамъ⁵⁾, въ посланіи о соборахъ⁶⁾ и нѣкоторыхъ другихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, сдѣлаемъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о личности Аѳанасія, о характерѣ и направленіи его дѣятельности

¹⁾ А. П. Лебедевъ. „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ стр. 29.

²⁾ Migne gr. ser. t. 25. col. 456 et cet. c. 19—20. Твор. ч. 1. стр. 338—342.

³⁾ Migne t. 26 col. 1037—1040; Твор. ч. III. 320—322.

⁴⁾ Epistola encyclica ad episc. Aeg. et Lib. Migne. t. 25. твор. ч. I.

⁵⁾ Historia arianorum ad monachos. Migne t. 25. Твор. ч. II.

⁶⁾ Epistola de synodis Migne t. 26. твор. ч. III.

вообще, литературой—въ частности для уясненія самыхъ сказаній его о соборѣ.

Св. Аѳанасій Великій всю жизнь свою съ самыхъ раннихъ лѣтъ молодости и до самой смерти посвятилъ утвержденію и защитѣ православной вѣры, подвергавшейся нападенію со стороны еретиковъ ¹⁾. Въ качествѣ жаркаго и энергичнаго защитника вѣры апостоловъ, вѣры мучениковъ, вѣры всей первенствующей церкви, онъ выступилъ при первомъ появленіи ереси Арія въ Александріи, какъ помощникъ своего епископа Александра ²⁾. Въ качествѣ помощника Александра, а вмѣстѣ съ тѣмъ горячаго защитника православія и противника ереси, Аѳанасій въ санѣ діакона ³⁾ или архидіакона ⁴⁾ присутствовалъ и на Никейскомъ соборѣ ⁵⁾.

¹⁾ Время рожденія Аѳанасія точно неизвѣстно. Предположительно относить его къ 296—298 гг. незадолго до гоненія Діоклетіанова (ок. 303 г.). См. *Vita sancti Athanasii*. Migne t. 25. prolegomena LIX. Ceillier. *Hist. gener.* t. IV. Горскаго „Жизнь св. Аѳанасія“ и др.

²⁾ Принимая во вниманіе свидѣтельство Кирилла Александрійскаго (*epistola I. ad monachos Aegypti*. Migne t. 77), что Аѳанасій, живя подъ руководствомъ епископа Александра, „при остротѣ ума, кротости и безпримѣрномъ благоразуміи, руководилъ его ко всему полезному и во всякомъ дѣлѣ указывалъ лучший путь, можно утверждать, что Аѳанасій былъ и тогда виднымъ дѣятелемъ въ борьбѣ противъ ереси (ср. Аѳанасія анологію противъ арианъ ч. I. стр. 191); а принимая свидѣтельство Созомена, что Аѳанасій былъ письмоводителемъ Александра (*βυβλιότης καὶ βλογραφεὺς* II. 17), можно думать, что Аѳанасію принадлежитъ редакція писемъ и окружныхъ посланій Александрійскаго епископа объ ереси, писанныхъ до Никейскаго собора.

³⁾ Въ санѣ діакона Аѳанасій возведенъ былъ въ 319 году.

⁴⁾ Theodor. *Hist. eccles.* I. 25 (русск. изд. гл. 26): τοῦ ἡγενοῦ διακόνων ἡγεμόνος (*princeps ordinis diaconorum*).

⁵⁾ Въ чемъ состояла дѣятельность Аѳанасія на Никейскомъ соборѣ, съ точностью опредѣлять трудно. Египетскій соборъ говоритъ объ Аѳанасіи, что онъ на Никейскомъ соборѣ съ дерзновеніемъ возставалъ противъ печестія арианъ (*Apologia contra arianos*. Migne t. 25 c. 6 col. 256. тв. ч. I. стр. 197). Церковные историки, впрочемъ, кажется, на основаніи свидѣтельства же Египетскаго собора, ставятъ Аѳанасія въ число самыхъ видныхъ дѣятелей собора (*Rufin. Hist. eccles.* I. 5. Сокр. I. 8. Созом. I. 17; Θεοδωρ. I. 26. (Mgn. c. 25); самъ же Аѳанасій ничего не говоритъ о своей дѣятельности на соборѣ. Вѣроятноѣ

Болѣ опредѣленный и рѣшительный характеръ принимаетъ дѣятельность Аѳанасія послѣ Никейскаго собора. Мѣсяцевъ чрезъ 5 послѣ собора скончался епископъ Александръ и преемникомъ его сдѣлался Аѳанасій¹⁾. Принимая столь высокой постъ, Аѳанасій, конечно, зналъ и тѣ обязанности, какія налагались на него этимъ званіемъ: онъ понималъ, что его долгъ, какъ преемника Александра, ^{при т. н. ч. ч. ч.} продолжать дѣло Александра. И онъ исполнилъ этотъ долгъ. Всю свою дѣятельность, всю свою жизнь до самой смерти (373 г.) онъ посвятилъ утверженію православной вѣры, въ частности—Никейскаго исповѣданія, которое онъ отождествлялъ не только съ православіемъ, но даже съ христіанствомъ. „Отцовъ Никейскихъ, говоритъ онъ, надлежитъ уважать, иначе не приемлющіе символа (Никейскаго) будутъ признаны скорѣе всѣмъ, только не христіанами (*ὅνα μὴ μᾶλλον μάλλον ἢ χριστιανοὶ νομισθῶσιν*)²⁾. Онъ оберегалъ Никейское исповѣданіе со всею заботливостью, имъ только онъ жилъ, для него и изъ-за него переносилъ огорченія, клеветы и изгнанія; для него онъ не зналъ покоя, для него трудился постоянно съ истинно-героическимъ мужествомъ, неустранимостью и непреклонностью, съ несокрушимой энергіей и твердостью духа. Онъ не переставалъ защищать и утверждать вѣру Никейскую даже тогда, когда находился въ изгнаніи: онъ разсылалъ посланія. Короче, Аѳанасій былъ самымъ ревностнымъ, самоотверженнымъ апологетомъ Никейской вѣры: защита и утверженіе ея съ одной стороны, опроверженіе всевозможныхъ возра-

всего Аѳанасій былъ нотаріусомъ своего епископа Александра. Нотаріусы занимали очень видное мѣсто при судопроизводствѣ древней церкви; они собирали нужныя при судопроизводствѣ справки и слѣдили за ходомъ преній. Принявъ это мнѣніе, можно согласить похвальные отзывы Египетскаго собора и церковныхъ историковъ о дѣятельности Аѳанасія на соборѣ съ молчаніемъ самого Аѳанасія. Аѳанасій не имѣлъ значенія самостоятельнаго дѣятеля на соборѣ: потому ничего и не говоритъ о себѣ; но онъ важенъ былъ, какъ нотаріусъ (ибо соборъ былъ судомъ надъ аріанами): потому историки говорятъ о его дѣятельности на соборѣ.

¹⁾ Теодор. I. 26 (Migne c. 25).

²⁾ Epist. ad Afroſ Mign. t. 26 col. 1044. Твор. ч. III. 326.

женій противъ нея съ другой—было главною задачею и цѣлью всей жизни Аѳанасія. Утвержденіе Никейской вѣры какъ со стороны положительной чрезъ доказательство ея истинности, такъ и отрицательной—чрезъ опроверженіе возраженій противъ нея, было главнымъ предметомъ и цѣлью въ частности и литературной дѣятельности Аѳанасія. Почти всѣ его сочиненія носятъ современный практически-полемицескій характеръ: всѣ направлены къ оправданію вѣры Никейской и къ обличенію противниковъ ея.

Понятно, что такая задача дѣятельности Аѳанасія заставляла его часто обращаться къ Никейскому собору, формулировавшему вѣру, и касаться его исторіи для выясненія тѣхъ или другихъ спорныхъ вопросовъ. Но понятно также и то, что Аѳанасій, имѣвшій въ виду исключительно только оправданіе вѣры Никейской и утвержденіе православія, а на все другое смотрѣвшій какъ на средство, не могъ задаваться мыслию передать всю исторію собора въ ея полномъ видѣ, со всѣми подробностями, съ соблюденіемъ строгой исторической послѣдовательности и точности даже въ мелочахъ. Преслѣдуя свою главную цѣль—оправданіе Никейскаго исповѣданія, онъ, естественно, долженъ былъ выбирать изъ исторіи собора только то, что отвѣчало этой цѣли, передавать только тѣ факты и въ той послѣдовательности или исторической или логической, какіе и въ какой прямо доказывали истинность Никейской вѣры, отвергать главнымъ образомъ тѣ изъ мнѣній аріанъ, высказанныхъ на соборѣ, которыя были наиболѣе распространенными и чаще слышались изъ устъ аріанъ. Къ сказанному прибавимъ, что многія показанія о Никейскомъ соборѣ, помѣщенные въ сочиненіяхъ Аѳанасія, принадлежатъ не лично самому Аѳанасію, а другимъ лицамъ, которыя давали ихъ также по разнымъ практическимъ поводамъ. Поэтому мы не должны смотрѣть на сказанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, какъ на строго-историческія повѣствованія: мы должны принимать во вниманіе поводы и цѣли его показаній и выдѣлять чисто-историческіе элементы отъ полемицескихъ.

Послѣ общихъ замѣчаній, обратимся къ частному разбору показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, заключающихся главнымъ образомъ въ двухъ посланіяхъ — „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ африканскимъ епископамъ“.

Когда было написано посланіе „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, съ точностью опредѣлить трудно. Нѣкоторые на томъ основаніи, что въ посланіи не упоминается ни объ одномъ изъ аріанскихъ соборовъ, думаютъ, что оно написано было вскорѣ послѣ Никейскаго собора. Но съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Въ этомъ посланіи упоминается Акакій, какъ преемникъ Евсевія по епископской кафедрѣ въ Кесаріи Палестинской¹⁾; слѣдовательно, оно написано послѣ смерти Евсевія. Довольно прозрачно дается также знать, что не было въ живыхъ и Евсевія Никомидійскаго и аріанина Григорія, узурпатора Александрійскаго епископскаго престола²⁾, а самъ Аѳанасій спокойно и мирно, хотя въ ожиданіи уже насилій отъ аріанъ, управлялъ Александрійскою церковію³⁾. Слѣдовательно, написаніе посланія должно относить къ періоду времени между 349 г., когда умеръ аріанинъ Григорій⁴⁾ и Александрійская кафедра осталась за Аѳанасіемъ, и 356 г., когда Аѳанасій въ третій разъ долженъ былъ оставить управленіе своею церковію. Точнѣе указываютъ какъ на время написанія посланія на 352 годъ⁵⁾. Поводомъ къ написанію посланія было преніе, которое велъ одинъ изъ друзей Аѳанасія съ аріанами въ присутствіи многихъ православныхъ. Другъ

¹⁾ „Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ ч. I. стр. 314—315.

²⁾ Ibid.

³⁾ „Не дивись, пишетъ Аѳанасій, что теперь они (аріане) ухищраются въ этомъ (въ придумываніи предлоговъ для отрицанія Никейской вѣры); въ скоромъ времени прибѣгнуть къ поруганіямъ, а послѣ сего начнутъ угрожать спрору и тысяченачальникомъ; въ этомъ состоитъ мнимая твердость ихъ зловѣрія (ч. I. стр. 312. Migne t. 25. c. 2. col. 452).

⁴⁾ Θεοδορ. церк. ист. II. 12.

⁵⁾ Prolegomena. Migne t. 25. col. CXIV. Лебедевъ „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ стр. 15. примѣч.

Аѳанасія, какъ человѣкъ ученый и краспорѣчивый (*λόγιος*), прекрасно обличилъ злочестіе аріанъ и доказалъ, что ихъ недовольство и ропотъ на Никейскихъ отцовъ за то, что тѣ употребили въ символѣ термины „изъ сущности и единосущный“, буквально не находящіеся въ свѣдѣніи Писаніи, не болѣе, какъ пустой предлогъ¹⁾. Но для большей обоснованности и доказательности своихъ мыслей ему нужно было знать ходъ соборныхъ дѣяній; поэтому онъ обращается къ Аѳанасію съ просьбой описать, что сдѣлано на соборѣ²⁾. Аѳанасій исполняетъ просьбу друга и посылаетъ ему повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ, не для убѣжденія аріанъ, а изъ любви къ своему другу. „Для нихъ (аріанъ) я не далъ бы никакого отвѣта; но поелику твоя любовь изъявила знать, что сдѣлано на соборѣ, то не замедлилъ я, но вскорѣ объявилъ, какъ тогда происходило дѣло³⁾“.

Время написанія другаго посланія Аѳанасія — „къ африканскимъ епископамъ“ довольно опредѣленно указывается въ самомъ посланіи. Въ немъ упоминается о соборѣ, который собиралъ папа Дамасъ противъ представителей и вождей аріанства — Урсакія и Валента. „Достаточно и того, читаемъ въ посланіи, что было написано возлюбленнымъ сослужителемъ нашимъ Дамасомъ, епископомъ великаго Рима, и толикимъ числомъ собравшихся съ нимъ епископовъ... о здравой вѣрѣ, каковую даровалъ Христосъ, проповѣдали апостолы, передали отцы, изъ цѣлой извѣстной намъ вселенной собравшіеся въ Никее“⁴⁾. А первый соборъ въ Римѣ при папѣ Дамасѣ былъ въ 368 году⁵⁾; слѣдовательно, посланіе къ африканскимъ епископамъ было написано послѣ 368 года и, вѣроятно, въ слѣдующемъ 369 году, когда былъ соборъ въ

¹⁾ De decretis Nic. syn. Migne t. 25. c. I. col. 416. Твор. ч. I стр. 310.

²⁾ Ibid. col. 423. c. 2. стр. 312.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ „Посланіе къ африк. еписк.“. Твор. ч. III. стр. 314.

⁵⁾ Prolegomena Migne t. 25. col. CLII.

Александріи¹⁾, потому что самое посланіе къ африканскимъ епископамъ носитъ характеръ соборнаго посланія. „Предлагаемъ не мы одни пишущіе это, говорится въ посланіи, но всѣ епископы Египта и Ливіи, въ числѣ почти 90, потому что всѣ одно мудрствуемъ“²⁾. Цѣлью посланія было утвердить африканскихъ епископовъ въ православіи въ противодѣйствіе аріанамъ, которые взамѣнъ Никейскаго символа выставляли соборъ въ Римини (или Ариминѣ). „Поселику слышали мы, пишетъ Аѳанасій, что нѣкоторые, намѣреваясь оспаривать сію (Никейскую) вѣру, предпринимаютъ выставить на видъ какой-то соборъ, бывший будто-бы въ Ариминѣ, и усиливаются придать ему болѣе силы, нежели Никейскому, то почли мы необходимымъ написать и напомнить вамъ, чтобы не терпѣли таковыхъ людей“³⁾.

Указанные нами поводы къ написанію двухъ главныхъ для исторіи Никейскаго собора посланій Аѳанасія даютъ уже видѣть, что эти посланія не имѣли въ виду чисто-исторической цѣли представить полное изображеніе дѣятельности Никейскаго собора. Вызванныя частными обстоятельствами, они если и касались исторіи Никейскаго собора, то не ради ея самой, и касались настолько, насколько это было нужно для практическихъ цѣлей. Въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ Аѳанасію нужно было доказать, что ропотъ аріанъ на Никейскихъ отцовъ за термины „единосущный“ и „изъ сущности“ есть только пустой предлогъ, что отцы не произвольно внесли эти термины въ символъ, а послѣдовательно и логически вывели ихъ изъ изреченій библейскихъ, нужно было доказать ревность собора по истинѣ и точность разумѣнія“ (τῆς συνόδου τὸν ζῆλον τῆς ἀληθείας καὶ τὴν τῆς διανοίας ἀκρίβειαν)⁴⁾. Въ посланіи къ африкан-

1) Prolegomena Migne t. 25. col. СЛП. Проф. Лебедева „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ 15.

2) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1045. c. 19. Твор. ч. III. стр. 327.

3) Ibid. ч. III. стр. 315.

4) De decretis Nic. syn. Migne t. 25. col. 476 c. 32. Тв. ч. I. 360--361.

скимъ епископамъ Аѳанасію нужно было показать, что исполнять и измѣнять Никейскія опредѣленія нѣтъ никакой нужды, что „исповѣданнаго въ Никееѣ довольно и достаточно къ изложенію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія“¹⁾ и что Никейскія опредѣленія отцы составили не по неразумію и не произвольно, а послѣ тщательныхъ изслѣдованій и на основаніи свящ. Писанія²⁾. Такія цѣли посланій Аѳанасія, конечно, не требовали полного и обстоятельнаго изложенія всѣхъ дѣяній Никейскаго собора. Аѳанасію вполне достаточно было представить только тѣ моменты соборной дѣятельности и настолько, которые и насколько отвѣчали его цѣлямъ, т. е. ему нужно было передать только тѣ разсужденія, которыя показали-бы тщательность и осмотрительность Никейскихъ отцовъ при составленіи опредѣленій и убѣдили, что термины „единосущный“ и „изъ сущности“ не произвольны, а вытекаютъ съ логическою необходимостію изъ библейскихъ изреченій, составляя синтезъ послѣднихъ. Притомъ и лица, которымъ назначались разбираемые нами посланія, не особенно, кажется, нуждались въ подробной исторіи собора. Такъ другу Аѳанасія описаніе соборныхъ дѣяній нужно было только для того, чтобы обличить аріанъ; притомъ онъ, какъ человѣкъ ученый, уже доказалъ аріанамъ, что они пусто-словяты; слѣдовательно, и безъ повѣствованія о соборѣ достигъ своей цѣли и не особенно нуждался въ послѣднемъ. Второе посланіе назначалось лицамъ „знающимъ дѣло“ и имѣло задачей не полное изображеніе исторіи и дѣятельности собора, а только напоминаніе о нѣкоторыхъ соборныхъ дѣяніяхъ. „Надлежало-бы написать о семъ (о дѣйствіяхъ Никейскаго собора) пространнѣе, говоритъ Аѳанасій, но поелику пишемъ къ вамъ, людямъ знающимъ, то изложили мы кратко (*ἐπιδή δὲ πρὸς εἰδὸτας ὑμῶν γράφομεν, διὰ τούτου συντόμως ὑπεργραψάμεν*)... и предлага-

1) Твор. ч. III. 315. „къ африканск. епископамъ“.

2) Ibid. стр. 319.

емъ сіе не какъ учащіе, но какъ напоминающіе (οὐχ ὡς διδάσκοντες, ἀλλὰ ὡς ὑπομνησκόντες ἔσμεν)¹⁾. Руководясь такими практическими цѣлями и имѣя въ виду лишь потребности избѣстныхъ читателей, Аѳанасій и описываетъ только ходъ соборныхъ разсужденій, приведшихъ отцовъ къ терминамъ „единосущный“ и „изъ сущности“, вовсе не касаясь другихъ сторонъ соборной дѣятельности. Поэтому только какъ на эпизодъ изъ исторіи собора, а не на полную исторію, мы и должны смотрѣть на показанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ.

Далѣе, не имѣя въ виду чисто-исторической цѣли, Аѳанасій и ту часть соборныхъ дѣяній, которую ему нужно было изобразить, описываетъ не съ стенографическою точностью: онъ передаетъ только сущность соборныхъ разсужденій, даетъ самый общій очеркъ ихъ и слѣдитъ не за историческою послѣдовательностью ихъ, а скорѣе за ихъ логическимъ развитіемъ, такъ что, можетъ быть, соборныя разсужденія, возраженія аріанъ и доводы православныхъ епископовъ въ дѣйствительности имѣли иной видъ и со стороны полноты и со стороны послѣдовательности, чѣмъ въ какомъ представляютъ ихъ посланія Аѳанасія. Это легко замѣтить при первомъ взглядѣ на показанія Аѳанасія. Сказанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, заключающіяся въ посланіяхъ „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ африканскимъ епископамъ“ относятся къ одному и тому же моменту соборной дѣятельности, и они вполне сходны, даже тождественны по своему внутреннему содержанію, по своему логическому ходу мыслей, но по своей вѣщности они значительно разнятся между собою. Сказаніе, заключающееся въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ обширнѣе (въ 1^{1/2} раза) другаго сказанія, помѣщеннаго въ посланіи „къ африканскимъ епископамъ“: обстоятельство необъяснимое, если допустить, что показанія Аѳанасія представляютъ полное изображеніе того момента соборной дѣятельности, къ которому

¹⁾ Epist. ad Afros. Migne t. 26. c. 10. col. 1045. Твор. ч. III. стр. 327.

они относятся. Притомъ и болѣе обширное сказаніе нельзя считать за совершенно полное: въ немъ не достаетъ нѣкоторыхъ показаній сравнительно съ болѣе краткимъ. Напр. въ посланіи „къ африканскимъ епископамъ“ говорится, что аріане въ доказательство правильности своего пониманія выраженія „отъ Бога“, кромѣ библейскихъ изреченій, приводили слова изъ книги „Пастырѣ:“ „прежде всего вѣруй, что единъ есть Богъ, Который все создалъ и устроилъ и изъ небытія привелъ въ бытіе“¹⁾, на что нѣтъ указанія въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“. Наконецъ, по показаніямъ обоихъ разсматриваемыхъ посланій Аѳанасія, дѣло на соборѣ происходило слишкомъ быстро: епископы почти безъ перерыва предлагали одни библейскія изреченія (даже по нѣсколькѣ заразъ), а аріане тотчасъ же отвѣчали другими тоже библейскими изреченіями, на основаніи которыхъ можно было, при помощи діалектики, перетолковывать термины, предлагаемые отцами. Такого быстрого хода дѣлъ на соборѣ не могло быть. Епископы не только предлагали тѣ или другія библейскія изреченія для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу взамѣнъ употребившихся аріанами, но, конечно, и изъясняли эти термины въ смыслѣ противоположномъ аріанскому ученію о неравенствѣ Сына Божія съ Отцомъ. И эти-то изъясненія изреченій, а не самыя изреченія, и вызывали перетолкованія со стороны аріанъ, потому что все различіе между православными и аріанами было только въ способѣ толкованія библейскихъ выраженій, а не въ самыхъ выраженіяхъ: аріане не отвергали ни книгъ, ни мѣстъ свящ. Писанія и въ доказательство своего ученія приводили тѣ же самыя изреченія, какія и православные. А что, дѣйствительно, отцы не только предлагали изреченія свящ. Писанія, но и изъясняли ихъ, нѣкоторыя доказательства этого находятъ въ самыхъ посланіяхъ Аѳанасія. По показанію посланія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, отцы, предлагая библейскія вы-

¹⁾ „Посл. къ африк. еписк.“ Твор. ч. III. 320.

раженія: „Сынъ отъ Бога“, „Онъ есть Слово и Премудрость“, присоединяють уже въ качествѣ изъясненія: „не тварь, не произведение, но собственное рожденіе отъ Отца“¹⁾. Равнымъ образомъ, предлагая библейское изреченіе: „Слово есть истинная сила и образъ Отца“, разъясняютъ его: „Оно подобно Отцу во всемъ, не отлично отъ Него, непреложно, всегда нераздѣльно и въ Немъ пребываетъ, ибо Слово никогда не было лишено бытія“²⁾. Но если допустить, что на соборѣ не только предлагались библейскія выраженія, а и изъяснялись, то показанія Аѳанасія будутъ уже далеко неполны.

Неполно передавая соборныя разсужденія, посланія Аѳанасія передають эти разсужденія едва-ли и въ той послѣдовательности и преемственности, въ какой они происходили въ дѣйствительности. Изъ сличенія показаній Аѳанасія, заключающихся въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, съ показаніями, находящимися въ посланіи „къ африканскимъ епископамъ“, открывается, что эти показанія разнятся между собою въ порядкѣ терминовъ, предлагаемыхъ отцами на соборѣ. Такъ по показанію перваго посланія („объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“), прежде чѣмъ ввести терминъ „изъ сущности Отца“, епископы, для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу, указывали такіа выраженія: „Сынъ отъ Бога, Онъ есть Слово и Премудрость“³⁾. Между тѣмъ, по свидѣтельству другаго посланія („къ африканскимъ епископамъ“), обозначенію отношенія Сына Божія къ Отцу чрезъ терминъ „изъ сущности Отца“ предпосылались другія изреченія: „Слово есть едиnorodный отъ Бога по естеству (Іоанна I. 14. 18), Отчая сила, единая Отчая премудрость (I Кор. I. 24), истинный Богъ“, какъ сказала Іоаннъ (I Іоан. 5. 20),

1) „Объ опредѣл. Никейск собора“. I. 338.

2) „Объ опредѣл. Никейск. соб.“ стр. 340.

3) ...ἐκ τοῦ Θεοῦ καὶ λόγος ἐστὶ καὶ σοφία. Migne t. 25. col. 456. Твор. ч. I. стр. 338.

„сіяніе славы и образъ ипостаси Отчей“, какъ сказалъ Павелъ ¹⁾. Равнымъ образомъ предъ внесеніемъ термина „единосущный“, по сказанію посланія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, предлагались отцами слѣдующія выраженія: „Слово есть истинная сила и образъ Отца, что Оно подобно Отцу во всемъ, не отлично отъ Него, непреложно, всегда нераздѣльно и въ Немъ пребываетъ; ибо Слово никогда не было лишено бытія, но всегда имѣло оное, вѣчно пребывая у Отца, какъ сіяніе свѣта“ ²⁾; а по посланію „къ африканскимъ епископамъ“, внесенію термина „единосущный“ предшествовалъ разборъ библейскихъ выраженій, относящихся къ Сыну Божію: „сила, единая Отчая премудрость, вѣчный образъ во всемъ подобный Отцу, истинный Богъ“ ³⁾. Изъ представленныхъ параллелей видно, что между двумя показаніями Афанасія есть нѣкоторое разнообразіе въ распорядкѣ терминовъ: предлагаемыхъ отцами, и даже различіе въ самыхъ терминахъ: что по одному показанію предлагалось ранѣе, то по другому послѣ; что по одному показанію предлагалось (напр. по посланію „къ африканскимъ епископамъ“ термины: единородный, истинный Богъ), о томъ въ другомъ сказаніи не упоминается. Все это приводитъ къ тому заключенію, что показанія Афанасія передаютъ разсужденія отцовъ не въ исторической послѣдовательности и преемственности, а въ логической. Конечно, отъ такой мелочной, мик-

1) ...ἐκ τοῦ Θεοῦ τῆ φύσει μονογενὴς ἐστὶ ὁ Λόγος, δύναμις, σοφία μόνη τοῦ Πατρὸς, Θεὸς ἀληθινός, ὡς εἶπεν ὁ Ἰωάννης· καὶ ὡς ἔγραψεν ὁ Παῦλος ἀπαύγασμα τῆς δόξης, καὶ χαρακτὴρ τῆς τοῦ Πατρὸς ὑποστάσεως. Epist. ad Afros. Migne. t. 26. col. 1037. c. 5. Твор. ч. III. стр. 320.

2) ... δύναμιν ἀληθινὴν, καὶ εἰκόνα τοῦ Πατρὸς, τὸν Λόγον, ὅμοιον τε καὶ ἀπαράλλακτον αὐτὸν κατὰ πάντα τῷ Πατρὶ, καὶ ἀτρύπτον, καὶ αἰεὶ, καὶ ἐν αὐτῷ εἶναι ἀδιαιρέτως· οὐδέποτε γὰρ οὐκ ἦν, ἀλλὰ ἦν ὁ Λόγος αἰεὶ, ὑπάρχων αἰδίως παρὰ τῷ Πατρὶ ὡς ἀπαύγασμα φωτός“ De decret. Nic. syn. Migne t. 25. col. 449. c. 20. Твор. ч. I. 340.

3) ... „δύναμιν, σοφίαν μόνην τοῦ Πατρὸς, καὶ εἰκόνα αἰδίου, ἀπαράλλακτον κατὰ πάντα τοῦ Πατρὸς καὶ Θεοῦ ἀληθινόν. Migne t. 26. col. 1037. c. 5. Твор. ч. III. стр. 321.

роскопической неточности сущность дѣла не измѣняется и дѣйствительность не получаетъ ложнаго освѣщенія; потому-то, можетъ быть, Аѳанасій и не слѣдилъ особенно за такими мелочами при передачѣ соборныхъ дѣяній. Но наша задача требуетъ отмѣтить и эти мелочи.

Далѣе, принимая во вниманіе чисто практическій характеръ посланій Аѳанасія, содержащихъ въ себѣ показанія о Никейскомъ соборѣ, и полемическую цѣль самыхъ этихъ показаній — опровергнуть наиболѣе распространенныя, такъ сказать, ходячія мнѣнія аріанъ, популяризовавшіяся чрезъ сочиненія, — принимая во вниманіе все это, можно думать, что Аѳанасій, при описаніи дѣяній Никейскаго собора, представлялъ не тѣ только мнѣнія аріанъ, которыя высказаны были ими на соборѣ, но также и тѣ, которыя проводились въ аріанскихъ сочиненіяхъ и высказывались внѣ собора, или, по крайней мѣрѣ, мнѣнія, дѣйствительно имѣвшія мѣсто на соборѣ, представлялъ въ той формѣ, въ какой они чаще слышались изъ устъ аріанъ, а не въ той, въ какой они высказаны были на засѣданіяхъ собора. Такая замѣна обуславливалась, вѣроятно, кромѣ чисто полемическихъ цѣлей сочиненія, и психологическими причинами. Аѳанасій, всю жизнь свою боронившійся съ аріанами, постоянно слышавшій отъ нихъ очень сходныя возраженія противъ Никейскаго исповѣданія и православія вообще, непрестанно встрѣчавшійся съ ихъ своеобразнымъ экзегезомъ свящ. Писанія, съ ихъ хитроумнымъ перетолкованіемъ библейскихъ изреченій о Сынѣ Божіемъ, вполне естественно могъ слить въ своемъ сознаніи представленія, вынесенныя отъ засѣданій собора, съ представленіями, которыя у него сложились впоследствии на основаніи позднѣйшаго знакомства съ аріанами и ихъ литературой, и при повѣствованіи о соборѣ чрезъ 25—40 лѣтъ послѣ самого собора легко могъ мнѣнія, высказанныя аріанами въ сочиненіяхъ, вообще внѣ собора, или предъявленныя на соборѣ, но не въ такой формѣ, выдать за мнѣнія, имѣвшія мѣсто на соборѣ. Онъ самъ сознается въ неясности своей памяти

относительно того, когда, гдѣ и кѣмъ высказаны были тѣ или другія аріанскія мнѣнія. Такъ, упомянувъ объ аріанскомъ толкованіи текста изъ книги Притчей „Господь создалъ Меня началомъ путей Своихъ съ дѣла Своя“ (Притч. 8. 22), на который часто ссылались аріане въ доказательство своей доктрины, замѣчаетъ: „кажется и Евсевіевы сообщники говорили сіе“ (καὶ οἱ περὶ Εὐσεβίου τοῦτο λέγειν ἐδόκουν) ¹⁾. А упоминая, при описаніи Никейскаго собора, объ аріанскомъ писателѣ Астеріи софистѣ и указывая тождество между аріанскими возраженіями, какія имѣли мѣсто на соборѣ и какія встрѣчались въ сочиненіяхъ Астерія („тоже писалъ и Астерій“—τοιαῦτα καὶ Ἀστέριος ἔγραψε) ²⁾, тѣмъ самымъ наводитъ на мысль, что мнѣнія аріанъ, развитыя ими путемъ литературнымъ, ассимилировались въ его умѣ съ мнѣніями, заявленными отъ аріанъ устно на соборѣ. Дѣйствительно, стоитъ только сравнить нѣсколько мнѣній Астерія, а также другихъ аріанъ съ тѣми мнѣніями, какія выставлены были, по сказанію Аѳанасія, на Никейскомъ соборѣ, чтобы видѣть чуть не дословное сходство этихъ мнѣній и во всякомъ случаѣ полное сходство въ основаніяхъ и доказательствахъ ихъ, во всей ихъ аргументаціи. Для образчика приведемъ нѣсколько параллелей. Вотъ слова Астерія относительно библейскаго выраженія: „Сынъ Божій есть сила Божія“ и аріанъ на соборѣ:

Астерія:

аріанъ на соборѣ:

Хотя присносущная Его (Бога) сила и премудрость, которая, по истинному разсужденію, безначальна и нерожденна, безъ сомнѣнія есть одна и та-же, однако же многія силы и премудрости,

Что касается до слова „сила“ (въ выраженіи „Слово есть истинная сила Божія“), то и гусеница и мшца называются силою и сплюю великою (Іоиль П. 25); неоднократно-же и о

¹⁾ De decr. Nic. syn. Migne t. 25. c. 18. col. 445.

²⁾ Ibid. c. 21. col. 452.

отдѣльно сотворенныя Богомъ, и въ числѣ ихъ перворожденный и едиnorodный Христосъ, всѣ подобнымъ образомъ зависятъ отъ обладающаго ими Бога и всѣ справедливо именуется силами Самого Бога, ихъ сотворшаго и употребляющаго въ дѣйствіе. Такъ напр. о пругахъ, посланныхъ Богомъ въ наказаніе за грѣхи чело-вѣческіе, пророкъ говоритъ, что Самъ Богъ называетъ не только силою, но и силою великою (Юиль II. 25); а блаженный Давидъ не только ангеловъ, но и силы призываетъ къ словословію Божию (οἷον ὁ μὲν προφήτης τὴν ἀκρίδα, δίκην τῶν ἀνθρωπίνων ἀμαρτημάτων θεήλατον γινομένην, οὐ δύναμιν μόνον ἀλλὰ καὶ μεγάλην φησὶν ὑπὲρ αὐτοῦ προσαγορεύεσθαι τοῦ Θεοῦ· ὁ δὲ γε μακάριος Δαυὶδ ἐν πλείοσι τῶν ψαλμῶν οὐκ ἀγγέλοις μόνον, ἀλλὰ καὶ δυνάμεσιν αἰνεῖν παρακελεύεται τὸν Θεόν¹⁾).

людяхъ писано, какъ напр.: „изыде вся сила Господня изъ земли Египетскія“ (Исх. 12. 24); а есть и иныя небесныя силы, ибо сказано: „Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Иаковль“ (Пс. 45. 8). (περὶ δὲ τῆς δυνάμεως, ὅτε καὶ ἡ κάμπη καὶ ὁ βροῦχος μὲν λέγοντο δυνάμεις καὶ δυνάμεις μεγάλη· πολλακίς δὲ περὶ τοῦ λαοῦ γέγραπται, ὡς περ ἐξῆλθε πᾶσα ἡ δύναμις Κυρίου ἐκ γῆς Αἰγύπτου· καὶ ἄλλαι δ' οὐρανίαι δυνάμεις εἰσί. Κύριος γάρ, φησι, τῶν δυνάμεων μεθ' ἡμῶν· ἀντιλήπτωρ ἡμῶν ὁ Θεὸς Ἰακωβ²⁾).

Приведемъ еще въ параллель слова аріянина Георгія Лао-

¹⁾ Athan. contra arianos oratio II. Migne t. 26. col. 225—228. Твор. ч. II. стр. 312. Буквально тѣ-же слова Астер'я приводятся въ посланіи „о соборахъ“ (de synodis). Migne t. 26. col. 713—716. Твор. ч. III. стр. 129—130. Подобныя слова изъ Аріевой Θαλίи приводятся въ первой рѣчи противъ аریانъ. Migne t. 26. col. 21. Твор. ч. II. стр. 164.

²⁾ De decretis Nic. syn. Migne t. 25. col. 452. c. 20. Твор. ч. I. стр. 340.

дикійскаго, писавшаго своимъ единомышленникамъ, и аріанъ на соборѣ—по поводу выраженія: „Сынъ отъ Бога“:

Георгія Лаодикійскаго:

аріанъ на соборѣ:

„Не бойтесь говорить „Сынъ отъ Бога“. Если апостолъ написалъ: „вся-же отъ Бога (I Коринѳ. II. 12), а все, какъ известно, сотворено изъ несущихъ, и Сынъ есть тварь и единый изъ сотворенныхъ, то можно сказать, что и Сынъ отъ Бога, такъ какъ говорится, что и все отъ Бога“. (Ἑμεῖς μὴ φοβηθῆτε εἰπεῖν καὶ ἐκ τοῦ Θεοῦ τὸν Υἱόν. Εἰ γὰρ ὁ ἀπόστολος ἔγραψε· τὰ δὲ πάντα ἐκ τοῦ Θεοῦ, καὶ ἔστι δῆλον ἐξ οὐκ ὄντων πεποιθῆσθαι τὰ πάντα, ἔστι δὲ καὶ ὁ Υἱὸς κτίσμα, καὶ τῶν πεποιημένων εἰς· λεχθεῖν ἂν καὶ Υἱὸς ἐκ τοῦ Θεοῦ, οὕτως ὡσπερ καὶ τὰ πάντα λέγεται ἐκ τοῦ Θεοῦ“)¹⁾.

Согласимся въ этомъ (что Сынъ отъ Бога), потомучто и мы отъ Бога: единый Богъ, изъ Него же вся (I Кор. 8. 6); древняя мимондоша, се была вся нова, всяческая же отъ Бога (2 Кор. 5. 17—18). (Συνθώμεθα καὶ γὰρ καὶ ἡμεῖς ἐκ τοῦ Θεοῦ ἐσμεν· εἰς γὰρ Θεός, ἐξ οὗ τὰ πάντα· καὶ τὰ ἀρχαῖα παρῆλθεν, ἰδοὺ γέγονε τὰ πάντα καινά. Τὰ δὲ πάντα ἐκ τοῦ Θεοῦ“)²⁾.

Изъ приведенныхъ параллелей видно, что мнѣнія, высказанныя аріанами, по изображенію Аоанасія, на соборѣ, почти тождественны съ тѣми, которыя развиты въ аріанскихъ сочиненіяхъ, по крайней мѣрѣ, мѣста сваяцъ. Писанія, приводимыя аріанами въ пользу своихъ положеній, и образъ толкованія ихъ въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковы. Это приводитъ къ заклю-

¹⁾ De synodis. Migne t. 26. col. 712—713. Твор. ч. III. стр. 128.

²⁾ Epist ad Afros. Migne t. 26 col. 1037. Твор. ч. III. стр. 320.

ченію, что Аѳанасій, при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, выводитъ и такія мнѣнія аріанъ, какъ высказанныя на соборѣ, которыя имѣли мѣсто только въ аріанскихъ сочиненіяхъ. Конечно, мы не можемъ съ точностью указать, что именно было заимствовано Аѳанасіемъ изъ мнѣній, развитыхъ аріанами путемъ литературнымъ, и что изъ предъявленныхъ на соборѣ, и насколько послѣднія отличаются отъ тѣхъ, какія представлены Аѳанасіемъ; для этого у насъ нѣтъ данныхъ. Мы высказываемъ только предположеніе, что, можетъ быть, мнѣнія, которыя, по Аѳанасію, предъявлены были аріанами на соборѣ, въ дѣйствительности не были предъявлены или если и предъявлены, то въ другой формѣ.

Практическая цѣль сочиненій Аѳанасія и ихъ полемическій характеръ породили и другія особенности повѣствованія о соборѣ. Поставивъ задачу — не точное изображеніе собора и его дѣятельности, а оправданіе вѣры Никейской и обличеніе аріанъ, Аѳанасій, конечно, не имѣлъ нужды дѣлить своихъ противниковъ на группы: онъ имѣлъ въ виду возраженія противъ православной вѣры, а не самыхъ возражателей. Притомъ и по самымъ своимъ воззрѣніямъ онъ не признавалъ никакого различія между противниками вѣры Никейской. Отождествляя Никейское исповѣданіе не только съ православіемъ, но даже съ христіанствомъ, онъ всѣхъ противниковъ Никейскаго исповѣданія относилъ къ одной категоріи: „къ еретикамъ или даже не-христіанамъ“¹⁾. Конечно въ житейскихъ отношеніяхъ Аѳанасій могъ быть снисходительнѣе къ менѣе рѣзкимъ противникамъ Никейской вѣры, потому что они подавали надежду на возвращеніе къ православію; но какъ скоро дѣло касалось Никейскаго исповѣданія, всякое различіе между крайними и умѣренными противниками этого исповѣданія оставалось въ сторонѣ. Изъ такого ригоризма Аѳанасія съ одной стороны, изъ практически-полемическихъ цѣлей его посланій съ другой — объясняется то, что онъ при повѣствованіи о Никейскомъ

²⁾ Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1044. Твор. ч. III. стр. 326.

соборъ не дѣлитъ аріанъ на группы: все, присутствовавшіе на соборѣ, аріане, по его повѣствованію, составляли одну, тѣсно сплоченную партію, имѣвшую одни взгляды: вездѣ онъ говоритъ объ аріанахъ вообще. Между тѣмъ присутствовавшіе на соборѣ аріане дѣлились на двѣ партіи: одну составляли строгіе аріане во главѣ съ Евсевіемъ Никомидійскимъ, а другую—умѣренные во главѣ съ Евсевіемъ Кесарійскимъ, и между этими партіями существовало довольно значительное различіе во взглядахъ и мнѣніяхъ¹⁾. Указанная нами недомолвка въ повѣствованіи Аѳанасія вызвала собой другую. Не раздѣляя аріанъ на строгихъ и умѣренныхъ, Аѳанасій приписываетъ всеѣмъ вообще аріанамъ такіа мнѣнія, которыя составляли специфическую особенность только одной партіи и не принимались другою. Такъ напр. онъ вообще аріанамъ (слѣдовательно, и полуаріанамъ во главѣ съ Евсевіемъ Кесарійскимъ) приписываетъ выраженія самаго крайняго характера, какъ-то: изъ несущихъ, Сынъ—тварь и произведеніе и др.²⁾ Но такіа выраженія употреблялись одними только строгими аріанами, или евсевіанами; аріане же умѣренные не употребляли ихъ никогда, какъ объ этомъ рѣшительно свидѣтельствуетъ Евсевій Кесарійскій³⁾. Всеѣмъ же аріанамъ приписываетъ Аѳанасій и наименованіе Сына Божія „истиннымъ Богомъ⁴⁾“, „во всемъ подобнымъ Отцу“⁵⁾; между тѣмъ подобныа наименованія Сына Божія составляли специфическую особенность полуаріанской партіи и не допускались евсевіанами.—Нѣкоторые, впрочемъ, находятъ у Аѳанасія указанія на партіи въ томъ, что у него встрѣчаются названія: аріане

1) Что аріане на соборѣ раздѣлялись на партіи, это видно изъ замѣчаній самаго же Аѳанасія. Такъ Аѳанасій говоритъ, что у аріанъ на соборѣ происходили препирательства между собой. *De decretis Nic. syn.* Migne t. 25. col. 428. c. 3. Твор. ч. I. 314. См. Moehler. *Athanase le grand et l' église de son temps.* t. II. p. 16.

2) Посланіе къ африк. еписк. Твор. ч. III. 320.

3) Посланіе къ кесарійцамъ. Дѣян. I. 197.

4) Посланіе къ африк. епископамъ. Твор. ч. III. 321.

5) Посланіе объ опред. Ник. соб. Твор. ч. I. 340.

и евсевіане¹⁾). Дѣйствительно Аѳанасій употребляетъ эти названія, но употребляетъ ихъ безразлично, только какъ разные наименованія одной и той же партіи, а не двухъ, имѣющихъ свои особыя воззрѣнія. Онъ безразлично приписываетъ одни и тѣже мнѣнія и аріанамъ и евсевіанамъ и одно наименованіе часто ставитъ вмѣсто другаго. Напр. выраженія: „изъ несущихъ, Сынъ — тварь“ и др. онъ признаетъ „изобрѣтеніемъ аріанъ“, а отстаиваніе этихъ выраженій приписываетъ уже евсевіанамъ²⁾). Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасій, изобразивъ лукавство евсевіанъ въ изъясненіи нѣкоторыхъ библейскихъ изреченій, предложенныхъ отцами, далѣе замѣчаетъ: „таково развращенное разумѣніе аріанъ!“³⁾). Очевидно, Аѳанасій, если ставитъ въ послыкахъ слово „евсевіане“, а въ заключеніи „аріане“, признаетъ эти слова совершенно равнозначущими, тождественными по смыслу; а потому и въ употребленіи этихъ словъ нельзя видѣть указанія на партіи.

Наконецъ полемическій характеръ сочиненій Аѳанасія отразился на повѣствованіяхъ о Никейскомъ соборѣ тѣмъ, что въ нихъ получила мѣсто пропія⁴⁾). Иронією проникнуто описаніе положенія аріанъ на соборѣ. По изображенію Аѳанасія, аріане, какъ скоро находили возможнымъ перетолковать въ пользу своихъ воззрѣній тѣ или другія библейскія изреченія, предлагаемыя отцами для опредѣленія спорнаго догматическаго вопроса, сейчасъ-же и

1) Hefele. Concilien—geschichte. V. I. s. 307—308.

2) Посланіе къ африк. епископамъ. Твор. ч. III. 320.

3) Ibid. стр. 321.

4) Иронія довольно обычный элементъ въ обличительныхъ и полемическихъ сочиненіяхъ древнихъ церковныхъ писателей. О. Иванцовъ въ своемъ сочиненіи „Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства“, изслѣдуя полемическія сочиненія отцовъ и учителей церкви, какъ источники исторіи древнѣйшихъ сектъ, говоритъ, что церковные полемисты часто преувеличивали слабость опровергаемаго ученія, представляли его въ каррикатурахъ (стр. 49), — и при частномъ обзорѣ и разборѣ древнихъ полемическихъ произведеній приводятъ много доказательствъ въ пользу высказаннаго мнѣнія. Изъ святоотеческой литературы IV в. пронизующимъ характеромъ наиболѣе проникнуты произ-

сообщали объ этомъ другъ другу, но сообщали не открыто, а „бивали другъ другу головами“ (*διανεύοντες ἀλλήλοις*)²), „шептались между собою и перемигивались глазами“ (*πρὸς ἑαυτοὺς τὸν θορύζοντες καὶ διανεύοντες τοῖς ὀφθαλμοῖς πρὸς ἑαυτοῦς*)³); послѣ такого совѣщанія между собою при помощи перемигиваній и знаковъ, они изъясняли свое согласіе на тотъ или другой терминъ, объясняя его (терминъ) въ смыслѣ своего ученія. Такое изображеніе положенія арианъ нельзя иначе назвать, какъ ироническимъ. Ариане какъ-будто желали скрывать свои мысли, желали умолчать о томъ, что предлагаемыя епископами изреченія

веденія св. Григорія Богослова. Напр. въ словѣ противъ евноміанъ (первомъ о богословіи) св. Григорій дѣлаетъ такое ироническое обращеніе къ зараженнымъ современнымъ ему недугомъ—страстью богословствовать: „Положимъ, что ты высокъ, выше самыхъ высокихъ, а если угодно—выше и облаковъ; положимъ, что ты зритель незримаго, слышатель неизреченнаго, восхищенъ какъ Ілія, удостоенъ богоявленія какъ Моисей, небесенъ какъ Павелъ. Зачѣмъ же и другихъ, не больше какъ въ одинъ день, дѣлаешь святыми, производишь въ богословы, какъ-бы вдыхаешь въ нихъ ученость и составляешь много сонмища неучившихся книжниковъ?“ (Твор. св. Григ. Назіан. въ руск. пер. ч. III, стр. 14). Не мало въ произведеніяхъ Григорія и другихъ мѣстъ, гдѣ ясно звучитъ иронія. Такъ св. Григорій часто называетъ своихъ противниковъ „мудрецами“ (о богословіи 5-е сл. ч. III, стр. 106), доводы ихъ—„непреборимыми“ (о богословіи 3-е, ч. III, стр. 70; о богословіи 5-е, стр. 117 и ми. др. См. также слова Григорія противъ арианъ, противъ Юліана, о любви къ бѣднымъ, о мирѣ, слово въ похвалу философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія, слово прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь ста-пятидесяти епископовъ и др.). Но особенно богаты примѣрами ироніи и комизма стихотворенія Григорія Богослова: въ нихъ иронія является не только по мѣстамъ, эскизно, а иногда и преобладающимъ элементомъ. На выдержку возьмемъ хоть слѣдующее мѣсто изъ сатиры св. Григорія на Максима: „Какія невѣроятныя и неслыханныя доселѣ новости! Саулъ во пророкахъ, Максимъ въ числѣ писателей! Кто же послѣ этого не пророкъ? Кто сдержитъ свою руку?..... Не даліе вѣдь, какъ вчера, для тебя рѣчи были то же, что для осла—лира, для быка—морская волна.... Теперь же ты у насъ Орфей, своими перстами все приводящій въ движеніе, или Амфіонъ, своими брадавами созидающій стѣны“... (По рус. пер. ч. V, стр. 269. Подробности см. у Гольцова „св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ“, стр. 69, 149 и слѣд.; также у пре. св. Порфирія „о стихотвореніяхъ Григорія Богослова“. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1863 г. т. I, стр. 423—424).

²) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1037; по р. пер. ч. III, 321.

³) Epist. de decretis Nic. syn. Migne t. 25, c. 20. col. 449; по р. пер. ч. I, стр. 340.

свящ. Писанія можно перетолковать: иначе имъ излишне было-бы перешептываться и перемигиваться; и однако тотчасъ-же выдаютъ свои мысли. Зачѣмъ-же послѣ этого прибѣгать къ такому таинственному способу совѣщаній между собою?.. Притомъ арианамъ и не зачѣмъ было сообщать другъ другу о возможности приспособить тотъ или другой библейскій текстъ, при помощи діалектики, къ ихъ доктринѣ. Ариане, вѣроятно, хорошо знали всѣ нужныя для нихъ изреченія свящ. Писанія, знали и то, какъ ихъ толковать, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ своими воззрѣніями. Такое предположеніе имѣетъ ручательство за свою достоверность какъ въ характерѣ арианской ереси, такъ и въ степени образованности представителей арианства на соборѣ. Арианская ересь явилась не какъ слѣдствіе уклоненія отъ свящ. Писанія въ ученіи о Сынѣ Божіемъ, а только какъ результатъ неправильнаго, точнѣе—неправильно-прилагаемаго метода толкованія св. Писанія: ариане всѣ свои воззрѣнія основывали на св. Писаніи (крайніе выводы радикальнаго арианства, впрочемъ, были выражены уже не библейскими терминами), и если приходили къ ложнымъ заключеніямъ, то единственно благодаря своему экзегетическому методу. Поэтому ни одинъ текстъ библейскій не былъ страшенъ для нихъ: каждое изреченіе св. Писанія, какъ скоро проводилось сквозь ихъ методъ, превращалось въ ихъ доктрину. Каждый изъ арианъ хорошо понималъ это. Зачѣмъ-же послѣ этого имъ нужно было совѣщаться между собою посредствомъ перешептываній и перемигиваній? Притомъ можно съ увѣренностью полагать, что представители арианства, какъ люди очень образованные¹⁾, предъ

¹⁾ Между представителями арианства на Никейскомъ соборѣ было много лицъ образованныхъ, таковы: павлѣтній Евсевій Кесарійскій, Евсевій Никомидійскій, писавшій посланія, несомнѣнно, догматическаго содержанія ко всѣмъ церквамъ; его Соломенъ называетъ мужемъ ученымъ (*ἄνδρα ἐλλογιμὸν*—*virum doctissimum* I. 15); Θεοδὸς, епископъ Ираклійскій, котораго бл. Феодоритъ называетъ „человѣкомъ весьма ученымъ“ (Mig. т. 82. 2; по рус. изд. гл. 3), и многие другіе. Подробнѣе см. у проф. Ал. П. Лебедева „Изъ исторіи вселен. соб. IV и V вв.“ стр. 79—84.

отправленіемъ на соборъ внимательно и тщательно пересмотрѣли всѣ библейскія изреченія, относящіяся къ спорному догматическому вопросу, приспособили ихъ къ своей доктринѣ и сообщили результаты своихъ изслѣдованій своимъ единомышленникамъ еще до засѣданій собора, по крайней мѣрѣ, торжественныхъ, такъ что ни одно библейское выраженіе уже не было для нихъ неожиданностью, непредвидѣннымъ возраженіемъ. Новое доказательство того, что аріанамъ не зачѣмъ было перешептываться. Наконецъ, неестественно представлять, чтобы аріанскіе епископы, если ужъ имъ и понадобилось совѣщаніе между собою, стали подавать другъ другу знаки киваніемъ головы и перемигиваніемъ. Такіе способы передать свои мысли едва-ли съ полною вѣроятностью можно приписать аріанамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были придворными лицами, знакомыми со всѣми правилами придворнаго этикета, притомъ лицами важными, пользующимися расположеніемъ государя и занимающими видное общественное положеніе. Вѣроятно дѣло происходило такъ. Болѣе образованные православные епископы, каковы напр. Александръ Александрійскій, Осія Кордубскій, Евстаѳій Антиохійскій и др., изъ личныхъ столкновеній съ аріанами, какихъ было не мало, особенно у Александра Александрійскаго, со времени появленія аріанства до Никейскаго собора, и изъ аріанскихъ сочиненій узнали, что аріане при помощи своего метода могутъ перетолковать каждое библейское выраженіе и что, слѣдовательно, вести споръ только на почвѣ св. Писанія значить не достигнуть никакихъ результатовъ, не опровергнуть аріанства, не утвердить православія. Эти ученые представители православныхъ поняли необходимость свести споръ на почву умозрѣнія и внести въ вѣроизложеніе философско-богословскій терминъ, который бы, совмѣщая въ себѣ смыслъ всѣхъ библейскихъ изреченій, изъясняющихъ догматы объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, въ то-же время не поддавался перетолкованіямъ. Очень вѣроятно, что эти ученые представители еще до собора или, по крайней мѣрѣ, до торжественныхъ засѣданій, намѣтили уже терминъ „ὁμοούσιος“ и

„ἐκ τῆς οὐσίας“, какъ вполнѣ выражающіе церковное ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, намѣтили и постарались сообщить объ этомъ православнымъ епископамъ. Наме предложеніе находить себѣ поддержку въ показаніи Филосторгія¹⁾, что Александръ Александрійскій съ Осією Кордубскимъ и нѣсколькими другими епископами еще до собора подготовили утвержденіе мнѣнія объ исповѣданіи Сына Божія единосущнымъ Отцу. Но прямо предложить такой терминъ, какого нѣтъ въ св. Писаніи, было не совсѣмъ удобно. Это могло дать поводъ аріанамъ, повидимому, съ правомъ говорить, что православное ученіе о Сынѣ Божіемъ основывается не на св. Писаніи, что оно простое измышленіе епископовъ. Съ другой стороны — терминъ, не находящійся буквально въ св. Писаніи, могли возбудить нѣкоторое сомнѣніе и въ православныхъ епископахъ, не отличавшихся научнымъ образованіемъ. Особенно должно было возбудить сомнѣнія и опасенія слово „ὁμοούσιος“, которое было отвергнуто на Антиохійскомъ соборѣ противъ Павла Самосатскаго. Чтобы избѣжать всего этого, православные епископы рѣшили прежде провозглашенія „ὁμοούσιος“ внести на обсужденіе собора библейскія изреченія, которыя-бы, указывая равенство Сына Божія съ Отцемъ съ разныхъ сторонъ, въ совокупности своей неизбѣжно, съ логическою необходимостью приводили къ понятію „единосущія“. „Епископы, пишетъ Афанасій, собрали реченія писаній: сіяніе, источникъ, рѣка, образъ ипостаси и во свѣтѣ узримъ свѣтъ (Пс. 35. 10) и: „Азъ и Отець едино есма“ (Іоанн. 10. 30), и наконецъ — яснѣе и кратко написали: „Сынъ единосущенъ Отцу“, потомучто все сказанное выше имѣетъ сіе самое значеніе²⁾. Такимъ образомъ епископы, предлагая разныя библейскія изреченія, не смотрѣли на эти послѣднія, какъ на вполнѣ удобныя для внесенія въ символъ и не думали окончательно остановиться на нихъ. Предлагая эти тер-

¹⁾ Сокращеніе ист. Филосторгія у Фотія кн. I гл. 7.

²⁾ Epist. ad Afros. Migne t. 26. c. 6. col. 1040. Твор. ч. III. стр. 321—322.

мины на обсужденіе собора, епископы съ одной стороны желали показать недостаточность однихъ библейскихъ изреченій для опроверженія аріанства и необходимость внесенія не-библейскаго (метафизическаго) термина, который бы не поддавался перетолкованіямъ, съ другой—желали убѣдить всѣхъ въ томъ, что „единосущіе“—не произволь, а имѣетъ своимъ источникомъ св. Писаніе, что хотя терминъ „ὁμοούσιος“ буквально и не находится въ библіи, но есть синтезъ библейскихъ изреченій. Внесеніе библейскихъ изреченій было для епископовъ не болѣе, какъ черновой работою, которую они показывали на соборѣ, чтобы убѣдить въ истинности бѣловой, предъявленіемъ процесса, приводящаго къ результату, но не самого результата. Что епископы такъ именно смотрѣли на предложеніе библейскихъ изреченій, это видно изъ самыхъ изреченій, внесенныхъ на соборѣ. По сказанію Аѳанасія, отцы собора прежде всего предлагали выраженіе „Сынъ отъ Бога“¹⁾. Но это выраженіе еще до собора Никейскаго было изъяснено въ аріанскомъ духѣ въ сочиненіи Георгія, епископа Лаодикійскаго²⁾. Православные епископы, конечно, знали это и, понятно, не могли смотрѣть на выраженіе „Сынъ отъ Бога“, какъ на вполне достаточное для обозначенія православнаго ученія п опроверженія аріанства, а слѣдовательно, и не думали на немъ остановиться. По сказанію же Аѳанасія, епископы предлагали выраженіе: „Сынъ есть истинная сила Божія“³⁾. Но опять они не могли смотрѣть на это выраженіе, какъ на окончательное: они знали о перетолкованіи его въ Аріевой Фаліи⁴⁾, которая была составлена ранѣе Никейскаго собора⁵⁾. Не такъ смотрѣли на

1) Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. I. 338; къ афр. еписк. ч. III. 320.

2) Самое изъясненіе Георгія мы приводили выше, стр. 132.

3) Объ опред. Ник. соб. Твор. ч. I. 340. Посл. къ афр. еп. III. 321.

4) Мѣсто изъ Аріевой Фаліи находится въ тв. Аѳанасія ч. II. стр. 164.

5) Нашему положенію, повидимому, противрѣчатъ свидѣтельство Аѳанасія, что епископы спрашивали аріанъ объ ихъ мнѣніяхъ. „Епископы, ижегъ Аѳанасій, спрашивали сихъ немногихъ (аріанъ), не именуютъ ли они Сына не тварью,

предлагаемые отцами библейские термины ариане. На каждое изречение св. Писанія, вносимое на соборъ, они смотрѣли, какъ на окончательный результатъ дѣятельности епископовъ, какъ на послѣднее ихъ слово, и такъ какъ каждое изъ этихъ изреченій могло быть изъяснено въ арианскомъ смыслѣ, то ариане радовались такому ходу дѣлъ. Положимъ, съ внесеніемъ каждаго новаго термина, почва подъ арианами все болѣе и болѣе колебалась, такъ что ариане приходили въ смущеніе ¹⁾. Но все же у нихъ оставалась еще надежда на побѣду; они думали, что православные не выйдутъ за предѣлы св. Писанія, а на почвѣ св. Писанія они могутъ отстаить свою доктрину. Поэтому, хотя смущенные нѣкоторыми болѣе выразительными библейскими терминами, говорившими противъ арианства, однако все же убѣжденные, что въ концѣ концовъ они одержатъ верхъ надъ православными, обратятъ въ ничто ихъ труды,— съ готовностью, съ плохо скрываемымъ удовольствіемъ, принимали тезисы православныхъ. Эту-то слишкомъ поспѣшную и неосновательную радость арианъ, это ихъ затаенное убѣжденіе, что они обошли православныхъ „простецовъ“, ставившее ихъ самихъ въ комичное положеніе въ глазахъ епископовъ, знавшихъ въ чему клонилось дѣло, Аѳанасій и изображаетъ проницательно, когда говоритъ, что ариане „перемигивались и перешептывались“.

Мы отмѣтили особенности показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ. Но мы разсматривали показанія Аѳанасія отдѣльно отъ другихъ сказаній о соборѣ, разсматривали показанія, взятыя сами по себѣ. Для полноты же представленія мы должны разсмотрѣть эти показанія по сравненію съ показаніями Евсевія. Мы говоримъ „должны“, потому что между показаніями Аѳанасія и

по сплю, единою Отчею премудростію и т. д. (посл. къ афр. еписк. ч. III. 321). Если спрашивали, то, слѣдовательно, сами не знали. Но это только повидимому. Вопросъ здѣсь былъ одною формою и употреблялся для болѣе нагляднаго и раздѣльнаго веденія дѣла.

¹⁾ Посл. объ опред. Ник. соб. Твор. ч. I. 340.

Евсевія существуетъ нѣкоторое разногласіе; слѣдовательно, нужно опредѣлить, какъ смотрѣть на это разногласіе, насколько можно довѣрять разногласящимъ показаніямъ и какъ можно пользоваться ими. Разногласіе между Евсевіевыми и Аѳанасіевыми показаніями состоитъ въ слѣдующемъ. По Евсевію, главнымъ рѣшителемъ спорнаго вопроса на Никейскомъ соборѣ былъ самъ императоръ: онъ предложилъ внести въ символъ слово „*ὁμοούσιος*“ — „единосущный“; онъ же далъ и объясненіе этого слова. Между тѣмъ, по изображенію Аѳанасія, догматическая дѣятельность собора, поскольку она выразилась въ составленіи Никейскаго символа, принадлежала исключительно отцамъ собора, безъ всякаго активнаго участія императора (о немъ даже не упоминается). Далѣе, по сказанію Евсевія, въ основу Никейскаго символа былъ принятъ его собственный символъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями. Не такъ представляется дѣло у Аѳанасія: у него вѣроизложеніе Никейское не ставится ни въ какое отношеніе къ символу Евсевія (о послѣднемъ ни говорится ни слова): редакція его представляется самостоятельною и независимою. Конечно, мы не можемъ, на основаніи этого разногласія заподозрить достовѣрность котораго-нибудь сказанія и принять его за простую выдумку. Мы не можемъ этого сдѣлать по отношенію къ сказанію Евсевія, потому что историческая достовѣрность его показаній опирается на довѣрія къ нему самого Аѳанасія и древнихъ церковныхъ историковъ. Тѣмъ болѣе не можемъ сдѣлать этого по отношенію къ сказаніямъ Аѳанасія: за достовѣрность его показаній ручаются личныя качества святителя, его нравственная чистота и безупречность, дѣлающія невозможнымъ для него намѣренное утаиваніе истины. Притомъ самое разногласіе между Евсевіемъ и Аѳанасіемъ, по нашему мнѣнію, не такого рода, чтобы оно необходимо говорило за недостовѣрность показаній кого-нибудь изъ нихъ. Каждый изъ нихъ, рассказывая о Никейскомъ соборѣ, хотя не упоминаетъ о томъ, что повѣствуется другимъ, но и не отрицаетъ прямо этого. Такъ Евсевій, свидѣтельствуя, что слово „*ὁμοούσιος*“ предложено было импера-

торомъ, однако не говоритъ, что только одинъ императоръ и онъ первый предложилъ этотъ терминъ; слѣдовательно, онъ не отрицаетъ прямо и того, что къ этому термину припили отцы путемъ разбора библейскихъ изреченій и они первые предлагали его, какъ повѣствуетъ Аѳанасій. Намъ думается даже, что показаніе Евсевія не только не отрицаетъ повѣствованія Аѳанасія, но ручается за него и предполагаетъ его. Изъ описанія Евсевія видно, что когда императоръ предложилъ внести въ символъ слово „ὁμοούσιος“, это никого не поразило своею новостью, неожиданностью, оно принято было членами собора, какъ нѣчто ожидаемое. Очевидно, это слово было уже знакомо собору, очевидно, о немъ долго уже разсуждали. Въ противномъ случаѣ это слово, не находящееся буквально въ библіи и отвергнутое Антиохійскимъ соборомъ, должно бы изумить всѣхъ, вызвать бурные споры и прекословія. Равнымъ образомъ Евсевій, свидѣтельствуя, что въ основу Никейскаго символа легъ его собственный символъ, не отрицаетъ и самостоятельности отцовъ въ составленіи символа. Онъ говоритъ, что епископы сдѣлали дополненія къ его выраженіямъ; а сличеніе символа Евсевія съ символомъ собственно Никейскимъ показываетъ, что отцы совѣтъ передѣлали первый, такъ что съ правомъ могли сказать о себѣ, что они самостоятельно составили вѣронзложеніе. Точно также и показанія Аѳанасія не исключаютъ вполне показаній Евсевія. По Аѳанасію, епископы сами предложили и написали „ὁμοούσιος“; но отсюда еще не слѣдуетъ, что императоръ не могъ предложить и не предлагалъ этого термина отъ себя: онъ могъ одобрить предложеніе отцовъ, могъ высказаться въ пользу „ὁμοούσιος“, что близко подходит къ показанію Евсевія. Не исключаютъ показанія Аѳанасія и того, что въ основу символа Никейскаго легъ символъ Евсевія. Аѳанасій въ своихъ повѣствованіяхъ передаетъ не процессъ составленія символа, а процессъ, приведшій отцовъ собора къ терминамъ „ὁμοούσιος“ и „ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς“, и не отрицаетъ показанія Евсевія, что епископы внесли эти термины въ его сим-

воль. Очевидно, что повѣствованія Аѳанасія и Евсевія представляются разногласящими только вѣдѣствіе своей относительной краткости, оттого, что Аѳанасій и Евсевій, преслѣдуя каждый свои цѣли, брали изъ исторіи собора только нѣкоторыя черты, какія имъ нужны были, и опускали другія—ненужныя. А такъ какъ цѣли ихъ были различны, Евсевію нужно было указать на сходство Никейскаго символа съ своимъ символомъ, а Аѳанасію доказать законность терминовъ: „ὁμοούσιος“ и „ἐκ τῆς οὐσίας“, — то и описанія собора вышли у нихъ неодинаковы. Поэтому сказанія Евсевія и Аѳанасія, какъ взаимно себя не исключаютъ, могутъ быть примирены и соглашены... Но отъ возможности нельзя заключать къ дѣйствительности: а *posse ad esse non valet consequentia*. И въ нашемъ вопросѣ, въ несчастію, слишкомъ осязательно обнаруживается вся сила и значеніе этого положенія формальной логики. Мы показали, что примиреніе между показаніями Аѳанасія и Евсевія возможно, и объяснили существующее между ними разнорѣчіе различіемъ цѣлей, какія имѣли тотъ и другой при написаніи своихъ сочиненій. Но объяснить разногласіе не значитъ устранить его, равнымъ образомъ показать возможность примиренія не значитъ дѣйствительно примирить. И если объяснить разногласіе между Евсевіемъ и Аѳанасіемъ и доказать возможность примиренія ихъ показаній не трудно, то устранить это разногласіе и примирить два рода сказаній, примирить такъ, чтобы не оставалось мѣста никакому сомнѣнію, дѣло вовсе нелегкое. „Доселѣ еще ни одному ученому не удалось поставить въ гармонію и связь два рода сказаній о Никейскомъ соборѣ—Аѳанасіевыхъ и Евсевіевыхъ, говорятъ проф. Ал. П. Лебедевъ; доселѣ каждый изъ ученыхъ, писавшихъ о Никейскомъ соборѣ, давалъ такое или иное мѣсто сказаніямъ Аѳанасія и Евсевія въ исторіи Никейскаго собора по своему личному усмотрѣнію, потому что не выработано достаточныхъ критеріевъ для разрѣшенія вопроса, потому что соединить два рода указанныхъ сказаній очень трудно, если не невозможно (удастся-ли когда-либо кому-либо соглашеніе сказаній

этихъ—дѣло сомнительное“¹⁾... „Какъ ни примирай эти сказанія двухъ древнихъ писателей, говоритъ Ал. П. Лебедевъ далѣе, все-таки остается мѣсто сомнѣнiю: такъ-ли это“?²⁾ Поэтому, не претендуя на полное, а тѣмъ болѣе на вполне вѣрное примиренiе Аванасiевыхъ и Евсевiевыхъ сказанiй о Никейскомъ соборѣ, мы представимъ только предположительное рѣшенiе вопроса о соглашенiи двухъ родовъ сказанiй о Никейскомъ соборѣ, представимъ только гипотезу примиренiя показанiй Аванасiя и Евсевiя. По нашему мнѣнiю, сказанiя Аванасiя и Евсевiя нужно ставить рядомъ, одно послѣ другаго, такъ чтобы второе непосредственно слѣдовало за первымъ, и самую дѣятельность собора представлять въ такомъ видѣ. Когда православные епископы путемъ разбора библейскихъ изреченiй показали, что съ одной стороны—нельзя ограничиться одними библейскими выраженiями, такъ какъ ариане перетолковываютъ эти выраженiя въ свою пользу, а съ другой—что совокупность библейскихъ терминовъ выражаетъ собою понятiе „единосущiя“, тогда они вѣроятно предложили внести въ символъ уже ранѣе намѣченные болѣе образованными православными епископами термины, которые, хотя и не находились буквально въ св. Писанiи, но основывались на немъ и притомъ освящены были преданiемъ, т. е. „ἐκ τῆς οὐσίας“ и „ὁμοούσιος“. Объ этомъ очень опредѣленно и ясно говоритъ Аванасiй: „Отцы, пишеть онъ, усмотрѣвъ ихъ (арiанъ) коварство и злокозненность, вынуждены были, наконецъ, яснѣе выразить реченiе „отъ Бога“ и написать, что „Сынъ отъ Божiей сущности“ (οἱ πατέρες... ἠναγκάσθησαν λοιπὸν λευχότερον εἰπεῖν τὸ ἐκ τοῦ Θεοῦ, καὶ γράψαι, ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Θεοῦ εἶναι τὸν Υἱόν)³⁾. Подобнымъ образомъ говорить Аванасiй и о внесенiи слова „ὁμοούσιος“. „Епископы,

¹⁾ „Изъ исторiи вселенск. соб. IV и V вв.“ стр. 88.

²⁾ Ibid. стр. 92.

³⁾ De decret. Nic. syn. Migne t. 25. col. 449. c. 19. Твор. ч. I. 338. Ср. также Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1047. c. 5. Твор. ч. III. 320—321.

усмотрѣвъ ихъ (аріанъ) лицемѣріе, сами вынуждены были вновь извлечь смыслъ изъ писаній, и что сказали прежде, тоже опять раскрыть и написать яснѣе, а именно, что Сынъ единосущенъ Отцу“ (*οἱ ἐπίσκοποι θεωρήσαντες τὴν ὑπόκρισιν ἐκείνων, ἠναγκάσθησαν καὶ αὐτοὶ αὐθις συναγαγεῖν ἐκ τῶν γραφῶν τὴν διάνοιαν... καὶ ἄπερ πρότερον ἔλεγον, ταῦτα πάλιν λευκότερον εἰπεῖν καὶ γράψαι, ὁμοούσιον εἶναι τῷ Πατρὶ τὸν Υἱόν“)*¹⁾). Изъ приведенныхъ словъ видно, что епископы, какъ скоро выяснилось, что аріане изъясняютъ библейскіе тексты въ свою пользу, тотчасъ сами предложили термины: *ἐκ τῆς οὐσίας*“ и *ὁμοούσιος*“: промежутка между разборомъ библейскихъ выраженій и предложеніемъ этихъ терминовъ никакого не было. На этомъ оканчивается сказаніе Аванасія. Изъ дальнѣйшей исторіи Аванасія указывается только на заключительный актъ, что предложенные отцами термины были написаны, т. е. внесены въ символъ²⁾). Дѣло же, вѣроятно, происходило такъ. При предложеніи отцами терминовъ: *ἐκ τῆς οὐσίας*“ и *ὁμοούσιος*“ возникъ споръ, можетъ быть, тотъ „великій споръ“ (*πολλὴ ἀμφιλογία*), о которомъ говорить Евсевій въ „Жизни Константина“³⁾). Аріане, видя въ этихъ терминахъ полный подрывъ своей доктрины, не соглашались съ ними и возражали противъ нихъ; православные-же, не видя возможности точно и опредѣленно, безъ опасности быть нетолкованными, выразить догматическое ученіе о Сынѣ Божіемъ

1) De decretis Nic. syn. Migne t. 25. c. 20. col. 452 Тв. ч. I. 340—341. Ср. Epist. ad Afros. Migne t. 26. c. 6. col. 1040. Твор. ч. III. 321—322.

2) Самъ Аванасій не полагаетъ промежутка между разборомъ библейскихъ изреченій, предложеніемъ терминовъ *ἐκ τῆς οὐσίας*“ и *ὁμοούσιος*“ и внесеніемъ ихъ въ символъ: по его описанію, эти термины предложены были и внесены въ символъ одновременно, непосредственно послѣ разбора библейскихъ выраженій. Но здѣсь не болѣе, какъ краткость сказанія Аванасія, обуславливаемая тѣмъ, что вопросъ о процессѣ составленія самого символа былъ внѣ прямыхъ цѣлей Аванасія. Внесеніе терминовъ *ἐκ τῆς οὐσίας*“ и *ὁμοούσιος*“ въ символъ, какъ видно изъ посланія Евсевія, происходило при другихъ обстоятельствахъ, много спустя послѣ предложенія ихъ отцами.

3) III. 13.

изреченіями св. Писанія, не отступались отъ этихъ терминовъ, изъясняли ихъ смыслъ и значеніе и доказывали ихъ законность. Среди этихъ споровъ и выступилъ Евсевій Кесарійскій, представитель полуаріанской партіи. Не примыкая по своимъ догматическимъ воззрѣніяхъ ни къ православнымъ, ни къ строгимъ аріанамъ и составляя середину между ними, онъ думалъ своимъ вѣроизложеніемъ устроить компромиссъ между спорившими и примирить ихъ. Съ этого момента и излагаетъ исторію собора Евсевій въ своемъ посланіи къ кесарійцамъ: здѣсь выразилось дѣятельное участіе императора, предложившаго слово „*ὁμοούσιος*“, ранѣе высказанное и разъясненное отцами, и примирившаго спорившихъ (о чемъ говорится въ „Жизни Константина“) ¹⁾, здѣсь же былъ составленъ и символъ Никейскій на основаніи символа Евсевія Кесарійскаго. Но все это не противорѣчитъ показаніямъ Аѳанасія, который описываетъ болѣе раннія дѣянія собора. Нѣкоторые ученые, впрочемъ, не соглашались съ подобнымъ расположеніемъ сказаній Аѳанасія и Евсевія. „Сличеніе символа Никейскаго съ Кесарійскимъ, говоритъ напр. о. Ивановъ, приводитъ къ тому заключенію, что между предложеніемъ Евсевія Кесарійскаго и принятіемъ окончательной редакціи Никейскаго символа происходило самое тщательное и многостороннее разсмотрѣніе каждаго термина новой редакціи; и вотъ здѣсь то, вѣроятно, и было мѣсто разсужденій о наилучшемъ выраженіи ученія о Сынѣ Божіемъ, какія описываетъ Аѳанасій въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Некейскаго собора“ ²⁾. Но это едвали такъ. Прежде всего съ этимъ мнѣніемъ не согласуется прямой смыслъ повѣствованія Евсевія. Евсевій свидѣтельствуетъ, что провозглашеніе символа послѣ того, какъ принялъ опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ императоръ, произошло быстро и безъ особыхъ споровъ. Онъ говоритъ, что

¹⁾ III. 13.

²⁾ Религіозная движенія на христ. востокѣ въ IV и V вв. стр. 113.

когда прочиталъ на соборѣ свой символъ, то ни откуда не послѣдовало возраженій (*οὐδενὶ παρῆν ἀντιλογίας τόπος*¹⁾: этого онъ никакъ не могъ бы сказать, если-бы между предложеніемъ его вѣроизложенія и окончательной редакціей символа Никейскаго происходили тѣ изысканія отцовъ, о которыхъ повѣствуетъ Аѳанасій. Не благопріятствуютъ мнѣнію о. Иванцова и сказанія Аѳанасія. По Аѳанасію, отцы стали разсуждать и приписывать библейскія изреченія по поводу ученія строгихъ аріанъ, по поводу крайнихъ аріанскихъ тезисовъ, а не по поводу только неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ выраженій Евсевіева символа. „Собравшіеся епископы, пишетъ Аѳанасій, хотѣли отстранить злочестивыя выраженія, избрѣтенныя аріанами, каковы: изъ несущихъ, именованіе Сына тварью и произведеніемъ, было, когда Сынъ не былъ, Сынъ измѣняемъ по естеству, и написать употребляемая всѣми выраженія, взятыя изъ писаній...“²⁾. Далѣе, Аѳанасій замѣчаетъ, что епископы подбирали библейскіе термины и говорили, что „нужно написать (*δεῖν γραφεῖναι, γράψαι*) ихъ“³⁾. Но зачѣмъ было епископамъ подбирать термины и говорить, что „нужно написать“ ихъ, если бы разсужденія происходили послѣ предложенія Евсевіемъ своего символа? Почти всѣ эти термины были уже подобраны и написаны въ символѣ Евсевія: оставалось только провѣрить ихъ и или утвердить или исключить (но не написать). Наконецъ, если бы разсужденія, описываемыя Аѳанасіемъ, были вызваны символомъ Евсевія и имѣли мѣсто послѣ предложенія этого символа на соборѣ, то епископы стали бы разсматривать исключительно тѣ выраженія и въ томъ самомъ порядкѣ, какія и въ какомъ употреблены Евсевіемъ, и только въ томъ случаѣ, если бы всѣ выраженія Евсевіева символа оказались не-

1) Epist. ad Caesarienses. Migne t. 20. col. 1540. с. 4. Дѣяніе I. 193.

2) Посл. къ афр. еписк. Твор. ч. III. 320; ср. объ опр. Ник. соб. I. 338.

3) Объ опр. Ник. соб. Тв. ч. I. 338—340. Migne t. 25. с. 19—20. Ср. посл. къ афр. еписк. Твор. ч. III. 320.

достаточными для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу, стали бы подыскивать и предлагать другія.... Не такъ происходитъ дѣло. Съ одной стороны отцы предлагаютъ и изслѣдуютъ такія библейскія изреченія, какихъ нѣтъ въ символѣ Евсевія или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ той определенной и точной формѣ, въ какой изслѣдуютъ эти изреченія отцы отцы предлагаютъ изреченія: Сынъ истинный Богъ (*Θεὸς ἀληθινός*), истинная сила (*δύναμις ἀληθινή*), единая Отчая премудрость (*σοφία μόνη τοῦ Πατρὸς*), сіяніе свѣта и образъ ипостаси Отчей (*ἀπαύγασμα τῆς δόξης καὶ χαρακτήρ τῆς τοῦ Πατρὸς ὑποστάσεως*) и мн. др.¹⁾; между тѣмъ въ символѣ Евсевія большей части этихъ выраженій нѣтъ; нѣкоторыя же изъ нихъ употреблены, но въ болѣе неопределенной формѣ: Сынъ называется у него только „Богомъ отъ Бога“ (*Θεὸν ἐκ Θεοῦ*), но не истиннымъ Богомъ, „свѣтомъ отъ свѣта“ (*φῶς ἐκ φωτός*), но не сіяніемъ свѣта и образомъ ипостаси Отчей²⁾. Съ другой стороны, о нѣкоторыхъ выраженіяхъ, находящихся въ символѣ Евсевія, нѣтъ рѣчи у отцовъ. Такъ отцы вовсе не изслѣдуютъ выраженій: „жизнь отъ жизни“ (*ζωὴ ἐκ ζωῆς*), перворожденный всея твари, прежде вѣкъ отъ Отца рожденный (*πρωτοτόκος πάσης κτίσεως, πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατρὸς γεγεννημένος*³⁾), которыя заключаются въ символѣ Евсевія. А они непрежънно стали бы разсуждать объ этихъ терминахъ, если бы были вызваны на разсужденіе вѣроизложеніемъ Евсевія. Въ силу всего сказаннаго никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ о. Иванцова и вставить показанія Аѳанасія, заключающіяся въ его двухъ посланіяхъ, въ середину сказанія Евсевія. Заключая свои попытки примиренія показаній Аѳанасія и Евсевія, мы можемъ сказать, что Аѳанасій и Евсевій описыва-

¹⁾ Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1037. с. 5 Твор. ч. III. 320. ср. Epist. de decretis Nic. syn. Migne t. 25. col. 419. с. 20. Твор. ч. I. 340.

²⁾ Epist. ad Caesarienses. Migne t. 20. col. 1537. с. 3. Дѣяніе I. 192.

³⁾ Ibid.

ють разные моменты соборной дѣятельности: Аѳанасій описываетъ начало (точнѣе — середину) собора, а Евсевій — конецъ. При такомъ размѣщеніи этихъ сказаній между ними не будетъ разногласія, и можно воспользоваться обоими этими показаніями въ ихъ цѣломъ видѣ. Только одно показаніе Аѳанасія, что епископы „написали“ термины „ὁμοούσιος“ и „ἐκ τῆς οὐσίας“ тотчасъ послѣ того, какъ предложили ихъ, нужно признать не вполне исторически-последовательнымъ и отнести его къ заключительному акту, описанному Евсевіемъ.

Стоя на строго-исторической точкѣ зрѣнія, мы отмѣтили нѣкоторыя особенности въ повѣствованіяхъ Аѳанасія о соборѣ, недомолвки, пропуски, неопредѣленности, обуславливающіяся практическимъ характеромъ самыхъ посланій. Но при всемъ томъ показанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, заключающіяся въ его двухъ посланіяхъ, очень важны. Повѣствованія Аѳанасія доставляютъ намъ очень много интересныхъ свѣдѣній о соборѣ, не сообщаемыхъ другими писателями: они (повѣствованія) раскрываютъ предъ нами весьма важный и существенный моментъ соборной дѣятельности, когда епископы путемъ разбора библейскихъ изреченій пришли къ терминамъ: „ἐκ τῆς οὐσίας“ и „ὁμοούσιος“, которыми закончилась догматическая дѣятельность перваго вселенскаго собора. Если къ сказанному прибавить, что у Аѳанасія кромѣ показаній, заключающихся въ двухъ посланіяхъ „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ африканскимъ епископамъ“, не мало по разнымъ мѣстамъ разбросано другихъ замѣтокъ о Никейскомъ соборѣ, правда, краткихъ, иногда не совсемъ опредѣленныхъ, но все-же весьма цѣнныхъ, то мы должны очень высоко ставить сочиненія Аѳанасія, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора. Въ частности сочиненія Аѳанасія даютъ намъ слѣдующія показанія о Никейскомъ соборѣ:

1. Указываютъ поводъ и цѣль созванія Никейскаго собора. Поводомъ къ созванію собора было разногласіе христіанъ касательно времени празднованія Пасхи и возникновеніе аріанской ере-

си¹⁾. На расколь Мелетія Аѳанасій хотя и не указываетъ, какъ на одинъ изъ поводовъ къ созванію собора (на что указываетъ Евсевій въ „Жизни Константина“), но говоритъ, что на соборѣ разсматривалось и дѣло мелетіанъ: они были приняты въ общеніе²⁾. Цѣль собора состояла въ томъ, чтобы „праздникъ Пасхи совершаемъ былъ въ одинъ день, а возникающая ересь предана анаѳемѣ“³⁾ или, какъ говоритъ Аѳанасій въ другомъ мѣстѣ, „чтобы разсудить о вѣрѣ“ (περὶ πίστωσης—de fide ageretur⁴⁾).

2. Сочиненія Аѳанасія даютъ показанія о числѣ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ. Число епископовъ въ разныхъ сочиненіяхъ Аѳанасій опредѣляетъ различно. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Аѳанасій опредѣляетъ число епископовъ въ 300⁵⁾. Въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ говоритъ, что епископовъ было около 300: „болѣе или менѣе 300“, (ἤσαν πλέον ἢ ἑλασσον τριακόσιοι)⁶⁾. Въ посланіи же „къ африканскимъ епископамъ“ онъ точно обозначаетъ число епископовъ Некейскаго собора: „вселенскій соборъ былъ изъ трехъ сотъ осьмнадцати сошедшихся епископовъ (οἰκουμενικῆ γέγονεν ἡ ἐν Νικαίᾳ σύνοδος τριακοσίων δέκα καὶ ὀκτὼ συνελθόντων ἐπισκόπων)⁷⁾. Какое изъ этихъ показаній вѣрнѣе или можно ли послѣднее показаніе принимать за вполне точное обозначеніе дѣйствительнаго числа епископовъ, бывшихъ на соборѣ, рѣшительно сказать трудно. Древнія историческія свидѣтельства преимущественно говорятъ о 318 отцахъ (впрочемъ, только отцахъ, а не епископахъ) Никейскихъ.

¹⁾ Epist. de synodis. Mign. t. 26. c. 5. col. 688. Твор. ч. III. 109.

²⁾ Apologia contra arianos. Mign. t. 25. col. 356. c. 59.

³⁾ Ep. de synodis. Mign. t. 26. c. 5. col. 688. Твор. ч. III. 109.

⁴⁾ Epist. ad Afros. Mign. t. 26. c. 2. col. 1032. Твор. ч. III. 315.

⁵⁾ Apologia contra arianos. Migne t. 25. col. 285. c. 23.; col. 289. c. 25. De synodis. t. 26. col. 768. c. 43. Historia arian. ad monachos. Mign. t. 25. col. 773. c. 67.

⁶⁾ De decret. Nic. syn. Mign. t. 25. col. 428. c. 3. Твор. ч. I. 313.

⁷⁾ Ep. ad Afros. Migne t. 26. col. 1032. c. 2. Твор. ч. III. 315.

Напр. первое правило 2-го вселенскаго собора говорить: „да не отмѣняется вѣра трехъ сотъ осьмнадцати отцовъ (τῶν πατέρων τῶν τριακοσίων δεκαοκτώ), бывшихъ на соборѣ въ Никееѣ, что въ Визоніи“. Послѣдующія свидѣтельства также рѣшительно останавливаются именно на числѣ 318. Но это число едва ли можно считать вполне несомнѣннымъ. Современники и очевидцы собора говорятъ о числѣ епископовъ только приблизительно: Евсевій говоритъ, что епископовъ было болѣе 250 ¹⁾; Евстаѳій Антиохійскій свидѣтельствуесть, что епископовъ присутствовало „около 270“, и при этомъ замѣчаетъ, что точно опредѣлить число епископовъ онъ не можетъ ²⁾. Вѣроятно, не зная точно числа епископовъ и самъ Аванасій, потому что въ противномъ случаѣ вездѣ, а особенно въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ онъ указалъ бы точное число, а не приблизительное. Второю вселенскою соборъ принялъ число 318 тоже, вѣроятно, не какъ исторически-точное, а только какъ болѣе распространенное и обычное. Въ доказательство нашей мысли можно сослаться на Сократа и Созомена. Эти историки указываютъ, какъ и современники собора, только приблизительное количество епископовъ (Сократъ—болѣе 300 ³⁾, а Созомень—около 320 ⁴⁾). Но они, какъ жившіе послѣ 2-го вселенскаго собора, несомнѣнно приняли бы показаніе этого послѣдняго о числѣ Никейскихъ отцовъ, если-бы это показаніе считалось самимъ соборомъ за вполне точное. Въ объясненіе же того, почему самъ Аванасій, а за нимъ и другія древнія сказанія останавливаются именно на числѣ 318, можно сказать слѣдующее. Число 318—число библейское: у Авраама было 318 рабовъ, когда онъ освобождалъ Лота изъ плѣна; а въ освобожденіи Авраамомъ Лота изъ плѣна тогдашніе христіане усма-

¹⁾ „Жизнь Константина“ III. 8.

²⁾ Церковн. ист. Феодорита I, 8. Mign. t. 82 c. 7.

³⁾ Сокр. церк. ист. I. 8.

⁴⁾ Созомень. I. 17.

тривали аналогію съ дѣятельностію Никейскаго собора. Иларій Пуатьескій такъ напр. говоритъ о числѣ 318 Никейскихъ епископовъ: „самое то число (318) для меня священно, потому что при такомъ числѣ Авраамъ—побѣдитель нечестивыхъ царей (Быт. 14. 14) получаетъ благословеніе отъ того, который былъ образомъ вѣчнаго священства“¹⁾. Тоже самое говоритъ Амвросій Медиоланскій въ посланіи къ Граціану²⁾. Съ другой стороны, число 318 въ переводѣ на буквы греческаго алфавита изображается такъ: ТИИ, т. е. Т, по таинственному толкованію, означало здѣсь соствязавшихся за крестъ, ИИ—за святое имя Іисуса³⁾. Этотъ-то мистическій смыслъ числа 318 и былъ, вѣроятно, причиною того, что древніе любили останавливаться именно на числѣ 318, когда опредѣляли количество отцовъ Никейскихъ⁴⁾.

3. Сочиненія Аѳанасія показываютъ, что православные епископы, прежде чѣмъ начать изысканія о наилучшемъ выраженіи ученія о Сынѣ Божіемъ и его равенствѣ съ Отцомъ, выслушали мнѣнія аріанъ. Аѳанасій говоритъ, что епископы стали подыскивать изреченія св. Писанія, чтобы искоренить злочестивыя реченія аріанскія: эти реченія несомнѣнно были высказаны аріанами на соборѣ. Аріане, какъ можно догадываться изъ словъ Аѳанасія, высказали свои крайнія воззрѣнія: „Сынъ изъ несущихъ (ἐξ οὐκ ὄντων), тварь и произведеніе (κτίσμα καὶ ποίημα), было, когда Сынъ не былъ (ἦν ποτε, ὅτε οὐκ ἦν), измѣняемъ по естеству (τρέπτῆς ἐστὶ φύσεως)⁵⁾, потому что эти именно выраженія епископы желали устранить. Во главѣ аріанъ, выступившихъ на соборѣ для изложенія своихъ мнѣній, былъ Евсевій Никомидійскій, а не самъ Аріій. Аѳанасій называетъ выступившихъ аріанъ „ев-

1) Hilarii „de synodis“. Mign. t. 10. ser. lat. col. 538—539. c. 86.

2) Mansi sac. conc. col. t. II. col. 637.

3) Лекція Станлея. Прав. Обзор. 1863. II т. стр. 41.

4) Точнаго списка Никейскихъ отцовъ до насъ не сохранилось; но дошедшіе памятники на различныхъ языкахъ не доводятъ счетъ епископовъ до 318.

5) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1037. c. 5. Твор. ч. III. 320.

севіанамъ“. Но былъ допрашиваемъ на соборѣ и Аріій. Въ окрѣпленномъ посланіи къ епископамъ Египта и Ливіи Аѳанасій, подробно изложивъ ученіе Арія, прибавляетъ: „всѣ, отовсюду сошедшіеся на соборъ въ Никее, епископы заграждали себѣ слухъ при сихъ словахъ“: (ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ οἱ συνεληθόντες πάντες παντοχόθεν ἐπίσκοποι τὰς μὲν ἀκοὰς ἐπὶ τούτοις ἐκράτουσαν) ¹⁾). Ясно, что и самъ Аріій излагалъ предъ соборомъ свое ученіе, хотя не видно, когда именно, въ какой моментъ это было. Предположительно только можно утверждать, что Арія допрашивали ранѣе выступленія Евсевія Никомидійскаго, такъ какъ православные епископы стали подбирать библейскіе термины для устраненія собственно евсевіанскихъ мнѣній. Аріанскія воззрѣнія, хотя были крайне возмутительны, такъ что православные епископы „заграждали себѣ слухъ“, однако не просто были отвергнуты соборомъ. „Хотя все предлагаемое аріанами, пишетъ Аѳанасій, исполнено было злочестія, однако же собравшіеся епископы кротко и человѣколюбиво потребовали у нихъ представить основаніе и благочестивыя доказательства на то, что они предлагали“ (οἱ συνεληθόντες ἐπίσκοποι πρῶως καὶ φιλανθρώπως ἀπήτουν αὐτοὺς περὶ ὧν ἔλεγον, δίδόναι λόγον καὶ ἀποδείξεις εὐσεβεῖς) ²⁾). Какіе способы употребляли аріане для защиты своихъ воззрѣній, объ этомъ Аѳанасій говоритъ въ другомъ мѣстѣ: они защищали ересь хитрыми способами: „искусствомъ и еллинскими лжеумствованіями“ (τέχνην τινὴ καὶ σοφίσμασι ἐλληνικοῖς) ³⁾). Но защитить своихъ мнѣній аріане не могли: еллинскія лжеумствованія не могли убѣдить отцовъ, требовавшихъ положительныхъ доказательствъ; притомъ у аріанъ и между собою выходили какія-то разногласія и препирательства, что вполне естественно, такъ какъ аріане

¹⁾ Ep. encyclica ad episc. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 567; Твор. ч. I. 419.

²⁾ De decretis Nic. syn. Migne t. 25, col. 428. Твор. ч. I. 313—314.

³⁾ Epist. encyclica ad ep. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 580. c. 18. Твор. ч. I. 426.

раздѣлялись на строгихъ и умѣренныхъ и признаваемое одними не признавалось другими ¹⁾). Поэтому епископы отвергли и осудили ихъ мнѣнія, какъ совершенно ложныя. „Поелику же, едва начавъ говорить, подвергались осужденію и начали препираться между собою (*πρὸς ἑαυτοῦς διεμάχοντο*), то, видя великую неосновательность своей ереси, оставались они безмолвными и молчаніемъ своимъ сознавались, что стыдятся своего зловѣрія, а потому епископы осудили придуманныя ими реченія“ ²⁾).

4. Сочиненія Афанасія передаютъ самый процессъ, приведшій православныхъ епископовъ къ новой формулировкѣ церковнаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Православные епископы, отвергнувши техническія выраженія арианъ о Сынѣ Божіемъ, остановились сначала на тѣхъ выраженіяхъ, которыя освящены были древностью, заключались въ символахъ и взяты были прямо изъ св. Писанія. Но этотъ пріемъ оказался не совсѣмъ удачнымъ: ариане, соглашавшаяся съ предлагаемыми библейскими изреченіями, все-же оставались при своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Напр. въ отвѣтъ на предложеніе внести въ символъ выраженіе „ἐκ τοῦ Θεοῦ“ евсевиане изъявили свое согласіе, но „вѣдь и все отъ Бога, прибавляли они, ибо единъ Богъ, изъ Него же вся“ (1 Кор. 8. 6; 2 Кор. 5. 18). Затѣмъ предложенъ былъ цѣлый рядъ библейскихъ выраженій для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу. Но и этихъ выраженій было недостаточно для устраненія арианства: ариане противопоставляли этимъ выраженіямъ другія, ослабляющія значеніе первыхъ и дающія имъ иной смыслъ..... Когда стало ясно, что одними библейскими изреченіями невозможно выразить церковное ученіе такъ, чтобы оно не могло быть перетолковано арианами, епископы перемѣняютъ тактику: по прежнему

¹⁾ См. Moehtler. Athanase le grand et l'église de son temps. t. II. p. 16.

²⁾ De decr. Nic. syn. Migne t. 25. col. 428. c. 3. Твор. ч. I. 314; также Ер. encycl. ad ep. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 567, 577, 579. Apologia contra arianos. Migne t. 25. col. 286. 358. Orat. I. contra arianos. Migne t. 26. col. 25. De synodis. Migne t. 26. col. 764 et cet.

тврдо держась смысла св. Писанія въ ученіи о Сынѣ Божіемъ, они обобщаютъ библейскія изреченія и общій смыслъ ихъ передаютъ уже не въ библейскихъ, а умозрительныхъ философско-богословскихъ терминахъ, которые не поддавались перетолкованіямъ аріанъ. Такъ мысль о предвѣчномъ моментѣ происхожденія Сына отъ Отца, заключающуюся въ библейскомъ выраженіи „ἐκ τοῦ Θεοῦ“, они обозначаютъ терминомъ „ἐκ τῆς οὐσίας“. Единосущіе Сына съ Отцемъ, въ библіи выражающееся многими изреченіями, какъ-то: сіяніе славы, образъ ипостаси, Азъ и Отець едино есма“ и т. п., они обозначаютъ терминомъ „ὁμοούσιος“, который равнялся суммѣ всѣхъ библейскихъ изреченій. Впрочемъ, эти термины взяты были епископами не прямо изъ философіи: они употреблялись въ сочиненіяхъ знаменитыхъ отцовъ и учителей древней церкви: Θεοφροστα, Διονυσίου Ἀλεξανδρείου, Διονυσίου Ῥωμαίου и Оригена ¹⁾).

5. Въ сочиненіяхъ Аѳанасія мы находимъ указаніе на Осію Кордубскаго, какъ составителя Никейскаго символа. Въ посланіи „къ монахамъ“ Аѳанасій приводитъ слѣдующія слова аріанъ: „Онъ (Осіа) предсѣдательствуетъ на соборахъ, писаніямъ его вездѣ внимаютъ; онъ и въ Никее излагалъ вѣру (τὴν ἐν Νικαίᾳ πίστην ἐξέθετο)“ ²⁾. Конечно, приведенное извѣстіе не вполне точно: объ этомъ говорятъ аріане; а имъ нужно было указать только на одного Осію, выставить только его заслуги православію и вредъ арианству для того, чтобы убѣдить Констанція подвергнуть Осію ссылке; поэтому они и не упоминаютъ о другихъ составителяхъ Никейскаго символа. Притомъ аріане обращались съ просьбою къ Констанцію сослать Осію въ то время, когда уже многихъ знаменитыхъ членовъ Никейскаго собора не было въ живыхъ, какъ напр. Александра Александрійскаго, Евстація Антиохійскаго и др. Это, можетъ быть, была другая причина, по-

¹⁾ Объ овр. Ник. собора. Твор. ч. I. 348—353.

²⁾ Hist. arian. ad monachos. Migne t. 25. col. 744. Твор. ч. II, 116.

чему ариане указывали, какъ на составителя Никейскаго символа, только на одного Осію. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы Никейскій символъ составлялъ одинъ Осія ¹⁾). Но изъ приведеннаго свидѣтельства ясно, что Осія Кордубскій былъ участникомъ въ составленіи Никейскаго вѣроизложенія, а также и то, что составленіемъ символа занимались не всѣ епископы, а только нѣкоторые, болѣе знаменитые и образованные. Ариане, указывая на Осію, какъ составителя символа, тѣмъ самымъ желали выдѣлать его изъ ряда другихъ обыкновенныхъ православныхъ епископовъ. Такимъ образомъ извѣстіе Аѳанасія точнѣе обозначаетъ неопредѣленное показаніе Евсевія, что епископы, на основаніи его символа, составили Никейское вѣроизложеніе ²⁾).

6. Никейскій символъ былъ письменно изложенъ. „Собравшіеся въ Никеѣ епископы вѣру, полученную отъ отцовъ, предали памяти письменно (ὁπέμνησαν γράψαντες) ³⁾. Съ этимъ символомъ согласились и ариане и подписались къ нему; но подписались неискренно, лицемерно, побуждаемые стыдомъ. „Когда изложеніе сіе подписано было всѣми, говоритъ Аѳанасій, то и Евсевіевы приверженцы подписались къ тѣмъ реченіямъ („ἐκ τῆς οὐσίας, ομοούσιος“) ⁴⁾)..., но не подписались бы прежде, если-бы не устыдились“ ⁵⁾).

7. Въ сочиненіяхъ Аѳанасія приводится самый текстъ символа Никейскаго (въ посланіи къ императору Ювіану ⁶⁾). Эта редакція символа совершенно сходна съ тою, которая сохранилась

¹⁾ Если съ приведеннымъ извѣстіемъ сопоставить показаніе Филосторгія (I. 7.), то можно думать, что съ Осіемъ Кордубскимъ участвовали въ составленіи Никейскаго символа Александръ Александрійскій и мн. др. епископы.

²⁾ Посланіе къ кесарійцамъ. Дѣян. I. 194.

³⁾ Ep. encyclica ad ep. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 536. Твор. ч. I стр. 412; ср. также стр. 431. Объ опред. Ник. соб. I 340. Посланіе къ африк. еписк. III. 320. Посланіе „о соборахъ“ ч. III. 110—111.

⁴⁾ Ep. de decretis Nic. syn. Migne t. 25. 427. Твор. ч. I. 314.

⁵⁾ Ibid. col. 432; стр. 317. Ср. также col. 454. стр. 336 и мн. др.

⁶⁾ Migne t. 26. col. 817; Твор. ч. III. стр. 201.

въ приложеніи къ посланію „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“. Разности между этими редакціями очень незначительны и, вѣроятно, произошли отъ переписчиковъ. Вотъ эти разности. Въ выраженіи „во единого Господа“ предъ словомъ „ἐνα“ поставленъ членъ (τόν), котораго нѣтъ въ древней редакціи. Въ выраженіи: „черезъ Котораго все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ“ при словѣ „земля“ употребленъ предлогъ ἐπί (съ род.), тогда какъ въ первоначальной редакціи, соотвѣтственно съ предыдущимъ выраженіемъ („на небѣ“—ἐν τῷ οὐρανῷ) употребленъ предлогъ ἐν (ἐν τῇ γῆ). Союзъ „καί“ стоитъ предъ словомъ „ἀνελεθέντα“ (восшедшаго на небеса), а въ первоначальной редакціи предъ словомъ „ἐρχόμενον“ (грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ). Предъ словомъ „οὐρανοῦς“ (восшедшаго на небеса) стоитъ членъ (τούς), котораго нѣтъ въ первоначальной редакціи. Въ выраженіи „и въ Духа Святаго“ слово „ἅγιον“ стоитъ послѣ „πνεῦμα“, причемъ и членъ употребляется дважды—предъ „ἅγιον“ и предъ „πνεῦμα“ (τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον), а въ первоначальной редакціи слово „ἅγιον“ стоитъ предъ „πνεῦμα“ и членъ одинъ (τὸ ἅγιον Πνεῦμα). Въ анаематствованіи—въ выраженіи: „говорящихъ, что Онъ не существовалъ, прежде чѣмъ былъ рожденъ“ понятіе рожденія выражено словомъ „γίγνομαι“ (γεννηθέντα), а въ первоначальной редакціи словомъ „γεννάω“ (γεννηθέντα). Въ томъ же анаематствованіи прибавлено противъ первоначальной редакціи мѣстоимѣніе „τούτους“, а къ слову „церковь“—эпитетъ „апостольская“ (τούτους ἀναθεματίζει ἡ καθολικὴ καὶ ἀποστολικὴ ἐκκλησία).

Кромѣ перечисленныхъ нами показаній, сочиненія Афанасія сохранили окружающее посланіе Александра Александрійскаго къ евоипческой церкви, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ Никейскому собору ¹⁾. Для исторіи Никейскаго собора это посланіе имѣетъ то

¹⁾ Оно сохранилось въ трактатѣ „объ осужденіи Арія“ (condemnatio Arii); у Мана помѣщено въ XVIII томѣ греческой серіи (col. 571—581).

значеніе, что перечисляетъ сторонниковъ аріанства въ Египтѣ до Никейскаго собора, часть которыхъ присутствовала и на Никейскомъ соборѣ. Именно сторонниками Арія были: 5 пресвитеровъ (Ахиллъ, Аноалисъ, Карпонъ, другой Арій и Сарматъ), 6 діаконовъ (Евзой, Лукій, Юліанъ, Мина, Эладій и Гаій) и 2 епископа (Θεона и Секундъ)¹⁾. Кромѣ указанныхъ въ качествѣ жаркаго защитника аріанства выставляется Евсевій Никомидійскій. Далѣе, это посланіе хорошо разъясняетъ сущность аріанскаго ученія, показываетъ довольно значительное распространеніе аріанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость созванія вселенскаго собора для рѣшенія аріанскихъ споровъ, которыхъ не могли прекратить даже и значительные соборы помѣстныхъ.

Этимъ мы закончимъ обзоръ сочиненій Аѳанасія Александрійскаго, какъ источника исторіи Никейскаго собора, и перейдемъ къ послѣднему изъ современниковъ и очевидцевъ Никейскаго собора, къ Евстаѳію Антиохійскому.

Сказаніе о Никейскомъ соборѣ Евстаѳія Антиохійскаго.

Евстаѳій Антиохійскій, уроженецъ Сиды, города Памфиліи, сначала епископъ Беріи Сирійской²⁾ и исповѣдникъ во

¹⁾ Въ другихъ экземплярахъ этого посланія—у Сократа (1, 6), Геласія Кизическаго (П. 3) и Еуифанія Схоластика (Hist. trip.)—всѣ 11 сторонниковъ Арія (кромѣ двухъ епископовъ) перечисляются подъ рядъ безъ раздѣленія на пресвитеровъ и діаконовъ. И есть основанія думать, что такое перечисленіе вѣрно. Въ другомъ посланіи Александра къ Александру Византійскому, которое было написано ранѣе нами разсматриваемаго (это мы докажемъ ниже) перечисляются въ числѣ сторонниковъ Арія тѣже самыя лица (за исключеніемъ Карпона, по нашему посланію, пресвитера, и Гаія діакона) и всѣ они называются діаконами. Но нельзя же допустить, чтобы отлученные за аріанство немного спустя были возведены изъ діаконовъ въ пресвитеры. Слѣдовательно, болѣе основаній полагать, что перечисляемые и въ нашемъ посланіи сторонники Арія всѣ, за исключеніемъ Θεоны и Секунда, самого Арія, а моментъ быть, и Карпона, были діаконами.

²⁾ Θεодоритъ. Церк. ист. 1. 4.

время гоненія Діоклетіана ¹⁾, потомъ епископъ Антиохійскій ²⁾, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ борцовъ противъ аріанства. Онъ первый откликнулся на призывъ Александрійскаго епископа Александра къ борьбѣ съ ересью и осудилъ ученіе аріанъ ³⁾. Какъ жаркій противникъ аріанства, онъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ, гдѣ въ качествѣ епископа Антиохійскаго подписалъ символъ и анаѳематствованія на Арія ⁴⁾. Послѣ Никейскаго собора онъ всецѣло посвятилъ себя на борьбу съ аріанствомъ. Какъ ревностный православный и мужественный пастырь, онъ преслѣдовалъ аріанство не только въ явныхъ защитникахъ его, но и въ тѣхъ двоедушныхъ друзьяхъ истины, которые не стыдились иногда дѣйствовать за одно съ врагами истины. Такъ онъ не принималъ въ клиръ подозрѣваемыхъ въ аріанствѣ, каковы напр. были: Стефанъ, внучъ Леонтій и Евдоксій, которые впоследствии, при преобладаніи аріанъ, были однимъ за другимъ епископами Антиохіи, также Георгій Лаодикійскій, Феодосій Триполійскій и Евстаѳій Севастійскій. Особенно преслѣдовалъ Евстаѳій Евсевія Кесарійскаго и открыто укорялъ его въ уклоненіи отъ вѣры Никейской, за что послѣдній укорялъ Евстаѳія въ савелліанствѣ ⁵⁾. Ревность Евстаѳія по православію не ограничивалась заботами только о своей церкви. Онъ посылалъ и въ другія епархіи лицъ ученыхъ, способныхъ опровергнуть ересь аріанскую и утвердить вѣру Ни-

¹⁾ Аванасій Александрійскій называетъ Евстаѳія исповѣдникомъ и мужемъ православнымъ (Ἐὐστάθιον τὸν ὁμολογητὴν καὶ ὀρθόδοξον). Apol. de fuga sua. Migne. t. 25. col. 648. с. 3. Hist. arian. ad monachos. Migne. t. 25. col. 697. с. 4. Творч. II. 81. См. также Theodor. Dial. II. Migne. t. 83. col. 90.; св. Златоуста: „похвальное слово Евстаѳію“ (по р. изд. I т., слова на разные случаи, стр. 57—72).

²⁾ Перемѣщеніе Евстаѳія на Антиохійскую кафедру утвердилъ Никейскій соборъ: Созоменъ I. 2. Историческое ученіе объ отцахъ церкви Филарета т. II стр. 24.

³⁾ Ceillier. Hist. gen. t. III. p. 158. Филарета историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. II. стр. 26.

⁴⁾ Феодоритъ Церк. ист. I. 7.

⁵⁾ Сократъ. Церк. ист. I. 23. Созоменъ. Церк. ист. II. 18.

кейскую¹⁾. Но эта ревность Евстаѳіа въ борьбѣ съ арианствомъ и его строгость въ обличеніи всѣхъ заподозрѣнныхъ въ арианствѣ вызвали ненависть къ нему послѣднихъ. Аріане посредствомъ клеветы обвинили его въ безнравственной жизни²⁾ и въ савелліанствѣ³⁾, низложили и сослали во Фракію въ 331 году. Умеръ Евстаѳій въ Филиппахъ, въ Македоніи, въ діоцезѣ Иллирика⁴⁾.

Какъ ревностный борецъ противъ арианства и человѣкъ ученый и краснорѣчивый⁵⁾, Евстаѳій Антиохійскій боролся съ арианствомъ и путемъ литературнымъ: онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій противъ арианъ, которыя не дошли до насъ, но были извѣстны еще въ 5 вѣкѣ⁶⁾. Въ этихъ сочиненіяхъ Евстаѳій, несомнѣнно, обращался и къ Никейскому собору, на которомъ было осуждено арианство. Но такъ какъ литературные труды Евстаѳіа противъ арианъ почти всѣ потеряны, то изъ сочиненій его, относящихся къ Никейскому собору, мы владѣемъ только отрывками. Сюда относятъ: а) рѣчь, сохраненную Григоріемъ, пресвитеромъ Кесарійскимъ⁷⁾; б) изъясненіе I. 26 кн. Бытія, приведенное въ

1) Златоустъ „похвальное слово Евстаѳію“ т. I. стр. 65.

2) Созоменъ Церк. ист. II. 19. Θεόδωρ. Церк. ист. I. 21.

3) Сократъ Церк. ист. II. 9.

4) Годъ смерти Евстаѳіа не извѣстенъ. Нѣкоторые (Ceillier. Hist. gen. III. p. 160) думаютъ, что онъ умеръ около 337 года, — на томъ основаніи, что не видно его возвращенія изъ изгнанія въ 338 году вмѣстѣ съ другими низложенными епископами и присутствования его на соборахъ Римскомъ (341 г.) и Сардикійскомъ (347 г.). Сократъ же (IV. 13—14) и Созоменъ (VI. 13) утверждаютъ, что онъ жилъ еще въ 370 году при императорѣ Валентѣ. Но вѣроятно Сократъ и Созоменъ смѣшали здѣсь Евстаѳіа Антиохійскаго съ другимъ лицомъ. Филарета историч. ученіе объ огцахъ церкви т. II. стр. 26.

5) Sosomen. II. 19: „ἀνὴρ τὰς ἄλλας καλὸς καὶ ἀγαθὸς, καὶ ἐπὶ εὐλογητῆρα δικαίως θαυμάζομενος“. А Анастасій Синаитъ такъ говоритъ объ Евстаѳіа: „Ὁ πόλις ἐν θεολογίᾳ Εὐσταθίου ὁ θεῖος, καὶ προσομιλητῆς καὶ μάρτυς καὶ κορυφαῖος τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου διδάσκαλος“. Migne. t. 18. Notitia. col. 611.

6) Ceillier t. III. p. 160. Migne. t. 18 prolegomena col. 611—612.

7) Oratio Gregorii. Combef. II. col. 556. Nov. auctar.

исторіи Геласія Кизическаго ¹⁾; с) наконецъ, отрывокъ изъ посланія „о дѣянїяхъ Никейскаго собора“, приведенный въ перковной исторіи Θεодорита ²⁾.

Первые два отрывка, т. е. рѣчь и изъясненіе I. 26 кн. Бытія нельзя признать дѣйствительно принадлежащими Евстаѳію. Мы ранѣе уже показали, что привѣтственную рѣчь императору на Никейскомъ соборѣ произносилъ Евсевій Кесарійскій, а не Евстаѳій Антиохійскій; слѣдовательно, рѣчь, сохраненная Григоріемъ, не могла быть произнесена на соборѣ Евстаѳіемъ. Притомъ самое содержаніе рѣчи не позволяетъ признать ее за привѣтственную рѣчь императору. Въ этой рѣчи Евстаѳій обвиняетъ Арія въ томъ, что послѣдній не признаетъ Сына единосущнымъ Отцу. „Причиною настоящаго собранія, читаемъ въ этотъ рѣчи, неистовый Арій, который едиnorodнаго Сына и Слово Отчее не признаетъ единосущнымъ и равнымъ Отцу (*ἀποστρέφειν τοῦ ὁμοούσιότητος τοῦ Πατρὸς*) ³⁾. Такое обвиненіе довольно странно: до Никейскаго собора терминъ „*ὁμοούσιος*“ не только не былъ лозунгомъ православія, но даже былъ прямо отвергнутъ на Антиохійскомъ соборѣ противъ Павла Самосатекаго ⁴⁾. Наконецъ, еслибы сохраненная Григоріемъ рѣчь принадлежала Евстаѳію, то Θεодоритъ, приписывающій честь произнесенія привѣтственной рѣчи Евстаѳію, помѣстилъ бы ее въ своей исторіи или въ подлинномъ видѣ или въ изложеніи. Однако онъ этого не дѣлаетъ.

Что касается изъясненія мѣста изъ I. 26 кн. Бытія „созворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію“, находящагося въ исторіи Геласія Кизическаго, то оно не имѣетъ никакого значенія, потому что оно не даетъ никакихъ новыхъ данныхъ для исторіи собора, и потому, что весь отдѣлъ исторіи Геласія, въ ко-

¹⁾ Lib. II. c. 21. col. 1256. Mign. t. 85.

²⁾ I гл. 8. Mign. t. 82. I. c. 7.

³⁾ Combefesis. Nov. auct. t. II. col. 356.

⁴⁾ Конечно, былъ отвергнутъ только самый терминъ, а не смыслъ его.

торомъ помѣщены споры философовъ съ епископами, не имѣеть характера достовѣрности.

Для нашей задачи важенъ только одинъ отрывокъ изъ сочиненія Евстаѳа, тотъ, который сохраняется Теодоритомъ. Къ разбору этого отрывка мы и обратимся.

Сочиненіе Евстаѳа, отрывокъ котораго приведенъ въ исторіи Теодорита, кажется, было довольно значительно по объему; въ немъ, какъ видно изъ замѣчанія Теодорита, Евстаѳій описывалъ соборныя дѣянія, объяснялъ богохульство еретиковъ и изъяснялъ мѣсто изъ кн. Притчей: „Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя“. (Притч. 8. 22)¹⁾. Впрочемъ, потеря сочиненія Евстаѳа въ его полномъ видѣ для нашего предмета едва-ли особенно значительна. То изъ сочиненія Евстаѳа, что относится собственно къ исторіи собора, по всей вѣроятности приведено Теодоритомъ вполнѣ. Теодоритъ, прежде чѣмъ привести отрывокъ изъ сочиненія Евстаѳа, замѣчаетъ: „теперь я перейду къ повѣствованію о самыхъ дѣяніяхъ собора²⁾“, — и далѣе приводитъ отрывокъ. Это замѣчаніе показываетъ, что цѣлью Теодорита было изобразить дѣянія собора по сочиненію Евстаѳа, а при такой цѣли онъ, понятно, долженъ былъ извлечь изъ сочиненія Евстаѳа и привести все, что только относится къ Никейскому собору. Въ пользу такого положенія говоритъ и самое содержаніе приведеннаго Теодоритомъ отрывка. Отрывокъ представляетъ собою краткое, но вполнѣ послѣдовательное, безъ пропусковъ и скачковъ изображеніе всѣхъ моментовъ соборной дѣятельности; слѣдовательно, Теодоритъ ничего не опустилъ изъ Евстаѳіева описанія Никейскаго собора. Къ тому же выводу мы придемъ, если обратимъ вниманіе на извлеченіе, сдѣланное Теодоритомъ изъ посланія Аѳанасія „къ африканскимъ епископамъ“. Теодоритъ изъ этого сочиненія Аѳанасія приводитъ все, что только относится къ исто-

¹⁾ Theodor. Hist. eccles. 1. 7. Mign. t. 82. (по русск. изд. гл. 7).

²⁾ Ibid.

ріи собора. Слѣдовательно, можно съ увѣренностью полагать, что Феодоритъ и изъ сочиненія Евстаѳіа сдѣлать такое же полное извлеченіе, какъ и изъ сочиненія Аѳанасія.

Характеръ, содержаніе, недостатки и достоинства повѣствованія Евстаѳіа о дѣяніяхъ собора обусловливаются личностью автора и цѣлью самого повѣствованія. Евстаѳій, какъ говорили мы ранѣе, былъ ревностнымъ поборникомъ православія и противникомъ аrianства. Но онъ защищалъ православіе и боролся съ аrianствомъ иначе, чѣмъ его знаменитый современникъ Аѳанасій Александрійскій. Аѳанасій защищалъ православіе преимущественно съ положительной стороны: онъ вездѣ старается доказать истинность Никейской вѣры; если-же онъ обращался къ обличенію противниковъ православія, то смотрѣлъ на это обличеніе не какъ на самостоятельную цѣль, а какъ на средство или на одинъ изъ аргументовъ истинности Никейской вѣры. Не такъ поступаетъ Евстаѳій. Онъ все вниманіе обращаетъ на отрицательную сторону дѣла: онъ занимается не положительными доказательствами истинности и правдивости Никейской вѣры, а отрицательными: онъ опровергаетъ еретиковъ и показываетъ богохульство противниковъ Никейской вѣры. Это свойство Евстаѳіа въ борьбѣ съ аrianствомъ обусловливаетъ собою и цѣль его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Тогда какъ Аѳанасій повѣствуетъ о соборѣ съ тою цѣлью, чтобы „братія, узнавъ это (ходъ дѣлъ на соборѣ), одобрили ревность собора по истинѣ и точность разумнѣя“¹⁾ и что „исповѣданнаго въ Никее довольно и достаточно къ низложенію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія“²⁾. Евстаѳій рассказываетъ исторію Никейскаго собора для того, чтобы „показать богохульство еретиковъ“³⁾. Понятно, характеръ Евстаѳіа и чисто-практическая (обличительная) цѣль его сочи-

¹⁾ Посл. объ опредѣленіяхъ Никейск. собора. Твор. ч. I. 361.

²⁾ Посл. къ африканскимъ епископамъ. Твор. ч. III. 315.

³⁾ Феодор. Церк. ист. I. 7.

ненія должны были неблагопріятно въ научно-историческомъ отношеніи повліять на самое повѣствованіе о соборѣ и, дѣйствительно, повліяли. Слѣдуя своей частной цѣли—показать богохульство еретиковъ, Евстаѳій слишкомъ бѣгло обзрѣваетъ дѣянія собора, не говоритъ о разсужденіяхъ отцовъ, о составленіи символа, объ участіи императора въ засѣданіяхъ собора: все это его не интересовало, какъ не имѣющее прямого отношенія къ его цѣли. О числѣ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, онъ говоритъ неопредѣленно и даже прямо замѣчаетъ, что „не изслѣдовалъ этого вопроса съ особенною заботливостію“. Но личный характеръ Евстаѳія и частная цѣль его сочиненія имѣли и благопріятныя послѣдствія. Слишкомъ бѣгло передавалъ исторію собора и опускалъ многія важныя стороны соборной дѣятельности, Евстаѳій, однако, благодаря своей частной цѣли, даетъ намъ новыя и важныя показанія о Никейскомъ соборѣ, которыя пополняютъ и поясняютъ свѣдѣнія, передаваемые Евсевіемъ и Аѳанасіемъ. Въ то время, какъ Евсевій Кесарійскій, желая оправдать себя въ принятіи Никейскаго символа, передаетъ тотъ моментъ соборной дѣятельности, когда составлялся самый символъ, а Аѳанасій, имѣя въ виду показать ревность отцовъ и законность терминовъ „ἐκ τῆς οὐσίας“ и „ὁμοούσιος“, изображаетъ осторожныя и тщательныя изслѣдованія отцовъ въ подыскиваніи терминовъ для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу, Евстаѳій, задавшись цѣлью показать богохульство еретиковъ, слѣдитъ преимущественно за положеніемъ и дѣятельностію на соборѣ арианъ, точно отмѣчаетъ моменты ихъ выступленія, опредѣляетъ характеръ и цѣли ихъ дѣйствій. Въ этихъ-то показаніяхъ Евстаѳія состоятъ достоинство его повѣствованія и важность, какъ источника исторіи Никейскаго собора: эти показанія пополняютъ тотъ пробѣлъ, который замѣчается въ свѣдѣніяхъ Евсевія и Аѳанасія, а вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняютъ сообщенія послѣднихъ и указываютъ имъ опредѣленное мѣсто въ исторіи собора.

Въ частности повѣствованіе Евстаѳія даетъ намъ слѣдующія

данныя для исторіи собора, кромѣ приблизительнаго обозначенія числа епископовъ, бывшихъ на соборѣ (270), каковое число близко подходитъ къ истинному:

1. Изъ повѣствованія Евстаѳіа мы узнаемъ, что на соборѣ первую выступила партія строгихъ арианъ во главѣ съ Евсевіемъ Никомидійскимъ. Эта партія представила письменное изложеніе своего ученія. „Когда началось изслѣдованіе объ образѣ вѣры, пишетъ Евстаѳій, на среду явилось сочиненіе Евсевія, исполненное богохульнаго ученія“¹⁾. Съ разсмотрѣнія символа крайне-арианской партіи, заключающаго въ себѣ, какъ можно догадываться, сущность радикальнаго арианства (исполнено богохульнаго ученія), и началась догматическая дѣятельность собора. Арианское вѣроизложеніе было прочтано предъ соборомъ и тутъ же рѣшена была его участь: оно не только не нашло себѣ защитниковъ и сторонниковъ, но крайне возбудило противъ себя всѣхъ членовъ собора, „причинило слушателямъ неизъяснимую скорбь своимъ безобразіемъ“²⁾ и было разорвано въ виду всѣхъ³⁾. Это первая стадія соборной дѣятельности. Здѣсь произошло уже осужденіе техническихъ терминовъ крайняго арианства. „Изложеніе арианскаго ученія покрыло сочинителя его невыносимымъ стыдомъ“⁴⁾. Этого момента соборной дѣятельности Евсевій вовсе не касается, а Аѳанасій только намекаетъ на него, когда показываетъ, что изысканія отцовъ вызваны были крайне-арианскими мнѣніями и направлены были къ устраненію послѣднихъ. Но изъ описанія Аѳанасія не

¹⁾ Ὡς ἐξέταστο τῆς πίστεως ὁ τρόπος (ubi cum de fidei ratione quaeri coertum esset) ἐναργῆς μὲν ἐλεγχος τὸ γράμμα τῆς Εὐσεβίου προεβλήθη βλασφημίας. Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7. (по рус. изд. 1. 8). Fragmenta ex libris Eustathii. Migne t. 18. gr. ser., col. 676.

²⁾ Ἐπὶ πάντων δὲ ἀναγνοσθέν, αὐτίκα συμφορὰν μὲν ἀσπλάηκτον τῆς ἐκτροπῆς ἔνεκα τοῖς αὐτηκόσις προέβηεν. Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7 (по русск. изд. гл. 8.).

³⁾ Παράνομου γράμματος διαφράγέντος. Ibid.

⁴⁾ Αἰσχύνῃ ἀνήκεστον τῷ γράψαντι παραίχεν. Ibid.

видно, какъ сдѣлались извѣстны собору мнѣнія арианъ; равнымъ образомъ изъ повѣствованія Аѳанасія нельзя опредѣлить и того, къ какому моменту относятся самыя изысканія отцовъ о наилучшемъ выраженіи ученія объ отношеніи Сына Божія къ Отцу. Евстаѳій пополняетъ этотъ пробѣлъ и изъясняетъ самое повѣствованіе Аѳанасія: отцы узнали о мнѣніяхъ арианъ изъ представленнаго на соборѣ арианскаго вѣроизложенія, а разсужденія отцовъ, описываемыя Аѳанасіемъ, относятся ко второй стадіи соборной дѣятельности, послѣдовавшей за единодушнымъ и полнымъ осужденіемъ техническимъ терминовъ радикальнаго арианства. Такъ идти дѣлу было вполне естественно. Ариане были возмутителями церковнаго мира и причиною собора; поэтому они, какъ виновные и подсудимые, должны были говорить на соборѣ первыми, отстаивать свои дѣйствія и воззрѣнія, защищаться. За отверженіемъ же воззрѣній и дѣйствиій арианскихъ, естественно, должно было начаться изысканіе новыхъ, болѣе опредѣленныхъ и точныхъ терминовъ для обозначенія православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ и Его отношеніи къ Отцу.

2. Изъ повѣствованія Евстаѳія мы узнаемъ о другомъ, отличномъ отъ перваго, выступленіи арианъ или вѣрнѣе: „нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ арианъ“ (*τινές ἐκ συσχεβήης*). Въ первый разъ ариане выступаютъ открыто и прямо: предъ всеѣмъ соборомъ высказываютъ свои воззрѣнія и представляютъ свой символъ. Выступленіе арианскихъ сообщниковъ было не таково. Во 1-хъ арианскіе сообщники выступаютъ тогда, когда не было нужды въ ихъ выступленіи: они выступаютъ тогда, когда защитники истины говорили наилучшимъ образомъ (*ἄριστα λέγειν εἰς ὄφτας*). Во 2-хъ они не прямо высказываютъ свои мысли, а лукавятъ и маскируются: они прикрываются именемъ мира (*τοῦ νομα προβαλλόμενοι τῆς εἰρήνης*). Въ 3-хъ, наконецъ, они выступаютъ для того, чтобы заставить замолчать и дѣйствительно заставляютъ замолчать (*κατεσίγησαν*) защитниковъ истины. Вотъ характеристическія особенности и обстоятельства выступленія „со-

общниковъ аріанскихъ“. Евстаѳій не указываетъ опредѣленно, кто эти сообщники аріанскіе, съ какимъ предложеніемъ они выступили и какимъ образомъ заставили замолчать защитниковъ истины, равнымъ образомъ не показываетъ и того, что говорили защитники истины, въ чемъ состояли ихъ рѣчи во время выступленія аріанскихъ сообщниковъ. Но, кажется, можно безошибочно восполнить пробѣлы въ повѣствованіи Евстаѳія. Сообщники аріанъ, вѣроятно, были не иные кто, какъ полуаріане во главѣ съ Евсевіемъ Кесарійскимъ. Строгіе аріане не могли прикрываться и не прикрывались именемъ мира: они прямо и рѣшительно высказывали свои мысли, упорно отстаивали ихъ и желали не мира, а торжества своимъ воззрѣніямъ, торжества полного, безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ съ противоположнымъ мнѣніемъ. Не таковы были полуаріане. Не имѣя опредѣленныхъ и положительныхъ воззрѣній, колеблясь между православіемъ и крайнимъ аріанствомъ, они не признавали вполнѣ ложнымъ ни православія, ни аріанства и на самые споры аріанскіе смотрѣли какъ на разногласіе въ словахъ, не имѣющее серьезнаго значенія. Понятно, при такомъ взглядѣ на аріанство и аріанскіе споры, они не могли одобрять ревностнаго, упорнаго отстаиванія православными и аріанами своего ученія, потому что это значило, по ихъ мнѣнію; производить раздоры изъ-за словъ. По ихъ мнѣнію, нужно было и православнымъ и аріанамъ сдѣлать взаимныя уступки другъ другу и избѣгать спорныхъ выраженій. Евсевій Кесарійскій напр. въ своемъ посланіи къ паствѣ прямо замѣчаетъ, что онъ не намѣренъ былъ нарушать миръ изъ-за словъ и для сохраненія мира согласился на принятіе даже термина „ὁμοούσιος“¹⁾). Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго предположить, что когда соборныя разсужденія приняли острый характеръ, дѣлающій невозможнымъ соглашеніе и примиреніе мнѣній, клонящійся къ торжеству одного мнѣнія и полному осужденію другаго, полуаріанская партія рѣшилась выступить въ ка-

¹⁾ Дѣянія т. 1. стр. 195.

чествѣ посредника между спорившими и устроить между ними примиреніе. Но если подѣ сообщниками арианъ, прикрывающимися именемъ мира, нужно разумѣть Евсевія Кесарійскаго и его партію, то легко опредѣлить и то, съ какимъ предложеніемъ выступили сообщники арианъ: объ этомъ говоритъ Евсевій Кесарійскій въ посланіи къ своей паствѣ¹⁾. Равнымъ образомъ можно опредѣлить и то, что были за рѣчи защитниковъ истины. Какъ можно видѣть изъ показанія Евстаѳа, рѣчи защитниковъ истины имѣли мѣсто непосредственно послѣ осужденія символа Евсевія Никомидійскаго, исполненнаго богохульнаго ученія. Но о разсужденіяхъ отцовъ, вызванныхъ крайними арианскими, или евсевіанскими выраженіями и направленныхъ къ искорененію этихъ послѣднихъ, подробно говоритъ Аѳанасій; слѣдовательно, рѣчи защитниковъ истины—это разсужденія отцовъ, описываемыя Аѳанасіемъ. Такъ изъяснивъ показаніе Евстаѳа, мы поймемъ и важность его. Имѣя связь съ повѣствованіями Аѳанасія и Евсевія, оно разъясняетъ отношеніе между ними и указываетъ имъ опредѣленное мѣсто въ исторіи собора. Повѣствованіе Аѳанасія является фрагментомъ: оно не доводитъ дѣло до конца, а обрываетъ его; посланіе Евсевія начинается *ex abrupto*; отсюда взаимоотношеніе ихъ становится неяснымъ. Изъ показанія Евстаѳа мы узнаемъ, что описываемыя Аѳанасіемъ разсужденія отцовъ относятся къ исторіи соборной дѣятельности, непосредственно предшествовавшей той, которую изображаетъ Евсевій; другими словами—Аѳанасій изображаетъ вторую стадію соборной дѣятельности, а Евсевій— третью.

Далѣе, показаніе Евстаѳа опредѣляетъ и то, что изъ повѣствованія Аѳанасія относится собственно ко 2-й стадіи соборной дѣятельности, представляя собою послѣдовательное изобра-

¹⁾ Евсевій говоритъ только объ одномъ своемъ выступленіи на соборѣ, когда онъ внесъ на соборъ вѣроизложеніе, слѣдовательно и Евстаѳій, говоря о выступленіи его, имѣетъ въ виду тоже выступленіе, какое описывается въ посланіи къ кесарійцамъ, а не какое-либо другое.

женіе исторической дѣйствительности, и что къ этой стадіи не относится, т. е. Евстаѳій частіе опредѣляетъ, за какимъ именно показаніемъ Аеанасія должны непосредственно слѣдовать показанія Евсевія. Евстаѳій говоритъ, что сообщники арианскіе выступили съ цѣлью примиренія спорившихъ, выступили, прикрываясь именемъ мира. Но водворить миръ можно только тогда, когда съ одной стороны между партіями выяснилось раздѣленіе и несогласіе, а съ другой — когда не послѣдовало еще опредѣленнаго рѣшенія въ пользу той или другой стороны. Слѣдовательно, Евсевій Кесарійскій выступилъ на соборъ ранѣе, чѣмъ отцы утвердили и вписали въ символъ терминъ „*ὁμοούσιος*“. Терминъ „*ὁμοούσιος*“ уничтожалъ всякую возможность какой-либо сдѣлки или компромисса: внесеніемъ этого термина объявлялось торжество православія и полное осужденіе арианства, а не примиреніе между православіемъ и арианствомъ. Поэтому Евсевію Кесарійскому излишне было-бы выступать съ предложеніемъ мира, когда одна сторона была окончательно побѣждена и воззрѣнія ея отвергнуты, а воззрѣнія другой утверждены. Къ тому же заключенію приводитъ и замѣчаніе Евстаѳія, что сообщники арианъ своимъ выступленіемъ заставили замолчать защитниковъ истины, говорившихъ наилучшимъ образомъ. Если защитники истины говорили, то значить терминъ „*ὁμοούσιος*“ не былъ еще утвержденъ и вписанъ въ символъ. Терминъ „*ὁμοούσιος*“ вполне выражалъ православное ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу: дальше этого термина православнымъ идти было некуда и не зачѣмъ; съ утвержденіемъ и внесеніемъ этого термина въ символъ должна была прекратиться догматическая дѣятельность собора. Поэтому, если-бы терминъ „*ὁμοούσιος*“ былъ утвержденъ и внесенъ въ символъ до выступления Евсевія Кесарійскаго, то защитникамъ истины не зачѣмъ и нечего было-бы говорить во время выступления Евсевія. Если же они говорили, то, очевидно, слово „*ὁμοούσιος*“ не получило еще полного утвержденія и не было вписано въ символъ. Но съ другой стороны нельзя допустить, что партія Ев-

себя выступила еще въ то время, когда терминъ „*ὁμοούσιος*“ не только не былъ утверждёнъ и вписанъ въ символъ, но даже не былъ и предложенъ православными для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу. Пока православные епископы не предлагали этого термина, ариане наружно еще не отдѣлялись отъ православныхъ: ариане соглашались со всѣми библейскими изреченіями, которыя предлагали епископы для выраженія ученія о Сынѣ Божіемъ. Выходя отсюда и обращаясь къ повѣствованію Аѳанасія, мы легко можемъ опредѣлить, на чемъ оканчивается повѣствовательное изображеніе Аѳанасіемъ исторической дѣйствительности. Аѳанасій оканчиваетъ свое повѣствованіе показаніемъ, что отцы собора, собравъ изреченія св. Писанія, извлекли изъ нихъ слово „*ὁμοούσιος*“ и написали его (*ἔγραψαν ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ τὸν Υἱόν*)¹⁾. Но изъ показанія Евстація слѣдуетъ, что между предложеніемъ отцами термина „*ὁμοούσιος*“ и внесеніемъ его въ символъ было выступленіе полуаріанской партіи. Слѣдовательно, послѣднее показаніе Аѳанасія (внесеніе термина „*ὁμοούσιος*“ въ символъ) нельзя считать исторически-последовательнымъ и относить его ко 2-й стадіи соборной дѣятельности: ему должны предшествовать показанія о выступленіи полуаріанской партіи и ея дѣятельности на соборѣ, заключающіяся въ повѣствованіи Евстація и посланіи Евсевія. Такимъ образомъ на основаніи показаній Евстація мы приходимъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришли ранѣе, когда примиряли показанія Аѳанасія и Евсевія.

Разъясняя заключительныя показанія Аѳанасія, Евстаціей разъясняетъ и показанія Евсевія. Показанія Евсевія начинаются *ex abrupto*: въ посланіи не выясняются обстоятельства, при которыхъ выступилъ Евсевій съ своимъ вѣронизложеніемъ, не выясняются также цѣли и мотивы выступленія. При чтеніи посланія является недоумѣніе, зачѣмъ нужно было Евсевію предлагать свой

¹⁾ Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1040. Твор. ч. III. 321—322. Epist. de decret. Nic. syn. Migne t. 25. col. 452. Твор. ч. I. 341.

символь? И къ чему могъ служить самый этотъ символъ крайне неопредѣленный, неточный и двусмысленный, не удовлетворяющій нуждамъ того времени и нисколько не разрѣшающій тѣхъ догматическихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ собственно и созванъ былъ соборъ? Все это объясняетъ Евстаѳій, такъ что его показанія служатъ какъ-бы введеніемъ къ посланію Евсевія. Евстаѳій показываетъ, что партія Евсевія выступила тогда, когда не было нужды въ ней: защитники истины говорили наилучшимъ образомъ (ἀριστα); выступила же она съ лукавою цѣлью заставить замолчать защитниковъ истины, замаять разсужденія, которыя могли вести къ раскрытію и уясненію истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полному осужденію арианства, устроить между спорившими компромиссъ и водворить между ними миръ въ ущербъ истинѣ. Потому-то эта партія и представила такой символъ, гдѣ спорные пункты догматическаго ученія выражены въ терминахъ, одинаково принимаемыхъ какъ православными, такъ и арианами, гдѣ не давалось торжества истинѣ и не осуждалась ложь, а признавалось равноправіе той и другой.

3. Наконецъ, Евстаѳій отмѣчаетъ 3-е выступленіе арианъ, бывшее послѣ окончательнаго утвержденія соборомъ символа. Въ третій разъ ариане выступили для того, чтобы заявить свое согласіе съ соборнымъ рѣшеніемъ. „Приверженцы Арія, пишетъ Евстаѳій, встали и предали анаѳемѣ осужденное соборомъ ученіе, а символъ, изложенный единодушнымъ согласіемъ, собственноручно подписали“ ¹⁾ (οἱ Ἀρειομανεῖται ἀπαγορεύουσι μὲν καὶ ἀναθεματίζουσι προηδῆσαντες τὸ ἀπηγορευόμενον δόγμα, συμφώνοις ὑγράμμασιν ὑπογράψαντες αὐτοῦσι), но осудили арианство и подписали символъ не по убѣжденію въ ложности перваго и истинности втораго, а только изъ-за боязни, чтобы не быть изверженными изъ церкви (δεισάντες, μήπως ἄρα τοσαύτης ἐν ταῦτῳ (по др. чт. τοῦτῳ Niceph) συνόδου συγκεκροτημένης ἐξοστραχισ-

¹⁾ Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7. (по русск. изд. гл. 8).

θεῖον)¹⁾ и чтобы удержать за собой председательство (τῶν προεδριῶν κρατήσαντες). А что ариане дѣйствительно согласились съ Никейскимъ опредѣленіемъ неискренно, это открывается изъ дѣятельности арианъ послѣ собора: „они то скрытно, то явно покровительствовали отвергнутымъ соборно мнѣніямъ и подтверждали ихъ различными доказательствами“²⁾. О неискреннемъ согласіи арианъ съ догматическими Никейскими опредѣленіями извѣстно уже намъ изъ посланія Евсевія и сочиненій Афанасія; но у Евстаѳіа объ этомъ говорится полнѣе и опредѣленнѣе. Конечно и показаніе Евстаѳіа не совсѣмъ точно: оно не указываетъ опредѣленно, всѣ ли приверженцы Арія подписали (хотя и неискренно) символъ Никейскій; но за то оно указываетъ вполнѣ естественныя и дѣйствительныя причины, почему ариане согласились съ Никейскими опредѣленіями и осудили арианство.

Мы окончили обзоръ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ современниковъ и очевидцевъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя этими повѣствованіями очень важны и существенны для исторіи собора; а объединяя эти свѣдѣнія, мы можемъ составить довольно обстоятельное представленіе о соборѣ, потому что будемъ имѣть показанія о каждой стадіи соборной дѣятельности. Но какъ ни важны свѣдѣнія, сообщаемыя современниками собора, все же они далеко недостаточны для полного воспроизведенія исторіи собора: они не даютъ отвѣта на многіе важные и сами собой напрашивающіеся вопросы, не разъясняютъ многіхъ пунктовъ, необходимыхъ для яснаго представленія дѣла. Въ силу этого нельзя ограничиваться повѣствованіями однихъ современниковъ собора; является нужда обращаться за свѣдѣніями къ позднѣйшимъ сказаніямъ о соборѣ, которыя иногда разъясняютъ показанія современниковъ, иногда пополняютъ ихъ, а иногда даютъ и новыя показанія.

1) Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7. (по русск. изд. гл. 8).

2) Ibid.

Глава III-я.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ: латинскихъ—Руфина и Сульпиція Севера и греческихъ—Филосторгія, Сократа, Созомена и Θεодорита.

Повѣствованія о Никейскомъ соборѣ поименованныхъ церковныхъ историковъ имѣютъ неоспоримую важность и значеніе. Они не были современниками собора, а тѣмъ болѣе очевидцами его: но все-таки они находились въ такомъ положеніи въ отношеніи къ Никейскому собору, что показанія ихъ должны имѣть цѣну. Въ ихъ время (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ) могли быть еще живы современники собора и несомнѣнно живо было преданіе объ этомъ великомъ событіи въ исторіи христіанской церкви; слѣдовательно, они могли получать свѣдѣнія помимо письменныхъ документовъ, свѣдѣнія, которыя сдѣлалась недоступны позднѣйшимъ повѣствователямъ. Руфинъ напр. неоднократно замѣчаетъ, что онъ пользовался устными разказами современниковъ¹⁾. Далѣе, эти историки имѣли подъ руками и пользовались частными записями, письмами и сочиненіями о Никейскомъ соборѣ, существовавшими въ то время, но не дошедшими до насъ. Такъ Сократъ имѣлъ подъ руками собранія соборныхъ актовъ какого-то македоніанина Савина²⁾. Тотъ же Сократъ замѣчаетъ, что онъ передѣлалъ и исправилъ 1-ю и 2-ю книги своей исторіи (въ которыхъ содержится и повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ), составленныя первоначально на основаніи исторіи Руфина, передѣлалъ потому, что ему попались сочиненія Афанасія и письма различныхъ людей того времени, о которомъ онъ повѣствовалъ въ этихъ книгахъ³⁾. Θεодоритъ пользовался сочиненіями Евстація Ан-

¹⁾ Rufin. Hist. eccles. Migne t. 21. ser. lat. lib. I. c. 5. col. 471. 472...

²⁾ Сократъ. Церковн. ист. кн. I гл. 8. (Mign. t. 67).

³⁾ Что приведенныя слова Сократа имѣютъ отношеніе и къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ, это видно изъ того, что Сократовъ разказъ въ настоя-

тіохійскаго, участника и очевидца Никейскаго собора, которыя не дошли до насъ въ цѣломъ видѣ; слѣдовательно, въ нѣкоторой степени получилъ авторитетность самого Евстаѳія въ повѣствованіи о соборѣ. Наконецъ, историки имѣли подъ руками и пользовались многими документами офіціального характера—грамотами и посланіями, относящимися къ Никейскому собору; слѣдовательно, получали свѣдѣнія изъ перво-источниковъ. Если къ связанному прибавить, что историки относились къ описываемому событію болѣе или менѣе безпристрастно, смотрѣли на него съ объективной точки зрѣнія. то мы должны отнести повѣствованіямъ церковныхъ историковъ видное и почетное мѣсто среди источниковъ исторіи Никейскаго собора.

Но признавая достоинство и важность поименованныхъ церковныхъ историковъ въ ихъ повѣствованіяхъ о Никейскомъ соборѣ, мы однако не должны забывать и того, что ихъ показанія нуждаются въ тщательномъ разборѣ и строгой критикѣ. Не все историки и не во всѣхъ частяхъ своихъ повѣствованій о соборѣ вполне самостоятельны и независимы какъ отъ современниковъ собора, такъ и другъ отъ друга. При повѣствованіи о соборѣ они часто дѣлаютъ большія заимствованія изъ сказаній современниковъ собора; подобнымъ же образомъ поступаютъ они и въ отношеніи другъ къ другу. Но такъ какъ повѣствованіе интересно и цѣнно только въ томъ случаѣ, если оно самостоятельно, оригинально и представляетъ новыя свѣдѣнія, сравнительно съ прежними повѣствованіями, или пополняетъ и исправляетъ эти послѣднія, въ отношеніи же къ заимствованной части его показанія, какъ производныя, при существованіи самостоятельныхъ и перво-степенныхъ, не имѣютъ никакого значенія, то необходимо сличить повѣствованія историковъ съ другими болѣе ранними повѣствованіями и точно опредѣлить, насколько они самостоятельны и независимы въ своихъ показаніяхъ, какія сообщаютъ новыя свѣдѣ-

шемъ видѣ отличается отъ Руфинова, слѣдовательно, онъ исправилъ и этотъ рассказъ на основаніи вновь полученныхъ документовъ.

нія, какія представляютъ пополненія и исправленія прежнихъ, и наоборотъ—гдѣ и въ чемъ они зависимы, какія показанія ихъ представляютъ только парафраза или даже буквальную передачу уже извѣстныхъ свѣдѣній. Притомъ, не выяснивъ отношенія того или другаго повѣствованія къ предыдущимъ, легко можно придать второстепенному показанію больше значенія, чѣмъ первостепенному, можно принять за важное и цѣнное такое показаніе, которое въ дѣйствительности представляетъ только свободный, подцѣвленный риторикою, парафраза извѣстнаго изъ другихъ источниковъ показанія. Съ другой стороны не всѣ поименованные историки одинаково знакомы были съ обстоятельствами Никейскаго собора, не всѣ и не всегда пользовались источниками одинаковой важности и достовѣрности и, наконецъ, не всѣ и не всегда относились къ этимъ источникамъ съ одинаковою и должною критикою и разборчивостію. Одни изъ нихъ были лучше знакомы съ исторіею Никейскаго собора и имѣли подъ руками болѣе авторитетныя источники, другіе такихъ источниковъ не имѣли; одни относились къ свѣдѣніямъ съ большею осторожностію, другіе—съ меньшею. Очевидно, нужно разобрать повѣствованія историковъ о Никейскомъ соборѣ и опредѣлить степень достовѣрности каждаго повѣствованія вообще, каждаго показанія въ частности. Въ противномъ случаѣ можно наряду съ вполне достовѣрными показаніями помѣстить очень сомнительныя и даже отдать предпочтеніе послѣднимъ предъ первыми.—Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о повѣствованіяхъ церковныхъ историковъ перейдемъ къ частному разбору и опредѣленію степени важности и значенія, достоинствъ и недостатковъ каждаго изъ нихъ, какъ источника исторіи Никейскаго собора. Начнемъ съ латинскихъ историковъ, какъ болѣе раннихъ сравнительно съ греческими.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ Руфина и Сульпиція Севера.

Руфинъ родился, какъ полагаютъ, въ 345 или 346 году

въ Конкордіи, небольшомъ городѣ Италіи¹⁾). Большую часть молодости онъ провелъ въ Аввилейскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ старца Павла, гдѣ изучалъ свѣтскія науки и творенія отцовъ какъ латинскихъ, особенно Иларія Пуатьескаго, такъ и греческихъ, имѣвшіяся въ латинскомъ переводѣ. Здѣсь онъ познакомился съ бл. Иеронимомъ, который, возвращаясь съ востока въ Римъ, посѣтилъ Аввилею. Въ 374 году Руфинъ отправился на востокъ, былъ въ Египтѣ и Іерусалимѣ, гдѣ основалъ монастырь, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; занимался въ это время изученіемъ монашеской жизни, твореній греческихъ отцовъ и переводомъ послѣднихъ на латинскій языкъ. Въ 397 году Руфинъ возвратился на западъ, гдѣ и жилъ до самой смерти. Умеръ въ 410 году въ Сициліи.

Свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ Руфинъ сообщаетъ въ своей церковной исторіи. Время написанія и изданія исторіи Руфина приблизительно можно опредѣлить на основаніи показаній его *praefatio*. Въ *praefatio* Руфинъ говоритъ, что ему поручено было написать исторію въ то время, когда Италія подвергалась опустошенію отъ Алариха, предводителя готовъ²⁾). Аларихъ напалъ на Италію три раза: въ 400, 402 и 408 годахъ. Руфинъ не могъ писать свою исторію послѣ 3-го нападенія Алариха. Его исторія написана по порученію Хромація, епископа Аввилейскаго³⁾, а въ 408 году Хромація уже не было въ живыхъ. Равнымъ образомъ нельзя допустить, что Руфинъ въ *praefatio* говоритъ о 2-мъ нападении Алариха, потомучто въ такомъ случаѣ онъ упомянулъ бы и о первомъ, между тѣмъ у Руфина нѣтъ никакихъ указаній на то, что Италія не въ первый разъ

¹⁾ Cellier. t. VII. p. 448.

²⁾ tempore quo, disruptis Italiae claustris ab Alarico duce Gothorum se pestifer morbus infudit. Praefatio. Mign. t. 21. ser. lat. col. 461 et cet.

³⁾ Ibid.

подвергается опустошенію со стороны готовъ. Ясно, что Руфинъ написалъ свою исторію до 2-го нападенія Алариха, т. е. до 402 года. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что Руфинъ, рассказывая о Θεодосіи Великомъ, не указываетъ на отличіе его отъ Θεодосія Младшаго, который родился въ началѣ апрѣля 401 года, а въ 11 день января 402 г. объявленъ былъ Августомъ. Но если бы Руфинъ писалъ свою исторію послѣ 402 года, то онъ сталъ бы точнѣе обозначать Θεодосія Великаго и указывать его отличіе отъ другаго Θεодосія—Младшаго. Въ силу сказаннаго можно съ достовѣрностью полагать, что Руфинъ написалъ свою исторію въ 401 году.

Поводомъ къ написанію исторіи были не научные интересы, а случайныя обстоятельства. Какъ видно изъ praefatio, исторія Руфина одолжена своимъ появленіемъ Хромацію, епископу Аквилейскому; а этотъ послѣдній видѣлъ въ ней назиданіе и утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Италію отъ Алариха. Когда Аларихъ опустошилъ Италію, то Хромацій поручилъ Руфину, какъ человѣку ученому, занимавшемуся переводами твореній греческихъ отцовъ на латинскій языкъ, перевести церковную исторію Евсевія для того, какъ говорится въ praefatio, чтобы при чтеніи ея духъ людей обращался къ славнымъ дѣламъ прошедшаго и забывалъ о настоящихъ бѣдствіяхъ¹⁾. Но Руфинъ не пожелалъ остаться только переводчикомъ. Сдѣлавъ переводъ исторіи Евсевія, онъ задумалъ продолжить ее и написалъ самостоятельно двѣ книги (10 и 11), которыя обнимаютъ собою періодъ времени отъ Никейскаго собора (или нѣсколько ранѣе) до смерти императора Θεодосія Великаго, т. е. отъ 325 (или 324) до 395 года. Въ первой изъ этихъ двухъ, самостоятельно написанныхъ, книгъ Руфинъ повѣствуетъ и о Никейскомъ соборѣ (1—6 гл.).

Оставляя въ сторонѣ исторію Руфина въ ея цѣломъ видѣ, мы остановимъ свое вниманіе только на той части ея, которая от-

¹⁾ Praefatio. Mign. t. 21. col. 461—464.

носится къ Никейскому собору, и эту часть только будемъ разсматривать.

Какъ повѣствователь о Никейскомъ соборѣ, Руфинъ находился въ очень благоприятныхъ условіяхъ и лучше могъ ознакомиться съ исторіею его, чѣмъ другіе писатели и историки V вѣка. Во времена Руфина еще были живы современники и очевидцы Никейскаго собора; слѣдовательно, онъ могъ получать свѣдѣнія о соборѣ изъ первыхъ рукъ. Мы не знаемъ, былъ ли знакомъ Руфинъ съ кѣмъ-либо изъ участниковъ собора; но если даже онъ и не имѣлъ непосредственныхъ сношеній съ очевидцами собора, то ихъ свѣдѣніями пользоваться онъ могъ. Западъ былъ хорошо знакомъ съ исторіею 1-го вселенскаго собора, лучше, чѣмъ съ исторіею какого-либо другаго. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые западные епископы были участниками Никейскаго собора и, слѣдовательно, могли сообщать свѣдѣнія о немъ своимъ соотечественникамъ, западъ видѣлъ у себя во время арианскихъ смуть и многихъ восточныхъ отцовъ, бывшихъ современниками и даже участниками Никейскаго собора. Одни изъ этихъ отцовъ искали на западѣ защиты и покровительства отъ арианъ, другіе ссылаемы были на западъ по распоряженію государственной власти. Всѣ эти вольные и невольные пришельцы, конечно, могли служить хорошимъ источникомъ свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ: эти свѣдѣнія могъ получать и Руфинъ. Такимъ образомъ Руфинъ еще въ бытность свою въ Аквилеѣ могъ уже хорошо ознакомиться съ исторіею Никейскаго собора. Еще болѣе богатые свѣдѣнія о соборѣ могъ получить Руфинъ во время продолжительнаго пребыванія на востокѣ. Положимъ, Руфинъ жилъ на востокѣ во время уже значительно отдаленное отъ собора: но за то онъ жилъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ память о Никейскомъ соборѣ и обстоятельствахъ, къ нему относящихся, должна была жить долѣе и самыя свѣдѣнія должны быть чище, чѣмъ въ другихъ странахъ. Руфинъ жилъ преимущественно въ Египтѣ и Палестинѣ. А Египетъ и Палестина должны были особенно интересоваться Никейскимъ

соборомъ. Эти страны были, такъ сказать, ареной для полувѣковой борьбы между православными и аріанами, такъ что исторія Египта и Палестины за это время тѣсно связана съ исторіею борьбы православныхъ съ аріанами. Изъ этихъ странъ вышли первые сторонники Арія; въ этихъ же странахъ явились и первые борцы противъ аріанства. Послѣ Никейскаго собора аріанство въ лицѣ своихъ представителей дѣлало особенно сильныя нападенія на эти страны съ цѣлью взять здѣсь верхъ надъ православными; но здѣсь же находились и ревностные защитники православія, дававшіе отпоръ аріанскимъ интригамъ. Такая постоянная борьба православія съ аріанствомъ должна была поддерживать интересъ къ Никейскому собору и память о немъ, какъ о такомъ событіи, гдѣ теоретически уже рѣшенъ былъ споръ между православіемъ и аріанствомъ осужденіемъ послѣдняго. Притомъ самыя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ въ этихъ странахъ были подробнѣе и чище, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Египецъ и Палестина имѣли очень многихъ представителей на соборѣ. Изъ сохранившихся списковъ епископовъ видно, что изъ Египта и его провинцій на Никейскомъ соборѣ было однихъ епископовъ 19; столько же епископовъ было и изъ Палестины. Кромѣ епископовъ, были, конечно, пресвитеры, діаконы, прочіе клирики и даже міряне. Всѣ эти лица, бывшія на соборѣ и непосредственно наблюдавшія за ходомъ его засѣданій, были авторитетными повѣствователями о соборѣ и, вѣроятно, повѣствователями охотными. Послѣднее предположеніе обосновывается на томъ интересѣ, какой возбуждалъ Никейскій соборъ своею новостью, грандіозностью и важностью своихъ опредѣленій во всѣхъ современникахъ. Кромѣ того, на распространеніе свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ въ Египтѣ и Палестинѣ, вѣроятно, имѣли вліяніе и другія обстоятельства. Въ распространеніи свѣдѣній о соборѣ пастыри и предстоятели церквей видѣли наилучшее средство доказать истинность и правдивость Никейскихъ опредѣленій и ложность аріанства, а также неплѣтность возраженій аріанъ противъ Никейскаго собора. Мы зна-

емь напр., что Аонасіій Александрійскій именно съ такою цѣлью писалъ два посланія, въ которыхъ сдѣлалъ краткій очеркъ соборной дѣятельности. Евсевій Кесарійскій тотчасъ послѣ собора также написалъ посланіе къ своей паствѣ, въ которомъ изложилъ часть соборныхъ дѣяній, чтобы оправдать свое согласіе съ Никейскимъ символомъ. Подобнымъ образомъ, можетъ быть, передавали извѣстія о соборѣ и другіе епископы. При этомъ самыя свѣдѣнія о соборѣ въ Египтѣ и Палестинѣ были болѣе достовѣрны, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Египтѣ и Палестинѣ православіе имѣло перевѣсъ надъ арианствомъ; но сильна была здѣсь и арианская партія. Кесарія напр., метрополія Палестины, представляла въ лицѣ своихъ епископовъ сторонниковъ арианства. Были ариане и въ Египтѣ. Понятно, при такихъ условіяхъ каждая неправильность въ передачѣ исторіи Никейскаго собора православными или арианами, каждая неточность вызвала бы замѣчанія съ противной стороны. Евсевій Кесарійскій въ посланіи къ своей паствѣ не осмѣлился не сказать историческіе факты, какъ онъ искажалъ ихъ напр. въ сочиненіи „Жизнь Константина“, хотя такое искаженіе было бы очень выгодно для него. Подобнымъ образомъ не осмѣливались, вѣроятно, допускать неправду или даже невинную прикрасу въ повѣствованіи о соборѣ и другіе рассказчики. Конечно, говоря такъ, мы не думаемъ утверждать, что свѣдѣнія о соборѣ въ Египтѣ и Палестинѣ оставались въ неприкосновенной чистотѣ. Нѣтъ. Прикрасы и легенды могли примѣшиваться къ чисто-историческимъ свѣдѣніямъ и, какъ можно судить по повѣствованію Руфина, дѣйствительно примѣшивались. Мы только утверждаемъ, что прикрасъ и легендъ среди достовѣрныхъ показаній въ Египтѣ и Палестинѣ должно быть меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Кромѣ сказаннаго нужно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, вовсе немаловажное для Руфина, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ. Руфинъ прибылъ на востокъ (въ Египетъ) въ 374 году. За нѣсколько времени предъ этимъ (въ 373 году) умеръ главный защитникъ Ни-

кейскихъ опредѣленій и всего Никейскаго собора Аѳанасій Александрийскій. Смерть каждаго лица, особенно чѣмъ-нибудь замѣчательнаго, вызываетъ воспоманія о немъ и его дѣятельности, а равнымъ образомъ и о всѣхъ обстоятельствахъ, съ нимъ сопряженныхъ. И чѣмъ замѣчательнѣе и значительнѣе умершее лицо, тѣмъ болѣе воспоминаютъ о немъ, тѣмъ подробнѣе и яснѣе воспроизводятся черты изъ его жизни и дѣятельности, тѣмъ самыя свѣдѣнія о немъ бываютъ болѣе распространенными. Это обычное и вполне естественное явленіе. Несомнѣнно, оно имѣло мѣсто и въ отношеніи къ Аѳанасію Великому. Аѳанасій былъ не изъ обычныхъ епископовъ, не выдающихся изъ ряда другихъ предстоятелей церкви. Нѣтъ. Это былъ колоссъ, гигантъ и по своему нравственному величію, и по своей дѣятельности. Во все время отъ Никейскаго собора до самой смерти Аѳанасія исторія и судьба православной церкви тѣсно соединялись съ исторіею и судьбою самого Аѳанасія. Современники единодушно считали Аѳанасія спасителемъ церкви отъ бѣдъ. Григорій Богословъ не находитъ достаточно словъ, чтобы оцѣнить заслуги Аѳанасія для церкви. Онъ говоритъ въ похвальной словѣ Аѳанасію¹⁾: „хвала Аѳанасія, я буду хвалить добродѣтель, потому что всѣ добродѣтели въ совокупности онъ въ себѣ имѣлъ“. Главнѣйшею изъ его добродѣтелей была защита Никейскаго православія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ столпомъ церкви. „Когда Аѳанасій жилъ среди насъ, говоритъ Григорій, онъ былъ столпомъ (στυλος) церкви“. Его ученіе сдѣлалось закономъ церкви. „Его догматы стали законами для вѣры православной“, замѣчаетъ Григорій²⁾. Подобнымъ образомъ отзывается объ Аѳанасіи и Василій Великій³⁾. Въ частности, съ какою любовью относились къ Аѳанасію жители Александріи, это можно видѣть изъ того, что они противились даже

1) *Prolegomena. Elogia veterum* col. 224. Migne t. 25.

2) См. „Вселенск. соб. IV и V вв.“ Лебедева стр. 34.

3) *Ibid.* стр. 34—35.

распоряженіямъ правительства, направленнымъ противъ Аѳанасія, такъ что изгонять Аѳанасія и поставлять на его мѣсто другихъ епископовъ можно было только при помощи вооруженной силы. Наоборотъ возвращеніе Аѳанасія въ Александрію было торжествомъ для жителей ея. Также высоко стоялъ авторитетъ Аѳанасія и въ Палестинѣ: въ Іерусалимѣ неоднократно собирались соборы для защиты дѣятельности и воззрѣній Аѳанасія¹⁾. Помятно, смерть такого важнаго и значительнаго лица должна была во всѣхъ пробудить память о немъ, вызвать рассказы о его трудахъ и дѣятельности. А такъ какъ дѣятельность Аѳанасія самымъ тѣснымъ образомъ примыкала къ Никейскому собору, съ него началась и имъ обуславливалась, то по ассоціаціи представленій и для изясненія самой дѣятельности Аѳанасія, вѣроятно, подвергалась тогда полному и обстоятельному воспроизведенію и исторія Никейскаго собора. Мы склонны думать, что Аѳанасій и Никейскій соборъ на востокѣ — въ Египтъ и Іерусалимѣ въ то время, какъ прибылъ туда Руфинъ, были, такъ сказать, злобой дня: рассказы о нихъ ходили всюду и занимали всѣхъ. Особенно это нужно сказать объ отшельникахъ Египта и Палестины. Эти послѣдніе твердо хранили Никейскія опредѣленія²⁾ и были горячими сторонниками и почитателями Аѳанасія. Можетъ быть, среди этихъ пустынниковъ не только ходили устные рассказы о мивущихъ дняхъ, но существовали даже и записи о событіяхъ церковныхъ, въ томъ числѣ и о Никейскомъ соборѣ, составлявшіяся какъ на основаніи личныхъ наблюденій надъ церковною жизнью, такъ и на основаніи письменныхъ извѣстій, получавшихся отъ разныхъ лицъ. Изъ сказаннаго видно, что Руфину, прибывшему на востокъ въ 374 году и жившему тамъ очень долго и преимущественно среди монашества, представлялась полная возможность хорошо ознакомиться съ исторіею Никейскаго собора во

¹⁾ Созоменъ. Церк. ист. II. 25.

²⁾ Созоменъ. Церк. ист. III. 13.

всѣхъ ея деталяхъ и частностяхъ, помимо письменныхъ сказаній о соборѣ, дошедшихъ до насъ.

Устное преданіе, а можетъ быть, и какія-либо частныя записи и были, кажется, главнымъ источникомъ повѣствованія Руфина о Никейскомъ соборѣ. Онъ не разъ самъ заявляетъ, что тотъ или другой фактъ передаетъ по слуху. Такъ о присутствіи на соборѣ Спиридона Тримифунтскаго онъ узналъ изъ преданія ¹⁾, а о чудесахъ Спиридона онъ узналъ изъ устныхъ разсказовъ современниковъ Спиридона ²⁾. Опредѣляя число Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ, Руфинъ также указываетъ на преданіе, какъ на источникъ, откуда онъ заимствовалъ это показаніе ³⁾. Можно думать, что и другія показанія Руфина имѣли своимъ источникомъ преданіе: объ этомъ Руфинъ не говоритъ, но это прямо слѣдуетъ изъ того, что его показанія самостоятельны и не встрѣчаются въ болѣе раннихъ сказаніяхъ о соборѣ.

Конечно, мы не думаемъ утверждать, что Руфинъ вовсе не былъ знакомъ съ сказаніями современниковъ собора и другихъ лицъ, жившихъ ранѣе его (Руфина). Руфинъ хорошо былъ знакомъ съ произведеніями греческихъ отцовъ: почти все довольно продолжительное время своего пребыванія на востокѣ онъ посвятилъ на изученіе твореній отцовъ и учителей церкви. Вѣроятно, зналъ онъ и сказанія о Никейскомъ соборѣ. Но явной зависимости Руфина въ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ отъ греческихъ отцовъ, въ частности отъ разсмотрѣнныхъ нами показаній о соборѣ современниковъ его—вовсе не видно. Только на нѣкоторыя показанія Руфина можно смотрѣть, какъ на заимствованія изъ болѣе раннихъ произведеній, и то, впрочемъ, предпо-

1) „Dicitur fuisse etiam Spiridon Cyprius episcopus“. Ruf. Hist. eccles. 1. 5. Migne t. 21.

2) Quantum etiam nos eorum, qui eum viderant, narratione comperimus. Ibid.

3) Decem et septem soli tunc fuisse dicuntur, quibus Arii fides magis placeret. Ibid.

ложительно, такъ какъ сходство между Руфиномъ и болѣе ранними произведеніями не особенно ощутительно. Вотъ эти предположительныя заимствованія Руфина. Какъ на источникъ Руфиновой характеристики Арія, указываютъ на древнюю исторію о схизматигѣ Мелетіи. Въ этой исторіи Арій характеризуется такимъ образомъ: „Арій носилъ видъ благочестія и стремился къ учительствованію“ (*Arius quidam habitum portans pietatis et doctoris desiderium habens*)¹⁾. Тѣ же черты только болѣе подробно указываетъ и Руфинъ. „Арій былъ мужъ, говоритъ Руфинъ, религіозный болѣе по виду и внѣшности, чѣмъ въ дѣйствительности (*vir specie et forma magis, quam in virtute religiosus*), крайне жадный до славы, похвалы и новшества“ (*gloriae laudisque et novitatis improbe cupidus*)²⁾. Показаніе о числѣ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ, Руфинъ заимствовалъ изъ посланія Афанасія къ африканскимъ епископамъ³⁾ или же изъ сочиненій Иларія Пуатьескаго⁴⁾, съ которыми онъ хорошо былъ знакомъ, или, наконецъ, изъ перваго правила 2-го вселенскаго собора: во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ число Никейскихъ епископовъ опредѣляется въ 318. О времени собора Руфинъ говоритъ, вѣроятно, на основаніи сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“⁵⁾. Показаніе Руфина о томъ, что на соборѣ на сторонѣ православныхъ былъ великій сонмъ исповѣдниковъ (*in eodem concilio esset confessorum magnus numerus sacerdotum*), сильно противившихся нововведеніямъ Арія⁶⁾, можетъ быть, имѣло своимъ источникомъ свидѣтельство Иларія Пуатьескаго, что Никейская вѣра подписана множествомъ святыхъ, исповѣдниковъ

1) Notitia. Migne t. 21. ser. lat. col. 467.

2) Rufin. Hist. eccles. I. 1.

3) Migne t. 26. col. 1032. c. 2. Твор. ч. III. 315.

4) Hilari de synodis. Mign. t. 10. ser. lat. col. 538—539. c. 86. Liber contra Constantium imperatorem. Migne t. 10. col. 602. c. 27.

5) III. 15.

6) Rufin. I. 2.

и мучениковъ (*tot sancti et confessores et successores martyrum ipsius [Nicaeni] tractatus conscriptores*) ¹⁾. Указанными примѣрами, кажется, и ограничивается зависимость Руфина отъ письменныхъ сказаній и извѣстій о Никейскомъ соборѣ. По крайней мѣрѣ нельзя болѣе указать ни одного мѣста, которое можно было бы признать за заимствованіе изъ какого-нибудь дошедшаго до насъ извѣстія о соборѣ. Можетъ быть, Руфинъ повѣрялъ письменными сказаніями о соборѣ свои свѣдѣнія, добытыя другимъ путемъ, но не заимствовалъ ихъ цѣликомъ.

Что касается того, пользовался ли Руфинъ какими-либо официальными документами, относящимися къ Никейскому собору, грамотами, посланіями, указами и т. п., дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ нельзя. Нѣкоторыми документами этого рода Руфинъ, можетъ быть, и пользовался. Къ такому заключенію приводитъ насъ сходство Руфиновыхъ выраженій съ выраженіями документовъ. Такъ Руфинъ говоритъ, что Константинъ мнѣніе собора призналъ происшедшимъ отъ Бога, мыслию Бога ²⁾. Эти слова почти буквально находятся въ посланіи Константина къ Александрійской церкви послѣ Никейскаго собора. Вотъ они: „что показалось тремъ стамъ епископовъ, то не иное что есть, какъ мысль Божія“ ³⁾. Но, вѣроятно, документовъ этого рода у Руфина было немного и пользовался ими онъ мало. Въ пользу такого положенія говоритъ то обстоятельство, что Руфинъ не приводитъ ни одного документа, даже не упоминаетъ ни объ одномъ изъ нихъ.

Мы указали источники Руфинова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Изъ этого указанія источниковъ открывается, что Руфинъ очень мало пользовался дошедшими до насъ письменными показаніями о соборѣ; большинство его показаній заимствовано изъ

¹⁾ Hilarii Migne t. 10. col. 700. c. 2. Ex opere historico fragmentum VIII.

²⁾ Ille (Constantinus) a Deo prolatam (sententiam) veneratur. I. c. 5.

³⁾ Сократъ I. 9. Дионисъ I. 178.

источниковъ самостоятельныхъ, вѣроятно, изъ устнаго преданія; вслѣдствіе этого самое повѣствованіе Руфина вполне оригинально и ново. А такъ какъ преданіе, которымъ пользовался Руфинъ, было довольно чисто, то и самыя показанія Руфина очень авторитетны. Въ силу всего сказаннаго повѣствованіе Руфина о Никейскомъ соборѣ является очень интереснымъ и важнымъ: оно въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ стать въ параллель съ сказаніями современниковъ собора и во всякомъ случаѣ оно выше и интереснѣе сказаній о соборѣ греческихъ церковныхъ историковъ V вѣка, которые не были въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, въ какихъ былъ Руфинъ. Они пользовались только письменными документами и изъ рамокъ этихъ документовъ не могли выдти; между тѣмъ для Руфина была открыта широкая область живаго преданія, изъ котораго онъ могъ получать свѣдѣнія, недоступныя для другихъ писателей. Важность Руфинова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ признавали и сами греческіе историки V вѣка: они многое переносили изъ сказанія Руфина въ свои повѣствованія.

Но самостоятельный источникъ показанія Руфина о Никейскомъ соборѣ, дѣлающій эти показанія важными, цѣнными и интересными, имѣлъ нѣкоторыя и не особенно благоприятныя послѣдствія. Преданіе не всегда бываетъ безупречно, не всегда содержитъ чистую истину: истина здѣсь часто искажается, допускаются неточности, ошибки, а также разнаго рода прикрасы и легенды. Поэтому пользоваться преданіемъ всегда нужно съ крайнею осторожностью, нужно повѣрять получаемыя изъ преданія свѣдѣнія болѣе достоверными источниками; въ противномъ случаѣ легко отеловиться отъ истины. Руфинъ, кажется, не всегда строго держался этого правила; а потому нѣкоторыя показанія его не совсѣмъ точны и достоверны¹⁾. Такъ прежде всего Руфинъ не-

¹⁾ На неточности и погрѣшности Руфиновой исторіи жаловался еще Сокрытъ (церк. ист. II. 1).

точно опредѣляетъ сущность аріанской ереси¹⁾. Сущность аріанства, по Руфину, состояла въ томъ, что Сынъ Божій отдѣлялся и отсѣкался отъ вѣчной и неизреченной субстанціи, или природы Бога Отца²⁾. Это не совсѣмъ вѣрно: и православные ипостасно отдѣляютъ Сына отъ Отца. Сущность ереси Арія состояла не въ томъ, что онъ отдѣлялъ Сына отъ сущности Отца, а въ томъ, что онъ самую сущность Сына признавалъ совершенно отличною отъ сущности Отца, признавалъ Сына не „единосущнымъ“ (*ὁμοούσιος*) Отцу, а иносущнымъ (*ἕτεροούσιος*). Встрѣчаются неточности въ показаніяхъ Руфина и о самомъ соборѣ. Руфинъ говоритъ, что на соборѣ сторону Арія держали 17 человекъ. Это показаніе Руфина едва ли исполнѣ точно. Прежде всего о количествѣ Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ разногласятъ древнія показанія. Бл. Θεодоритъ говоритъ только о 13 епископахъ, заявившихъ себя приверженцами Арія³⁾; Филосторгій же насчитываетъ такихъ епископовъ 22⁴⁾. Списокъ Филосторгія не исполнѣ вѣренъ: онъ включаетъ въ число приверженцевъ Арія 5 такихъ лицъ⁵⁾, которыя, по свидѣтельству Аѳанасія, были сторонниками Никейскаго исповѣданія⁶⁾, но за то онъ и не полонъ сравнительно съ показаніемъ Θεодорита; нѣкоторыхъ лицъ, которыя у Θεодорита помѣщаются въ числѣ аріанъ, нѣтъ у Филосторгія⁷⁾.

¹⁾ Причиною этой неточности, впрочемъ, нужно считать не преданіе, а самого Руфина: онъ, вѣроятно, опредѣлялъ сущность Аріевой ереси на основаніи личнаго знакомства съ аріанствомъ и аріанами, а не по слухамъ и опредѣлялъ неправильно по свойственной всѣмъ западнымъ богословамъ того времени неспособности къ умозрительнымъ богословскимъ тонкостямъ.

²⁾ ... abscidere ac separare ab illa aeterna et ineffabili Dei Patris substantia, vel natura Filium conabatur. Ruf. I. 1. Migne t. 21.

³⁾ Церковная истор. I. 5 и 7 (Migne с. 4 et 6).

⁴⁾ Дополненія къ исторіи Филосторгія кн. V. гл. 7. стр. 425-426.

⁵⁾ Амеіона Сигидонскаго, Леонтія и Лонгіана изъ Каппадокіи, Василія Амасійскаго и Мелетія Севастопольскаго.

⁶⁾ Окружное посланіе къ еписк. Египта и Ливіа ч. I. 412.

⁷⁾ Такъ Филосторгій не указываетъ въ числѣ Аріевыхъ сторонниковъ Тео-

Это разногласіе древнихъ показаній о числѣ аріанскихъ епископовъ на соборѣ подрываетъ довѣріе и къ показанію Руфина. При томъ едва ли и возможно было точно знать число Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ. Не всѣ сторонники аріанской доктрины положительно высказывали свои воззрѣнія и открыто присоединялись къ Арію. Нѣкоторые держались середины между аріанами и православными и замаскировывали свои взгляды двусмысленными выраженіями, не дававшими права прямо причислять ихъ къ сторонникамъ Арія: таковыя, вѣроятно, и не считались въ числѣ аріанъ. Можетъ быть, Руфиново число 17 обозначаетъ только лицъ, открыто высказавшихся на соборѣ въ пользу аріанства, каковы были строгіе аріане во главѣ съ Евсевіемъ Никомидійскимъ. Но и то признать вполне точнымъ и безспорнымъ это число, въ виду указаннаго нами разногласія древнихъ свидѣтельствъ, едва ли возможно. Впрочемъ и самъ Руфинъ не выдаетъ этого числа за несомнѣнно истинное; онъ получилъ это свѣдѣніе не изъ достовѣрныхъ источниковъ, а изъ слуховъ и помѣстилъ его въ своемъ повѣствованіи, кажется, только потому, что не имѣлъ другихъ показаній по этому пункту. Относительно же показанія Руфина о числѣ лицъ, отказавшихся подписать символъ и оставшихся на сторонѣ Арія послѣ его осужденія, нужно замѣтить слѣдующее. Если Руфинъ принимаетъ въ счетъ только епископовъ, то его показаніе, что 6 человекъ остались на сторонѣ Арія, не вѣрно, потому что изъ посланія Константина къ никомидійцамъ¹⁾ и изъ соборнаго посланія къ Александрійской церкви²⁾ видно, что на сторонѣ Арія осталось только два епископа—
Θεона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій и только эти два епископа отказались подписать Никейскій символъ. Если же Ру-

дота Лаодикійскаго, Григорія Берійскаго, Авція Лидскаго (указываемыхъ Θεодоритомъ въ 5 гл. исторіи) и Минофанта Ефесскаго (указ. въ 7 гл.).

1) Θεодоритъ. Церк. ист. I. 20 (Migne с. 19).

2) Сократъ I. 9.

финъ имѣть въ виду не однихъ епископовъ, а и другихъ клириковъ, то мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять его показанію, такъ какъ извѣстно, что кромѣ двухъ епископовъ остались на сторонѣ Арія и нѣкоторые лица низшей іерархіи и вмѣстѣ съ нимъ были сосланы (напр. пресв. Евзой); слѣдовательно, всѣхъ сторонниковъ Арія могло набраться и до 6 человекъ.

Встрѣчаются у Руфина и такія показанія, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ своей достовѣрности. Руфинъ, какъ мы сказали выше, при написаніи своей исторіи имѣлъ въ виду назиданіе и утѣшеніе читателей. Слѣдуя этой цѣли, онъ не съ должною безпристрастностью относился къ такимъ фактамъ, которые слишкомъ подходили подъ его утилитарную цѣль, и часто безъ всякой критики помѣщалъ ихъ въ свою исторію. Не указывая всѣхъ фактовъ такого рода, которые не имѣютъ прямого отношенія къ нашей задачѣ, мы остановимъ свое вниманіе только на одномъ фактѣ, передаваемомъ Руфиномъ, — на спорѣ философовъ съ православными епископами и посрамленіи первыхъ однимъ простымъ, необразованнымъ исповѣдникомъ¹⁾. Этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть признанъ вполне достовѣрнымъ. Прежде всего не совсѣмъ вѣроятно самое участіе языческихъ философовъ въ догматическихъ спорахъ христіанъ. Философамъ не интересно было вести споры. Они, какъ не-христіане, одинаково индифферентно относились какъ къ аріанской доктринѣ, такъ и къ православной и защищать ту или другую имъ не было никакой нужды. Они если и присутствовали на соборѣ, то только ради любопытства, для того, чтобы посмотреть на это новое и небывалое собраніе епископовъ, а вовсе не для спора съ ними. Да и сами православные епископы едва ли бы стали тратить время на споры съ языческими философами, людьми вовсе не-авторитетными въ области христіанскаго вѣрученія: епископы прибыли на соборъ для того,

¹⁾ Разсказъ этотъ помѣщается въ 3 гл. I книги исторіи Руфина.

чтобы точно формулировать церковное учение, а не упражняться въ діалектикѣ. Далѣе, если бы этотъ фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто на соборѣ, то Евсевій Кесарійскій непременно упомянулъ бы о немъ въ своемъ сочиненіи „Жизнь Константина“. Конечно, Евсевій въ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ далеко не безпристрастенъ: онъ о многомъ умалчиваетъ, многое передаетъ неопредѣленно, многое представляетъ въ неистинномъ видѣ; но онъ неправдивъ только въ тѣхъ пунктахъ повѣствованія, гдѣ искренняя передача дѣйствительности не подходила подъ его взгляды; въ остальномъ же онъ правдивъ. Въ частности Евсевію не было никакой нужды обходить глубокимъ молчаніемъ споръ философовъ съ православными епископами. Если даже допустить, что посрамленный философъ былъ сторонникомъ арианства и защищалъ арианскую доктрину (на что нѣсколько уполномочиваетъ контекстъ¹⁾), а слѣдовательно, посрамленіе его было въ нѣкоторой степени посрамленіемъ арианства и всѣхъ арианъ, въ томъ числѣ и самого Евсевія, то и въ такомъ случаѣ Евсевій не умолчалъ бы совершенно объ этомъ фактѣ. Признавая Евсевія сторонникомъ арианства, не расположеннымъ къ православнымъ, мы однако не можемъ отказать ему въ горячей преданности христіанству вообще. Онъ очень неравнодушно относился къ побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ и на всякомъ фактѣ, говорившемъ о торжествѣ и преимуществѣ перваго предъ послѣднимъ, онъ останавливался съ любовью, отмѣчалъ его съ неподдѣльною искренностью и замѣчательною тщательностію. Споръ епископовъ съ философами имѣлъ двѣ стороны. Прежде всего онъ свидѣтельствовалъ о нетвердости собственно арианскихъ воззрѣній, защищать которыя выступили философы²⁾.

1) Cf. Rufin. I. 2. ad finem.

2) Главнымъ и единственнымъ основаніемъ, почему Руфиновыхъ философовъ относятъ къ защитникамъ арианскихъ воззрѣній, оспаривавшихъ исключительно православное учение, а не христіанское вообще, служатъ послѣднія слова 2-й главы, гдѣ Руфинъ говоритъ, что на сторонѣ Арія были люди опытные въ діа-

Этой стороной факта Евсевій, какъ приверженецъ аріанской доктрины, естественно не могъ сочувствовать, а потому могъ опустить ее въ своемъ повѣствованіи. Но этотъ фактъ имѣлъ и другую сторону: онъ говорилъ о превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ и побѣдѣ перваго надъ послѣднимъ, о торжествѣ даже неискускаго въ спорахъ христіанина надъ образованнымъ и опытнымъ въ спорахъ языческимъ философомъ. Эта сторона факта вполне подходила подъ воззрѣнія Евсевія и онъ несомнѣнно отмѣтилъ бы ее въ своемъ повѣствованіи о соборѣ. Равнымъ образомъ Евсевій и какъ панегиристъ Константина и переги его времени не обошелъ бы спора философовъ съ епископами полнымъ молчаніемъ. Этотъ фактъ былъ, такъ сказать, проявленіемъ торжества христіанства надъ язычествомъ, а побѣду христіанства надъ язычествомъ Евсевій выставлялъ, какъ наилучшее украшеніе Константина и его царствованія. Итакъ та сторона факта, которая непріятна была Евсевію, какъ аріанину, не могла заставить Евсевія совсѣмъ умолчать объ этомъ фактѣ. Непріятенъ былъ для Евсевія и весь Никейскій соборъ, однако онъ не умалчиваетъ о немъ; онъ только нѣсколько тенденціозно излагаетъ его исторію. Подобнымъ образомъ онъ поступилъ бы и съ споромъ философовъ: не передалъ бы его въ полномъ истинномъ видѣ, но непременно упомянулъ былъ о немъ. Если же онъ не упоминаетъ, то значитъ этого факта въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ его Руфинъ, и не было.

лекція и чуждавшіеся простоты вѣры. Но эти опытные въ спорахъ люди могли быть и не тождественны съ философами: аріане и сами были люди образованные, а ученіе ихъ показываетъ, что они не довольствовались простою вѣрою, а желали развѣрить послѣднюю въ знаніе. Положимъ, при изложеніи спора Руфинъ употребляетъ слово „наши“ (nostrī) для обозначенія епископовъ, спорившихъ съ философами. Но это слово указываетъ только на то, что съ философами спорили не аріане, а православные. Если же спорившихъ съ епископами философовъ не считать за прямыхъ сторонниковъ аріанства, то нельзя поддѣлать положительна ни одного обстоятельства, почему Евсевій опустилъ такой крупный фактъ, почему онъ не только не передалъ его подробно, но даже и не упомянулъ о немъ.

Конечно, говоря такъ, мы не думаемъ утверждать, что рассказъ Руфина о спорѣ философовъ съ епископами пустая басня, не имѣющая подъ собою никакой исторической подкладки. Фактъ, передаваемый Руфиномъ, самъ по себѣ не невѣроятенъ психологически. Искренность и сила убѣжденія всегда имѣютъ магическую силу надъ умами людей. Поэтому возможно, что зерно Руфинова рассказа составляетъ историческая дѣйствительность. На соборѣ, какъ извѣстно изъ разныхъ источниковъ¹⁾, была очень многочисленная партія епископовъ простыхъ, безъ богословскаго образованія, но за то сильныхъ своею вѣрою и искренностью своихъ убѣжденій, каковы были Пафнуцій, Спиридонъ и др. Понятно, такія лица, безхитростно вѣрующія, но ясно сознающія истинное православное ученіе, сохраняемое всею вселенскою церковію, съ неудовольствіемъ смотрѣли на діалектическія тонкости, употребляемыя при разсужденіяхъ о вѣрѣ. Неудовольствіе простыхъ епископовъ тѣмъ болѣе было естественно, что у нихъ предъ глазами были результаты, къ которымъ ведетъ діалектика въ богословіи: это крайніе выводы аріанской доктрины, совершенно противные духу христіанскаго ученія. При такомъ настроеніи большей части епископовъ очень возможенъ случай, подобный тому, какой передаетъ Руфинъ, съ тою только разницею, что діалектиками были не языческіе философы, а аріане, также искусные въ діалектикѣ. Можетъ быть, когда аріанствующіе члены собора, при помощи діалектики, оспаривали православное ученіе и остроумно доказывали правильность своей доктрины, можетъ быть, въ это время какой-нибудь изъ простыхъ епископовъ, сердцемъ чувствовавшій фальшь аріанскаго лжеумствованія, выступилъ въ качествѣ противника діалектики и своими безыскусственными, но полными искренности и убѣжденія словами (подобными тѣмъ, какія приводитъ Руфинъ) показалъ всю неумѣстность діалектики при разсужденіи о вѣрѣ, чрезъ что вызвалъ одобреніе со сторо-

¹⁾ Rufin. I. 2. Θεοδορίτῃ. Церк. ист. кн. 1. гл. 7. (Migne cap. 6).

ны присутствовавших и устыдил арианъ, слишкомъ полагавшихся на силу діалекческаго искусства. Впослѣдствіи этотъ случай нѣсколько разукрасился и принялъ болѣе конкретную форму: мѣсто арианъ заступили философы, конечно, для того, чтобы придать болѣе значенія силѣ простаго исповѣдника, такъ какъ съ представленіемъ о философѣ обыкновенно связывалось представление объ искусномъ діалектикѣ, котораго трудно побѣдить въ спорѣ, а тѣмъ болѣе убѣдить. Таковой замѣнѣ арианъ философами, вѣроятно, не мало способствовали и аналогичные рассказы о томъ, что св. Антоній Великій спорилъ съ философами и побѣждалъ ихъ простыми и безыскусственными рѣчами¹⁾. Можетъ быть, у отшельниковъ и получило дѣйствительное событіе такой видъ, въ какомъ передаетъ его Руфинъ. Въ пользу нашего предположенія о разукрашенности Руфинова рассказа говоритъ Сократъ. Сократъ передаетъ подобный Руфинову рассказъ о посрамленіи діалектиковъ²⁾. Сущность рассказа Сократъ, вѣроятно, заимствовалъ у Руфина; но онъ передаетъ дѣло почти такъ, какъ изложили его мы, а не такъ, какъ Руфинъ. Чѣмъ объяснить такое отступленіе Сократа отъ источника? Можетъ быть, Сократъ исправилъ рассказъ Руфина на основаніи дошедшаго до него преданія: въ такомъ случаѣ наше предположеніе будетъ довольно обосновано. Но если даже допустить, что Сократъ упростилъ рассказъ Руфина только потому, что усомнился въ полной правдивости его (рассказа), то и въ такомъ случаѣ мы не одиноки съ своимъ мнѣніемъ: Сократа мы все-же будемъ имѣть на своей сторонѣ. При такомъ пониманіи рассказа Руфина легко объяснить и глубокое молчаніе Евсевія о спорѣ епископовъ съ діалектиками. Послѣдній, какъ сторонникъ аrianства, не могъ сочувственно относиться къ посрамленію своихъ единомышленниковъ: ему былъ непріятенъ этотъ фактъ, и потому онъ умолчалъ о немъ при по-

¹⁾ „Жизнь пр. Антонія“. Твор. Аванасія ч. III. стр. 266 и слѣд.

²⁾ Церк. истор. I. 8.

вѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, какъ умолчалъ и о многихъ другихъ фактахъ, не подходящихъ подъ его воззрѣнія.

Кромѣ указанныхъ есть въ повѣствованіи Руфина и другіе недостатки и достоинства. Какъ на недостатокъ повѣствованія Руфина, можно указать на его краткость. Руфинъ мало касается внутренней исторіи собора, не излагаетъ самого хода и порядка засѣданій, не говоритъ, какъ и при какихъ условіяхъ составленъ былъ символъ, каноны и другія опредѣленія собора. Обо всемъ этомъ онъ передаетъ въ самыхъ краткихъ и общихъ словахъ, далеко недостаточныхъ для полнаго воспроизведенія событія, хотя онъ могъ хорошо ознакомиться съ исторією Никейскаго собора и передать ее подробно и обстоятельно. Нѣтъ у Руфина и того обстоятельнаго, подробнаго и краснорѣчиваго описанія внѣшней исторіи собора, какое мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина“. Конечно, краткость повѣствованія мы не можемъ ставить въ большую вину Руфину: онъ, какъ историкъ, поставившій задачей своею изобразить историческое движеніе церковной жизни за большой періодъ времени, не могъ долго останавливаться на отдѣльныхъ событіяхъ и передавать ихъ слишкомъ подробно. Но, разсматривая повѣствованіе Руфина, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, мы все-таки должны отмѣтить краткость, какъ недостатокъ.

При указанныхъ недостаткахъ повѣствованіе Руфина имѣетъ и многія достоинства. Не излагая подробно исторіи Никейскаго собора ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны, повѣствованіе Руфина тѣмъ не менѣе важно и существенно въ томъ отношеніи, что восполняетъ многіе пробѣлы, допущенные въ прежнихъ сказаніяхъ какъ относительно внутренней, такъ и относительно внѣшней исторіи собора, и тѣмъ помогаетъ болѣе полному и правильному воспроизведенію этой послѣдней. Такъ Евсевій въ своемъ сочиненіи „Жизнь Константина“ очень подробно и краснорѣчиво передаетъ внѣшнюю исторію Никейскаго собора. Въ этомъ отношеніи повѣствованіе Руфина никакимъ образомъ не можетъ срав-

няться съ сказаніемъ Евсевія. Но и Евсевій далеко не съ стенографическою подробностію передаетъ дѣло: въ своемъ повѣствованіи онъ допускаетъ значительныя пробѣлы. Для своего разсказа онъ выбиралъ преимущественно такія черты изъ исторіи собора, которыя, такъ сказать, били въ глаза своимъ великолѣпіемъ и торжественностью, которыя поражали читателя своимъ внѣшнимъ величіемъ и вызвали въ немъ слишкомъ идеальное представленіе о времени Константина. Цѣль Руфиновой исторіи состояла въ томъ, чтобы доставить назиданіе и утѣшеніе своимъ читателямъ, пострадавшимъ отъ нападений и опустошеній Алариха. Слѣдуя такой цѣли, Руфинъ останавливается не на величій внѣшней картины собора, которая дѣйствовала только на воображеніе, но не затрогивала чувства, а на нравственной сторонѣ собора и подробно передаетъ тѣ факты изъ исторіи собора, которые говорятъ о могуществѣ вѣры и нравственномъ величій членовъ собора, и тѣмъ восполняетъ пробѣлы, допущенныя Евсевіемъ.

Пополняетъ Руфинъ показанія, касающіяся и внутренней стороны собора. Разсмотрѣнныя нами сказанія о Никейскомъ соборѣ современниковъ его, описывающихъ внутреннюю исторію собора, конечно, полнѣе и обстоятельнѣе Руфиновыхъ показаній. Но они слишкомъ детальны: они излагаютъ только ту или другую часть соборныхъ дѣяній, не давая общаго обзорѣнія соборной дѣятельности. Руфинъ, какъ историкъ, стоитъ на другой точкѣ: онъ не вдается въ детальную передачу событія; но за то онъ даетъ общій планъ соборной дѣятельности, а чрезъ это выдѣляетъ самыя показанія современниковъ. Сообщаетъ Руфинъ и нѣкоторыя частныя свѣдѣнія, опущенныя по тѣмъ или другимъ причинамъ въ повѣствованіяхъ современниковъ собора: въ этомъ также не маловажное значеніе сказанія Руфина, какъ источника исторіи Никейскаго собора.

Наконецъ, какъ на достоинство повѣствованія Руфина, высоко ставящее его, мы должны указать на безпристрастность и искренность его. Руфинъ объективно относится къ описываемому

событію: онъ ни о чемъ намѣренно не умалчиваетъ, ничего намѣренно не извращаетъ; онъ передаетъ тотъ или другой фактъ по возможности ясно и раздѣльно, не прибѣгая къ пустой фразѣ и риторикѣ, не усиливается возвеличить одно и унижить другое. Это достоинство Руфина повѣствованія тѣмъ важнѣе и существеннѣе, что не все современники собора объективно изображали исторію его. Мы видѣли, что Евсевій Кесарійскій описывалъ соборъ далеко не съ объективной точки зрѣнія: ему приходилось жертвовать безпристрастностью историка и какъ стороннику аrianства и какъ панегиристу Константина. Руфинъ при своей безпристрастности исправляетъ показанія Евсевія, совлекаетъ съ нихъ ихъ фальшивую окраску и представляетъ дѣло въ истинномъ видѣ, а бессодержательныя, общія фразы разрѣшаетъ въ раздѣльное изложеніе предмета.

Въ частности изъ повѣствованія Руфина можно заимствовать слѣдующія свѣдѣнія, которыя съ одной стороны касаются новыхъ пунктовъ, не затронутыхъ предыдущими сказаніями, а съ другой — исправляютъ эти послѣднія:

1. Руфинъ говоритъ о созваніи собора императоромъ. Объ этомъ подробно говорится въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина“¹⁾; но говорится не вполне согласно съ истиною. Руфинъ исправляетъ показаніе Евсевія. Онъ говоритъ, что императоръ не самъ по себѣ, не по собственной инициативѣ созвалъ соборъ, какъ утверждаетъ Евсевій, а по внушенію епископовъ²⁾. Показаніе Руфина вполне естественно и сообразно съ истиною. При этомъ Руфинъ и пополяетъ Евсевія. Руфинъ передаетъ, что императоръ приказалъ явиться на соборъ и Арію³⁾. О призваніи на соборъ Арія Евсевій не упоминаетъ, хотя мы въ правѣ ожидать отъ него

¹⁾ III. 5—6.

²⁾ Ille (princeps) ex sacerdotum sententia apud urbem Nicaenam episcopale concilium convocat (с. 1).

³⁾ Arium trecentis decem et octo episcopis residentibus adesse jubet (с. 1).

этого показанія, такъ какъ онъ очень подробно говоритъ о созваніи епископовъ.

2. Руфинъ упоминаетъ о личныхъ несогласіяхъ епископовъ между собою по пріѣздѣ на соборъ. Они стали подавать Константину жалобы другъ на друга ¹⁾). Намекъ на это событіе можно находить и въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина“. Когда Евсевій описываетъ засѣданія собора, то между прочимъ говоритъ: „одни (изъ епископовъ) начали обвинять своихъ ближнихъ, другіе защищались и порицали другъ друга ²⁾). Слѣдовательно, въ достовѣрности Руфинова разсказа сомнѣваться нельзя. Этотъ фактъ впрочемъ не имѣетъ прямаго отношенія къ исторіи собора.

3. Руфинъ ясно и раздѣльно говоритъ о существованіи двухъ партій на соборѣ съ различными религіозными воззрѣніями, даетъ характеристичную православныхъ и аріанъ и въ частности передаетъ разсказы о жизни и чудесахъ двухъ православныхъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, разсказы, не имѣющіе отношенія къ исторіи собора, но не лишніе для иллюстрированія характеристики отцовъ собора. Аѳанасій и Евстаѳій въ своихъ сказаніяхъ говорятъ о существованіи партій на соборѣ; но они не указываютъ численнаго отношенія и характеристическихъ особенностей этихъ партій. Евсевій Кесарійскій даетъ краснорѣчивую характеристику членовъ собора, но вовсе умалчиваетъ о существованіи партій. Руфинъ восполняетъ пробѣлъ и исправляетъ показаніе Евсевія. Онъ очень опредѣленно говоритъ, что когда на соборѣ поднялся вопросъ о вѣрѣ, то между епископами образовались партіи, которыя отстаивали несогласныя между собою мнѣнія: одни изъ членовъ собора стояли на сторонѣ Арія, другіе и притомъ большая часть гнушались Аріева начинанія, какъ нечестиваго ³⁾). Указавъ на партіи, Руфинъ даетъ болѣе опредѣленную и

¹⁾ Ruf. с. 2.

²⁾ III. 13.

³⁾ „Quum in episcoporum concilio de fide quaestio verteretur, et nonnulli

точную характеристику участников собора сравнительно съ характеристикой Евсевія. Сторону православныхъ, по Руфину, составляли лица, знаменитыя не образованіемъ, не искусствомъ въ спорахъ, а силою своей вѣры, своимъ нравственнымъ величіемъ. На сторонѣ православныхъ былъ великій сонмъ исповѣдниковъ¹⁾. Епископъ, выступившій для спора съ философами, былъ мужъ самый простой и ничего иного не зналъ, кромѣ Іисуса Христа распятаго²⁾. Пафнугій Овзайдскій и Спиридонъ Кипрскій, о которыхъ подробно рассказываетъ Руфинъ³⁾, также отличались не ученостью, а великимъ нравственнымъ характеромъ и могущественною вѣрою, прославились не діалектикою, а исповѣдничествомъ и чудотвореніями. А лицъ, подобныхъ Пафнугію и Спиридону, на соборѣ было, по свидѣтельству Руфина, очень много („plurimi in illo concilio fuerunt“) ⁴⁾. Были между православными и образованные епископы, искусные въ діалектикѣ („episcopi nostri viri adaeque in dialectica non improbabiliter eruditi“) ⁵⁾; но эта опытность въ діалектикѣ не была общею и отличительною чертою православной стороны собора: большинство православныхъ составляли исповѣдники и они-то особенно горячо возставали противъ арианскихъ нововведеній („omnes Aarii novitatibus adversabantur“) ⁶⁾. Другимъ характеромъ отличалась партія арианъ. Лица этой партіи чуждались простоты вѣры и вѣру стремились разрѣшить въ знаніе („Faciebant ei [Ario] viri in quaestionibus callidi et ob id simplicitati fidei adversi“) ⁷⁾.

diversa sentirent, ac vehementer coeptis Aarii faverent, plures tamen erant, qui impium execrarentur inceptum“ (с. 2).

1) „en eodem concilio esset confessorum magnus numerus sacerdotum“ (с. 2).

2) „quidam ex confessoribus simplicissimae naturae vir et nihil aliud sciens nisi Iesum Christum et hunc crucifixum“ (с. 3).

3) сар. 4—5.

4) сар. 5.

5) сар. 3.

6) сар. 2.

7) Ibid.

4. Руфинъ дѣлаеть нѣкоторыя пополненія и исправленія предшествующихъ показаній относительно самыхъ засѣданій собора. Такъ онъ указываетъ на Аванасія, какъ на члена православной стороны собора, говорить о неоднократномъ приглашеніи на соборъ Арія („*evocabatur frequenter Arius in concilium*“) и о томъ, что возрѣнія послѣдняго не просто отвергались, но послѣ тщательнаго разбора („*assiduo tractatu assertiones ejus [Arii] discutiebantur*“¹⁾). Указываетъ Руфинъ и, такъ сказать, общій характеръ соборной дѣятельности: соборъ очень тщательно относился къ дѣлу. Епископы не осмѣливались сдѣлать постановленіе о вѣрѣ легкомысленно и неосмотрительно („*facile aut temere*“), но разсуждали съ крайнею осторожностью („*summa cum libratione quaerebatur*“)²⁾. Для этихъ тщательныхъ разсужденій отцы собирались въ продолженіи нѣсколькихъ дней („*per dies singulos agitabatur conventus*“), и только послѣ довольно продолжительныхъ совѣщаній установлено было определенное рѣшеніе („*post diutinum multumque tractatum placet omnibus*“)³⁾. Между тѣмъ изъ предшествующихъ сказаній о соборѣ не видно, что засѣданія собора продолжались нѣсколько дней; но тѣмъ сказаніямъ представляется, что дѣятельность собора была очень непродолжительна: заразъ было осуждено аріанство, заразъ былъ составленъ и утвержденъ символъ. Руфинъ своимъ показаніемъ предохраняетъ отъ такого неправильнаго заключенія. Передаеть Руфинъ и то, что не всѣ члены собора вполне согласились съ Никейскимъ опредѣленіемъ, хотя большинство и не сочувствующихъ Никейскому символу подписалось къ нему вслѣдствіе страха ссылки. Императоръ объявилъ, что противящійся постановленію собора будетъ считаться противникомъ божественнаго постановленія и подверг-

¹⁾ сар. 5.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

нотся изгнанію ¹⁾). Это-то завлеченіе императора и побудило многихъ аріанъ оставить свою партію и подписаться къ символу, но подписаться, конечно, неискренно „*manu sola, non mente*“. Главнымъ представителемъ такого лицемѣрія въ подписи былъ глава строгихъ аріанъ — Евсевій Никомидійскій ²⁾). Пополняя прежнія показанія, Руфинъ даетъ и новыя. Онъ свидѣтельствуеть, что не всѣ даже и рукою только (*manu sola*) согласились подписать Никейскій символъ: нѣкоторые рѣшительно остались на сторонѣ Арія и не согласились приложить къ Никейскимъ опредѣленіямъ свои подписи. Это послѣднее показаніе исправляетъ свидѣтельство Евсевія, который утверждаетъ, что съ Никейскими опредѣленіями согласились всѣ присутствовавшіе на соборѣ.

5. Руфинъ приводитъ самыя постановленія собора догматическія, т. е. символъ съ приложеніемъ анаѳематствованія на Арія, и каноническія; упоминаетъ также о постановленіи собора касательно одновременнаго празднованія Пасхи ³⁾). Символь приведенъ Руфиномъ не по первоначальной и древнѣйшей редакціи; сравнительно съ этою послѣднею въ символѣ Руфина есть нѣкоторыя разности, впрочемъ самыя незначительныя. Такъ къ слову „Господа“ во 2 членѣ прибавлено слово „нашего“ (*nostrum*), котораго нѣтъ въ первоначальной редакціи. Къ слову „*ὁμοούσιος*“ въ символѣ Руфина присоединено объясненіе: „единосущнаго Отцу“, читается у Руфина, т. е. одной и той же сущности съ Отцемъ (*ὁμοούσιον Patri, hoc est ejusdem cum Patre substantia*). Въ выраженіи: „ради насъ чловѣковъ и ради нашего спасенія“ у Руфина пропущено слово „чловѣковъ“, „*propter nos et propter nostram salutem*“. Въ анаѳематствованіи греческое слово „*τρεπ-*

¹⁾ „Cui (sententiae concilii) si quis tentasset abniti, velut contra divina statuta venientem, in exilium se protestatur acturum“ с. 5.

²⁾ Cujus simulationis auctor praecipuae extitit Nicomediae episcopus Eusebius. Ibid.

³⁾ сар. 6.

τόν“ приведено и безъ перевода и въ переводѣ на латинскій языкъ („*τροπτόν, aut convertibilem*“); между тѣмъ слово „тварь“ (κτίστόν) опущено. Къ понятію „церковь“ въ анаеѣматствованіи прибавленъ эпитетъ „апостольская“. Откуда взялись эти различия, положительно отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ. Вѣроятно, пастыри церкви были не слишкомъ ревнивы въ охраненіи самой буквы символа, особенно тамъ, гдѣ незначительныя вербальныя различия не производили никакого измѣненія въ символѣ. Допускать незначительныя вербальныя различия во времена Руфина было тѣмъ естественнѣе, что тогда вербальная сторона Никейскаго символа подверглась уже официальному измѣненію на 2 вселенскомъ Константинопольскомъ соборѣ. Поэтому то и Руфинъ, вѣроятно, не особенно заботился о томъ, чтобы привести въ своей исторіи Никейскій символъ по первоначальной редакціи: онъ привелъ символъ по той редакціи, которая была у него подъ руками¹⁾.

Гораздо больше различій представляютъ каноны Никейскаго собора, приведенные Руфиномъ. Руфинъ приводитъ каноны не въ подлинномъ видѣ, а въ сокращеніи. При этомъ онъ не держится того раздѣленія канонѡвъ, какое было сдѣлано на самомъ соборѣ, или какое, по крайней мѣрѣ, существуетъ во всѣхъ каноническихъ сборникахъ. Нѣкоторыя правила онъ раздѣляетъ на два: такой участи подвергаются каноны: 6 (у Руфина 6 и 7), 8 (у Руфина 9 и 10), 16 (у Руфина 17 и 18) и 19 (у Руфина 21 и 22). Наоборотъ 9 и 10 правила у него соединяютъ

¹⁾ Можетъ быть, Руфинъ пользовался тою редакціею Никейскаго символа, которая находится въ сочиненіи Иларія Пуатьескаго „о соборахъ“ (*de synodis*). Въ этой редакціи есть, какъ и у Руфина, слово „*nostrum*“ въ выраженіи „и во единого Господа“, (*et in unum Dominum nostrum*) и разъясненіе слова „*ὁμοουσιος*“ (*unius substantiae cum Patre, quod graece dicunt homousion*); равнымъ образомъ опущено не только слово „человѣковъ“, но и все выраженіе „ради насъ человѣковъ“ (*Hilarii de synodis t. 10. col. 536. c. 81*). Но рѣшительно утверждать зависимость Руфина отъ Иларія въ данномъ случаѣ нельзя, потому что между Иларіемъ и Руфиномъ есть различіе.

ся въ одно (11-е), а 20 совсѣмъ опускается. Кромѣ того въ 21 правилѣ (по гр. ред. 19) Руфинъ дѣлаетъ измѣненіе смысла подлиннаго греческаго текста. Это правило повелѣваетъ перекрещивать павликіанъ; Руфинъ павликіанъ (или павликистовъ) отождествляетъ съ фотиніанами: „павликисты, которые суть фотиніане“ (Paulinisti, qui sunt Photiniani)¹⁾. Откуда произошли эти разносности въ Руфиновой редакціи канонѣвъ? Мѣ не имѣемъ положительныхъ данныхъ для опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, а потому представимъ только нѣкоторыя догадки. Помѣщая въ своей исторіи каноническія постановленія Никейскаго собора, Руфинъ имѣлъ въ виду передать не точный текстъ ихъ, а только смыслъ; поэтому онъ и не держался строго того раздѣленія правилъ, какое сдѣлано было на самомъ соборѣ; онъ старался главнымъ образомъ передать существенныя мысли того или другаго правила. А такъ какъ съ одной стороны не всѣ правила заключаютъ въ себѣ въ строгомъ смыслѣ слова по одному постановленію, касающемуся исключительно одного предмета, нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ по два постановленія; такъ какъ съ другой стороны есть и такіе случаи, что одинъ и тотъ же предметъ разсматривается въ нѣсколькихъ правилахъ, то Руфинъ, слѣдя за сущностью Никейскихъ правилъ, а не за ихъ формою, нѣкоторыя изъ нихъ, содержащія трактаты о разныхъ предметахъ, дѣлитъ на два, а нѣкоторыя, имѣющія въ виду одинъ и тотъ же предметъ, соединяетъ. Если мы обратимся къ самому содержанию соединенныхъ и раздѣленныхъ Руфиномъ канонѣвъ, то найдемъ здѣсь подтвержденіе своей догадки. Такъ 6-е Никейское правило Руфинъ дѣлитъ на 2 (6 и 7), потому что оно содержитъ въ себѣ, собственно говоря, два постановленія: общее правило и частный случай его примѣненія, именно: въ первой половинѣ 6 правила утверждается общее положеніе, чтобы епископы подчи-

¹⁾ Сар. С. пас. 21.

нялись областному епископу, или митрополиту; во второй половинѣ это общее положеніе раскрывается въ примѣненіи къ частному случаю—къ поставленію епископа: при поставленіи епископа требуется главнымъ образомъ согласіе митрополита, безъ согласія же митрополита поставленіе считается незаконнымъ. Руфинъ раздѣляетъ общее постановленіе отъ частнаго случая его примѣненія: въ 6 правилъ онъ помѣщаетъ одно общее постановленіе объ авторитетѣ митрополита въ его области, частное же постановленіе объ авторитѣ митрополита при избраніи и поставленіи епископа онъ помѣщаетъ въ отдѣльное правило—7-е. Тоже самое, что сказали мы о 6 правилѣ, нужно сказать и о 8, 16 и 19 правилахъ, которыя Руфинъ дѣлитъ на два. Наоборотъ 9 и 10 правила первоначальной редакціи относятся къ одному и тому же предмету и содержатъ въ себѣ одну мысль, что лица, впадшія въ грѣхи, не могутъ быть возведены въ пресвитеры; если они уже возведены, то не должны быть допускаемы до священнослуженія. Различіе состоитъ только въ томъ, что въ одномъ изъ нихъ (9) имѣются въ виду согрѣшившіе вообще, а въ другомъ (10)—падшіе. Руфинъ, преслѣдуя смыслъ правила, а не букву, и соединяетъ 9 и 10 правила въ одно—11. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему Руфинъ не сохранилъ того раздѣленія правилъ, какое было сдѣлано на соборѣ. Труднѣе объяснить опущеніе Руфиномъ 20 правила. Можетъ быть, Руфинъ опустилъ это правило потому, что оно имѣетъ, такъ сказать, церемоніальный характеръ, а можетъ быть и потому, что онъ считалъ его относящимся къ постановленію о Пасхѣ вообще и влѣдствіе этого не счелъ нужнымъ упомянуть о немъ отдѣльно. Что же касается до той поправки, какую допустилъ Руфинъ въ 19 правилѣ, отождествивъ павликіанъ съ фотиніанами, то это легко объяснить сходствомъ ученія тѣхъ и другихъ. Павликіане и фотиніане одинаково отвергали ученіе о Св. Троицѣ и Иисуса Христа признавали простымъ человѣкомъ, не существовавшимъ до рожденія отъ Маріи. Руфинъ, припавъ во вниманіе сходство ереси павликіанъ

и фотинианъ, а также то обстоятельство, что фотинианъ подвергъ анафемѣ второй вселенскій соборъ¹⁾, отождествилъ павликианъ и фотинианъ и опредѣленіе Никейскаго собора, направленное на павликианъ, распространилъ и на фотинианъ. Такъ объясняемъ мы разности Руфиновой редакціи канонѡвъ сравнительно съ первоначальной редакціей. Но, можетъ быть, дѣло происходило проще. Можетъ быть, Руфинъ не самъ былъ виновникомъ этихъ уклоненій отъ первоначальной редакціи: эти уклоненія, можетъ быть, существовали въ томъ экземплярѣ канонѡвъ, какимъ пользовался Руфинъ²⁾.

¹⁾ См. 1 прав.

²⁾ Некоторые ученые ставятъ Руфинову редакцію Никейскихъ канонѡвъ въ зависимость отъ письма папы Иннокентія I и утверждаютъ, что Руфинъ пользовался этимъ посланіемъ при передачѣ канонѡвъ въ своей исторіи. Основаніемъ для такого мнѣнія служитъ то, что въ некоторыхъ каноническихъ коллекціяхъ галльскихъ и испанскихъ Никейскіе каноны, сокращенные, какъ у Руфина, ставятся въ зависимость отъ посланія папы Иннокентія I. Напр. въ Корбианскомъ манускриптѣ (Manuscrite de Corbie № 12097, du fonds latin de la Bibliothèque nationale) сокращенные Никейскіе каноны озаглавливаются такъ: „Capitula canonum de exemplaribus papae Innocentii“. Въ Испанской коллекціи сокращенные каноны имѣютъ аналогичный титулъ: „Capitula Nicaeni concilii data ab Innocentio papa“. При этомъ испанскій авторъ указываетъ и самый источникъ, откуда взяты были сокращенные Никейскіе каноны; въ заголовкѣ этихъ канонѡвъ онъ дѣлаетъ такую пометку: „De epistola Innocentii papae ex concilio Nicaeno“ (Revillout. Concile de Nicée. Dissertation critique. 1881. p. 155). Но съ указаннымъ мнѣніемъ нельзя вполне согласиться. Что испанскія и галльскія коллекціи Никейскихъ канонѡвъ стоятъ въ зависимости отъ посланія папы Иннокентія I, это совершенно вѣрно; но что въ такой же зависимости отъ этого посланія стоитъ и Руфинъ, это очень сомнительно или, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть ничѣмъ доказано. Такое сомнѣніе тѣмъ болѣе естественно, что въ то время, когда писалъ Руфинъ свою исторію, Иннокентій не былъ еще римскимъ папою (онъ вступилъ на папскій престолъ въ 402 году), а слѣдовательно не могъ имѣть и особеннаго авторитета въ глазахъ Руфина. Гораздо вѣроятнѣе представлять дѣло въ обратномъ видѣ и утверждать, что не Руфинъ заимствовалъ сокращенные каноны изъ посланія папы Иннокентія, а что папа Иннокентій I, при которомъ Руфинъ, уже имѣвшій въ то время громкую извѣстность среди западныхъ христіанъ, прибылъ въ Римъ, заимствовалъ сокращенные каноны изъ исторіи Руфина и посредствомъ своего посланія распространилъ ихъ въ Галлію и Испанію. Аналогичный съ этимъ примѣръ представляетъ намъ папа Іоаннъ II (532—535). Онъ послалъ въ своемъ письмѣ серію канонѡвъ въ переводѣ Діонисія Младшаго (Revillout. Concile de Nicée. 1881. p. 155—156).

Одновременно съ Руфиномъ жилъ другой латинскій историкъ Сульпицій Северъ¹⁾. Онъ оставилъ послѣ себя хроникю, которая обнимаетъ періодъ времени отъ мірозданія до 400 года по Р. Х. Въ этой хроникѣ²⁾ Сульпицій Северъ касается и Никейскаго собора. Впрочемъ его показанія такъ кратки и сухи, что изъ нихъ нельзя извлечь ничего новаго для исторіи собора. Онъ говоритъ, что по поводу ереси арианъ, признававшихъ Бога Отца творцомъ Сына, былъ составленъ въ 325 году вселенскій соборъ въ Никеѣ изъ 318 епископовъ, гдѣ ересь Арія была осуждена и православное ученіе принято императоромъ; говоритъ также, что ариане, не осмѣливаясь возражать противъ соборнаго рѣшенія, приняли его и соединились съ церковію, хотя въ груди своей затаили ненависть противъ защитниковъ православія. Вотъ и всѣ показанія Севера. Какъ видно, изъ нихъ ничего нельзя извлечь новаго для исторіи Никейскаго собора. Переходимъ къ обзорѣннѣю показаній о Никейскомъ соборѣ греческихъ историковъ V вѣка.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ Филосторгія и Сократа.

Первое по времени мѣсто среди греческихъ церковныхъ историковъ V вѣка занимаетъ Филосторгій. О Филосторгіи и его сочиненіяхъ не упоминаетъ никто изъ древнихъ писателей до времени патріарха Фотія. Отечествомъ Филосторгія была, кажется, Каппадокія, а временемъ рожденія 364 годъ³⁾. Отецъ Филосторгія назывался Картеріемъ и принадлежалъ къ ереси евномианъ, къ которой присоединился и самъ Филосторгій. Какъ

¹⁾ Сульпицій Северъ родился около 360 года, получилъ хорошее образованіе и занимался адвокатурою. Смерть супруги заставила измѣнить его родъ занятій, и въ 390 году онъ посвятилъ себя монашеской жизни. Умеръ Сульпицій Северъ несмого спустя послѣ 420 года.

²⁾ кн. II.

³⁾ Ceillier. t. III. p. 509.

видно изъ его исторіи, Филосторгій былъ человѣкъ весьма образованный и имѣлъ свѣдѣнія изъ всеѣхъ наукъ, которыми украшалось тогдашнее образованное общество. О времени смерти Филосторгія ничего неизвѣстно; но въ 425 году онъ еще былъ живъ, потомучто до этого года доходитъ его исторія.

Исторія Филосторгія написана въ духѣ аріанства: Филосторгій поставилъ цѣлью своей исторіи доказать истинность аріанства, доказать, что оно древнѣе и правильнѣе православія. Поэтому онъ расточаетъ въ своей исторіи главнѣйшимъ аріанамъ похвалы, приписываетъ имъ мнимо-чудесныя дѣйствія и всю исторію аріанскихъ споровъ представляетъ въ превратномъ видѣ.

Въ полномъ и подлинномъ своемъ изложеніи исторія Филосторгія до насъ не дошла: мы имѣемъ только сдѣланное патріархомъ Фотіемъ сокращеніе изъ нея, да нѣкоторые отрывки, сохраненные другими писателями. Впрочемъ и то, что мы имѣемъ изъ исторіи Филосторгія, даетъ достаточное понятіе о ея содержаніи. Она самимъ Филосторгіемъ раздѣлена была на 12 книгъ и обнимаетъ собою періодъ времени отъ смерти Констанція Хлора, отца Константина Великаго, до начала царствованія Валентиніана III. Въ своей исторіи Филосторгій касается и Никейскаго собора.

Трудъ Филосторгія не можетъ занять виднаго мѣста среди источниковъ исторіи Никейскаго собора съ одной стороны потому, что дошедшіе до насъ отрывки изъ него слишкомъ кратки и незначительны, а съ другой -- потому, что самыя показанія Филосторгія о Никейскомъ соборѣ далеко не безпристрастны: они проникнуты сильной тенденціей представить аріанъ въ наилучшемъ видѣ, а православныхъ очернить. Но при всемъ томъ мы не должны совершенно игнорировать этотъ источникъ уже въ силу правила: „*audiatur et altera pars*“. Конечно, мы не можемъ придавать значенія тѣмъ показаніямъ Филосторгія, гдѣ онъ вопреки истинѣ до крайности восхваляетъ аріанъ и унижаетъ православныхъ; но нѣкоторыя показанія его имѣютъ значеніе: они попол-

няютъ и исправляютъ показанія другихъ писателей и тѣмъ помогаютъ болѣе точному воспроизведенію исторіи Никейскаго собора. Такъ изъ исторіи Филосторгія мы можемъ заимствовать слѣдующія данныя:

1. Филосторгій свидѣтельствуетъ, что еще до Никейскаго собора Александръ Александрійскій, прибывъ въ Никомидію и встрѣтившись съ Осією Кордубскимъ и бывшими съ нимъ епископами, подготовилъ произнесеніе на соборѣ мнѣнія объ исповѣданіи Сына единосущнымъ Отцу и объ отлученіи Арія ¹⁾. Въ полномъ видѣ это показаніе едва-ли можно признать правильнымъ. Внушеніе императору еще до собора рѣшенія о единосущии, а тѣмъ болѣе объ изгнаніи Арія невѣроятно уже потому, что нѣкоторые изъ аріанъ были въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ императоромъ. Противъ этого же показанія говорятъ и то обстоятельство, что императоръ очень благосклонно и внимательно выслушивалъ на соборѣ всѣхъ спорившихъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Евсевій ²⁾. Но изъ этого показанія Филосторгія открывается, что вліятельнѣйшіе православные епископы — Александръ Александрійскій, Осія Кордубскій и нѣкоторые другіе еще до собора сознали необходимость термина „ὁμοούσιος“ для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу и рѣшили отстаивать этотъ терминъ на соборѣ.

2. Филосторгій приводитъ списокъ аріанствующихъ членовъ Никейскаго собора ³⁾. Этотъ списокъ, какъ мы замѣчали ранѣе, нельзя признавать вполне правильнымъ. Но все-же этотъ списокъ не лишенъ значенія: онъ поименно перечисляетъ многихъ аріанствующихъ членовъ собора, которыхъ не указываютъ другіе источники.

3. Филосторгій свидѣтельствуетъ, что только два епископа —

¹⁾ кн. I. гл. 7.

²⁾ „Жизнь Константина“ III. 13.

³⁾ Дополненія къ исторіи Филосторгія изъ Никиты V. 7.

Θεона и Секундъ —отказались подписать Никейскій символъ; остальные же арианскіе епископы — Евсевій Никомидійскій, Θεогнистъ Никейскій, Марисъ Халкидонскій и вся фаланга —присоединились къ собору, хотя „единосущіе“ скрыли въ словѣ „подобосущіе“¹⁾. Вслѣдствіе этого и ссылкѣ сначала подверглись кроми Арія только Θεона и Секундъ; Евсевій же Никомидійскій, Θεогнистъ и Марисъ были сосланы только чрезъ три мѣсяца послѣ собора²⁾, когда они опять открыто возвратились къ арианству.

Сократъ, называемый обыкновенно схоластикомъ, родился въ Константинополѣ въ началѣ царствованія Θεодосія Великаго, какъ думаютъ, около 380 года³⁾. Въ Константинополѣ онъ получилъ и образованіе⁴⁾. Грамматику онъ изучалъ подъ руководствомъ извѣстныхъ въ то время наставниковъ Аммонія и Гелладія⁵⁾; изучалъ науку краснорѣчія и, говорятъ, посѣщалъ школу софиста Троила, какъ можно догадываться объ этомъ по чрезвычайному уваженію, какое онъ питалъ къ этому человѣку, и по тѣмъ похваламъ, какими онъ превозноситъ его въ своей исторіи⁶⁾. Оставивъ школу Троила, Сократъ, говорятъ, сталъ заниматься адвокатурой; но древнихъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ. Фотій, называя схоластиками (по нашему адвокатами) Созомена и Евагрія, не прилагаетъ этого имени къ Сократу⁷⁾. Равнымъ образомъ и въ церковной исторіи Сократа нѣтъ ясныхъ слѣдовъ его юридическаго образованія.

Изъ возрѣвнѣй Сократа считаемъ не лишнимъ отмѣтить двѣ

¹⁾ Сокращеніе исторіи Филосторгіа I. 9. Дополненія къ исторіи Филосторгіа изъ Никиты I. 5. 8.

²⁾ Сокращ. ист. Филост. I. 10. Дополн. изъ Никиты I. 5. 8.

³⁾ Свѣдѣнія о Сократѣ: при русск. перев. его исторіи стр. 1; Ceillier. t. VIII. p. 514; Mign. t. 67. p. 17—26 de vita Socratis.

⁴⁾ Сокр. V. 24.

⁵⁾ Сокр. V. 16.

⁶⁾ Сокр. VII. 1.

⁷⁾ Phot. cod. 28 et 30 p. 6. Migne t. 67. Testimonia veterum col. 27—28.

черты, наложившія свой отпечатокъ на его исторію вообще, на повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ въ частности. Сократъ по своему направленію принадлежалъ къ александрійской школѣ и былъ жаркимъ почитателемъ Оригена. Вслѣдствіе этого онъ въ своей исторіи ведетъ борьбу съ противниками этого знаменитаго учителя и беретъ подъ свое покровительство какъ самого Оригена, такъ и всѣхъ сторонниковъ его. Напр. онъ защищаетъ Евсевія Кесарійскаго, который былъ послѣдователемъ Оригена. Другою чертою Сократа была его нѣсколько излишняя склонность къ новаціанству. Онъ очень интересуется новаціанствомъ, перечисляетъ новаціанскихъ епископовъ и говоритъ о представителяхъ новаціанства съ большимъ уваженіемъ и большими похвалами, чѣмъ какихъ они заслуживали; такъ что нѣкоторые (напр. Vaganius, Philippus Labbeus) считали его за новаціанина ¹⁾.

Извѣстность Сократъ приобрѣлъ своею церковною исторіею. Важнѣйшимъ толчкомъ, который заставилъ взяться Сократа за исторію церкви, можно думать, было появленіе церковной исторіи Руфина, продолжившаго исторію Евсевія. Сократъ захотѣлъ сдѣлать то же для востока, что Руфинъ сдѣлалъ для запада. Планъ Сократа состоялъ просто въ томъ, чтобы продолжить церковную исторію Евсевія. Онъ самъ въ началѣ своего труда говоритъ, что вознамѣрился описать событія церкви съ того времени, на которомъ остановился въ своей исторіи Евсевій, и конецъ исторіи этого послѣдняго принялъ за начало своего повѣствованія ²⁾. Но нѣсколькими сказаніями онъ возвращается назадъ—къ первому году

¹⁾ Это мнѣніе не можетъ быть принято. Многія мѣста исторіи Сократа показываютъ, что онъ не былъ новаціаниномъ. Такъ во II кн. гл. 38 онъ однихъ только православныхъ признаетъ принадлежащими къ церкви, а новаціанъ противопоставляетъ этимъ послѣднимъ („христіане всеобщей церкви и новаціане одинаково были гонимы“; по р. пер. стр. 224). Въ VI кн. гл. 20 и 23 новаціанъ онъ ставитъ въ число еретиковъ вмѣстѣ съ аріанами, македоніанами и евноміанами. Сократъ не могъ бы такъ говорить о новаціанахъ, если-бы самъ принадлежалъ къ новаціанской сектѣ.

²⁾ Сокр. Церк. ист. I. 1.

царствованія Константина для пополненія исторіи Евсевія, такъ что онъ ведетъ свое повѣствованіе отъ 306 г. и продолжаетъ его до 439 г. по Р. Хр. Посвящаетъ онъ часть своего труда и исторіи Никейскаго собора. Повѣствованіе объ этомъ послѣднемъ содержится въ I кн. 5—14 гл. Къ обзорнiю этой части исторіи Сократа мы и перейдемъ.

Источниками при повѣствованіи Сократа о Никейскомъ соборѣ съ одной стороны были разобранныя нами сказанія о Никейскомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго, Аѳанасія Александрійскаго и Руфина, съ другой—новые источники, намъ неизвѣстные, также грамоты и посланія.

Сократъ былъ недоволенъ „Жизнью Константина“. Въ началѣ своей исторіи онъ прямо заявляетъ, что Евсевій не съ должною подробностью и обстоятельностью передалъ церковныя событія времени Константина, особенно арианскіе споры ¹⁾. Дѣлаетъ онъ упреки Евсевію и въ другихъ мѣстахъ своей исторіи ²⁾. Но не смотря на это недовольство сочиненіемъ „Жизнь Константина“, какъ историческимъ произведеніемъ, Сократъ пользовался имъ при своемъ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ и пользовался болѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ источникомъ. Вотъ заимствованія Сократа изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“:

а) Сократъ заимствуетъ у Евсевія изображеніе волненій, какія произведены были въ Египтѣ, особенно въ Александріи, арианскими спорами до Никейскаго собора. Картина Сократа совершенно сходна съ картиною Евсевія. Приведемъ показанія Евсевія и Сократа:

Евсевія:

Сократа:

„Будто отъ искры (т. е. отъ несогласія между епископами) „Малая искра (т. е. несогласія между Александромъ и Арі-

¹⁾ I, 1.

²⁾ I, 10.

воспламенился великій пожаръ и, начавшись какъ-бы съ главы, съ церкви Александрійской, распространился по всему Египту, Ливіи и за предѣлы верхней Оиваиды. Этотъ пожаръ истреблялъ уже и прочія области и города, такъ что не одни предстоятели церквей, какъ видно было, вступали другъ съ другомъ въ словесныя пренія, но и народъ раздѣлялся: одни уклонялись къ одной сторонѣ, другіе — къ другой. Видъ этихъ событій доведенъ былъ до такого неприличія, что досточтимое божественное ученіе подверглось самымъ оскорбительнымъ насмѣшкамъ даже въ языческихъ театрахъ¹⁾.

емъ) превратилась въ великій пожаръ; получивъ начало въ церкви Александрійской, зло распространилось по всему Египту, Ливіи и верхней Оиваидѣ и пожирало уже прочія епархіи и города. Повсюду возникли безпокойства, ибо видно было, что не одни предстоятели церквей поражали другъ друга словами, но раздѣлялся и самый народъ, склоняясь частію на ту, частію на другую сторону (т. е. на сторону православныхъ или на сторону аріанъ), и дѣло дошло до такой нелѣпности, что надъ христіанствомъ стали смѣяться публично, даже въ театрахъ²⁾.

1) Ἀπὸ μικροῦ σπινθήρος μέγα πῦρ ἐξεκάετο, ἄκρας μὲν ὡσπερ ἀπὸ κορυφῆς ἀρξάμενον τῆς Ἀλεξανδρέων Ἐκκλησίας, διαδραμόν δὲ τὴν σύμπασαν Αἰγυπτὸν τε καὶ Λιβύην, τὴν τ' ἐπέκεινα Θηβαΐδα· ἤδη δὲ καὶ τὰς λοιπὰς ἐπενέμετο ἐπαρχίας τε καὶ πόλεις, ὥστ' οὐ μόνους ἦν ἰδεῖν τοὺς τῶν ἐκκλησιῶν προέδρους λόγοις διαπληκτιζομένους, ἀλλὰ καὶ τὰ πλήθη κατατεμνόμενα, τῶν μὲν ὡς τοῦδε, τῶν δὲ πατέροις ἐπικλινομένων. Εἰς τοσοῦτον δὲ διήλασεν ἀτοπίας ἢ τῶν γινομένων θεά, ὥστ' ἤδη ἐν αὐτοῖς μέσοις τῶν ἀπίστων θεάτρους τὰ σεμνὰ τῆς ἐνθέου διδασκαλίας τὴν αἰσχίστην ὑπομένειν γλεύην". De vita Const. lib. II. cap. 61. ad finem. Migne t. 20.

2) Ἀνάπτεται ἀπὸ μικροῦ σπινθήρος μέγα πῦρ. Ἀρξάμενόν τε τὸ κακὸν ἀπὸ τῆς Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίας διέτρεχε τὴν σύμπασαν Αἰγυπτὸν τε καὶ Λιβύην, καὶ τὴν ἄνω Θηβαΐδα· ἤδη δὲ καὶ τὰς λοιπὰς ἐπενέμετο ἐπαρχίας τε καὶ πόλεις. (col. 41). Τὰ πάντα ἦν παραχῆς ἀνάμυστα. Οὐ γὰρ μόνους ἦν ἰδεῖν τοὺς τῶν ἐκκλησιῶν προέδρους λόγοις διαπληκτιζομένους, ἀλλὰ καὶ πλήθη τεμνόμενα· τῶν μὲν ὡς τούτοις, τῶν δὲ πατέροις ἐπικλινομένων. Εἰς τοσοῦτον δὲ ἀτοπίας προέβη τὸ πρᾶγμα, ὥστε δημοσίᾳ καὶ ἐν αὐτοῖς θεάτροις τὸν χριστιανισμὸν γελᾶσθαι". Soerat. Hist. eccles. lib. I. c. 6. col. 52. Migne t. 67 (по рус. пер. стр. 23—24).

в) Сократъ приводитъ половину (вторую) письма Константина къ Александру и Арію ¹⁾, которое приведено въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина“ ²⁾. Можетъ быть, это письмо Сократъ заимствовалъ и не у Евсевія ³⁾; но все-же для насъ, разсматривающихъ повѣствованіе Сократа, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, и оцѣнивающихъ его настолько, сколько оно даетъ новыхъ показаній, письмо Константина у Сократа не имѣетъ значенія, такъ какъ мы познакомились съ нимъ въ сочиненіи Евсевія и можемъ смотрѣть на него, какъ на заимствованіе или, по крайней мѣрѣ, повтореніе того, что сказано Евсевіемъ.

с) Замѣчаніе Сократа о томъ, что посланіе Константина не могло прекратить несогласій въ Александріи, очень близко подходитъ къ словамъ Евсевія по тому же поводу. Вотъ показанія того и другаго:

Евсевіа:

Сократа:

Такъ боголюбезный царь, управляя это писаніе, заботился о мирѣ Божіей церкви! Слугою же его заботливости не только по смыслу посланія, но и въ отношеніи къ особымъ наставленіямъ посланнаго, былъ чловѣкъ отличный, мужъ, какъ сказано, вполне благочестивый. Но дѣло зашло такъ далеко, что его нельзя было уже остановить

Такія-то дивныя и исполненныя мудрости увѣщанія предлагало имъ (т. е. главнымъ образомъ Александру и Арію) царское посланіе. Но не смотря ни на стараніе царя, ни на достоинство отправленнаго съ посланіемъ мужа, зло становилось еще сильнѣе; ибо это посланіе не смягчило ни Александра, ни Арія. Какая-то неопредѣленная

1) Socr. 1. 7. Migne t. 67. col. 57—60; по русск. перев. стр. 26—31.

2) П кн. 69—72 гл.

3) Впрочемъ разностей въ текстѣ письма у Сократа и Евсевія почти нѣтъ.

однимъ посланиемъ: ссора враждующихъ чрезвычайно усилилась и потокъ зла разлился по всѣмъ областямъ востока ¹⁾).

Очевидно все отличіе Сократа отъ Евсевія состоитъ только въ томъ, что первый въ парафразѣ передаетъ показанія второго.

d) Показаніе Сократа о существованіи разногласія касательно празднованія Пасхи, какъ объ одномъ изъ поводовъ для созванія Никейскаго собора, замѣтено изъ сочиненія Евсевія: выраженія Сократа совершенно сходны съ выраженіями Евсевія.

Е в с е в і а :

Появилась также и другая, сильнѣйшая и еще прежде сихъ золь такъ долго свирѣпствовавшая, болѣзнь, появилось разногласіе касательно спасительнаго празднованія Пасхи ³⁾).

С о к р а т а :

Существовала тогда (во время аріанскихъ споровъ) и другая прежняя мѣстная болѣзнь: церкви возмущены были также разногласіемъ касательно празднованія Пасхи ⁴⁾).

¹⁾ Ὁ Θεοφιλὴς ὡδε τὰ πρὸς εἰρήνην τῆς ἐκκλησίας τοῦ Θεοῦ διὰ τῆς καταπεμφθείσης προὔνοι γραφῆς διηκονεῖτο δὲ οὐ τῇ γραφῇ μόνον συμπράττων, ἀλλὰ καὶ τῷ τοῦ καταπέμψαντος νεύματι καλῶς κάγαθός, καὶ ἦν τὰ πάντα θεοσεβὴς ἀνὴρ, ὡς εἴρηται. Το δὲ ἦν ἄρα κρείττον ἢ κατὰ τὴν τοῦ γράμματος διακονίαν, ὡς αὐξήθηναί μὲν ἐπὶ μείζον τὴν τῶν διαμαχομένων ἔριν, χωρηθῆναι δ' εἰς ἀπάσας τὰς ἀνατολικὰς ἐπαρχίας τοῦ κακοῦ τὴν ὄρμην. De vita Const. II. 73. Migne t. 20.

³⁾ Προὔπηρχε δ' ἄρα καὶ ἄλλη τις τούτων πρότερά νόσος ἀργαλειωτάτη ἐκ μακροῦ διεναχλοῦσα, ἣ τῆς σωτηρίου ἑορτῆς διαφωνία. Euseb. de vit. Const. III. 5. Migne t. 20.

²⁾ Τοιαῦτα οὖν θαυμαστὰ καὶ σοφίας μετὰ παρήνει ἢ τοῦ βασιλέως ἐπιστολῇ. Τὸ δὲ κακὸν ἐπικρατέστερον ἦν καὶ τῆς τοῦ βασιλέως σπουδῆς, καὶ ἀξιοπιστίας τοῦ διακονησαμένου τοῖς γράμμασιν οὔτε γὰρ Ἀλέξανδρος, οὔτε Ἀρειος ὑπὸ τῶν γραφέντων ἐμαλάισσοντο, ἀλλὰ τις ἦν ἄκριτος καὶ παρὰ τοῖς λαοῖς ἔρις καὶ ταραχῇ. Socrat I. 8. Migne t. 67. col 60; по русск. пер. стр. 31

⁴⁾ Προὔπηρχε δὲ καὶ ἄλλη τις πρότερα νόσος τοπικῇ, τὰς ἐκκλησίας ταραττούσα, ἣ διαφωνία τῆς τοῦ Πάσχα ἑορτῆς. Socr. I. 8. Migne t. 67. col. 60; по русск. пер. стр. 31.

Впрочемъ нужно замѣтить, что далѣе Сократъ не слѣдуетъ показанію Ев-

е) О созваніи епископовъ на соборъ грамотами императора Сократъ говоритъ словами Евсевія, выпуская лишь нѣкоторыя чисто риторическія украшенія послѣдняго. Вотъ слова того и другаго:

Е в с е в і я :

С о к р а т а :

Константинъ, понявъ, что посланное имъ въ Александрію письмо осталось безъ исполненія, тотчасъ размыслилъ самъ съ собою и рѣшилъ, что по этому случаю должно идти новою войною противъ тайнаго врага, возмущавшаго церковь (гл. 5). Потомъ царь созвалъ вселенскій соборъ, почтительными грамотами отовсюду приглашалъ епископовъ... Назначенъ былъ и городъ, приличный для собора; этотъ городъ, сомненный побѣдѣ, былъ Никея, что въ Виоиніи ¹⁾).

Видя, что церковь возмущается тѣмъ и другимъ зломъ (т. е. аріанскими спорами и разногласіемъ касательно празднованія Пасхи), царь своими грамотами приглашалъ всѣхъ епископовъ съѣхаться въ Никею, городъ Виоиніи, и составилъ изъ нихъ вселенскій соборъ ²⁾).

севія; о значеніи и объемѣ разногласія касательно времени празднованія Пасхи онъ говоритъ независимо отъ Евсевія (объ этомъ мы скажемъ ниже). Даже и въ приведенномъ мѣстѣ Сократъ нѣсколько отличается отъ Евсевія: разногласіе о Пасхѣ онъ называетъ болѣзнию мѣстною (τοπική νόσος), какового ограниченія нѣтъ у Евсевія.

¹⁾ Κωνσταντῖνος ἐπειδὴ... τό τε καταπεμφθὲν αὐτῷ γράμμα τοῖς κατὰ τὴν Ἀλεξάνδρειαν ἀπρακτὸν ἑώρα, τότε αὐτὸς αὐτοῦ τὴν διάνοιαν ἀνακινήσας, ἄλλον τοῦτον καταχωμισέσθαι δεῖν ἔφη τὸν κατὰ τοῦ

²⁾ Δι' ἀμφοτέρω τῶν ὁρῶν ὁ βασιλεὺς παραττομένην τὴν ἐκκλησίαν, σύνδοον οἰκουμενικὴν συνεκρότει τοὺς πανταχῶθεν ἐπισκόπους διὰ γραμμάτων εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας ἀπαντήσαι παρακαλῶν.

г) Описаніе епископовъ, съѣхавшихся въ Никею, которое слѣдуетъ за приведенными словами, Сократъ просто дословно заимствовалъ у Евсевія; впрочемъ онъ самъ отмѣчаетъ это заимствование. Сократъ приводитъ здѣсь цѣлыя три главы (7—9) изъ сочиненія Евсевія ¹⁾. Но приводя дословно показанія Евсевія, Сократъ дѣлаетъ одну поправку въ опредѣленіи числа съѣхавшихся на соборъ епископовъ. Евсевій говоритъ, что епископовъ на соборѣ „было болѣе двухъ сотъ пятидесяти“ ²⁾. Сократъ число 250 перемѣняетъ на 300: „на соборѣ находилось множество епископовъ, пишетъ онъ, числомъ болѣе трехъ сотъ“ ³⁾. Въ объясненіе этого измѣненія Сократомъ Евсевіева показанія замѣтимъ слѣдующее. Безъ сомнѣнія Сократъ измѣнилъ числовое показаніе Евсевія потому, что считалъ его очень неточнымъ; свое же показаніе о числѣ епископовъ онъ вѣроятно, заимствовалъ изъ посланія императора Константина Александрійской церкви, которымъ пользовался и которое привелъ въ своей исторіи ⁴⁾; въ этомъ посланіи число епископовъ, бывшихъ на соборѣ, опредѣляется именно въ 300 ⁵⁾.

ταράττοντος τὴν ἐκκλησίαν ἀφανοῦς ἐχθροῦ πόλεμον. Εἶτε... σύνοδον οἰκουμένην συνεκρότει, σπεύδειν ἀπανταχόθεν τοὺς ἐπισκόπους γράμμασι τιμητικοῖς προκαλοῦμενος... "Ὤριστο δὲ καὶ πόλις ἐμπρέπουσα τῇ συνόδῳ νίκης ἐπάνομος, κατὰ τὸ Βιβλωνῶν ἔθνος, ἢ Νίκαια". De vita Const. III. 5—6.

Socr. I. 8. Migne t. 67, col. 60--61; по рус. пер. стр. 32.

¹⁾ Сократъ гл. 8. стр. 32—34 (col. 61). Евсев. III. 7—9; стр. 172—174 (col. 1060—1064).

²⁾ Ἐπισκόπων πληθὺς ἦν πενήτηντα καὶ διακοσίων ἀριθμὸν ὑπερακοντίζουσα" (сар. 8, lib. III).

³⁾ Ἐπισκόπων πληθὺς τριακοσίων ἀριθμὸν ὑπερακοντίζουσα ἦν (сар. 8. col. 61; стр. 33).

⁴⁾ Кн. I. гл. 9.

⁵⁾ Впрочемъ здѣсь, можетъ быть, имѣла вліяніе на Сократа и другія древнія показанія, гдѣ число Никейскихъ отцовъ приблизительно опредѣляется тоже въ триста: таковы показанія Аванасія Александрійскаго (de Nic. descr. t. 25.

h) О собраніи епископовъ на торжественное засѣданіе собора и о приходѣ царя Сократъ говоритъ словами Евсевія, хотя гораздо короче послѣдняго. „Всѣ епископы сошлись въ одно мѣсто, пишетъ Сократъ, а послѣ нихъ явился и царь. Вошедши онъ сталъ среди ихъ и не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его. Такое-то вниманіе и уваженіе къ симъ мужамъ обладало душою царя. Тутъ сперва настала приличная времени тишина“ ¹⁾. Приведенныя слова Сократа представляютъ собою не что иное, какъ краткое изложеніе 10 и 11 гл. III кн. сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ съ удержаніемъ большей части выраженной подлинника: у Евсевія говорится и о собраніи епископовъ въ одно мѣсто и о приходѣ послѣ нихъ царя и о безмолвіи епископовъ въ ожиданіи рѣчи царя. Но у Сократа есть различіе отъ Евсевія: по Евсевію, императоръ, пришедши на соборъ, сѣлъ не прежде, какъ далъ знакъ садиться епископамъ ²⁾; между тѣмъ, по Сократу, императоръ „не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его“.

i) Рѣчь императора Константина на соборѣ Сократъ приводитъ не въ подлинномъ видѣ, а въ свободномъ парафразѣ: онъ передаетъ только содержаніе рѣчи. Вторая половина этого содержанія изложена приблизительно подлинными словами рѣчи, приведенной въ сочиненіи Евсевія (первая половина соотвѣтствуетъ другой рѣчи, которая приведена у Руфина въ церковной исторіи) ³⁾.

col. 428. c. 3; Apologia contra arianos t. 25. col. 285. c. 23; col. 289. c. 25. Hist. arian. ad mon. t. 25. col. 773. c. 67. De synodis t. 26. col. 768. c. 43. et cet), сочиненіями котораго пользовался Сократъ.

¹⁾ Πάντες ἄμα οἱ ἐπίσκοποι εἰς ἓνα τόπον συνήχοντο. Παρῆαι δὲ καὶ ὁ βασιλεὺς μετ' αὐτοῦς. Καὶ ἐπεὶ παρῆλθεν, εἰς μέσους ἕστη; καὶ οὐ πρότερον καθίσειν ἤρεῖτο, πρὶν ἂν οἱ ἐπίσκοποι ἐπινεύσειαν. Τισαύτη τις εὐλόγησα καὶ αἰδώς τῶν ἀνδρῶν τὸν βασιλέα καταΐχεν. Ἐπεὶ δὲ καὶ πρότερον τῷ καιρῷ ἡσυχία ἐγένετο (I. S. col. 64. стр. 35).

²⁾ „ὄ πρότερον ἢ τοὺς ἐπίσκοπους ἐπινεύσαι ἐκάθισε“ lib. III. c. 10.

³⁾ Сократъ гл. 8. стр. 35 (col. 65); сл. 12 гл. III кн. „Жизнь Константина“.

в) 13-ю гл. и начало 14 гл. III кн. сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“, гдѣ говорится о спорахъ епископовъ на соборѣ, объ умиротворяющей дѣятельности Константина и о постановленіяхъ собора касательно вѣры и одновременнаго празднованія Пасхи, Сократъ цѣликомъ переноситъ въ свою исторію, заявляя, впрочемъ, что это описаніе Евсевія ¹⁾).

1) Наконецъ, изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ Сократъ перенесъ въ свою исторію посланіе императора Константина къ церквамъ о Никейскомъ соборѣ ²⁾). Вотъ заимствованія Сократа изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“.

Посланіе Евсевія Кесарійскаго къ паствѣ Сократъ приводитъ въ полномъ видѣ ³⁾).

Сочиненіями Аѳанасія Александрійскаго Сократъ пользовался при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, кажется, очень мало. Съ вѣроятностью можно указать только на одно мѣсто изъ исторіи Сократа, какъ на заимствованное у Аѳанасія, — на показаніе о дѣятельности Аѳанасія на Никейскомъ соборѣ. Вотъ показанія Сократа и Аѳанасіевой апологіи, гдѣ объ Аѳанасіи говоритъ Египетскій соборъ:

а п о л о г и и :

С о к р а т а :

„Аѳанасій весьма часто бывалъ при епископѣ Александрѣ и имъ былъ уважаемъ. Когда же аріане увидѣли и опытъ его

Противъ нихъ (аріанъ) мужественно подвизался Аѳанасій, который, хотя былъ діакономъ Александрійской церкви, но поль-

¹⁾ Сократъ. I. 8. стр. 35—36; col. 65.

²⁾ Сократъ. 9 гл. I кн. стр. 54—58. Migne col. 89—93. Евсевія „Жизнь Константина“ III кн. гл. 17—20. Текстъ посланія у Сократа не представляетъ почти никакихъ разностей съ текстомъ посланія у Евсевія.

³⁾ Сократъ. гл. 8. стр. 39—45; col. 69—77. Относительно редакціи Евсевіева посланія у Сократа нужно замѣтить, что она не вполне исправна. Такъ въ текстѣ Никейскаго символа есть прибавки, какихъ нѣтъ въ редакціи, сохра-

(Аванасія) благочестивой вѣры зовался особеннымъ уваженіемъ во Христа на соборѣ, сошедшемся въ Никеѣ, гдѣ съ дерзновеніемъ возставалъ онъ противъ нечестія аріанъ, тогда еще болѣе возрасла ихъ ненависть¹⁾. епископа Александра и тѣмъ возбудилъ противъ себя ненависть²⁾.

Другихъ заимствованій изъ сочиненій Аванасія въ исторіи Сократа указать нельзя³⁾.

Изъ исторіи Руфина Сократъ, какъ и изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“, очень много перенесъ въ свое повѣствованіе. Сначала двѣ первыя книги своей исторіи (въ которыхъ находится и повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ) Сократъ

ненной въ приложеніи къ посланію Аванасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“. Напр. къ слову „церковь“ въ апологетическомъ редакціи Сократа прибавлено слово „апостольская“ (ἀποστολική), а въ латинскомъ переводѣ (у Миня) и въ русскомъ еще слово „свята“ (sancta). Кроме указанныхъ есть и другія разности между Сократовою и Аванасіевою редакціями Евсевіева посланія, впрочемъ разности не особенно значительныя (онѣ отмѣчены у Миня).

1) Ἐπειδὴ τὰ πλεῖστα συνόντα Ἀλεξάνδρῳ τῷ ἐπισκόπῳ πολυπραγμονούντες αὐτὸν ἤκουον, καὶ τιμώμενον παρ' αὐτοῦ. Πείραν δὲ αὐτοῦ καὶ τῆς εὐσεβείας τῆς εἰς Χριστὸν λαβόντες ἐκ τῆς συνόδου τῆς κατὰ Νίκαιαν συγκροτηθείσης, ἐν οἷς ἐπαρήρσιάζετο κατὰ τῆς ἀσεβείας τῶν Ἀρειομανιτῶν, μαιζόνως τὸ μῖσος ἤϊξαν. Apol. contra arianos. Migne t. 25. col. 257. c. 6. Твор. ч. I. стр. 197--198.

2) Τοῦτοις δὲ γενναίως ἀντιγωνίζετο Ἀθανάσιος διάκονος μὲν τῆς Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίας. Σφόδρα δὲ αὐτὸν διὰ τιμῆς ἤγεν Ἀλέξανδρος ὁ ἐπίσκοπος διὸ καὶ φθόνος ὀπλίσατο κατ' αὐτοῦ“ Socr. I. 8; col. 64; русск. пер. стр. 34.

Приведеннымъ показаніемъ Аванасіевоу апологія, какъ мы замѣчали ранѣе, пользовался и Руфинъ. Но на показанія Сократа нужно смотрѣть, какъ на заимствованное прямо изъ сочиненія Аванасія, а не чрезъ посредство Руфина, потому что показаніе перваго по буквѣ ближе подходитъ къ оригиналу, чѣмъ показаніе послѣдняго.

3) Сократъ приводитъ въ своей исторіи окружное посланіе Александра Александрійскаго къ католической церкви (гл. 6), которое приводитъ, какъ мы видѣли, и Аванасій (Migne t. XVIII). Но никакъ нельзя утверждать, что Сократъ пользовался Аванасіевою редакціей этого посланія. Въ Аванасіевоу редакціи 5 сторонниковъ Арія называются пресвитерами, у Сократа сторонники

просто написал по Руфину¹⁾, не производя никаких новых изысканий. Положимъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что Руфинъ допускаетъ много ошибокъ, особенно въ хронологіи, а потому началъ провѣрять его рассказы тѣми извѣстіями, какія онъ нашелъ въ твореніяхъ Аванасія и письмахъ частныхъ лицъ — современниковъ описываемыхъ событій, и сдѣлалъ новую редакцію первыхъ двухъ книгъ своей исторіи²⁾. Но и въ этой окончательной редакціи онъ оставилъ многое заимствованное изъ исторіи Руфина. Вотъ заимствованія Сократа изъ исторіи Руфина: а) Сократъ переноситъ въ свою исторію рассказъ Руфина о посрамленіи искусныхъ въ діалектикѣ лицъ однимъ простымъ неовѣдникомъ³⁾. Положимъ, у Сократа здѣсь есть разности сравнительно съ показаніемъ Руфина. Такъ Сократъ говоритъ только о мірянахъ, искусныхъ въ діалектикѣ („*λαϊκοὶ διαλεκτικῆς ἔμπειροι*“), а Руфинъ — о философахъ язычникахъ. Далѣе, по Сократу, діалектики показывали омыты своихъ рѣчей черни; между тѣмъ, по Руфину, философы спорили съ епископами (*cum episcopis nostris*). Наконецъ, по Сократу, посрамленные діалектики только сдѣлались благоразумнѣе и замолчали, а по Руфину, посрамленный философъ обратился въ христіанство (*philosophus christianus effectus est*). Но эти разности не столь значительны, чтобы препятствовали видѣть въ данномъ случаѣ зависимость Сократа отъ Руфина. Сократъ только упростилъ рассказъ Руфина. Наше мнѣніе

Арія (кромя Θεοῦ и Секунда епископовъ) не раздѣляются по степенямъ священства. Далѣе, въ Аванасіевой редакціи есть списокъ египетскихъ пресвитеровъ, подписавшихся къ осужденію Арія и его сторонниковъ на Александрійскомъ соборѣ; у Сократа такого списка нѣтъ. Впрочемъ, Сократъ имѣлъ особый экземпляръ этого посланія и пользовался имъ независимо отъ Аванасія. Точно также независимо отъ Аванасія пользовался онъ и посланіемъ Евсевія Кесарійскаго, потому что текстъ посланія у Сократа и Аванасія представляетъ не мало разностей, хотя нѣкоторые (Jeep. Quellen Untersuchungen zu den Griechischen Kirchenhistorikern. Leipz. 1884 г. s. 110) и утверждаютъ противное.

¹⁾ Сократъ. II. 1.

²⁾ Ibid.

³⁾ Socrat. I, 8, col. 64 (стр. 34), cf. Rufin. I. 3.

поддерживаетъ и Валезій, извѣстный комментаторъ исторіи Сократа. „Этотъ рассказъ, говоритъ Валезій, Сократъ, кажется, заимствовалъ (hausisse) изъ 10 кн. (первой самостоятельно написанной) Руфина, въ которой онъ рассказываетъ о Никейскомъ соборѣ. Но Сократъ нѣчто съ намѣриемъ измѣнилъ“¹⁾. Не думаемъ отказываться отъ этого мнѣнія и мы.

б) Сократъ переноситъ въ свою исторію и повѣствованіе Руфина о томъ, что епископы подавали Константину жалобы другъ на друга и что Константинъ не читая сожегъ всѣ эти жалобы²⁾. Есть и здѣсь у Сократа разности по сравненію съ Руфиномъ, но эти разности — результатъ только свободного парафраза. Сократъ рассказываетъ объ этомъ фактѣ болѣе кратко, чѣмъ Руфинъ, и вмѣсто подлинныхъ словъ Константина приводитъ только сущность ихъ.

в) Рассказъ Руфина о Пафнугіи Фиваидскомъ и Спиридонѣ Тримифунтскомъ Сократъ почти дословно переноситъ въ свою исторію³⁾. При этомъ Сократъ самъ замѣчаетъ, что онъ заимствовалъ рассказъ о Спиридонѣ изъ исторіи Руфина.

Пользуясь въ большихъ размѣрахъ намъ извѣстными сказаніями о Никейскомъ соборѣ, Сократъ имѣлъ подъ руками много и новыхъ источниковъ, относящихся къ Никейскому собору. Къ этому разряду относятся:

Грамоты и посланія императора и епископовъ. Сократъ жилъ въ Константинополѣ, столицѣ византійскихъ императоровъ и центрѣ государственной жизни, гдѣ, конечно, хранились всѣ официальные документы; слѣдовательно, Сократу удобно было пользоваться разными грамотами и посланіями, гораздо удобнѣе, чѣмъ напр. Руфину, жившему сначала среди египетскихъ и палестинскихъ отшельниковъ, а потомъ на западѣ — въ отдаленіи отъ

1) Valesii annotationes. Migne t. 67. col. 64.

2) Ruf. c. 2; Сокр. гл. 8. стр. 35. col. 64.

3) Сокр. гл. 11—12; cf. Ruf. I, c. 4—5.

центра государственной жизни. И дѣйствительно, у Сократа было, кажется, очень много документовъ этого рода, т. е. грамотъ и посланій. Онъ многія посланія приводитъ въ своей исторіи. Такъ кромѣ посланій императора Константина къ Александру и Арію до собора и къ церквамъ послѣ собора Никейскаго, посланія Евсевія къ кесарійцамъ и окружнаго посланія Александра Александрійскаго къ каеволической церкви по поводу низложенія Арія на Александрійскомъ соборѣ, кромѣ этихъ посланій, Сократъ приводитъ слѣдующія посланія въ своей исторіи: а) соборное посланіе къ церкви Александрійской и прочимъ церквамъ Египта объ опредѣленіяхъ собора и о низложеніи Арія и его единомышленниковъ¹⁾; б) посланіе императора Константина къ Александрійской церкви²⁾; с) посланіе Константина къ епископамъ и народамъ³⁾ и d) покаянную грамоту Евсевія Никомидійскаго и Θεогниса Никейскаго⁴⁾. Имѣлъ Сократъ подъ руками и другія посланія. Приведа въ 9 главѣ нѣкоторыя посланія императора, Сократъ продолжаетъ: „писалъ царь и другія посланія въ родѣ рѣчей противъ Арія и его единомышленниковъ... Но такъ какъ эти посланія длинны, то я призналъ излишнимъ дать имъ мѣсто въ своей исторіи“⁵⁾.

Экземпляръ постановленій Никейскаго собора въ редакціи Аванасія Александрійскаго. Этотъ источникъ Сократъ указываетъ самъ. Перечисливъ нѣкоторыхъ епископовъ, участвовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, Сократъ замѣчаетъ: „присутствовали на Никейскомъ соборѣ и прочіе, имена которыхъ вполне значатся въ сборникѣ Александрійскаго епископа Аванасія“⁶⁾. Очевидно, что и самъ Сократъ имѣлъ подъ руками этотъ сбор-

1) гл. 9. стр. 45—49. col. 77—84.

2) гл. 9. стр. 50—53. col. 84—88.

3) гл. 9. стр. 53—54. col. 88—89.

4) гл. 14.

5) гл. 9.

6) гл. 13.

никъ (который былъ не что иное, какъ экземпляръ соборныхъ опредѣленій), иначе онъ не сталъ бы отсылать къ нему своихъ читателей. Къ этому же предположенію приводятъ и дальнѣйшія слова Сократа о времени Никейскаго собора. Сократъ говоритъ: „что же касается до времени собора, то самая помѣтка его показываетъ (ὡς ἐν παρασημείωσιν εὔρομεν), что онъ состоялся въ консульство Павлина и Юліана“¹⁾). Слово „παρασημείωσις“ обозначаетъ хронологическую дату, или помѣтку, которая ставилась на актахъ официального характера²⁾). Слѣдовательно, Сократъ имѣлъ точный списокъ соборныхъ опредѣленій, который носилъ на себѣ хронологическую дату, иначе онъ не сталъ бы указывать на помѣтку (παρασημείωσιν), какъ на показаніе о времени собора.

Соборные акты, собранные македоняниномъ Савиномъ. Сократъ самъ неоднократно ссылается на эти акты³⁾). Что это былъ за трудъ, представлялъ ли онъ изъ себя простой сборникъ соборныхъ актовъ или что-то въ родѣ исторіи соборовъ, опредѣленно неизвѣстно, такъ какъ трудъ этотъ до насъ не дошелъ и всѣ свѣдѣнія о немъ мы получаемъ только изъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣтокъ самого Сократа. Но если принять во вниманіе полемику Сократа съ Савиномъ, гдѣ первый обвиняетъ послѣдняго въ неправильной передачѣ фактовъ, въ неправильной характеристикѣ тѣхъ или другихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ соборамъ⁴⁾), то болѣе основаній полагать, что трудъ Савина былъ не простымъ собраніемъ соборныхъ постановленій, а чѣмъ-то въ родѣ исторіи, что Савинъ, приводя тѣ или другіе документы, снабжалъ ихъ и различнаго рода критическими замѣчаніями. Въ

1) гл. 13.

2) Съ такимъ именно значеніемъ слово „παρασημείωσις“ употреблено и Евсеіемъ въ церковной исторіи кн. I. гл. 9: „ἐν οἷς πρῶτος αὐτοῦς ὁ τῆς παρασημείωσεως χρόνος τῶν πεπληρότων ἀπελέγηται τὸ ψεῦδος“ Migne t. 20. gr. ser.

3) гл. 8. стр. 36—37. col. 65—68; гл. 9. стр. 53, col. 84.

4) Ibid. см. также IV, 22.

противномъ случаѣ Сократу не зачѣмъ было бы полемизировать съ Савиномъ. Что же касается того, насколько зависимъ Сократъ въ своемъ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ отъ труда Савина, то этотъ вопросъ рѣшаются различно. Исепъ старается доказать, что Сократъ очень много заимствовалъ изъ труда Савина для своей исторіи ¹⁾. Но это едвали такъ, и кажется, можно съ правомъ утверждать противное. Какъ видно изъ замѣчаній Сократа ²⁾, Савинъ далеко недобросовѣстно и небезпристрастно изложилъ дѣянія Никейскаго собора. „Въ этой вѣрѣ (Никейской), говоритъ Сократъ, иное онъ (Савинъ) произвольно выпустилъ, иное извратилъ, а все вообще больше направилъ къ своей цѣли“. Сократъ, не сочувствуя искаженіямъ Савина, конечно, не имѣлъ нужды пользоваться собраніемъ послѣдняго, какъ положительнымъ источникомъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ подъ руками другой, совершенно исправный экземпляръ соборныхъ опредѣленій въ синодикѣ Аѳанасія Александрійскаго. Притомъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу того, что собраніе Савина не было положительнымъ источникомъ для Сократа при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, служить слѣдующее обстоятельство. Почти всѣ показанія о Никейскомъ соборѣ заимствуются Сократомъ или изъ болѣе раннихъ сказаній, намъ извѣстныхъ, или изъ документовъ оффиціального характера, большую часть которыхъ (документовъ) онъ приводитъ въ подлинникѣ. Тѣже показанія, источники которыхъ съ достовѣрностью неизвѣстны, такого свойства, что не могутъ считаться за заимствованныя изъ собранія Савина. Савинъ, какъ можно заключать изъ замѣчаній Сократа, былъ очень невысокаго мнѣнія о Никейскомъ соборѣ и его участникахъ; надъ отцами Никейскими напр. онъ смѣялся, какъ надъ людьми поверхностными и простоватыми (*ὡς ἀρελείς καὶ ἰδιώτας διέσσυρε*) ³⁾. Но

¹⁾ Quellen Untersuchung zu den Griech. Kirchenhistor. s. 114—116.

²⁾ кн. I. гл. 8. стр. 36—37.

³⁾ кн. I. гл. 8. стр. 37. col. 65.

Сократъ былъ не такого мнѣнія о Никейскомъ соборѣ, и мы не видимъ у него ни одного показанія вообще, въ частности изъ числа тѣхъ, источникъ которыхъ неизвѣстенъ, которое бы подходило подъ воззрѣнія Савина и могло быть приписано послѣднему. Въ одномъ только пунктѣ можно, пожалуй, допустить вліяніе Савина на Сократа, именно въ уваженіи Сократа къ Евсевию Кесарійскому и въ томъ довѣрїи, съ какимъ онъ пользуется сказаніями послѣдняго о Никейскомъ соборѣ. Савинъ былъ высокаго мнѣнія объ Евсевиіи и хвалилъ его, какъ свидѣтеля достовѣрнаго ¹⁾. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого взгляда и Сократъ слишкомъ довѣрялъ Евсевию; но только можетъ быть, потомучто для уваженія Евсевія у Сократа была и другая причина, которую мы указали ранѣе.

Можно съ увѣренностью полагать, что Сократъ кромѣ неречисленныхъ имѣлъ подъ руками и другіе источники, какъ напр. исторію Филосторгія, исторію Филиппа Сидета, которая, по словамъ Сократа, была очень обширна, доходила до 1000 томовъ ²⁾, и нѣкоторые другіе. Но опредѣлить зависимость Сократа отъ этихъ источниковъ съ точностью нельзя, потомучто объ этихъ источникахъ мы знаемъ очень немного.

Кромѣ письменныхъ сказаній и документовъ въ качествѣ источника при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ служило для Сократа и устное преданіе. Сократъ жилъ довольно много спустя послѣ Никейскаго собора, притомъ жилъ въ такое время, когда память объ этомъ соборѣ должна была значительно ослабѣть. Никейскій вселенскій соборъ во времена Сократа не былъ уже явленіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ, безпримѣрнымъ въ исторіи христіанской церкви, какимъ онъ считался до послѣдней четверти IV столѣтія. Современники Сократа знали о 2 вселенскомъ соборѣ — Константинопольскомъ и 3 — Ефесскомъ, а потому Никей-

¹⁾ Сокр. I. 8; стр. 37, col. 65.

²⁾ кн. VII. 27.

скій соборъ не производилъ на нихъ такого исключительнаго обаянiя, какое онъ производилъ въ IV вѣкѣ. Но не смотря на все это, Сократъ, благодаря счастливой случайности, могъ пользоваться и дѣйствительно пользовался преданiемъ. Сократъ зналъ одного старца Авксанона, новаціанскаго пресвитера, который дожилъ до царствованiя Θεодосiя Младшаго. Авксанонъ вмѣстѣ съ Акесiемъ, новаціанскимъ епископомъ, присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ и потомъ рассказывалъ Сократу, когда послѣднiй былъ еще очень молодымъ, о нѣкоторыхъ событiяхъ, имѣвшихъ мѣсто на соборѣ ¹⁾. Какiя свѣдѣнiя Сократъ заимствовалъ у Авксанона, это, кажется, можно опредѣлить безошибочно. Авксанонъ былъ новаціаниномъ и рассказывалъ Сократу, по его собственному сознанию, что касалось Акесiя и Евтихiана ²⁾, лицъ новаціанской секты. Вѣроятно, только эти рассказы Сократъ и заимствовалъ изъ преданiя. Къ этому заключенiю приводитъ какъ то обстоятельство, что Сократъ лишь объ этихъ разсказахъ говоритъ, что они заимствованы изъ преданiя, такъ и то, что самъ Авксанонъ, по замѣчанiю Сократа ³⁾, былъ на соборѣ въ самомъ раннемъ возрастѣ; поэтому сомнительно, чтобы онъ могъ удержать въ памяти ясное представленiе о дѣятельности собора; да вѣроятно, онъ не много обращалъ и вниманiя на эту дѣятельность: его вниманiе приковывалъ къ себѣ одинъ Акесiй, а не соборъ ⁴⁾. Вотъ источники Сократова повѣствованiя о Никейскомъ соборѣ.

Суммируя сказанное, мы видимъ, что Сократъ многое перенесъ въ свое повѣствованiе о Никейскомъ соборѣ изъ извѣстныхъ намъ сказанiй: $\frac{1}{4}$ всего его повѣствованiя состоитъ изъ повто-

¹⁾ Сокр. I. 13.

²⁾ Сокр. I. 13.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Самъ Сократъ указываетъ еще на рассказъ о Спиридонѣ, епископѣ Кипрскомъ, какъ не заимствованный изъ преданiя (I. 12). Но не смотря на такое заявленiе Сократа, его повѣствованiе о Спиридонѣ нужно ставить въ зависимость отъ исторiи Руфина, потому что рассказъ Сократа буквально сходенъ съ рассказомъ Руфина.

ренія стараго. Конечно, заимствованная часть повѣствованія Сократа не имѣетъ для насъ никакого значенія: мы имѣемъ ее въ оригиналъ, а потому не нуждаемся въ копіи. Мало того, заимствованія Сократа не только не могутъ имѣть положительнаго значенія въ научномъ отношеніи, но даже понижаютъ значеніе повѣствованія. Сократъ слишкомъ довѣряетъ своимъ руководителямъ; а такъ какъ эти руководители не всегда безупречны съ точки зрѣнія строго-исторической, то и заимствованія его далеко не безупречны. Такъ, слѣдуя Евсевію, Сократъ вмѣсто яснаго и раздѣльнаго изложенія дѣла, что для него, какъ имѣвшаго подъ руками много документовъ, было вполне доступно, передаетъ безсодержательныя фразы Евсевія: таковы описанія епископовъ, торжественнаго засѣданія собора и участія императора въ спорахъ. Подчинившись Евсевію, Сократъ, подобно этому послѣднему, не различаетъ партій на соборѣ. По его повѣствованію выходитъ, что епископы, пріѣхавшіе на соборъ, не имѣли никакого раздѣленія въ вопросѣ объ отношеніи Сына Божія къ Отцу и только послѣ утвержденія символа нѣкоторые оказались разномыслящими. А умолчаніе о партіяхъ лишило Сократа возможности рельефно охарактеризовать членовъ Никейскаго собора. Не предпославъ объяснительныхъ замѣчаній къ посланію Евсевія къ кесарійцамъ, Сократъ, такъ сказать, санкціонируетъ ту фальшь, которая проникаетъ это посланіе. Положимъ Сократъ иногда поправляетъ свои источники, какъ напр. онъ поправляетъ Евсевіево показаніе о числѣ епископовъ, бывшихъ на соборѣ; иногда онъ упрощаетъ рассказы своихъ источниковъ, какъ напр. въ болѣе простой формѣ онъ передалъ рассказъ Руфина о спорѣ философовъ съ епископами; иногда, наконецъ, онъ ослабляетъ извѣстія источниковъ, поставляя рядомъ съ ними другія извѣстія иного характера, какъ напр. непосредственно послѣ посланія Евсевія къ кесарійцамъ онъ приводитъ посланія самого собора и императора Константина къ церкви Александрійской, которыя измѣняютъ то общее сужденіе о соборѣ и его дѣятельности, какое получается отъ одного посланія

Евсевія, или приведа выдержки изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ объ участіи императора въ засѣданіяхъ собора и объ установленіи общаго согласія касательно спорныхъ предметовъ, Сократъ далѣе ослабляетъ силу этой выдержки, когда говоритъ, что 5 человекъ, ухватившись за слово „единосущный“ (т. е. не согласившись съ нимъ), не принимали Никейской вѣры ¹⁾. Итакъ Сократъ, пользуясь многими документами и часто сооставляя ихъ показанія между собою, не совѣтъ подчинился болѣе раннимъ сказаніямъ о Никейскомъ соборѣ, спасся отъ полнаго рабства, но все таки онъ во многомъ остался и зависимымъ отъ не безупречныхъ своихъ источниковъ. Въ этой зависимости Сократа первый недостатокъ его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ.

Нельзя признать Сократа вполне безупречнымъ и тамъ, гдѣ онъ передаетъ свѣдѣнія о соборѣ независимо отъ болѣе раннихъ сказаній. Сократъ не всегда съ должною критикою относился къ получаемымъ свѣдѣніямъ, влѣдствіе этого его повѣствованіе не чуждо такихъ показаній, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ своей достовѣрности и точности. Прежде всего къ разряду такихъ показаній относится слишкомъ точное опредѣленіе Сократомъ числа епископовъ, подписавшихся подъ Никейскимъ символомъ, и указаніе на то, что 5 человекъ не согласились съ Никейскими опредѣленіями и не подписались къ нимъ: „эту вѣру (Никейскую), писать Сократъ, признали и приняли единогласно и единомысленно изложили триста восемнадцать мужей. Пять только человекъ, ухватившись за слово „единосущный“, не принимали ея“ ²⁾. Мы уже не разъ говорили, что число епископовъ, участвовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, точно неизвѣстно; слѣдовательно, неизвѣстно было точно и число епископовъ, принявшихъ Никейскую вѣру. Равнымъ образомъ при разборѣ повѣствованія Руфина мы замѣчали, что только 2 епископа не подписались подъ Никейскимъ

¹⁾ Сокр. гл. 8. стр. 38.

²⁾ Ibid.

символомъ, а не Б, какъ утверждаетъ Сократъ. Къ числу недостоверныхъ разсказовъ нужно отнести, по нашему мнѣнiю, и сказанiе Сократа о призванiи на Никейскiй соборъ Акесiя, новацианскаго епископа. а) Этотъ разсказъ не подтверждается никакими свидѣтельствами древности: ни одинъ изъ древнихъ писателей не упоминаетъ объ Акесiи ¹⁾: странность, мало находящая для себя оправданiя. Особенно странно то, что объ этомъ фактѣ не упоминаетъ Евсевiй Кесарiйскiй. Этотъ фактъ вполнѣ подходилъ подъ воззрѣнiя Евсевiя и могъ показывать заботы Константина о водворенiи мира и единогласiя между христiанами, а такiе факты Евсевiй не пропускалъ. б) Ни Сократъ, ни Созоменъ не указываютъ, въ какомъ городѣ епископствовалъ Акесiй; такое указанiе необходимо для удостовѣренiя въ истинности самого сказанiя, да оно и обычно: всѣ древнiе повѣствователи, говоря объ епископахъ, указываютъ обыкновенно города и мѣста ихъ служенiя. в) Не совѣмъ вѣроятно, чтобы Константинъ сталъ приглашать на Никейскiй соборъ сектантскаго епископа, не имѣвшаго никакого отношенiя къ догматическому вопросу, которымъ главнымъ образомъ занимался соборъ. Если Константинъ призвалъ Акесiя на соборъ для восстановленiя полнаго согласiя и единомыслия въ церкви, то на томъ же основанiи онъ долженъ бы призвать на Никейскiй соборъ епископовъ и другихъ сектъ: однако онъ этого не дѣлаетъ. Наконецъ, д) самый источникъ, откуда Сократъ заимствуетъ разсказъ объ Акесiи, не заслуживаетъ, кажется, особеннаго довѣрiя. Сократу разсказывалъ объ Акесiи Авксанонъ, новацианскiй пресвитеръ, который вмѣстѣ съ Акесiемъ былъ на Никейскомъ соборѣ и дожилъ до царствованiя Θεодосiя Младшаго. Отъ Никейскаго собора до начала царствованiя Θεодосiя Младшаго (онъ вступилъ на престолъ въ 408 году) прошло 83 года.

¹⁾ Созоменъ передаетъ этотъ фактъ въ своей исторiи (I. 22). Но свидѣтельство Созомена нельзя считать самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ Сократова. Созоменъ заимствовалъ разсказъ объ Акесiи у Сократа, какъ это мы покажемъ ниже (Annot. Valesii. t. 67. col. 99 not. 79).

Если положить, что Авксанонъ во время Никейскаго собора былъ 20 лѣтъ (потомучто нельзя допустить, чтобы на соборъ взялъ юношу, не имѣвшаго и 20 лѣтъ), то выйдетъ, что Авксанону было болѣе 100 лѣтъ, когда онъ передавалъ Сократу разсказъ объ Акесинѣ. А такой возрастъ не располагаетъ вѣрить въ ясную память разсказчика. Очевидно, Сократъ здѣсь отдалъ дань своему пристрастію къ новаціанству и новаціанамъ.

Какъ на недостатокъ повѣствованія Сократа, мы должны указать на непослѣдовательность въ порядкѣ и передачѣ историческихкихъ фактовъ и событій. Сократъ часто располагаетъ событія вовсе не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они совершались въ дѣйствительности, иногда поставяетъ рядомъ такія событія, которыя были вовсе неодновременны; наоборотъ, одновременныя раздѣляетъ и представляетъ ихъ неодновременными. По Сократу, епископы обвиняли другъ друга и подавали жалобы императору во время торжественнаго засѣданія собора (при началѣ его). Сократъ заимствуетъ этотъ разсказъ изъ исторіи Руфина, но ставитъ его въ иной послѣдовательности. По Руфину, епископы подавали жалобы, а Константинъ сжегъ ихъ до открытія засѣданій собора, когда еще не начались разсужденія о вѣрѣ. И намъ думается, что у Руфина дѣло представлено вѣрнѣе и послѣдовательнѣе. Не совсѣмъ вѣроятно, чтобы епископы стали заявлять о личныхъ дѣлахъ въ то время, когда назначено торжественное засѣданіе для окончательнаго рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса: для подобныхъ дѣлъ было другое время. Сторонникомъ нашего мнѣнія является и Созоменъ, который приводитъ этотъ разсказъ ¹⁾ и ставитъ его въ той послѣдовательности, въ какой онъ находится у Руфина, а не въ той, въ какой стоитъ у Сократа ²⁾. Приве-

¹⁾ Созом. I. 17.

²⁾ Противъ нашего мнѣнія, по видимому, говоритъ намекъ Евсевія (13 гл.), по которому случай съ жалобами можно отнести къ торжественному засѣданію собора, и показаніе самого Сократа (гл. 8. 34), которое даетъ поводъ думать, что Константинъ пріѣхалъ въ Никею только предъ началомъ торжественныхъ засѣда-

демъ другіе примѣры непослѣдовательности Сократова повѣствованія. Сократъ говоритъ объ осужденіи и изгнаніи Евсевія Никомидійскаго и Θεогниса Никейскаго непосредственно послѣ разсказа объ осужденіи соборомъ Арія и его ученія, такъ что изъ разсказа Сократа получается тотъ выводъ, что Евсевій и Θεогнисъ были осуждены одновременно съ Аріемъ и одновременно же прямо съ собора отправлены были въ ссылку. „Соборъ и Арію и всѣмъ его единомышленникамъ, пишетъ Сократъ, произнесъ анаѳему, прибавивъ къ тому, что онъ не долженъ и возвращаться въ Александрію, а царь издалъ повелѣніе какъ его, такъ и Евсевія и Θεогниса отправить въ ссылку. Но Евсевій и Θεогнисъ вскорѣ по отъѣздѣ въ ссылку прислали покаинную грамоту“ ¹⁾). Здѣсь полная непослѣдовательность въ передачѣ фактовъ. Прежде всего не правильно то показаніе, что Евсевій Никомидійскій и Θεогнисъ Никейскій были осуждены на самомъ соборѣ. Оба эти епископа подписали опредѣленія собора ²⁾); слѣдовательно, собору не за что было под-

ній. Но это только по видимому. Евсевій о засѣданіяхъ собора вообще говоритъ очень кратко, и по его показаніямъ не возможно возстановить послѣдовательный ходъ событія. По его сказанію напр. выходитъ, что засѣданія собора продолжались очень недолго, что епископы для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ собрались только одинъ разъ; между тѣмъ изъ исторіи Руфина мы знаемъ, что засѣданія собора продолжались довольно значительное время („per dies multos“ сар. 2; „per dies singulos“; „post diutinum multumque tractatum placet omnibus“ сар. 5). Что касается показанія Сократа, то изъ него нельзя также вывести ничего рѣшительнаго противъ нашего мнѣнія. Сократъ говоритъ, что царь прибылъ въ Никею послѣ окончанія побѣднаго торжества надъ Ликиніемъ и, какъ можно догадываться, послѣ собранія въ Никее епископовъ. По изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не имѣлъ времени сжегъ жалобы епископовъ до торжественнаго засѣданія собора. Императоръ былъ въ Никее еще 23 мая, какъ объ этомъ можно заключить изъ указа, изданнаго въ этомъ городѣ противъ ростовщиковъ Палестины. (Лекц. Станлея. Пр. Об. 1863 г. III. 316). Очень можетъ быть, что въ это время онъ сжегъ жалобы епископовъ другъ на друга и посоветовалъ имъ заняться вопросомъ о вѣрѣ, ради котораго они и были приглашены на соборъ, а самъ возвратился въ Никомидію праздновать свою побѣду надъ Ликиніемъ, откуда прибылъ въ Никею незадолго до начала торжественныхъ засѣданій собора.

¹⁾ Сократ. 8. стр. 33.

²⁾ Подписи Евсевія и Θεогниса значатся во всѣхъ спискахъ, до насъ до-

вергать ихъ осужденію, а императору — отправлять въ ссылку; соборное же посланіе къ церкви Александрійской, которое приведено у самого Сократа, свидѣтельствуешь, что только два епископа Θεона и Секундъ остались на сторонѣ Арія и подверглись одинаковому съ нимъ наказанію. Евсевій и Θεогнисъ были осуждены и сосланы, но не прямо послѣ собора, а спустя нѣкоторое время, когда они снова открыто стали на сторону аріанства, а главное, когда Константинъ узналъ, что Евсевій Никомидійскій строилъ противъ него козни и былъ сторонникомъ Ликинія¹⁾. По свидѣтельству Филосторгія²⁾, Евсевій Никомидійскій и Θεогнисъ Никейскій сосланы были черезъ три мѣсяца послѣ собора³⁾. Равнымъ образомъ показаніе Сократа о томъ, что Евсевій и Θεогнисъ вскорѣ послѣ отравленія въ ссылку прислали покаянную грамоту, и помѣщеніе самой грамоты ихъ непосредственно послѣ разсказа о соборѣ никакъ нельзя назвать иначе, какъ непослѣдовательностью. Евсевій и Θεогнисъ вскорѣ послѣ собора были только сосланы, а не возвращены изъ ссылки. Филосторгій говоритъ⁴⁾, что Евсевій, Марисъ и Θεогнисъ возвратились изъ ссылки спустя цѣлыхъ три года послѣ собора. Такое показаніе вполне согласно съ свидѣтельствами всѣхъ другихъ историковъ. Всѣ историки согласны въ томъ, что Евсевій, по возвращеніи изъ ссылки, началъ составлять соборы для утвержденія аріанскихъ мнѣній

шедшихъ, среди подьясей епископовъ Византіи (Mansi. t. II. col. 696. 700. Pitra. Analecta sacra t. IV. 1883. pag. 461). Исключеніе составляетъ только армянскій списокъ (Pitra. Analecta sacra 1883. t. IV. pag. 464). Здѣсь вмѣсто Евсевія Никомидійскаго стоитъ подпись Геласія Никомидійскаго. Но это, вѣроятно, ошибка переписчика.

¹⁾ Посланіе къ никомидійцамъ. Θεод. I. гл. 20. Migne t. 82. cap. 19. Дѣян. I. 199—203.

²⁾ Сокращ. у Фотія I. 10.

³⁾ Непослѣдовательность Сократа ввела въ заблужденіе даже известнаго нѣмецкаго ученаго Мѣзера, который также утверждаетъ, что Евсевій Никомидійскій и Θεогнисъ Никейскій были отправлены въ ссылку прямо съ собора (Athanase le grand et l' église de son temps. t. II, p. 20—21).

⁴⁾ Сокр. у Фот. II кн. 7 гл.

и удаленія защитниковъ вѣры Никейской. Первое нападеніе сдѣлано было на Евстаѳія Антиохійскаго, который посредствомъ клеветы и низложенъ былъ въ 329 или 330 году. Слѣдовательно, показаніе Филосторгія близко подходитъ къ истинѣ: наоборотъ, показаніе Сократа не вѣрно. Еще болѣе очевидна и поразительна непоследовательность Сократа въ другомъ мѣстѣ. Среди посланій собора и императора къ церквамъ о Никейскомъ соборѣ и объ опредѣленіяхъ его Сократъ помѣщаетъ три посланія императора: два къ Евсевію Кесарійскому и одно къ Макарію Іерусалимскому; при этомъ дѣлаетъ такое замѣчаніе, которое даетъ поводъ думать, что эти посланія были одновременны съ ранѣе помѣщенными и относятся, какъ эти послѣднія, къ Никейскому собору или по крайней мѣрѣ къ аріанамъ. Помѣстивъ эти три посланія, Сократъ продолжаетъ: „писалъ царь и другія посланія въ родѣ рѣчей противъ Арія и его единомышленниковъ, смѣясь надъ нимъ и поражая его нѣкоторымъ родомъ ироніи, и эти посланія разсылалъ всюду по городамъ“¹⁾. Но въ дѣйствительности эти посланія не имѣютъ никакого отношенія къ Никейскому собору: въ одномъ посланіи къ Евсевію императоръ говоритъ о возстановленіи церкви, а въ другомъ поручаетъ Евсевію изготovitъ нѣсколько экземпляровъ библіи; въ посланіи же къ Макарію Іерусалимскому говоритъ о построеніи церкви въ Іерусалимѣ на мѣстѣ гроба Господня, но ни слова не говоритъ о Никейскомъ соборѣ и аріанахъ. Далѣе, эти три посланія и неодновременны съ другими, которыя помѣщены у Сократа выше. Первое посланіе къ Евсевію о возстановленіи церкви, какъ видно изъ самаго содержанія, написано еще до Никейскаго собора. Содержаніе этого посланія показываетъ, что оно написано вскорѣ послѣ окончательнаго торжества Константина надъ Ликиніемъ, потому что Константинъ о прекращеніи языческаго тиранства и о торжествѣ христіанъ говоритъ какъ о событіи настоящемъ. только что со-

¹⁾ Церк. ист. I, гл. 9, стр. 63.

вершившемся ¹⁾). Наше мнѣніе подтверждаетъ и Евсевій Кесарійскій: онъ помѣстилъ это посланіе во II кн. 46 гл. своего сочиненія „Жизнь Константина“ непосредственно послѣ разсказа о дѣлахъ Константина послѣ окончательной побѣды надъ Ливиніемъ и ранѣ повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Два другія посланія—одно къ Евсевию, другое къ Макарію—были написаны уже послѣ Никейскаго собора и, какъ можно догадываться, не непосредственно послѣ него.

Мы отмѣтили недостатки повѣствованія Сократа о Никейскомъ соборѣ. Но при указанныхъ недостаткахъ это повѣствованіе имѣетъ много достоинствъ и, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, очень важно. Большинство показаній Сократа отличается достовѣрностью и авторитетностью. Онъ самъ говоритъ, что не писалъ ничего, не удостовѣрившись въ истинѣ событія ²⁾). Положимъ, эти слова Сократа не вездѣ оправдываются, но къ большей части его повѣствованія они имѣютъ отношеніе. Его показанія основываются преимущественно на документахъ и вѣдствіе этого получаютъ характеръ несомнѣнности.

Собственно какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, повѣствованіе Сократа важно въ томъ отношеніи, что оно представляетъ нѣкоторыя новыя данныя для исторіи собора, пополняющія и уясняющія показанія прежнихъ повѣствованій, а равнымъ образомъ и тѣмъ, что приводитъ въ подлинномъ видѣ много документовъ, относящихся къ Никейскому собору. Изъ этихъ документовъ можно также почерпнуть многія несомнѣнно достовѣрныя и важныя данныя для исторіи Никейскаго собора. Вотъ данныя, получаемыя изъ самого повѣствованія Сократа:

1) Повѣствованіе Сократа указываетъ поводъ къ созванію собора въ аріанскихъ волненіяхъ и разногласіи касательно празднованія Пасхи ³⁾). Это показаніе Сократа само по себѣ далеко не

¹⁾ Церк. ист. I, гл. 9, стр. 58—59; col. 93.

²⁾ Ibid. V, 19.

³⁾ Сокр. гл. 5—8; стр. 14—32.

новое: но оно важно тѣмъ, что разъясняетъ серьезность аріанскихъ споровъ и исправляетъ показаніе Евсевія. Евсевій, говоря о поводахъ къ созванію собора, останавливается преимущественно на разногласіи относительно Пасхи, чтобы чрезъ это нѣсколько затушевать аріанскіе споры. По его словамъ, разногласіе о Пасхѣ было весьма сильною болѣзнію, которою заражены были всѣ народы, отъ которой божественныя постановленія приходили въ замѣнительство и между христіанами происходилъ величайшій раздоръ. Между тѣмъ Сократъ показываетъ, что главною причиною созванія собора была аріанская ересь; вопросъ же о Пасхѣ, хотя и разсматривался на соборѣ, на какъ вопросъ второстепенный, потому что разногласіе о празднованіи Пасхи имѣло мѣсто только на востокѣ (поправка Евсевіева показанія), притомъ христіане, разноглася касательно времени празднованія Пасхи, отнюдь не расторгали общенія, а только проводили этотъ праздникъ печальнѣе¹⁾ (новая поправка Евсевіева показанія).

2. Сократъ указываетъ годъ, консульство, мѣсяць и число созванія собора. „Соборъ состоялся въ консульство Цавлица и Юліана, въ двадцатый день мѣсяца мая²⁾, а это былъ 636

¹⁾ гл. 8, стр. 31—32.

²⁾ Валезій, комментаторъ Сократа, видитъ въ показаніи послѣдняго: τῆς Ἐξῆς: τοῦ Μαῖου μηνός“ не болѣе, какъ ошибку. Если предположить, говорятъ онъ (въ замѣчаніи на 15 гл. III кн. Жизни Константина. Migne t. 20. col. 1071), что соборъ Никейскій собрался въ 20-й день мѣсяца мая, какъ утверждаетъ Сократъ, то останется слишкомъ мало времени для тѣхъ дѣлъ, которыя пришлось выпоачить Константину въ промежутокъ между окончательнымъ пораженіемъ Ликинія и Никейскимъ соборомъ. Окончательное поражение Ликинія произошло 324 г. въ 15-е октябрскихъ календъ, т. е. 20 сентября при Халкидонѣ, какъ показывается въ Фастахъ Идація (in Fastis Idatii) и въ Александрійской хроникѣ. Въ слѣдующій день Ликиній сдался Константину, который послѣ этого и вступилъ въ Никомидію. Въ то время, какъ Константинъ находился въ Никомидіи, собираясь осматривать восточныя провинціи, пришло извѣстіе изъ Александріи объ аріанскихъ смутахъ и расколѣ Мелетія. Константинъ отправляетъ въ Александрію Осію Кордубскаго съ своимъ писемомъ къ Александру и Арію. Осія возвратился изъ Александріи нескорю; если взять самый краткій срокъ, то путешествіе Осіи продолжалось не менѣе 3 мѣсяцевъ. Слѣдовательно, возвращеніе Осіи въ Никомидію нужно относить никакъ не ранѣе января. Пог-

годъ отъ Александра, царя Македонскаго“, т. е. 325 годъ отъ Рождества Христова. Здѣсь Сократъ существенно дополняетъ Евсевія, опредѣляющаго только время окончанія собора.

3. Сократъ поименно указываетъ нѣкоторыхъ членовъ Никейскаго собора какъ православныхъ, такъ и аrianствующихъ. Изъ аrianствующихъ членовъ собора онъ указываетъ на Евсевія

да императоръ узналъ отъ Осія, что волненія въ Александріи не могутъ быть прекращены иначе, какъ только вселенскимъ соборомъ, онъ разсылаетъ гонцовъ во всея провинціи съ грамотами къ епископамъ, чтобы они прибыли на соборъ въ Визинсій городъ Никею. Для убѣжденія императора въ необходимости созванія собора и для приготовления грамотъ къ епископамъ опять нужно было время, такъ что отправление гонцовъ нужно относить не ранѣе, какъ къ марту мѣсяцу. Теперь, продолжаетъ Валезій, едва-ли можно допустить, что епископы могли съѣхаться въ Никею ранѣе іюля мѣсяца, особенно если принять во вниманіе, что епископы ѣхали не водою, а сухимъ путемъ, какъ это видно изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“. (кн. III. гл. 6). Вотъ аргументы Валезія, изложенные въ примѣчаніи къ 15 гл. III кн. „Жизни Константина“. Въ замѣткахъ на текстъ церковной исторіи Сократа кн. I гл. 13 (Pat. t. 67. col. 109) къ этимъ аргументамъ онъ присоединяетъ еще нѣсколько. Въ греческой коллекціи, говоритъ Валезій, которую издалъ Тулій (Tulius), есть показаніе, что соборъ Никейскій состоялся въ 13-е іюльскихъ календъ, т. е. въ 19 день мѣсяца іюня. Это показаніе подтверждаютъ авторъ хроникъ Александрійской, Халкидонскій соборъ и латинская коллекція, которую Бароній называетъ кресконіанской (gresconiana). Итакъ, заключаетъ Валезій, если можно дѣлать догадки, то, кажется, Сократъ пользовался несправнымъ кодексомъ (vitioso codice), въ которомъ 13-е календъ „іюньскихъ“ написано вмѣсто „іюльскихъ“.— Не нужно много внимательности, чтобы замѣтить слабость и несостоятельность аргументовъ Валезія. Откуда напр. Валезій знаетъ, что Осія употребилъ на путешествіе въ Александрію не менѣе 3 мѣсяцевъ? На чемъ основываетъ онъ свое мнѣніе, что императоръ разослалъ гонцовъ не ранѣе марта? Можетъ быть, Осія употребилъ на путешествіе въ Александрію только 2½ мѣсяца; а рѣшеніе императора о созваніи собора состоялось не черезъ 2, а только черезъ 1½ или даже одинъ мѣсяць. Предположенія эти имѣютъ одинаковую степень достовѣрности съ предположеніями Валезія, а между тѣмъ они дѣлаютъ волюнтарію показаніе Сократа. Далѣе, Валезій говоритъ, что на путешествіе епископовъ требовалось много времени, такъ какъ они ѣхали сухимъ путемъ, а не моремъ. Но въ эпоху Никейскаго собора въ Римской имперіи устроены были хорошія почтовые дороги, такъ что большинство епископовъ могло безъ затрудненій явиться на соборъ. „Пути сообщенія, говоритъ Стайлей, подобно желѣзнымъ дорогамъ, тянулись прямо, какъ стрѣлы, отъ одного конца имперіи до другаго (Ник. соб. изъ лекцій Стайлей. Ирав. Обзор. 1863 г. II т. 40 стр.). Положимъ, очень

Никомидійскаго, Θεогниса Никейскаго, Мариса Халкидонскаго ¹⁾, также Секунда Птолемаидскаго и Θεону Мармарикскаго ²⁾). Изъ православныхъ членовъ собора, кромя діакона Аѳанасія Александрійскаго, Сократъ указываетъ слѣдующихъ лицъ: Осію Кордубскаго, Витона и Викентія, римскихъ пресвитеровъ, Александра Египетскаго, Евстаѳія Антиохійскаго, Макарія Іерусалимскаго, Гариократіона, епископа Кинополиса ³⁾). Но перечисляя епископовъ,

отдаленныя путешествія и при хорошихъ дорогахъ были затруднительны. Напр. изъ Бордо до Константинополя нужно было ѣхать 1½ мѣсяца. На пути отъ Бордо до Константинополя было 200 почтовыхъ стаций и 91 гостинница; въ годня можно было доѣхать отъ одной гостинницы до другой (ibid). Но нужно принять во вниманіе и то, что епископовъ изъ особенно отдаленныхъ мѣстъ было на соборѣ немного: такъ западныхъ епископовъ было только семь; большинство же епископовъ было изъ восточныхъ епархій, недалеко отстоящихъ отъ Никеи. Слѣдовательно, епископамъ не требовалось много времени на путешествіе. Что же касается свидѣтельства Александрійской хроники, Халкидонскаго собора и др. памятниковъ, относящихъ начало Никейскаго собора къ 19 числу іюня, то и эти показанія, намъ кажется, вовсе не требуютъ заподозрѣвать достовѣрность Сократова повѣствованія. Вѣроятно, различныя показанія о времени собора имѣютъ въ виду различныя моменты соборной дѣятельности. Сократъ указываетъ время собранія епископовъ, а другія свидѣтельства—время открытія торжественныхъ засѣданій собора, или точнѣе—время составленія символа Никейскаго. Показаніе напр. Халкидонскаго собора несомнѣнно говоритъ о времени составленія символа. А если такъ, то не зачѣмъ и сомнѣваться въ показаніи Сократа и строить ни на чемъ не основанныя догадки, что Сократъ пользовался неискривнымъ, испорченнымъ кодексомъ, а потому занесъ въ свою исторію неискривное показаніе. Въ пользу показанія Сократа говоритъ древній обычай и преданіе греческой церкви. Восточные соборы, обыкновенно, назначались весной, около праздника Пятидесятницы, вѣроятно, потому, что съ открытіемъ плаванія по Средиземному морю и съ возвращеніемъ теплой погоды путешествіе становилось легко. Къ этому именно времени греки относятъ и начало перваго вселенскаго собора. Воскресеніе, слѣдующее за Вознесеніемъ, они называютъ „Воскресеніемъ святыхъ Отецъ, или 318 Никейскихъ богоносцевъ“. Впрочемъ нужно замѣтить, что преданіе въ данномъ случаѣ не особенно авторитетно, такъ какъ оно разногласитъ: сирійцы напр. празднуютъ Никейскій соборъ 1-го іюля, армяне 7 сентября, египтяне 5 ноября (Ср. Обзор. 1863 г. т. II, стр. 39. Лекц. Станлея).

¹⁾ гл. 8. стр. 34.

²⁾ гл. 8. стр. 38.

³⁾ гл. 13. стр. 70.

Сократъ ничего не говоритъ о дѣятельности того или другаго епископа въ частности.

4. Сократъ даетъ показаніе объ общемъ характерѣ соборной дѣятельности. „Опредѣленія вѣры производились не просто и какъ-нибудь (οὐχάπλως, οὐδέ ὡς ἔτυχε), пишетъ Сократъ, но объявлены послѣ долгаго изслѣдованія и испытанія и не такъ, что одно показано, а о другомъ умолчано, но взято во вниманіе все, что относилось къ составленію догмата (πρὸς σύστασιν τοῦ δόγματος), и что вѣра не просто опредѣлена, но напередъ тщательно разсмотрѣна, такъ что устранено всякое мнѣніе, представляющее поводъ къ обоюдности, либо къ раздвоенію мыслей. Притомъ члены собора были просвѣщены Богомъ и благодатію Святаго Духа, въ силу чего они не могли отступить отъ истины. Поэтому судъ всѣхъ собравшихся епископовъ былъ судомъ Божиимъ и согласіе между епископами установлено Духомъ Святымъ¹⁾. Подобную характеристику соборной дѣятельности мы находили у Руфина; но та характеристика была слишкомъ кратка и обща; здѣсь она гораздо полнѣе и рельефнѣе.

5. Сократъ указываетъ, какія возраженія дѣлали аріане на соборѣ противъ составленнаго символа. Евсевій въ своемъ посланіи къ кесарійцамъ говоритъ, что когда епископы составили символъ, то смыслъ словъ, въ него влюченныхъ, былъ тщательно изслѣдованъ²⁾. Но онъ не говоритъ прямо, въ чемъ состояло это изслѣдованіе. Сократъ пополняетъ этотъ пробѣлъ. Онъ говоритъ, что аріане главнымъ образомъ возставали противъ термина „ὁμοούσιος“³⁾. Возраженіе аріанъ противъ „ὁμοούσιος“ состояло въ томъ, что будто это слово вноситъ матеріальныя представленія въ понятіе Божества: „единосущнымъ называется то, что изъ чего-либо есть, либо чрезъ отдѣленіе, либо чрезъ истечение, либо

1) Сокр. гл. 9. стр. 52—53; col. 85—88.

2) Дѣян. I. 195.

3) гл. 8. стр. 38. col. 68.

через побѣгъ (ἔφασαν, ὁμοούσιον εἶναι, ὃ ἐκ τινός ἐστιν, ἢ κατὰ μερισμὸν, ἢ κατὰ ῥεῦσιν, ἢ κατὰ προβολήν): черезъ побѣгъ напр. какъ растеніе изъ корня, черезъ истеченіе, какъ дѣти изъ отцовъ, черезъ отдѣленіе, какъ два или три сосуда изъ слитка; но ни одинъ изъ этихъ способовъ происхожденія, говорили они, (т. е. ариане), не приложимъ къ Сыну Божию (κατ' οὐδέν δὲ τούτων ἐστὶν ὁ Υἱός) ¹⁾.

6. Сократъ отрицаетъ результаты соборныхъ разсужденій. Эти результаты слѣдующія: а) осужденіе арианъ и ихъ ученія и составленіе символа вѣры. „Соборъ и Арію и всѣмъ его единомышленникамъ произнесъ анаѰему, прибавивъ къ тому, что онъ не долженъ возвращаться въ Александрію, а царь издалъ повелѣніе отправить Арія въ ссылку ²⁾. Но анаѰематствованы не только Арій и его единомышленники, пишетъ Сократъ въ другомъ мѣстѣ, но и самое изложеніе его ученія. Въ частности запрещена была Аріева книга *Θαλία*, которая, по замѣчанію Сократа, была похожа на *сотадійскія пѣсни*“ ³⁾. Символь Никейскій, приведенный Сократомъ, во всемъ сходенъ съ древнѣйшею редакціею, которая находится въ сочиненіяхъ Аѳанасія, въ приложеніи къ посланію объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. Исключеніе составляетъ только прибавленіе двухъ эпитетовъ къ слову *церковь* „святая и апостольская“ (ἀγία καὶ ἀποστολική). б) Опредѣленіе о Пасхѣ. Сократъ только указываетъ, что установлено было опредѣленіе о Пасхѣ, но не объясняетъ, въ чемъ именно состояло это опредѣленіе. „Епископы согласились, пишетъ онъ, касательно Пасхи“ ⁴⁾. в) Опредѣленіе о Мелетіи и мелетіанахъ. Здѣсь Со-

¹⁾ гл. 8. стр. 38. col. 68—69.

²⁾ гл. 8. стр. 39. col. 69.

³⁾ гл. 9. стр. 49—50. col. 84. Сотадиъ—критскій стихотворецъ, крайне безстыдный по качеству своихъ стихотвореній. Онъ о самыхъ важнѣйшихъ и достойныхъ благоговѣнія таинствахъ легкомысленно объяснялся самыми срамными стихами (ямбическими).

⁴⁾ Ibid стр. 49. col. 84.

кратъ также очень кратко: онъ говоритъ только, что Мелетій былъ принятъ въ общеніе и за нимъ оставленъ былъ санъ епископа, хотя у него отнято было право поставлять епископовъ ¹⁾). Впрочемъ, нужно замѣтить, что послѣдніа два показанія Сократа, т. е. объ опредѣленіяхъ касательно Пасхи и Мелетія, представляють собою не болѣе, какъ выводъ изъ соборнаго посланія къ церкви Александрійской, которое Сократомъ приведено въ подлинномъ видѣ: потому-то между прочимъ эти показанія и кратки: подробнѣе они изложены въ самомъ посланіи. d) Каноническія постановленія. Сократъ не приводитъ самого текста канонѳвъ, не передаетъ содержанія ихъ, не указываетъ даже числа ихъ, но за то указываетъ время ихъ составленія: они составлены въ концѣ соборныхъ засѣданій, предъ самымъ отъѣздомъ епископовъ. „Бывшіе на соборѣ епископы, написавъ и другія постановленія (καὶ ἄλλα τινὰ ἐγγράψαντες), которыя обыкновенно они называли правилами (κανόνες), возвращались опять въ свои города“ ²⁾). Кроме того, Сократъ рассказываетъ объ одномъ очень интересномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто при установленіи канонѳвъ. Въ первые вѣка весьма многіе изъ пресвитеровъ и діаконовъ, а еще болѣе изъ епископовъ оставались безбрачными; но запрещенія вступать имъ въ бракъ (только ранѣ рукоположенія) не было ³⁾). Соборъ Никейскій между прочимъ имѣлъ разсужденіе объ этомъ предметѣ: онъ хотѣлъ установить общія, положительныя правила и сдѳловялся, кажется, къ полному безбрачію священно-служителей. „Епископамъ, пишетъ Сократъ, думалось ввести новый законъ, чтобы посвященные — разумѳю епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ—не спали вмѣстѣ съ женами, на которыхъ женились, бывъ еще мірянами“ ⁴⁾). Но тутъ выступилъ Пафнутіѳ, епископъ Олваидскій. Самъ дѣвственникъ и строгій

¹⁾ Ibid. стр. 49. col. 84.

²⁾ гл. 13. стр. 70. col. 108.

³⁾ Апост. пр. 5. 26.

⁴⁾ гл. 11.

подвижникъ, человекъ, какъ говоритъ Сократъ, „не знавшій брачныхъ узъ или, просто сказать, не знавшій жены, ибо съ дѣтства воспитывался въ скитѣ и цѣломудріемъ славился болѣе, чѣмъ кто-нибудь“, онъ убѣдилъ отцовъ не принимать этого правила, какъ ига, не для всѣхъ удобоносимаго. „Пафнугій, пишетъ Сократъ, сталъ среди епископовъ и громко воззвалъ: „не возлагайте тяжкаго ига на мужей посвященныхъ; честенъ бракъ и ложе не сѣверно“. Пафнугій счелъ нужнымъ только оградить строжайшими правилами нравственность клира, въ особенности тѣхъ изъ клириковъ, которые желали оставаться безбрачными. „Все сословіе посвященныхъ, замѣчаегь Сократъ, согласилось съ мнѣніемъ Пафнугія и вопросъ о безбрачїи преданъ былъ молчанію, только предоставлено было расположенію желающихъ удаляться отъ сожитія съ женами“¹⁾). Эта мысль и составляетъ сущ-

¹⁾ гл. 11. col. 104. стр. 66. Валезій въ своихъ примѣчаніяхъ къ 11 гл. I. кн. церковной исторїи Сократа (Migne. t. 67. col. 111—112). считаетъ этотъ рассказъ о Пафнугіи и целибатствѣ сомнительной достовѣрности. Основанія такого мнѣнія слѣдующія: а) Руфинъ, у котораго Сократъ заимствуетъ рассказъ о Пафнугіи, ничего не говоритъ о целибатствѣ и возраженіяхъ противъ него Пафнугія; б) Пафнугій вовсе не упоминается въ числѣ Египетскихъ епископовъ, присутствовавшихъ на Никейскомъ соборѣ; в) о целибатствѣ существуютъ постановленія папъ Сириція, Иннокентія и Льва, — доказательство, что на Никейскомъ соборѣ не поднимался вопросъ о целибатствѣ. Но эти аргументы Валезія очень слабы. Если папы издавали опредѣленія въ пользу целибатства, то это еще нисколько не говоритъ противъ рассказа Сократа: папы далеко не всегда точно исполняли соборныя постановленія и часто допускали самовольныя отступленія отъ нихъ. Противъ втораго аргумента Валезія замѣтимъ слѣдующее. Дѣйствительно, изъ существующихъ спискахъ Никейскихъ отцовъ нѣтъ Пафнугія. Но это не служитъ доказательствомъ того, что Пафнугія не было на соборѣ: подлиннаго списка епископовъ до насъ не дошло, а дошедшіе крайне не исправны, такъ что отвергать на основаніи ихъ фактъ, засвидѣтельствованный древнимъ историкомъ, слишкомъ произвольно. Далѣе, Сократъ дѣйствительно заимствуетъ рассказъ о Пафнугіи у Руфина, но не весь, а только первую половину его; для другой же половины онъ несомнѣнно имѣлъ другіе источники. Поэтому отвергать показаніе Сократа на томъ основаніи, что такого показанія нѣтъ у Руфина, положительно нельзя. Очевидно, Валезію хочется подорвать довѣріе къ показанію Сократа о Пафнугіи потому единственно, что это показаніе обличаетъ укоренившійся въ Римской церкви обычай целибатства. Но отвергать историческіе факты ради

ность 3 Никейскаго правила. Это правило, дѣйствительно, не требуетъ отъ священно-служителей совершеннаго безбрачія и не запрещаетъ духовнымъ лицамъ быть въ супружествѣ, ибо оно говоритъ не о законныхъ женахъ, а о сожительствующихъ (*συνοικισται*), подъ именемъ которыхъ разумѣлись постороннія, незамужнія лица женскаго пола, принятія въ домъ неженатыхъ для домашняго хозяйства и услуженія или для воспитанія или подъ видомъ духовнаго братства.

Теперь укажемъ значеніе для исторіи Никейскаго собора тѣхъ документовъ—грамотъ и посланій, которые приводятся Сократомъ въ его повѣствованіи о соборѣ.

Посланіе Никейскаго собора къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египетскимъ. Это посланіе имѣло спеціальною своею задачею сообщить объ опредѣленіяхъ Никейскихъ церквамъ Египетскимъ, а потому обращаетъ преимущественное вниманіе только на тѣ опредѣленія, какія особенно и главнымъ образомъ относились къ Египту и церкви Александрійской. Вслѣдствіе этого о нѣкоторыхъ постановленіяхъ собора, напр. о каноническихъ—ничего не говоритъ. Съ другой стороны, передавая соборныя опредѣленія, посланіе размѣщаетъ ихъ по степени ихъ важности для церквей Египетскихъ, а не по времени ихъ изданія на Никейскомъ соборѣ. Такъ напр. по этому посланію выходитъ, что вопросомъ о мелетіанахъ соборъ занимался непосредственно послѣ разсмотрѣнія дѣла Арія и составленія символа; вопросъ же о Пасхѣ былъ послѣднимъ вопросомъ, которымъ занимался соборъ. Понятно, почему посланіе послѣ сообщенія о соборномъ рѣшеніи касательно Арія тотчасъ же передаетъ о рѣшеніи касательно мелетіанъ. Расколъ мелетіанъ слишкомъ близко касался церквей Египетскихъ и интересовалъ эти послѣднія болѣе, чѣмъ какіе-

равданія мѣстныхъ обычаевъ не законно. Притомъ рассказъ Сократа имѣетъ ручательство за свою достовѣрность въ томъ обстоятельствѣ, что мнѣніе Пафнутія впоследствии утверждено было императорскимъ закономъ и изложено въ 16 кн. Феодосіева кодекса.

либо другіе предметы соборныхъ разсужденій (за исключеніемъ, конечно, вопроса объ аrianствѣ). Наоборотъ, вопросъ о Пасхѣ мало интересовалъ церкви египетскія, такъ какъ въ Египтѣ и ранѣе соблюдался тотъ обычай, какой утвердилъ Никейскій соборъ; поэтому о постановленіи касательно празднованія Пасхи въ посланіи указано въ концѣ и то кратко. Въ дѣйствительности же соборныя постановленія шли не въ такомъ порядкѣ. Изъ показаній Сократа ¹⁾ мы знаемъ, что вторымъ дѣломъ собора было разсужденіе о Пасхѣ, а не о мелетіанахъ. Равнымъ образомъ и всѣ другіе повѣствователи о соборѣ утверждаютъ, что вопросъ о Пасхѣ подвергся соборному рѣшенію непосредственно послѣ рѣшенія догматическаго вопроса ²⁾. Но не смотря на таковую непослѣдовательность въ передачѣ соборныхъ опредѣленій, это посланіе очень важно. Во 1-хъ оно указываетъ на сообщниковъ Арія, оставшихся твердыми въ своихъ мнѣніяхъ и подвергшихся одинаковому съ Аріемъ наказанію; такими сообщниками были: Феона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій. Этимъ показаніемъ посланіе исправляетъ свидѣтельство Руфина, который говоритъ, что послѣ соборнаго рѣшенія на сторонѣ Арія осталось 6 человекъ, и самого Сократа, который говоритъ о 5 сторонникахъ Арія. Во 2-хъ это посланіе очень подробно и обстоятельно излагаетъ сущность соборнаго опредѣленія о Мелетіи и мелетіанахъ. Въ 3-хъ это посланіе показываетъ, въ чемъ состояло постановленіе о Пасхѣ. Соборъ опредѣлилъ, чтобы празднованіе Пасхи совершалось не вмѣстѣ съ іудеями, а согласно съ обычаемъ Римской, Александрійской и др. церквей. Другихъ постановленій собора посланіе не указываетъ, но оно ясно свидѣтельствуетъ, что таковыя были.

„Что же касается до прочихъ указаній и постановленій въ присутствіи владыки и почтеннѣйшаго сослужителя и брата нашего Александра, читаемъ въ посланіи, то возвратившись онъ, какъ

¹⁾ гл. 8. стр. 49. col. 84.

²⁾ Евсевій „Жизнь Константина“. III. 14.

владыка и участникъ въ событіяхъ, самъ подробнѣе донесетъ вамъ о нихъ“ 1).

Посланіе Константина Августа каволической Александрійской церкви. Изъ этого посланія мы получаемъ показаніе объ участіи императора въ дѣлахъ собора. Равнымъ образомъ изъ этого посланія узнаемъ и о томъ, что аріане на соборѣ исповѣдали свою вѣру, состоящую изъ ужасныхъ хуленій на Сына Божія, которую и отвергли епископы, просвѣщенные Духомъ Святымъ.

Посланіе Константина къ епископамъ и народамъ. Это посланіе показываетъ намъ, что соборныя опредѣленія относительно Арія и его сочиненій получили силу и значеніе государственныхъ законовъ, за неисполненіе которыхъ самъ императоръ назначилъ наказаніе, какъ за неисполненіе законовъ государственныхъ: „онъ повелѣваетъ передать сожженію сочиненія Арія, а за утаеніе ихъ угрожаетъ смертію чрезъ отсѣченіе главы“.

Покаянное посланіе Евсевія Никомидійскаго и Θεогниса Никейскаго. Это посланіе писано приблизительно года 3 спустя послѣ собора. Но оно важно тѣмъ, что указываетъ одинъ фактъ изъ исторіи собора, именно, что Евсевій Никомидійскій и Θεогнисъ Никейскій на соборѣ подписали только символъ, но отказались подписать анаеоматствованіе на Арія. — Этими мы закончимъ обзоръ повѣствованія Сократа.

Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ Эрмія Созомена.

Эрмію Созоменъ происходилъ изъ богатаго рода въ Палестинѣ, вѣроятно же всего въ Газѣ. По крайней мѣрѣ дѣдъ Созомена жилъ въ селеніи Веонліи близъ Газы 2). Получивъ первоначальное вос-

1) гл. 9. стр. 49—48; col. 81.

2) Созомель. Церк. ист. V, 15.

питаніе подь руководствомъ своихъ родственниковъ, Созомень предположилъ потомъ изучить судебное законовѣдѣніе и, какъ полагають, изучилъ его въ Финикійскомъ городѣ Беритѣ ¹⁾, въ которомъ процвѣтало знаменитое въ то время училище правовѣдѣнія. Неизвѣстно, сколько времени оставался онъ въ Беритѣ; но послѣ онъ жилъ уже въ Константинополь, гдѣ приобрѣтенныя изъ науки познанія прилагалъ къ дѣлу и занимался адвокатурою ²⁾. Здѣсь въ Константинополь онъ написалъ и церковную исторію.

Для опредѣленія времени написанія исторіи существуютъ нѣкоторые намеки у самого Созомена. Онъ посвящаетъ свою исторію Θεодосію Младшему и, въ своемъ посвященіи восхваляя царя, говоритъ, что Θεодосій во время похода въ Ираклію Понтійскую, палимый зноемъ и засыпаемый пылью, не хотѣлъ принять подносимой ему прикладательный напитокъ, размышляя, что въ его войсѣ никто не отказался бы утолить свою жажду подобною жидкостью, и однакожь войны лишены этого удовольствія. Приводимое здѣсь въ нахвалу Θεодосія обстоятельство относится къ 443 году ³⁾; слѣдовательно, Созомень началъ писать свою исторію послѣ этого времени; продолжался же его трудъ далѣе 446 года, потомучто въ послѣдней книгѣ онъ упоминаетъ о Константинопольскомъ епископѣ Проклѣ, какъ объ архиепископѣ уже умершемъ; но Прокль умеръ въ 446 году.

По предначертанію Созомена, его исторія должна была обнимать событія церкви отъ 3-го консульства кесарей Константина и Криспа до 17-го консульства Θεодосія Младшаго, т. е. отъ 324 до 439 г. ⁴⁾. Однако это предначертаніе не совѣмъ вы-

¹⁾ Valesii de vita et script. Socrat. atque Sosom Migne t. 67. col. 23.

²⁾ Созомень. II, 3.

³⁾ Нѣкоторые относятъ это путешествіе Θεодосія къ 437 г., а вслѣдствіе этого и написаніе исторіи къ 439 г. Но въ 437 г. Θεодосій доходилъ только до Кизикія и то не сухимъ путемъ, а моремъ; слѣдовательно, съ нимъ не могло быть тѣхъ приключеній, на которыя указываетъ Созомень.

⁴⁾ Praefatio. col. 852, стр. 13.

полено Созоменомъ: его исторія оканчивается не 439, а только 423 годомъ. Что было причиною этого, рѣшительно сказать трудно. Можетъ быть, какія-либо обстоятельства (по мнѣнію нѣкоторыхъ смертъ) помѣшали ему докончить свой трудъ; а можетъ быть, какъ думаютъ другіе, исторія Созомена доведена была до конца, только не дошла до насъ въ полномъ видѣ. Для нашей задачи недостатокъ конца исторіи Созомена не важенъ. Для насъ важно то, что исторія Созомена начинается, вполне согласна съ предначертаніемъ, съ 324 года и содержитъ въ себѣ повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ. Это повѣствованіе находится въ 15—25 гл. I вѣн. исторіи Созомена.

Относительно источниковъ всей вообще исторіи Созомена существуютъ разныя мнѣнія. Одни говорятъ, что Созоменъ не имѣлъ подъ руками почти никакихъ источниковъ, никакихъ самостоятельныхъ документовъ, что его исторія не болѣе, какъ передача въ парафразѣ исторіи Сократа. Такъ Валезій, извѣстный комментаторъ Сократа и Созомена, утверждаетъ, что Созоменъ просто списалъ свою исторію съ исторіи Сократа, и прямо называетъ перваго литературнымъ воромъ (*plagiarius*)¹⁾. Того же мнѣнія держится и нѣмецкій ученый Гарнакъ. „Если сравнить церковную исторію Созомена съ церковною исторіею Сократа, пишетъ Гарнакъ, то отерывается, что первая есть плагіатъ второй и притомъ плагіатъ самый широкій и полный... Три четвертыхъ всего историческаго содержанія исторіи Созомена, даже въ одномъ и томъ же порядкѣ, заимствованы просто изъ исторіи Сократа“²⁾. Другіе ученые, не отрицая вполне зависимости Созомена отъ Сократа, не признаютъ, однако, перваго простымъ плагіаторомъ втораго: они стараются доказать, что Созоменъ самъ читалъ болшую часть источниковъ и такимъ образомъ обнаружилъ себя въ значительной степени независимымъ отъ своего предше-

1) De vita et script. Socr. et Sosom. Migne t. 67. col. 24—25.

2) Herzog-Plitt-Hauck. Encyclopäd. B. 14. s. 416.

ственника. Такого мнѣнія держится напр. нѣмецкій ученый Леепъ³⁾. Намъ, конечно, нѣтъ нужды разбирать, на сколько справедливо каждое изъ приведенныхъ мнѣній относительно всей вообще исторіи Созомена: это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Мы разсмотримъ то и другое мнѣніе примѣнительно только къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ.

Отмѣтимъ сходныя мѣста въ повѣствованіяхъ Сократа и Созомена. 15 гл. I кн. исторіи Созомена, содержащая въ себѣ рассказъ объ аріанскихъ смутахъ въ Александріи до Никейскаго собора и о распространеніи аріанскихъ споровъ за предѣлы Египта, вполне соотвѣтствуетъ 5—6 гл. I кн. исторіи Сократа. Положимъ, у Созомена рассказъ идетъ не въ томъ порядкѣ, какъ у Сократа: у него есть добавленія и сокращенія, есть даже нѣсколько новыхъ показаній, не приводится въ подлинномъ видѣ письма Александра Александрійскаго къ католической церкви, а передается только содержаніе его; но въ общемъ у Сократа и Созомена одно и то же. Въ 16 гл. I кн. Созоменовой исторіи передается содержаніе письма, которое отправилъ Константинъ къ Александру и Арію, говорится о существованіи разногласія касательно Пасхи и, наконецъ, дается характеристика Осіи Кордубскаго, посланнаго въ Александрію для прекращенія споровъ и разногласій. Эти всѣ показанія находятся и въ исторіи Сократа. Письмо императора къ Александру и Арію приводится Сократомъ въ подлинникѣ, хотя и не въ цѣломъ видѣ. Замѣчательно здѣсь особенно то, что и Созомень передаетъ содержаніе не всего посланія императора, а только той части его, которая приведена въ исторіи Сократа. О разногласіи касательно времени празднованія Пасхи Созомень говоритъ тоже самое, что и Сократъ; различіе между ними только въ словахъ, а не существвѣ дѣла. Вотъ показанія того и другаго:

³⁾ Leep. Quellen-Untersuchungen zu den Griechischen Kirchenhist. s. 137—151.

Сократа:

Созомена:

Существовала (тогда) мѣстная болѣзнь, возмущавшая церкви, разногласіе касательно празднованія Пасхи. Это разногласіе было только на востокѣ, гдѣ одни хотѣли праздновать ее по-іудейски, а другіе подражали всеѣмъ въ мірѣ христіанамъ. Впрочемъ разноглася такимъ образомъ въ отношеніи къ сему празднику, христіане отнюдь не расторгали общенія, а только, по причинѣ разногласія, проводили этотъ праздникъ печальнѣе¹⁾.

По видимому, между Сократомъ и Созоменомъ здѣсь разногласіе: одинъ (Созомень) говоритъ о расторженіи взаимнаго общенія между христіанами вслѣдствіе разногласія въ празднованіи Пасхи, другой (Сократъ) утверждаетъ, что распоряженія въ общеніи не было; но только повидимому. Въ дѣйствительности и Созомень не говоритъ о полномъ расторженіи общенія, какое отрицаетъ Сократъ. Созомень говоритъ только о разобщеніи христіанъ

„Не менѣе прискорбно было ему (Константину) слышать, что нѣкоторые совершаютъ праздники Пасхи не вмѣстѣ со всеми; ибо тогда въ городахъ восточнаго края иные, разноглася между собою касательно сего предмета, удалялись отъ взаимнаго общенія, совершали праздникъ болѣе по-іудейски и разномыслиемъ въ этомъ отношеніи явно вредили свѣтлости праздника“²⁾.

¹⁾ ... Προσηύχε... νόσος τοπική, τὰς ἐκκλησίας ταραττούσα, ἡ διαφωνία τῆς τοῦ Πάσχα ἑορτῆς· ἣτις περὶ τὰ τῆς ἐσχάτης μέρη μόνον ἐγένετο· τῶν μὲν Ἰουδαϊκώτερον ἑορτῆς ποιεῖν ἐσπουδακώτων, τῶν δὲ μιμουμένων συμπαντας τοὺς κατὰ τὴν οἰκουμένην χριστιανούς. Διαφωνοῦντες δὲ οὕτω περὶ τῆς ἑορτῆς, τῆς κοινωνίας μὲν οὐδαμῶς ἐχωρίζοντο, στογνοτέραν δὲ τὴν ἑορτὴν τῇ διαφωνίᾳ εἰργάζοντο“. Socr. I, 8. Migne t. 67. col. 60. по рус. изд. стр. 32.

²⁾ Χαλεπῶς δὲ ἔφερε, πονθανόμενός τις ἐναντίως πᾶσι τὴν τοῦ Πάσχα ἄγειν ἑορτὴν. Τηνικαῦτα γὰρ ἐν τοῖς πρὸς Ἑὼ πόλεσι διαφερόμενοί τινες περὶ τοῦτο, τῆς μὲν πρὸς ἀλλήλους οὐκ ἀπείχοντο κοινωνίας, Ἰουδαϊκώτερον δὲ τὴν ἑορτὴν ἔχον, καὶ ὡς εἰκὸς τῇ περὶ τοῦτου διχονοίᾳ τὴν λαμπρότητα τῆς πανηγύρεως ἐβλαπτόν“. Sosom. I, 16. Migne t. 67. col. 909; по рус. изд. стр. 61.

въ празднованіи Пасхи, а не о полномъ расторженіи общенія, такъ какъ это расторженіе общенія, по его же словамъ, вредило только свѣтлости праздника (на что указываетъ и Сократъ), а не всей вообще церковной жизни, что несомнѣнно послѣдовало бы за полнымъ расторженіемъ общенія между христіанами. Слѣдовательно, Созомень говоритъ тожѣ, что и Сократъ, только не такъ точно, какъ послѣдній.—Объ Осіи Кордубскомъ Созомень говоритъ очень сходно съ Сократомъ. Конечно, разница въ словахъ и выраженіяхъ есть; но общій характеръ показаній того и другаго одинъ и тотъ же. Вотъ ихъ показанія:

Сократа:

Созомена:

„Узнавъ объ этомъ (разногласіяхъ), царь сильно возскорбѣлъ въ душѣ своей и, почитая эту опасность собственною, старался немедленно погасить возгорѣвшееся зло и съ мужемъ надежнымъ, по имени Осією, отправилъ посланіе къ Александру и Арію. Осія былъ епископъ одного изъ Испанскихъ городовъ, называвшагося Кордовою. Царь очень любилъ и уважалъ его“¹⁾.

„Думая, что можно предотвратить зло, прежде чѣмъ оно сообщится большинству народа, царь послалъ отъ себя мужа, знаменитаго своею вѣрою и жизнію, и еще въ прежнія времена прославившагося многими опытами исповѣданія вѣры, и поручилъ ему примирить спорившихъ въ Египтѣ касательно извѣстнаго догмата и разногласившихъ на востокѣ во времени празднованія Пасхи. Этотъ посланный былъ Кордовскій епископъ Осія“²⁾.

1) Ταῦτα δὲ ποιῶμενος ὁ βασιλεὺς καὶ τὴν ψυχὴν ὑπεραλλήλας, συμφορὰν τε οὐκ εἰσὶν εἶναι τὸ πρᾶγμα ἠγγιστάμενος, παραχρῆμα τὸ ἀνασθῆναι κινὸν κατασβῆσαι σπου-

2) Νομίσας τε δύνασθαι προκαταλαβεῖν τὸ κακόν, πρὶν εἰ πλείους χωρῆσθαι, πέμπει ἄνδρα τὸν ἀμψὺ αὐτὸν πίστει καὶ βίῳ ἐπίσημον, καὶ τοῖς ὑπὲρ τοῦ δόγματος

Нельзя не замѣтить, что у Созомена нѣтъ ничего новаго сравнительно съ Сократомъ, если не считать нѣкоторыхъ риторическихкихъ украшеній.—Въ первой половинѣ 17 гл. Созоменъ говоритъ о созваніи собора, называетъ по имени нѣкоторыхъ епископовъ, даетъ общую характеристику членовъ собора и указываетъ общее число ихъ. Все это и въ томъ же самомъ видѣ есть и у Сократа. Вотъ слова того и другаго о созваніи собора:

Сократа:

Видя, что церковь возмущается тѣмъ и другимъ зломъ (аріанскими спорами и разногласіемъ касательно времени празднованія Пасхи), царь своими грамотами приглашалъ всѣхъ епископовъ съѣхаться въ Никеѣ, городѣ Влѳоніи, и составилъ изъ нихъ вселенскій соборъ. Въ Никею явились епископы многихъ областей и городовъ (гл. 8, стр. 32). Осія, епископъ Кордовскій изъ Испаніи, Витонъ и Викентій— римскіе пресвитеры, Александръ Египетскій, Евстаѳій, епископъ

Созомена:

„Когда посланный для водворенія мира возвратился безъ успѣха, то царь рѣшился созвать соборъ и всѣмъ предстоятелямъ первей предиясалъ явиться къ опредѣленному дню въ Никею Влѳонскую. Въ этомъ собраніи отъ апостольскихихъ престоловъ участвовали Макарій Иерусалимскій, Евстаѳій, уже управлявшій церковію Атіохіи, что при Оронть, Александръ, епископъ Александрии, что при озерѣ Мареотскомъ. Но римскій епископъ Юлій за старостью не пріѣхалъ: вмѣсто его присут-

δάξων, γράμματα πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ Ἄρειον πέμπει δι' ἄνδρος ἀξιοπίστου, ᾧ ὄνομα μὲν ἦν Ὅσιος, μίᾳ δὲ τῶν ἐν τῇ Ἰσπανίᾳ πόλεων ὄνομα Κορδοῦββης, ὑπῆρχεν ἐπίσκοπος· πάντα τε αὐτὸν ἠγάπα. καὶ διὰ τριῶν ἤγεν ὁ βασιλεὺς“. Soer. I, 7. Migne t. 67. col. 53--56; no rus. вид. стр. 26.

ἀπολογίαις ἐν τοῖς πρώτοις χρόνοις εὐδοκίμηκιστα, διαλλάξοντα τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ διὰ τὸ ἄγρυπα στασιάζοντας. καὶ τοὺς πρῶτος Ἔω περὶ τῆν ἑσπέρην διαφερομένους. ἦν δὲ αὐτός Ὅσιος ὁ Κορδοῦββης ἐπίσκοπος“. Sosom. I, 16. Mig. col. 909 - 912. стр. 62.

великой Антиохіи, Макарій Іеру- ствовали пресвитеры той же салимскій“ (гл. 13, стр. 70) ¹⁾. церкви—Витонъ и Викентій“ (гл. 17, стр. 62) ²⁾.

Изъ представленной параллели ясно, что Созоменъ и Сократъ въ сущности говорятъ одно и тоже. Все различіе состоитъ только въ томъ, что Сократъ передаетъ дѣло нѣсколько подробнѣе (мы привели показаніе Сократа съ пропусками) и помѣщаетъ свои показанія въ разныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, у Созомена есть въ данномъ случаѣ и существенно новыя показанія сравнительно съ Сократомъ. Такъ онъ указываетъ причину отсутствія на соборѣ Римскаго епископа (старость лѣтъ), о чемъ не упоминаетъ Сократъ (но говоритъ Евсевій: „Жизнь Константина“ III, 7), а равнымъ образомъ называетъ по имени Римскаго епископа, чего также не дѣлаетъ Сократъ. — Созоменова характеристика епископовъ, съѣхавшихся на соборъ, составляетъ простую риторическую передѣлку той, которую приводитъ Сократъ. Положимъ, Сократъ не самостоятельно характеризуетъ епископовъ: онъ приводитъ подлинныя слова Евсевія; но мы констатируемъ только фактъ, что характеристика Созомена не новая, она существуетъ и у Сократа. Вотъ подлинныя слова Сократа и Созомена:

¹⁾ Δὲ ἀμφότερα τοίνυν ὄρων ὁ βασιλεὺς παραττομένην τὴν ἐκκλησίαν σύνοδον οἰκουμένην συνεκρότει, τοὺς παντοχρόθεν ἐπισκόπους διὰ γραμμάτων εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας ἀπαντῆσαι παρακαλῶν. Παρήσαν τε ἐκ πολλῶν ἐπαρχῶν καὶ πόλεων οἱ ἐπίσκοποι... (cap. 8, col. 60—61)... Ῥώμης Βίτων καὶ Βικεντίου πρεσβύτεροι Αἰγύπτου Ἀλέξανδρος· Ἀντιοχείας τῆς μεγάλης Εὐστάθιος· Ἱεροσολύμων Μακάριος. Socrat. cap. 13, col. 108.

²⁾ Ἐπεὶ... ἀπρακτὸς τε ἐπανήει ὁ τὴν εἰρήνην βραβεύσαι ἀπεσταλμένος, συνεκάλεσε σύνοδον εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας καὶ παντοχρὶ τοῖς προσετώσι τῶν ἐκκλησιῶν ἔγραψεν εἰς ῥήτην ἡμέραν παρῆναι. Ἐκονῶνουν δὲ τούτου τοῦ συλλόγου, τῶν μὲν ἀποστολικῶν θρόνων, Μακάριος ὁ Ἱεροσολύμων, καὶ Εὐστάθιος ἤδη τὴν Ἀντιοχείας τῆς πρὸς τῷ Ὀρόντῃ ἐκκλησίαν ἐπιτραπέσι, καὶ Ἀλέξανδρος ὁ Ἀλεξανδρείας τῆς πρὸς τὴν Μαρείαν λίμνην. Ἰούλιος δὲ Ῥωμαίων ἐπίσκοπος διὰ γῆρας ἀπελιμπάνετο. Παρήσαν δὲ ἀντ' αὐτοῦ Βίτων καὶ Βικέντιος, πρεσβύτεροι τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας“. Sosom. I, 17, Mig. col. 912.

Сократа:

„Въ настоящемъ собраніи (на Никейскомъ соборѣ) находилось множество епископовъ числомъ болѣе трехъ сотъ, а сопровождавшимъ ихъ пресвитерамъ, діаконамъ и многимъ другимъ и числа не было. Изъ служителей Божіихъ одни знамениты были словомъ мудрости, другіе украшались строгостію жизни и подвижничествомъ, а иные украшались мѣрностью нрава. Были между ними и такіе, которыхъ уважали за долготѣіе, были и другіе, блиставшіе юностью и бодростію душевною, были также лица, еще недавно вступившія на поприще служенія“¹⁾.

Созомена:

„На соборъ съѣхалось много превосходныхъ и доблестныхъ мужей изъ разныхъ провинцій: одни изъ нихъ отличались способностью мышленія и краснорѣчія; другіе славились знаніемъ свящ. Писанія и прочихъ наукъ; иные знамениты были добродѣтельною жизнію, а нѣкоторые приобрѣли извѣстность тѣмъ и другимъ. Всѣхъ епископовъ на соборѣ находилось около 320. Вѣроятно, не малое также количество находилось пресвитеровъ и діаконъ, приѣхавшихъ вмѣстѣ съ епископами“²⁾.

1) Ἐπει δὲ τῆς παρούσης γορείας ἐπισκόπων μὲν πλῆθος τριακασίων ἀριθμὸν ὑπερακοντήζουσα ἦν· ἐπομένον δὲ τούτοις πρεσβυτέρων καὶ διακόνων, ἀκολούθων τε πλείστων ὄσων ἑτέρων, οὐδὲ ἦν ἀριθμὸς. Τῶν δὲ τοῦ Θεοῦ λειτουργῶν οἱ μὲν διέπρεπον σοφίας λόγῳ· οἱ δὲ βίου στερρότητι καὶ καρτερίᾳς ὑπομονῇ· οἱ δὲ τῷ μέσῳ τρόπῳ κατεκοσμοῦντο. Ἦσαν δὲ τούτων οἱ μὲν χρόνου μήκετε τετραμηνοί· οἱ δὲ νεότητι καὶ ψυχῆς ἀκμῇ διαλάμποντες· οἱ δὲ ἄρτι παρελθόντες ἐπὶ τὸν τῆς λειτουργίας δρόμον“. Socr. I, 8; col. 61; стр. 33.

2) ... Πλείστοι καλοὶ καὶ ἀγαθοὶ (ἐπισκοποι) ἐκ διαφόρων ἐθνῶν συνήλθον οἱ μὲν νοεῖν καὶ λέγειν ἱκανοί, εἰδήσει τε τῶν ἱερῶν βιβλίων καὶ τῆς ἄλλης παιδείας ἐπίσημοι ἐν ἀρετῇ βίου διαπρέποντες· οἱ δὲ κατ' ἀμφοτέρων εὐδοκιοῦντες. Ἦσαν δὲ ἐπίσκοποι ὑπὲρ ἄμφι τριακῆσιν εἴκοσι πρεσβυτέρων τε καὶ διακόνων ὡς εἰκόσις ἐπομένων οὐκ ἦν ὀλίγον πλῆθος“. Sosom. I, 17; col. 912; стр. 62—63.

Какъ видно, Созоменъ не прибавляетъ ничего, кромѣ риторикъ, къ характеристикѣ епископовъ, которая находится у Сократа. Наше мнѣніе поддерживають и Валезій. О приведенномъ мѣстѣ изъ исторіи Созомена онъ замѣчаетъ: „Здѣсь Созоменъ подражаетъ Евсевію (*Sosomenus hic imitatur Eusebium*)¹⁾, характеристику котораго привелъ въ своей исторіи Сократъ. Разница между Сократомъ и Созоменомъ только въ обозначеніи числа епископовъ, бывшихъ на соборѣ. По Созомену на соборѣ епископовъ было около 320, а по Сократу—болѣе 300. Но и эта разница только внѣшняя, а не дѣйствительная. Сократъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ о числѣ епископовъ неопредѣленно, приспособляясь, вѣроятно, къ неопредѣленному показанію Евсевія. Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ болѣе точныя показанія; такъ онъ говоритъ, что символъ Никейскій подписали 318 епископовъ, а 5 епископовъ отказались подписать его“²⁾. Изъ этого показанія Сократа открывается, что епископовъ на соборѣ было около 320. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ показаніе Созомена не ново сравнительно съ показаніемъ Сократа.—Въ 17 гл. Созоменъ говоритъ о присутствіи на соборѣ діалектиковъ—мірянь. Это показаніе буквально находится и у Сократа.

Показаніе Сократа:

„Были на соборѣ и многіе искусные въ діалектикѣ міряне, готовые защищать свою сторону“³⁾.

Показаніе Созомена:

„Вмѣстѣ съ ними (епископами) явились и мужи искусные въ діалектикѣ, намѣревавшіеся помогать имъ словомъ“⁴⁾.

1) Valesii Annotat. Migne t. 67. col. 911.

2) Сократъ кн. I, гл. 8, стр. 18.

3) „Συμπρόθεσαν δὲ λαϊκοὶ πολλοὶ διαλεκτικῆς ἔμπειροι ἐν ἑκατέρῳ μέρει συνηγορεῖν προθυμώμενοι“. Socr. I, 8. col. 64; стр. 34.

4) „Συμπρόθεσαν δὲ αὐτοῖς ἄνδρες διαλέξεων ἔμπειροι ἐκείνοις βοηθεῖν λόγοις ἐπιδράζοντες“. Sosom. I, 17; col. 912; стр. 63.

Наконецъ, въ 17 же главѣ Созомень говорить о дѣятельности Аѳанасія Александрійскаго на Никейскомъ соборѣ и опять говорить тоже, что есть у Сократа. Приведемъ показанія того и другаго историка:

Сократа:

„Противъ нихъ (вождей арианства) мужественно подвизался Аѳанасій, который хотя былъ діакономъ Александрійской церкви, но пользовался особеннымъ уваженіемъ епископа Александра“¹⁾.

Созомена:

„Аѳанасій Александрійскій, бывший тогда еще діакономъ и обращавшійся съ епископомъ Александромъ, началъ принимать особенное участіе въ разсужденіяхъ (собора)“²⁾.

Въ 20 гл. Созомень подробно говорить о торжественномъ засѣданіи собора. Объ этомъ говорить и Сократъ³⁾ на основаніи Евсевія, но гораздо короче Созомена.—Въ началѣ 21 гл. Созомень разсказываетъ объ участіи императора въ разсужденіяхъ собора; это есть и у Сократа⁴⁾. Различіе между ними только въ томъ, что Сократъ приводитъ подлинныя слова Евсевія, а Созомень кратко передаетъ ихъ сущность.—Середина 21 гл., гдѣ Созомень говоритъ о подписи Евсевія Кесарійскаго къ символу, объ осужденіи Арія, его учевія и сообщниковъ и о другихъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ это время, не представляетъ собою почти ничего новаго сравнительно съ показаніями Сократа. Различіе состоитъ лишь въ томъ, что у Созомена показанія приведены въ

1) Τοῦτοις δὲ γενναίως ἀντιγωνίζετο Ἀθανάσιος, διάκονος μὲν τῆς Ἀλεξανδρείων ἐκκλησίας. Σφόδρα δὲ αὐτὸν διὰ τιμῆς ἦεν Ἀλεξάνδρος ἐπίσκοπος“. Socr. I, cap. 8; col. 64; стр. 34.

2) Церк. Ист. гл. 8, стр. 39.

4) Ibid. стр. 35—36.

3) Ἀθανάσιος ὁ Ἀλεξανδρείας ἐστὶ τὸ τε διάκονος, Ἀλεξάνδρῳ τῷ ἐπισκόπῳ συνών, πλείστον εἶναι ἔδοξε μέρος τῆς περὶ ταῦτα βουλῆς“. Sosom. I, 17; col. 913; стр. 61.

одномъ мѣстѣ, а у Сократа они разбѣяны по разнымъ мѣстамъ. Сходство между Сократомъ и Созоменомъ будетъ вполне ясно, если мы параллельно приведемъ показанія того и другаго, при чемъ показанія Сократа размѣстимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ идутъ соотвѣтствующія показанія Созомена.

Показанія Сократа:

„Бывшій на соборѣ Евсевій, по прозванію Памфиловъ,.... немного затруднялся и недоумѣвалъ, слѣдуетъ-ли принять изложенную формулу вѣры, но потомъ, согласившись со многими другими, подписалъ ее (гл. 8, стр. 39)... Соборъ и Арію и всѣмъ его единомышленникамъ произнесъ анаѳему, прибавивъ къ тому, что онъ не долженъ и возвращаться въ Александрію (*ibid*)... Анаѳематствованы не только Аріи и его единомышленники, но и самое изложеніе его ученія. Надобно также знать, что свое ученіе Аріи изложилъ въ книгѣ и озаглавилъ ее „Θαλία“. Характеръ этой книги отрывочность и несвязность, похожая на измѣренную рѣчь. или сотадійскія пѣсни. Тогдашній соборъ запретилъ ее (гл. 9, стр. 49—50). Евсевій и Θεогнисъ обна-

Показанія Созомена:

„Евсевій Памфиловъ сначала нѣсколько колебался, а потомъ рассмотрѣлъ Никейское вѣроизложеніе и также подписалъ. Соборъ отлучилъ Арію вмѣстѣ съ единомышленниками и положилъ не принимать его въ Александрію. Мало этого, онъ запретилъ и тѣ самыя выраженія, въ какихъ высказывались его мнѣнія, и книгу его объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ „Θαλία“. Характеръ этой Θαλίи, какъ я слышалъ, но не читалъ, — безсвязность, по которой она походитъ на сотадійскія пѣсни. Надобно замѣтить однакожь, что Евсевій Никомидійскій и Θεогнисъ Никейскій, принявъ символъ вѣры, не согласились на изложеніе Аріи и не подписали соборнаго опредѣленія объ этомъ. Не смотря на то, царь назначилъ Арію ссылку и какъ всѣмъ епископамъ, такъ и на-

родованную вѣру подписали, а съ опредѣленіемъ о низложеніи Арія согласиться не хотѣли (гл. 14, стр. 72). Царь издалъ повелѣніе Арія отправить въ ссылку (гл. 8, стр. 39). Если найдется какое-либо изъ Аріевыхъ сочиненій (писалъ Константинъ епископамъ и народамъ), повелѣваемъ предать его огню, чтобы такимъ образомъ дурное его ученіе не только исчезло, но и не воспоминалось. Объявляю также, что кто будетъ обличенъ въ утаеніи написаннаго Аріемъ сочиненія, кто тотчасъ же не представитъ и не сожжетъ его, тому наказаніемъ будетъ смерть, тому немедленно, по открытіи вины, отсѣчена будетъ голова (гл. 9, стр. 53—54). Писалъ царь и другія посланія въ родѣ рѣчей противъ Арія и его единомышленниковъ... и эти посланія разсылалъ всюду по городамъ (гл. 9, стр. 63)... Царь издалъ повелѣніе Евсевія и Θεониса отправить въ ссылку“ (гл. 8, стр. 39)¹⁾.

роду письменно повелѣлъ считать его и единомыслящихъ съ нимъ за людей нечестивыхъ и если найдется какое-либо написанное ими сочиненіе, предавать его огню, такъ чтобы о немъ и введенномъ отъ него ученіи даже и помину не было. А его будетъ замѣченъ въ утайкѣ, кто тотчасъ же не объявитъ и не сожжетъ, тотъ въ наказаніе подвергнется смерти и уголовной казни. Разослалъ онъ по городамъ и другое посланіе противъ Арія и его единомышленниковъ. Евсевію же и Θεогнису повелѣлъ выѣхать изъ городовъ, въ которыхъ они епископствовали“ (гл. 21, стр. 71)²⁾.

1) Τότε ἐν τῇ συνόδῳ Εὐσεβίος, ὁ τῶν Πατριάρχων προσωνομίαν ἔχων... μικρὸν ἐπιστήριον καὶ διασκεψάμενος εἰ δεῖ προσδέξασθαι τὸν ὄρον τῆς πίστεως οὕτως

2) Εὐσεβίος ὁ Πατριάρχου μικρὸν ἐπιστήριον ἐπισκέψατο ταύτην καὶ ἐπήνεσεν. Ἦ δὲ συνόδος ἀπεκλήρουσεν Ἀρειὸν καὶ τοὺς ὁμοίως αὐτῷ φρονούντας, Ἀλεξανδρείας

Какъ видно, показанія Созомена очень сходны съ показаніями Сократа. Замѣчательно особенно то, что Созоменъ и Сократъ допускаютъ одинаковую непослѣдовательность: оба свидѣлствуютъ, что Евсевій Никомидійскій и Θεогνισъ Нικейскій отправлены были въ ссылку непосредственно послѣ собора. Въ частности

ἄμα τοῖς πολλοῖς πᾶσι συνήνεσεν τε καὶ συνυπέγραψεν (с. 8, col. 69). Ἡ σύνοδος Ἄρειον μὲν καὶ τοὺς ὁμοδόξους αὐτοῦ ἀναθεμάτισεν ἅπαντας, προσθέντες μῆτε ἐπιβαίνειν τῆς Ἀλεξανδρείας αὐτόν (col. 69)... Οὐ μόνον Ἄρειον καὶ τοὺς ὁμοδόξους αὐτοῦ ἀνεθεμάτισαν, ἀλλὰ καὶ τὰς λέξεις τῆς δόξης αὐτοῦ (с. 9, col. 84)... Ἰστέον δὲ, ὅτι: Ἄρειος βιβλίον συνέγραψε περὶ τῆς ἑαυτοῦ δόξης, ὃ ἐπέγραψε Θάλειαν. Ἔστι δὲ ὁ χαρακτήρ τοῦ βιβλίου χαῦνος καὶ διαλελυμένος, τοῖς σωταδίοις ἄσμασιν, ἤτοι μέτροις παραπλήσιος ὄπερ καὶ αὐτὸ τότε ἡ σύνοδος ἀπεκήρυξεν (ibid). Εὐσέβιος καὶ Θεόγνισ μὲν τῇ ὑπαγορευθείσῃ πίστει ὑπεσημῆναντο, τῇ δὲ καθαιρέσει Ἄρειου σύμφηθοι γενέσθαι οὐκ ἐβουλήθησαν (с. 14, col. 113)... Βασιλέως πρόσταγμα Ἄρειον εἰς ἐξορίαν ἀπέστειλεν (с. 8, col. 69). Εἴ τι σύγγραμμα ὑπὸ Ἄρειου συντεταγμένον εὐρίσκειτο, τοῦτο πυρὶ παραδίδοσθαι, ἵνα μὴ μόνον τὰ ψάλλα αὐτοῦ τῆς διδασκαλίας ἀφανισθῆι, ἀλλὰ μῆδὲ ὑπόμνημα αὐτοῦ ὅλως ὑπολείπεται. Ἐκεῖνο μὲντοι προαγορεύω ὡς εἴ τις σύγγραμμα ὑπὸ Ἄρειου συνταχέν φωραθῆι κρύψας, καὶ μὴ εὐθέως προσενεγκῶν πυρὶ καταναλώσῃ, τούτῳ θάνατος ἔσται ἢ ζημία· παραχρῆμα γὰρ ἀλοῦς ἐπὶ τούτῳ κεθαλικὴν ὑποστήσεται τιμωρίαν (с. 9, col. 88—89)... Καὶ ἄλλας δὲ ἐπιστολάς ὁ βασιλεὺς κατὰ Ἄρειου καὶ τῶν ὁμοδόξων αὐτοῦ πανηγυρικώτερον γράψας, πανταχοῦ κατὰ πόλεις προσέθηκε (с. 9, col. 97)... Βασιλέως πρόσταγμα Εὐσέβιον καὶ Θεόγνιν εἰς ἐξορίαν ἀπέστειλεν“. Socr. с. 8, col. 69.

τε μὴ ἐπιβαίνειν αὐτὸν ἐψηφίσατο. Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὰς λέξεις τῆς αὐτοῦ δόξης ἀπεκήρυξαν καὶ τὸ βιβλίον ὃ περὶ ταύτης συντάξας Θάλειαν ἐπέγραψε. Τοῦτου δὲ τοῦ συντάγματος, ὡς ἐποθύμην, οὐ γὰρ ἐνέτυχον διαλελυμένος ἐστὶν ὁ χαρακτήρ, ὡς ἐμφερῆς εἶναι τῇ χαυνότητι τοῖς Σωτάδου ἄσμασιν. Ἰστέον μὲντοι, ὡς τῇ Ἄρειου καθαιρέσει οὔτε ἔθεντο, οὔτε ὑπέγραψαν Εὐσέβιος ὁ Νικομηδείας καὶ Θεόγνισ ὁ Νικεὺς, καίπερ τῇ γραφῇ τῆς πίστεως συνανέσαντες. Ὁ δὲ βασιλεὺς Ἄρειον μὲν ὑπερορίῳ φυγῇ ἐξημίωσε· καὶ τοῖς πανταχῇ ἐπισκόποις καὶ λαοῖς νομοθετῶν ἔγραψεν, ἀσεβεῖς ἠγεῖσθαι αὐτόν τε καὶ τοὺς αὐτοῦ ὁμόφρονας καὶ πυρὶ παραδοῦναι εἴ τε αὐτῶν εὐρίσκειτο σύγγραμμα, ὡς τε μῆτε αὐτοῦ, μῆτε δόγματος οὐ εἰσηγγέσατο, ὑπόμνημα φέρεσθαι. Εἰ δὲ τις φωραθῆι κρύπτων καὶ μὴ παραχρῆμα καταμνήσας ἐμπρήσῃ θάνατον εἶναι τὴν ζημίαν, καὶ τιμωρίαν εἰς κεφαλὴν. Καὶ ἄλλας δὲ κατὰ πόλιν ἐπιστολάς διεπέμφατο κατὰ Ἄρειου καὶ τῶν ὁμοδόξων αὐτοῦ. Εὐσέβιον δὲ καὶ Θεόγνιον, φεύγειν προσέταξεν, ἄς ἐπισκόπουν πόλεις“ Sosom. I, с. 21, col. 921—924.

о причинах ссылки Евсевія и Θεогниса Сократъ и Созоменъ говорятъ на основаніи одного и того же посланія императора Константина къ никомидійцамъ и говорятъ много общаго, до буквальности сходнаго, напр. о козняхъ Евсевія противъ Константина¹⁾. Но вообще здѣсь Созоменъ говоритъ гораздо подробнѣе Сократа. — 22 гл. исторіи Созомена, содержащая въ себѣ рассказъ о призваніи на соборъ новаціанскаго епископа Акесія, буквально сходна съ 10 гл. исторіи Сократа. Разница только та, что Созоменъ не указываетъ источниковъ рассказа и не жалуется, что никто ранѣе его не писалъ объ этомъ фактѣ, какъ жалуется Сократъ. — 23 гл. Созомена, содержащая показаніе объ установленіи на соборѣ каноническихъ правилъ, въ частности о вліяніи Пафнута Оивайдскаго на составленіе 3-го канона, представляетъ собою дословное повтореніе показаній Сократа, находящихся въ 13 и 11 гл.²⁾ Разность между Сократомъ и Созоменомъ состоитъ только въ томъ, что первый говоритъ о предложеніи ввести безбрачіе для епископовъ, пресвитеровъ и діаконъ, а второй — и для иподіаконовъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ спискамъ (напр. по Флорентійскому кодексу) слова: „καὶ ὑποδιάκονοις“ есть и въ исторіи Сократа³⁾; слѣдовательно, и эта разность между Сократомъ и Созоменомъ пропадаетъ. — 24 гл. исторіи Созомена представляетъ изложеніе соборныхъ постановленій о мелетіанахъ, каковыя постановленія находятся въ посланіи Никейскаго собора къ Александрійской церкви, которое приведено въ 9 гл. исторіи Сократа. — Въ концѣ 25 гл. исторіи Созомена кратко излагается содержаніе посланія императора Константина къ Александрійской церкви: это посланіе приведено и въ исторіи Сократа⁴⁾.

¹⁾ Ср. Созом. I, стр. 71--72 (Migne col. 921) и Сокр. I, 14.

²⁾ Ср. Созм. I, 23 гл. и Сокр. гл. 13, кн. I, стр. 70 (Migne col. 108) гл. 11, стр. 65--66 (col. 101--104).

³⁾ Annotat. Valesii (80). Migne t. 67, col. 101.

⁴⁾ I, 9, стр. 50--52 (Migne col. 81--88).

Мы оти́гли сходныя мѣста въ повѣствованіяхъ Сократа и Созомена. Если результаты сличенія перевести на языкъ математики, то окажется, что $\frac{3}{5}$ повѣствованія Созомена находится почти въ буквальномъ видѣ въ повѣствованіи Сократа. Откуда такое сходство? Его, конечно, нельзя объяснить однимъ сходствомъ источниковъ. Самое сходство источниковъ при самостоятельности двухъ писателей — явленіе положительно невѣроятное. Между тѣмъ цитируемыя документы и источники у Сократа и Созомена одни и тѣже. Еще болѣе странно и непонятно то, что Сократъ и Созоменъ заимствуютъ и изъ преданія одни и тѣже свѣдѣнія. Напр. Сократъ прямо заявляетъ, что о призваніи на Никейскій соборъ Акесія, новаціанскаго епископа, онъ говоритъ исключительно на основаніи преданія, потому что объ этомъ обстоятельстве никто изъ древнихъ писателей не упомянулъ. Но этотъ же самый рассказъ и въ томъ же самомъ видѣ находится и у Созомена. Очевидно, если объяснять сходство между Сократомъ и Созоменомъ однообразіемъ источниковъ, то должно допустить, что они и преданіемъ пользовались одинаково и получали изъ него одни и тѣже извѣстія; а это допустить трудно, если не положительно невозможно. Наконецъ, какъ у Сократа, такъ и у Созомена встрѣчаются одинаковыя ошибки и неправильности. Напр. тотъ и другой одинаково неправильно свидѣтельствуютъ, что Евсевій Никомидійскій и Θεогнисъ Никейскій отправлены были въ ссылку прямо съ собора, какъ и Арій. Такое явленіе положительно не объяснимо однимъ сходствомъ источниковъ. Очевидно, сходство между Сократомъ и Созоменомъ нужно объяснять не сходствомъ источниковъ, а зависимостью одного изъ нихъ отъ другаго, — тѣмъ, что одинъ списывалъ съ другаго. Мы не можемъ признать такимъ плагиаторомъ Сократа. Сократъ писалъ свою исторію ранѣе Созомена: это единогласно признаютъ все древніе и новые изслѣдователи. Въ пользу этого мнѣнія, кромѣ общаго признанія, можно привести довольно вѣскія доказательства и изъ самыхъ трудовъ Сократа и Созомена. Сократъ, рассказавъ

о призваніи на соборъ императоромъ Константиномъ новаціанскаго епископа Акесія, замѣчаютъ: „объ этомъ не упомянулъ ни Евсевій Памфиловъ, никто другой“. Такое замѣчаніе очень выразительно говоритъ, что въ то время, когда Сократъ писалъ свою исторію, исторіи Созомена еще не существовало, потому что въ этой послѣдней есть разсказъ объ Акесіи¹⁾. Далѣе, Сократъ въ большинствѣ случаевъ документы, которыми пользовался, приводитъ въ подлинникѣ; между тѣмъ Созоменъ большею частью передаетъ только ихъ содержаніе. Слѣдовательно, нужно признать, что Сократъ независимо отъ Созомена пользовался документами, такъ какъ нельзя по краткому изложенію возстановить подлинный видъ документа. Итакъ неперемѣнно долженъ слѣдовать тотъ выводъ, что Созоменъ пользовался повѣствованіемъ Сократа о Никейскомъ соборѣ, или проще: многое списалъ съ повѣствованія Сократа.

Но утверждая, что Созоменъ пользовался исторіею Сократа, мы, однако, не утверждаемъ того, что всѣ указанная нами сходныя мѣста въ повѣствованіяхъ Сократа и Созомена несомнѣнно списаны послѣднимъ у перваго. Мы утверждаемъ полную зависимость Созомена отъ Сократа только по отношенію къ бѣльшей части сходныхъ мѣстъ, но не всѣхъ. Сократъ самъ не вездѣ самостоятеленъ: онъ много заимствуетъ изъ другихъ болѣе раннихъ сказаній о Никейскомъ соборѣ, напр. изъ „Жизни Константина“ Евсевія, церковной исторіи Руфина и др.; при этомъ нѣкоторыя показанія своихъ источниковъ и документы онъ приводитъ въ подлинномъ видѣ. Очень можетъ быть, что всѣми этими показаніями и документами, заимствованными Сократомъ изъ болѣе раннихъ сказаній, Созоменъ пользовался и не чрезъ посредство Сократа. Доказать противное мы ничѣмъ не можемъ. А что дѣйствительно Созоменъ имѣлъ подъ руками нѣкоторые источники и документы и самостоятельно, а не по исторіи Сократа ознакомилъ

¹⁾ кн. I, гл. 22.

ся съ ними, — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Созоменъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправляетъ показанія Сократа, заимствованныя изъ другихъ источниковъ, и исправляетъ именно словами первоисточника; нѣкоторые показанія приводитъ полнѣе, чѣмъ Сократъ: приводитъ подлинныя слова вмѣсто краткаго изложенія; наконецъ, иногда приводитъ одно и тоже показаніе въ двухъ видахъ — по Сократу и по первоисточнику. Все это нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что Созоменъ самостоятельно ознакомился съ нѣкоторыми источниками и документами и изъ нихъ дѣлалъ заимствованія для своего повѣствованія о соборѣ.

Такъ прежде всего несомнѣнно Созоменъ знакомъ былъ независимо отъ Сократа съ сочиненіемъ Евсевія „Жизнь Константина“. Изъ этого сочиненія онъ сдѣлалъ слѣдующія самостоятельныя заимствованія: 1) о причинѣ отсутствія на соборѣ Римскаго епископа и о присутствіи вмѣсто него двухъ пресвитеровъ ¹⁾. Такого показанія нѣтъ у Сократа, но оно почти дословно есть у Евсевія ²⁾. 2) Почти вся 19 гл. (за исключеніемъ первыхъ строкъ), гдѣ говорится о торжественномъ засѣданіи собора, о приходѣ императора, о рѣчи епископа къ императору и императора къ епископамъ, заимствована Созоменомъ у Евсевія и опять самостоятельно, а не чрезъ посредство Сократа. Что она заимствована у Евсевія, въ этомъ нельзя сомнѣваться: Созоменъ говоритъ почти тѣми же самыми словами, какими говоритъ и Евсевій, и иногда только короче передаетъ показанія послѣдняго ³⁾. Особенность Созомена состоитъ лишь въ томъ, что онъ день торжественнаго собранія епископовъ называетъ днемъ воскреснымъ (*хѳрѣа*) и прямо указываетъ, что рѣчь императору произносилъ Евсевій Памфиловъ, чего нѣтъ у Евсевія. А что всѣ эти показанія, или по крайней мѣрѣ бѣльшая часть изъ нихъ заимствована не чрезъ посред-

¹⁾ Созом. I, 17, стр. 62. Migne, col. 912.

²⁾ „Жизнь Константина“ III, 7.

³⁾ Сн. Созомен. I, 19 и „Жизнь Константина“ III, 10—12.

ство Сократа, это видно изъ слѣдующаго: а) Созоменъ здѣсь поправляетъ Сократа и поправляетъ словами Евсевія. Сократъ говоритъ, что императоръ, по приходѣ на соборъ, не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его¹⁾; между тѣмъ Созоменъ передаетъ, что императоръ сѣлъ самъ, при чемъ повелѣно было сѣсть и собору²⁾. Созоменово показаніе ближе подходитъ къ Евсевіеву, по которому императоръ сѣлъ самъ, хотя не прежде, какъ далъ знакъ садиться епископамъ³⁾. б) Созоменовъ рассказъ подробнѣе Сократова: Созоменъ напр. приводитъ въ подлинномъ видѣ рѣчь императора собору, чего не дѣлаетъ Сократъ. в) 25 гл. исторіи Созомена (за исключеніемъ послѣдняго показанія о посланіи къ церкви Александрійской), гдѣ говорится о ширшествѣ, которое устроилъ Константинъ послѣ собора для епископовъ, о подаркахъ епископамъ, о совѣтахъ—быть въ мирѣ и единомысліи между собою, наконецъ, о грамотахъ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ, заимствована у Евсевія⁴⁾. Все различіе между Созоменомъ и Евсевіемъ состоитъ въ томъ, что первый передаетъ показанія послѣдняго не буквально, а въ свободномъ парафразѣ, иногда прибавляя къ подлиннику риторическія украшенія. Вотъ самостоятельныя заимствованія Созомена у Евсевія.

Независимо отъ Сократа знакомъ былъ Созоменъ и съ церковною исторіею Руфина. Прямо изъ нея, а не чрезъ посредство Сократа, онъ не мало заимствуетъ для своего повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. 1) Такъ изъ церковной исторіи Руфина Созоменъ заимствовалъ рассказъ о сожженіи императоромъ жалобъ, поданныхъ епископами другъ на друга, равнымъ образомъ показаніе о разногласіи епископовъ по вопросамъ вѣры въ частныхъ

¹⁾ кн. I, гл. 8, стр. 35.

²⁾ кн. I, гл. 19, стр. 68.

³⁾ „Жизнь Константина“ III, 10.

⁴⁾ „Жизнь Константина“ III, гл. 15—16. 21.—Сократъ объ этомъ вовсе не говоритъ.

совѣщаніяхъ. Что Созоменъ изъ исторіи Руфина заимствовалъ разсказъ о сожеженіи епископскихъ жалобъ императоромъ, это не требуетъ доказательствъ: это видно при первомъ сличеніи разсказовъ Руфина и Созомена ¹⁾). Равнымъ образомъ и дальнѣйшія показанія Созомена о разногласіи епископовъ въ частныхъ совѣщаніяхъ окажутся явно заимствованными у Руфина, если подвергнуть анализу разсказъ Созомена и сличить его съ разсказомъ Руфина. Вотъ показанія Руфина и Созомена:

Руфина:

„Когда въ продолженіи нѣсколькихъ дней поднимался вопросъ о вѣрѣ, то между нѣкоторыми обнаружались разногласія (nonnulli diversa sentirent): одни сильно сочувствовали предпріятіямъ Арія (vehementer coeptis Aarii faverent), другіе и притомъ большая часть (plures) — гнушались нечестиваго начинанія (impium exsecrarentur insertum). На томъ соборѣ былъ великій сонмъ исповѣдниковъ и всѣ они возставали противъ нововведеній Арія. На сторонѣ же Арія стояли мужи опытные въ состязаніяхъ (in quae-

Созомена:

„Еще прежде срока епископы, сходясь между собою, призывали Арія и, предлагая на общее изслѣдованіе свои мысли, вступали въ разсужденія. Однакожь изслѣдованіе ихъ, какъ обыкновенно бываетъ, послужило только источникомъ къ различнымъ вопросамъ: одни совѣтовали не дѣлать нововведеній (μὴ νεωτερίζειν) въ преданной изъ древности вѣрѣ и это были особенно тѣ, которымъ простота правовъ внушала безхитростно (ἀπεριέργως) принимать вѣру въ Бога; а другіе утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ не долж-

¹⁾ Ср. Созом. I, 17, стр. 63—64 (Migne col. 913), Rufin. Hist. eccles. I, c. 2.—О жалобахъ епископовъ другъ на друга передаетъ и Сократъ (гл. 8, стр. 35); но Созоменъ говоритъ гораздо подробнѣе Сократа и ближе къ Руфину: напр. увѣщаніе императора у Созомена и Руфина передается дословно сходно, между тѣмъ у Сократа нѣсколько иначе.

stionibus callidi) и потому противящиеся простотѣ вѣры (simplicitati fidei adversi) ¹⁾.

но слѣдовать безъ повѣрки ихъ (μὴ χρῆναι ἀβασανίστως ταῖς παλαιωτέραις δόξαις ἔπεσθαι). Изъ собравшихся тогда епископовъ и находившихся при нихъ клириковъ многіе славились, какъ люди въ діалектикѣ сильные и въ бесѣдахъ такого рода опытнѣйшіе (δεινοὶ διαλέγεσθαι καὶ τὰς τοιαύτας μεθόδους τῶν λόγων ἡσχημένοι^α) ²⁾.

На первый разъ представляется, что Созоменъ говоритъ что-то новое сравнительно съ Руфиномъ. Но если всмотрѣться внимательнѣе, то дѣло представится въ иномъ видѣ: все, по видимому, новое явится не болѣе, какъ свободнымъ парафразомъ Руфиновыхъ показаній. Созоменъ говоритъ, что епископы сходились на предварительныя, частныя совѣщанія; Руфинъ прямо этого не говоритъ, но изъ хода его разсказа можно догадываться, что онъ имѣетъ въ виду тоже частныя совѣщанія. Руфинъ говоритъ о возникновеніи несогласій между епископами и раздѣленіяхъ между ними. Разногласіе и раздѣленіе, по его разсказу, явилось не вдругъ, а какъ результатъ продолжительнаго разсужденія о вѣрѣ (per dies multos.... de fide quaestio verteretur et nonnulli diversa sentirent) ³⁾. Но подобнаго процесса раздѣленія не могло быть на торжественныхъ засѣданіяхъ собора. Тамъ, какъ мы знаемъ изъ сказаній Евсевія, Афанасія и Евстація, прямо выступали партіи вполне сформировавшіяся (а не образующіяся только). Слѣдовательно, продолжительныя разсужденія епископовъ

¹⁾ Rufin. I, c. 2. col. 469.

²⁾ Созом. I, 17; стр. 64. Migne col. 913.

³⁾ Rufin. I. 2.

о вѣрѣ, послужившія къ образованію партій, о которыхъ (разсужденіяхъ) говоритъ Руфинъ, имѣли мѣсто не на торжественныхъ засѣданіяхъ собора, а на предварительныхъ совѣщаніяхъ. Такимъ образомъ Созоменъ только прямо высказалъ то, что по Руфину лишь подразумѣвается. Далѣе, по Созомену между епископами появились разногласія; тоже самое и по Руфину: *nonnulli diversa sentirent*. По Созомену одни предлагали не дѣлать нововведеній, другіе требовали повѣрки прежнихъ мнѣній. По видимому, соотвѣтствующаго показанія нѣтъ у Руфина; но только по видимому. Руфинъ говоритъ, что сторонники Арія, какъ люди образованные, искусные въ изысканіяхъ, чуждались простоты вѣры; слѣдовательно, православные защищали простоту вѣры. Такой выводъ необходимо слѣдуетъ изъ той противоположности, какую устанавливаетъ Руфинъ между православными и арианами. Такой выводъ подтверждается и положительными показаніями Руфина: исповѣдники противились нововведеніямъ Арія. Такимъ образомъ изъ показанія Руфина выходитъ, что на предварительныхъ совѣщаніяхъ одни отстаивали простоту вѣры и противились нововведеніямъ, другіе отвергали простоту вѣры и защищали нововведенія. А этотъ выводъ вполне согласенъ съ показаніемъ Созомена, что одни предлагали не дѣлать нововведеній, другіе требовали повѣрки прежнихъ мнѣній. Слѣдовательно, показаніе Созомена вполне можно признать за заимствованіе у Руфина, только заимствованіе не букввальное, а въ свободной передѣлкѣ. Если же принять во вниманіе то обстоятельство, что и предыдущія и послѣдующія показанія Созомена, составляющія контекстъ разбираемаго нами показанія, заимствованы у Руфина, то нашъ выводъ о зависимости Созомена отъ Руфина въ разбираемомъ мѣстѣ—будетъ очень вѣроятенъ¹⁾. Что касается послѣд-

¹⁾ Признавъ показаніе Созомена о разногласіи между епископами по вопросу о методѣ веденія дѣла при рѣшеніи спорнаго догматическаго вопроса за заимствованіе у Руфина, мы тѣмъ самымъ рѣшаемъ спорный вопросъ о томъ, какъ понимать слова Созомена: „одни предлагали не дѣлать нововведеній, дру-

ного показанія Созомена: „многіе епископы и клирики были слышны въ діалектикѣ и славились въ бесѣдахъ такого рода“,—то оно есть прямой парафраза Руфинава выраженія: „in quaestionibus callidi“. Въ представленной параллели у Руфина не достаетъ сравнительно съ Созоменомъ указанія на призваніе Арія. Но и это указаніе у Руфина есть, только оно приведено въ другомъ мѣстѣ¹⁾. Вотъ оно: „часто призывался на соборъ и Арій и его положенія разсматривались тщательно“. Какъ видно, показаніе Созомена и относительно этого пункта не представляетъ ничего новаго сравнительно съ Руфиномъ. 2) Первая половина 18 гл. Созоменовой исторіи, содержащая въ себѣ рассказъ о посрамленіи философовъ однимъ простымъ старцемъ, составляетъ повтореніе 3 гл. исторіи Руфина, повтореніе хотя не дословное, но очень близко подходящее къ подлиннику²⁾. Правда, между Созоменомъ и Руфиномъ есть различіе въ указаніи причинъ и побужденій, въ силу которыхъ философы явились на соборъ. По Созомену, одни изъ языческихъ мудрецовъ явились на соборъ съ цѣлью ознакомиться съ христіанскимъ ученіемъ, другіе—съ цѣлью возбудить между христіанами вражду и противорѣчія во мнѣніяхъ³⁾; между тѣмъ, по Руфину, философы

гіе требовали повѣрѣя прежнихъ мнѣній“? Кого разумѣть подъ первыми, кого—подъ вторыми? Нѣкоторые ученые (напр. о. Ивановъ. „Религіозныя движенія IV и V в.“ стр. 79—80, и др.) рѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что и подъ вторыми нельзя разумѣть однихъ аріанъ, а нужно разумѣть и православныхъ. Но съ такимъ рѣшеніемъ трудно согласиться. Не говоря уже о томъ, что довольно странно приписывать православнымъ отцамъ тенденцію подновлять вѣру (νεωτερίζων πίστην) и не сообразно съ взглядами даже образованнѣйшихъ изъ нихъ (см. у проф. Лебедева: „Изъ исторіи вселен. соборовъ IV и V в.“ стр. 73—75), мы должны относить первую половину словъ Созомена къ православнымъ, вторую (другіе....)—къ аріанамъ на томъ основаніи, что эти слова составляютъ парафраза Руфинава показанія, а Руфинъ отличительною чертою православныхъ выставляетъ простоту и безхитростность въ вѣрѣ.

¹⁾ сар. 5.

²⁾ Этотъ рассказъ есть и у Сократа (гл. 8); но рассказъ Созомена гораздо ближе подходитъ къ Руфинову рассказу, чѣмъ къ Сократову.

³⁾ гл. 18.

явились на соборъ исключительно ради любопытства, съ цѣлью послушать споры христіанъ между собою¹⁾. Но это различіе едва ли столь существенно, чтобы ради его отвергать зависимость въ данномъ случаѣ Созомена отъ Руфина. Созомень здѣсь просто разукрасилъ сказанное Руфиномъ, какъ онъ поступаетъ и во многихъ другихъ случаяхъ. „Греки замѣчаютъ Валезій по поводу этого мѣста Созомена, имѣли обыкновеніе къ разказу, заимствуемому у другихъ писателей, прибавлять кое-что свое, чего нѣтъ въ оригиналѣ²⁾. Впрочемъ, можетъ быть, Созомень о побужденіяхъ и причинахъ присутствія на соборѣ философовъ говорить и не отъ себя, а на основаніи Сократа³⁾, который, перемѣнивъ языческихъ философовъ на діалектиковъ мірянъ, цѣлью присутствія послѣднихъ на соборѣ полагаетъ участіе въ разсужденіяхъ и спорахъ. 3) Начало 19 гл. исторіи Созомена, гдѣ говорится о тщательности отцовъ въ изслѣдованіи догматическаго вопроса на предварительныхъ совѣщаніяхъ, почти въ буквальномъ видѣ находится въ исторіи Руфина⁴⁾. Вотъ показанія Руфина и Созомена:

Руфина:

„Часто призывали на соборъ и Арія; его положенія изслѣдовались тщательнымъ образомъ, и что противъ него должно было постановить, объ этомъ разсуждали съ величайшею внимательностью“.

Созомена:

„Часто сходясь, епископы выводили на середину Арія и ревностно испытывали его положенія, ибо остерегались, какъ бы подавая мнѣнія въ пользу той или другой стороны, не сказать чего-либо опрометчиво“.

¹⁾ сар. 3.

²⁾ Valesii annotat. Migne t. 67, col. 915—916.

³⁾ Сокр. гл. 8. стр. 24.

⁴⁾ сар. 5.

4) Показаніе о числѣ аріанъ на соборѣ и о постепенномъ уменьшеніи этого числа послѣ того, какъ императоръ склонился на сторону православныхъ, Созоменъ также заимствуетъ у Руфина. Созоменъ указываетъ даже тотъ самый источникъ свѣдѣній о числѣ Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ, какой указываетъ Руфинъ, т. е. преданіе, слухи (*λέγονται*), хотя едва-ли для Созомена достуменъ былъ этотъ источникъ¹⁾.

Независимо отъ Сократа пользовался Созоменъ и окружнымъ посланіемъ Александра Александрійскаго. Въ 15 гл. Созоменъ перечисляетъ сторонниковъ Арія въ Египтѣ до Никейскаго собора и, можно думать, перечисляетъ на основаніи окружнаго посланія Александра, потомучто въ этомъ посланіи указываются тѣ сторонники Арія, какихъ указываетъ и Созоменъ. Окружное посланіе Александра приведено и въ исторіи Сократа²⁾; но Созоменъ пользовался несомнѣнно другой редакціей посланія. У Созомена въ числѣ сторонниковъ Арія указывается 5 пресвитеровъ, у Сократа этого нѣтъ; у Созомена упоминается, какъ сторонникъ аріанства, какой-то Макрій или Макарій, у Сократа опять нѣтъ. Наоборотъ, у Созомена не указываются въ числѣ аріанъ Лукій и Гайі, которые указываются у Сократа. Очевидно, Созоменъ пользовался не Сократовою редакціей окружнаго посланія Александра, а какою-либо другою.

Пользовался-ли Созоменъ самостоятельно и независимо отъ Сократа еще какими-либо источниками при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, достовѣрно неизвѣстно. Иенъ утверждаетъ, что Созоменъ самостоятельно пользовался еще исторією Филосторгія, Зосимы и другими источниками³⁾; но по отношенію къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ для такого мнѣнія нѣтъ основаній. Правда, Созоменъ дѣластъ нѣкоторые добавленія къ прежнимъ

1) Сн. Созом. I, 20, стр. 69 (col. 920). Rufin. I, 3.

2) кн. I, гл. 6.

3) Iesp. Quellen-Unters. s. 147--154.

сказаніямъ о соборѣ, по заключать на основаніи этихъ добавокъ о новыхъ источникахъ—нельзя: всё добавивъ его можно принимать не за слѣды знакомства съ новыми источниками, а за результатъ риторики или простыхъ догадокъ, потомучто эти добавки по мѣстамъ очень неудачны.

Подводя итогъ сказанному, мы можемъ сдѣлать такое заключеніе относительно источниковъ повѣствованія Созомена о Никейскомъ соборѣ. Созоменъ пользовался повѣствованіемъ Сократа, пользовался очень много, но все же его нельзя считать, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ—такимъ жалкимъ компиляторомъ, какимъ представляетъ его Гарнакъ. Не $\frac{3}{4}$, а только $\frac{3}{5}$, даже можетъ быть и гораздо менѣе $\frac{3}{5}$ содержанія Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ можно считать за заимствование изъ исторіи Сократа. При этомъ Созоменъ независимо отъ Сократа знакомъ былъ съ сочиненіемъ Евсевія „Жизнь Константина“, церковною исторіею Руфина и нѣкоторыми другими источниками. Вѣроятно, Созоменъ, положивъ въ основаніе своего труда исторію Сократа, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ подыскивалъ процитованныя въ послѣдней мѣста и самъ перерабатывалъ ихъ: иногда приводилъ ихъ подробнѣе, чѣмъ у Сократа, иногда короче, иногда украшалъ ихъ риторикою, а иногда и исправлялъ. Слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ Созоменъ является писателемъ самостоятельнымъ и независимымъ отъ Сократа.

Мы нѣсколько возстановили честь Созомена, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ и со своимъ выводомъ близко подошли (но не совсѣмъ) къ сужденію о Созоменѣ нѣмецкаго ученаго Геена, которое мы привели въ началѣ рѣчи объ источникахъ Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Но отъ этого мало выигрываетъ самое повѣствованіе Созомена. Пусть Созоменъ списывалъ не съ одного Сократа; но для насъ не имѣютъ значенія и тѣ заимствованія его, которыя онъ самостоятельно сдѣлалъ изъ „Жизни Константина“ Евсевія, изъ церковной исторіи Ру-

фина и другихъ извѣстныхъ намъ источниковъ. Для насъ важно и цѣнно то повѣствованіе, которое даетъ новыя сравнительно съ прежними сказаніями свѣдѣнія о соборѣ. Между тѣмъ этого новаго у Созомена почти нѣтъ: за самыми небольшими исключениями все повѣствованіе Созомена является мозаическимъ произведеніемъ, составленнымъ изъ показаній болѣе раннихъ писателей. Незамысловитость и есть первый и главный недостатокъ Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ.

Кромѣ самостоятельности есть въ повѣствованіи Созомена и другіе недостатки. Созомень даетъ намъ очень мало новыхъ показаній; но большая часть и этого малаго количества грѣшитъ противъ истины и не можетъ быть принята за достовѣрное свидѣтельство. Такъ въ началѣ 17 гл. своей исторіи Созомень, указывая на основаніи Евсевія и Сократа нѣкоторыхъ членовъ Никейскаго собора, даетъ одно показаніе совершенно новое: онъ по имени называетъ Римскаго епископа временъ Никейскаго собора. „Римскій епископъ Юлій, пишетъ Созомень, за старостью не пріѣхалъ“¹⁾. Но это новое показаніе Созомена очень неудачно. Римскимъ епископомъ во время Никейскаго собора былъ не Юлій, а Силвестръ²⁾. Такая ошибка едва-ли извинительна для историка первой половины V в.³⁾ Въ 21 гл. Созомень перечисляетъ нѣкоторыхъ арианствующихъ членовъ Никейскаго собора, подписав-

¹⁾ По р. с. изд. стр. 62. Migne col. 912.

²⁾ Юлій вступилъ на римскую кафедру 11 лѣтъ спустя послѣ Никейскаго собора—въ 336 году.

³⁾ Нѣкоторые стараются оправдать Созомена и желаютъ видѣть въ данномъ случаѣ не болѣе, какъ ошибку переписчиковъ, которые будто бы написали *Ἰουλίος* вм. *πῶλιος* (род. пад. отъ слова „*πῶλις*“—городъ) (Annot. varior. Migne t. 67, col. 911—912) или вм. „*πῶλιος*“ (сѣдой, бѣлый, старый) (Migne t. 85. col. 1190. De tempore, quo celebratum fuit concilium Nicaenum). Догадку эту основываютъ на томъ, что самъ Созомень во многихъ мѣстахъ своей исторіи показываетъ, что онъ не считалъ Юлія современникомъ Никейскаго собора. Напр. изложивши въ I кн. своей исторіи повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ, онъ въ I гл. II кн. замѣчаетъ: „такъ окончилось все, происходившее въ Никее, и священнослужители разъѣхались по домамъ“,—и во II кн. своей исторіи онъ говоритъ о событіяхъ послѣ Никейскаго собора: объ интригахъ

шихся подъ составленнымъ вѣроизложеніемъ. Здѣсь Созоменъ поправляетъ Сократа: Сократъ говоритъ, что 5 человекъ—Евсевій Никомидійскій, Θεογνιστὴς Никейскій, Марисъ Халкидонскій, Θεοῦνα Μαρμαρικῆς и Секундъ Птолемаидскій—не принимали Никейскаго символа ¹⁾). Въ своемъ мѣстѣ мы показали, что это свидѣтельство Сократа не вѣрно. Созоменъ утверждаетъ тоже самое; онъ говоритъ, что Никейское опредѣленіе подписали: Евсевій Никомидійскій, Θεογνιστὴς Никейскій, Марисъ, Πατροφίλιος Скиѳоопольскій.... Это прямо противъ Сократа и къ выгодѣ истины... Но далѣе и Созоменъ не могъ уберечься отъ ошибки: въ числѣ принявшихъ и подписавшихъ Никейскій символъ онъ ставитъ и Секунда Птолемаидскаго ²⁾). Такое показаніе Созомена — положительная ошибка. Показаніе Сократа мы признали неправильнымъ; но его показаніе можно понимать такъ, что сначала не хотѣли принимать Никейскій символъ 5 человекъ, а потомъ изъ этихъ пяти трое подписались къ символу; слѣдовательно, можно снять

аріанъ, объ Антиохійскомъ соборѣ, изложившемъ св. Евстаѳіа (гл. 14) и между прочимъ въ 20 гл. II кн. о вступленіи на римскую епископскую кафедру Юлія. „Около того же времени, пишетъ Созоменъ, на римскій престолъ послѣ Марка, который недолго былъ преемникомъ Сплавистра, вступилъ Юліій“. Очевидно, Созоменъ зналъ, что Юліій сдѣлался римскимъ епископомъ много спустя послѣ Никейскаго собора. Въ пользу той же мысли указываютъ еще на нѣсколько подобныхъ мѣстъ изъ исторіи Созомена. (См. De tempore, quo celebratum fuit concilium Nicaenum“. Migne t. 85, col. 1189—1192). Мы съ своей стороны не будемъ оспаривать этого предположенія; мы склонны думать, что оно не лишено вѣроятности. Но при этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что противъ такого предположенія можно привести довольно нѣскія возраженія. Во 1-хъ нп въ одной редакціи Созоменовой исторіи не стоитъ вм. Ἰουλιῶς—„пѳліосъ“ или „пѳліосъ“. Во 2-хъ Ἰουλιῶς вѣроятно чрезъ Созомена перешло во многія другія древнія сказанія о Никейскомъ соборѣ; слѣдовательно, ошибка эта вкралась въ исторію Созомена очень рано. Въ частности относительно догадки, что Ἰουλιῶς стоитъ вм. „пѳліосъ“, нужно замѣтить слѣдующее: „пѳліосъ“ (род. пад. вм. πῳλιῶς) употребляется только въ поэтической рѣчи, но никогда у историковъ; а относительно второй догадки нужно сказать, что въ случаѣ замѣны Ἰουλιῶς словомъ „пѳліосъ“—получится тавтологія: „старый епископъ римскій не пріѣхалъ за старостью“ (πῳλιῶς ὁ Ρωμαίων ἐπίσκοπος διὰ γῆρας ἀπέλιπὲν τοῦ).

¹⁾ кн. I, гл. 8, стр. 38.

²⁾ гл. 21, стр. 70. Migne col. 921.

часть вины съ Сократа и обвинять его только въ неточности, а не въ неправильности. Созомена же извинить вовсе нельзя. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, Секундъ Птолемаидскій съ Θεоною Мармарикскимъ остались на сторонѣ Арія и не приняли Никейскаго символа¹⁾.

Къ отмѣченнымъ недостаткамъ повѣствованія Созомена о Никейскомъ соборѣ можно прибавить еще нѣкоторые. Такъ Созомень любитъ пускаться въ риторику, а влѣдствіе этого онъ часто измѣняетъ смыслъ подлинника. Напр. увлекшись риторикою, онъ неправильно передалъ Руфиново показаніе о причинахъ присутствія на Никейскомъ соборѣ философовъ. Иногда въ исторію собора онъ вставляетъ рассказъ о томъ, что не имѣло мѣста на соборѣ; такъ, рассказавъ о философахъ, посрамленныхъ однимъ простымъ старцемъ, онъ тутъ же передаетъ сродный этому и по своему содержанію и, кажется, по достовѣрности рассказъ о томъ, что подобнымъ образомъ посрамилъ философовъ и Александръ Константинопольскій, хотя посрамилъ и не на соборѣ.

Мы указали недостатки Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Но это повѣствованіе имѣетъ и достоинства и можетъ оказать немаловажныя услуги при изложеніи исторіи Никейскаго собора.

Прежде всего повѣствованіе Созомена даетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о соборѣ: 1) Созомень подробнѣе предыдущихъ повѣствователей говоритъ о развитіи аріанскихъ споровъ до Ни-

¹⁾ Теетъ по поводу даннаго мѣста исторіи Созомена дѣлаетъ предположеніе, что въ текстѣ пропущено отрицаніе (*οὐκ*), т. е. по его мнѣнію, Созомень здѣсь говоритъ, какъ и Сократъ, что 5 епископовъ не подписались къ символу, и говоритъ на основаніи Сократа (Teer. Quellen-Unters. s. 145). Это предположеніе само по себѣ не невѣроятно, такъ какъ Созомень несомнѣнно знаетъ о твердости въ аріанствѣ Секунда. Но дѣло въ томъ, что у Созомена перечисляются не тѣ епископы, какіе у Сократа; у послѣдняго указывается Θεона Мармарикскій, а у перваго Патрофія Сквинопольскій. Откуда такая разница? Объяснять и эту разность ошибкой, или опуской, какъ дѣлаетъ Теетъ (*ibid.*), нѣтъ основаній.

кѣйскаго собора и лучше выясняетъ необходимость созванія вселенскаго собора для прекращенія смуть. Созомень говоритъ, что постановленіямъ помѣстныхъ соборовъ аріане не подчинялись и даже отмѣняли эти постановленія.

2. Созомень свидѣтельствуетъ, что торжественное засѣданіе епископовъ происходило въ „день воскресный“ (хѣрих)¹⁾. Это показаніе не возбуждаетъ сомнѣнія въ своей достовѣрности: исполнѣ естественно было отеруть торжественное засѣданіе собора и въ день торжественный, какимъ былъ день воскресный.

3. Созомень приписываетъ честь произнесенія на соборѣ привѣтственной рѣчи — Евсевию Памфилу. Относительно достовѣрности этого показанія мы уже говорили ранѣе.

Но главное достоинство повѣствованія Созомена, какъ источника исторіи Никейскаго собора, состоитъ не въ новыхъ показаніяхъ, а въ раздѣльности и ясности изложенія исторіи собора. Созомень первый ясно и раздѣльно показалъ, что соборныя разсужденія имѣли двѣ стадіи: первую стадію составляли частныя, предварительныя совѣщанія, безъ участія императора. „Еще прежде срока (назначеннаго императоромъ), пишетъ Созомень, епископы, сходясь между собою, призывали и Арія и, предлагая на общее изслѣдованіе свои мысли, вступали въ разсужденія“²⁾. Вторую стадію составляли торжественныя засѣданія, происходившія во дворцѣ въ присутствіи самого императора. „Когда насталь воскресный день, пишетъ Созомень, въ который опредѣлено было пресѣчь недоумѣнія, они (епископы) сошлись во дворець, такъ какъ и самодержцу угодно было участвовать въ ихъ совѣтѣ“³⁾. Обозначая двѣ стадіи въ разсужденіяхъ собора, Созомень опредѣленно указываетъ и дѣятельность собора въ той и другой стадіи. Во время первой стадіи (до 19 гл. по исторіи Созомена)

¹⁾ Созом. I, 19, стр. 67. Migne col. 917.

²⁾ Созом. I, 17.

³⁾ Созом. I. 19

выяснились воззрѣнія членовъ собора на спорныя пункты, опредѣленно обозначились партіи, велись предварительные споры и выработывались тѣ пріемы и тѣ данныя, которыми пользовались въ присутствіи императора. На этихъ же засѣданіяхъ подвергался тщательному допросу и Арій. Во время второй стадіи (съ 19 гл. по исторіи Созомена за выпускомъ первыхъ строкъ) — на торжественныхъ засѣданіяхъ произошла, такъ сказать, только генеральная битва между спорившими сторонами, на которую члены собора явились уже съ выработанными пріемами, съ готовыми возраженіями и отвѣтами. Здѣсь установлены были и опредѣленія собора. Съ отмѣченной нами вѣншей, формальной стороны повѣствованіе Созомена выше всѣхъ другихъ сказаній о соборѣ и разъяняетъ эти послѣднія. Такъ сказанія о Никейскомъ соборѣ современниковъ его прямо начинаютъ рассказъ съ торжественнаго засѣданія собора; влѣдствіе этого самыя показанія ихъ не исполнены. Въ нихъ указывается прямо на выступленіе партій съ готовыми вѣронзложеніями. Но откуда взялись партіи? Партіи могутъ явиться только послѣ выясненія воззрѣній между членами; а здѣсь выступленіемъ партій открываются самыя разсужденія собора. Откуда явились также готовыя вѣронзложенія? Эти и подобныя вопросы остаются неразрѣшенными въ повѣствованіяхъ современниковъ собора; но они получаютъ ясный и опредѣленный отвѣтъ въ указаніи Созомена на предварительныя совѣщанія членовъ собора. Въ частности повѣствованіе Созомена опредѣляетъ, какое мѣсто должны занимать сказанія современниковъ въ исторіи собора. Показанія современниковъ относятся къ тому моменту соборной дѣятельности, во время котораго составленъ былъ самый символъ; но изъ этихъ повѣствованій не видно, когда началось это установленіе символа, тотчасъ послѣ собранія епископовъ въ Никее, или спустя нѣкоторое время. Созоменъ показываетъ, что составленіе символа относится ко второй стадіи соборной дѣятельности.—Разъясняя и распредѣляя сказанія современниковъ собора, Созоменъ распредѣляетъ и сказанія ранѣе его писавшихъ историковъ — Руфина и Сократа. Оба эти

историка не отмѣчаютъ стадій соборной дѣятельности, а вслѣдствіе этого не указываютъ, какія изъ ихъ показаній относятся къ частнымъ совѣщаніямъ, какія — къ торжественнымъ засѣданіямъ собора. Созоменъ разъясняетъ и распредѣляетъ ихъ показанія и даетъ возможность правильно понимать ихъ и правильно пользоваться ими. Такъ, благодаря Созомену, выясняется, что показанія Руфина, заключающіяся во 2, 3, 4 и первой половинѣ 5 гл., относятся къ предварительнымъ совѣщаніямъ собора, а показанія второй половины 5 гл. — къ торжественному засѣданію. Равнымъ образомъ на показаніе Сократа¹⁾ о томъ, кто держалъ сторону Арія и кто противъ нихъ подвизался, благодаря Созомену, можно смотрѣть, какъ на краткое и общее изображеніе предварительной дѣятельности собора, отличной отъ той, которую описываетъ Сократъ далѣе; между тѣмъ безъ руководства Созомена это показаніе Сократа легко признать за общее сужденіе, относящееся къ торжественному засѣданію собора. При этомъ Созоменъ и исправляетъ показаніе Сократа. По разсказу Сократа выходитъ, что епископы высказывали императору личныя неудовольствія другъ на друга во время торжественнаго засѣданія собора (при началѣ его); тутъ же произошло и сожженіе ихъ жалобъ императоромъ. Мы уже говори выше, что подобное распредѣленіе событій не вѣрно. Созоменъ подтверждаетъ нашу мысль: онъ говоритъ, что этотъ фактъ (подача жалобъ и сожженіе ихъ) имѣлъ мѣсто предъ началомъ разсужденій собора, но не торжественныхъ, а частныхъ.

Заканчивая обзоръ повѣствованія Созомена о Никейскомъ соборѣ, мы можемъ сказать слѣдующее: это повѣствованіе даетъ намъ очень немного новыхъ показаній о соборѣ, но тѣмъ не менѣе оно, въ качествѣ источника исторіи собора, очень важно: оно даетъ намъ послѣдовательное изложеніе тѣхъ показаній, какія находятся въ болѣе раннихъ сказаніяхъ о Никейскомъ соборѣ.

¹⁾ гл. 8, стр. 34.

Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ бл. Θεодорита Кирскаго.

Блаженный Θεодоритъ, епископъ Кирскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ учителей и писателей церковныхъ V вѣка, родился въ Антиохіи въ 387 г. Согласно обѣту матери онъ воспитывался въ одномъ монастырѣ. По смерти родителей своихъ онъ въ этомъ же монастырѣ вступилъ въ должность чтеца и проходилъ ее до 423 г., когда противъ воли былъ рукоположенъ въ епископа Кирскаго. Въ качествѣ епископа Θεодоритъ ревностно боролся съ еретиками, которыхъ было много въ его епископін, чѣмъ возбудилъ ненависть ихъ противъ себя и подвергался преслѣдованію съ ихъ стороны. Во время несторіанскихъ споровъ Θεодоритъ держалъ сторону Несторія, за что былъ лишенъ церковнаго общенія, а по указу Θεодосія Младшаго лишенъ была права участвовать въ соборномъ управленіи церковью и выѣзжать за предѣлы своей епархіи. Во время монофизитскихъ споровъ Θεодоритъ былъ жаркимъ противникомъ еutihianства, въ силу чего постановленіемъ разбойничьяго собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ Діоскора, былъ низложенъ; а императоръ Θεодосій Младшій предписалъ ему оставить свою паству и жить безвыходно въ томъ самомъ монастырѣ, въ которомъ онъ нѣкогда получилъ воспитаніе. Здѣсь Θεодоритъ жилъ до восшествія на престолъ Маркіана. Императоръ Маркіанъ возвратилъ ему свободу; но онъ все еще оставался въ монастырѣ, пока не призванъ былъ для присутствія на Халкидонскомъ соборѣ. На этомъ соборѣ (во время 8-го засѣданія) Θεодоритъ отрекся отъ Несторія, произнесъ на него анафему и былъ признанъ православнымъ. Соборъ возвратилъ ему прежнюю епископію, а императоръ отмѣнилъ касательно его указъ Θεодосія. Послѣ этого прибывъ въ Киръ, онъ управлялъ своею паствою еще около 5 лѣтъ и умеръ въ 458 году.

Θеодоритъ оставилъ послѣ себя очень много сочиненій; но для нашей задачи имѣетъ значеніе только одна его церковная псторія. Время написанія исторіи, обыкновенно, относятъ къ 450 г.,

когда Θεодоритъ, по указу Θεодосія, безвыѣздно жилъ въ монастырѣ и, слѣдовательно, имѣлъ много свободнаго времени. Что Θεодоритъ написалъ свою исторію около 450 года, это видно изъ многихъ мѣстъ его исторіи ¹⁾. Цѣль исторіи Θεодорита, какъ говоритъ онъ самъ, состояла въ томъ, чтобы передать потомству достопамятныя событія, случившіяся въ церкви Христовой съ того времени, до котораго довелъ повѣствованіе Евсевій Кесарійскій ²⁾. Исторія Θεодорита состоитъ изъ пяти книгъ и своими повѣствованіями обнимаетъ 105 лѣтъ — періодъ отъ появленія арианства до смерти епископовъ Θεодора и Θεодота, или до 427 г. Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ заключается въ I кн. 1—12. 19 гл., а по русскому изданію въ 2—13. 20 гл.

Относительно исторіи Θεодорита нѣкоторые ученые высказываютъ очень не лестныя сужденія и не придаютъ ей почти никакого значенія. Такое мнѣніе высказалъ въ недавнее время нѣмецкій ученый Иееръ. Сущность его изысканій о Θεодоритѣ можетъ быть передана въ слѣдующихъ словахъ. „Θеодоритъ безъ сомнѣнія есть самый незначительный историкъ въ ряду прочихъ греческихъ историковъ. Онъ тѣмъ менѣе имѣетъ значенія, что писалъ свою исторію не только позднѣе Сократа, но и Созомена... Θεодоритъ хотѣлъ пополнить то, что пропустили его предшественники, ... но въ большинствѣ случаевъ передаетъ то же, что Сократъ и Созомень, и ссылается на тѣ же источники, которыми пользовались эти авторы ³⁾. Какъ скоро это вѣрно, то для насъ теряютъ всякій интересъ описанія Θεодоритомъ тѣхъ событій, которыя раньше его были изложены Сократомъ и Созоменомъ; къ тому же нужно добавить, что всѣми документами, какіе у него вполне согласны съ документами Сократа, онъ безъ сомнѣнія одолженъ этому послѣднему историку. По мѣстамъ пользуюсь готовыми

¹⁾ См. свѣдѣнія о Θεодоритѣ при рус. пер. его исторіи.

²⁾ кн. I, гл. 1.

³⁾ Иеер. Quellen-Unters. s. 154.

извѣстіями своихъ предшественниковъ, онъ дѣлаетъ съ своей стороны лишь то, что или риторически поддвѣчиваетъ ихъ или извращаетъ¹⁾... Результатъ своихъ изслѣдованій Иеенъ резюмируетъ такъ: отъ этого писателя мы не вправѣ ожидать ничего добраго, а касательно пользованія имъ, какъ источникомъ, должны быть очень осторожны²⁾.

Наша задача не требуетъ обзорѣнія всей исторіи Θεодорита; поэтому мы не будемъ разбирать сужденіе Иеена во всей его полнотѣ; мы разсмотримъ только, насколько сужденіе Иеена справедливо въ приянѣніи къ той части исторіи Θεодорита, которая содержитъ повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ. Θεодоритъ, несомнѣнно, писалъ свою исторію послѣ Сократа и Созомена и зналъ труды этихъ послѣднихъ. Въ предисловіи онъ между прочимъ говоритъ. „Я постараюсь описать то, что осталось не внесеннымъ въ исторію церкви“ (καὶ γὰρ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας τὰ λειπόμμενα [λείποντα] συγγράψαι περὰ σομαι)³⁾. Изъ этихъ словъ Θεодорита видно, что онъ имѣлъ намѣреніе пополнить своей исторіей труды своихъ предшественниковъ Сократа и Созомена; слѣдовательно, зналъ эти послѣдніе. Согласимся также и съ тѣмъ положеніемъ Иеена, что Θεодоритъ пользовался исторіей Сократа и Созомена, приводитъ тѣ документы и цитируетъ тѣхъ авторовъ, которые приводятъ и которыми пользовались Сократъ и Созоменъ. Такъ прежде всего Θεодоритъ пользовался для своего повѣствованія сочиненіемъ Евсевія „Жизнь Константина“, которымъ, какъ мы знаемъ, очень много пользовались Сократъ и Созоменъ. Изъ „Жизни Константина“ Θεодоритъ заимствуетъ показаніе, что императоръ дозволилъ епископамъ для путешествія на соборъ брать общественныхъ ословъ, муловъ и лошадей, а по пріѣздѣ ихъ въ

1) Ibid. s. 155.

2) Ibid. s. 157.

3) Theodor. praefatio. Migne t. 82; по русск. изд. гл. 1.

Никее приказалъ доставлять имъ въ избыткѣ все нужное¹⁾. Это показаніе составляетъ парафразъ Евсевіева показанія, что однимъ епископамъ дано было право ѣхать на счетъ казны, другимъ доставлено много вьючныхъ животных²⁾, и что „всѣмъ епископамъ, по повелѣнію царя, щедро выдавалось ежедневное содержаніе“³⁾. Далѣе, Θεодоритъ заимствуетъ изъ Жизни Константина описаніе дворцовой палаты, въ которой назначено было торжественное за-сѣданіе собора, и самого императора по приходѣ его на соборъ. Все различіе между Θεодоритомъ и Евсевіемъ только въ томъ, что первый говоритъ гораздо короче втораго; но сущность показаній, даже выраженія—одни и тѣже. Вотъ описанія Евсевія и Θεодорита:

Е в с е в і я :

Θ ε ο δ ο ρ ι τ α :

Въ день, назначенный для разрѣшенія спорующихъ, всѣ, приглашенные въ собраніе, вступили во внутреннѣйшую палату дворца, которая своею обширностью превосходила прочія и въ которой по обѣимъ сторонамъ разставлено было въ порядкѣ множество сѣдалищъ,—вступили и заняли приличныя себѣ мѣста... Вошелъ одинъ,

„Когда всѣ собрались, царь повелѣлъ приготовить во дворцѣ обширную палату и поставить въ ней множество скамей и кресель, чтобы достаточно ихъ было для всего собора архіереевъ. Приготовивъ же такимъ образомъ все подабающее ихъ чести, онъ пригласилъ ихъ войти и разсуждать о предложенномъ дѣлѣ, потомъ послѣ этого

1) Συνήγαγε σύνοδον, δημοσίαις ὄναις καὶ ἄρθεσι καὶ ἵπποις χρησασθαι τοὺς ἐπισκόπους, καὶ τοὺς σὺν τούτοις ἀφικνουμένους παραγγυήσας... παραγγυήματα πάντα ἀφθόνως αὐτοῖς χορηγήσθαι προσέταξεν“. Theod. I, 6. по рус. изд. гл. 7.

2) Οἷς μὲν ἐξουσίαν δημοσίου παρέχον ὄρομου, οἷς δὲ ναυτοφόρων ὑπηρεσίας ἀφθόνως... De vita Constant. III, 6.

3) ...Οἷς δὲ πᾶσι βασιλεὺς ἐφ' ἑκάστης ἡμέρας τὰ σιτηρέσια δωρεάνως χορηγεῖσθαι διατάχεται“. Ibid. III, 9.

потомъ другой, наконецъ третій изъ приближенныхъ государя; входили и другіе изъ вѣрныхъ его друзей... Вошелъ и самъ царь и выступилъ на середину собранія... Онъ превозходилъ обрुжавшихъ себя и высотой роста, и величественною стройностію тѣла, и крѣпостію нецобѣдимой силы.. Дошедши до начала рядовъ, онъ сперва остановился по срединѣ; когда же поставили предъ нимъ небольшое, сдѣланное изъ золота, кресло, — сѣлъ, но не прежде, какъ далъ знакъ садиться епископамъ. Послѣ царя всѣ такъ и поступили ¹⁾).

вошелъ и самъ въ сопровожденіи немногихъ. Онъ имѣлъ прекраснѣйшій ростъ и привлекательную красоту, но особенно удивлялъ скромностію, выражавшеюся на его лицѣ. Когда поставили для него въ срединѣ небольшой тронъ, онъ сѣлъ, испросивъ предварительно дозволеніе на то у епископовъ; вмѣстѣ съ нимъ сѣлъ и весь этотъ божественный сонмъ ²⁾).

1) Ἐπει δ' ἡμέρας ὀρισθείσης τῆ συνόδῳ, καθ' ἣν χρὴν λύσιν ἐπιθεῖναι τοῖς ἀμφισβητούμενοις, παρῆν ἕκαστος τῷ μεσετάτῳ εἶκῳ τῶν βασιλείων, ὅς δὴ καὶ ὑπερφέρειν ἐδόκει μεγέθει τοὺς πάντας βύθρων τ' ἐν τάξει πλειόνων ἐφ' ἑκατέραις τοῦ εἰκῶ πλευραῖς διατεθέντων, εἰσω παρῆσαν οἱ κεκλημένοι, καὶ τὴν προσήκουσαν ἔδραν οἱ πάντες ἀπελάμβανον... Εἰσῆγε δὲ τις πρῶτος, κάπιτα δευτέρος καὶ τρίτος τῶν ἀμφὶ βασιλεία..., αὐτὸς δὲ λοιπὸν διεβρινε μέσος... τὸ μέγεθος τε ὑπερβάλλον μὲν τοὺς ἀμφ' αὐτὸν ἅπαντας· τῷ τε κάλλει τῆς ὄρας, καὶ τῷ μεγαλοπρεπεῖ τῆς τοῦ σώματος εὐπρεπείας, ἀλλῆ τε ῥώμῃς ἀμάχου· ἃ δὴ τρόπων ἐπιεικείᾳ πραύτητί τε βασιλικῆς ἡμερότητος ἐγκεκραμένα, τὸ τῆς διανοίας ὑπερφύεις, παντός κρείττον ἀπέβανον λόγου. Ἐπεί

2) Συνεληλυθότων δὲ πάντων, οἶκον μέγιστον ἐν τοῖς βασιλείοις ἡδῦναισεν ὁ βασιλεὺς, βόθρα καὶ φρόνους ὅτι μάλιστα πλείστους ἐν τούτῳ τεθῆναι κελεύσας, τῷ τῶν ἀρχιερέων ἀποχωρῶντας συλλόγῳ. Οὕτω τὸ πρέπον αὐτοῖς εὐτρεπίσας γέρας, εἰσεληθεῖν τε ἐπέτρεψε, καὶ περὶ τῶν προκειμένων βουλευσασθαι. Εἰσελήλυθε δὲ καὶ αὐτὸς ἐσχάτος σὺν ὀλίγοις, ἀξιέπαινον μὲν ἔχων τὸ μέγεθος ἀξιάχαστον δὲ τὴν ὄραν. θαυμασιώτερον δὲ τὴν τοῖς μετώποις ἐπικαθημένην αἰδοῦ. Θρόνον δὲ σμικροῦ τεθέντος ἐν μέσῳ κεκάθηκεν, ἐπιτρέψαι τούτω τοὺς ἐπισκόπους αἰτήσας· σὺν αὐτῷ δὲ καὶ ἅπας ὁ θεῖος ἐκεῖνος ἐκαθέσθη γόρας". Theodor. I. c. 6; по русск. изд. гл. 7.

Особенно бросается въ глаза сходство между Θεодоритомъ и Евсевіемъ въ описаніи императора: первый описываетъ императора краснорѣчивымъ языкомъ втораго ¹⁾. Изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ ²⁾ Θεодоритъ перенесъ въ свое повѣствованіе посланіе Константина къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ ³⁾. На основаніи Евсевіевой „Жизни Константина“ Θεодоритъ говорить о пиществѣ, которое устроилъ императоръ для епископовъ послѣ собора, и дарахъ, которыми онъ одарялъ ихъ. Вотъ показанія Θεодорита и Евсевія:

Евсевія:

Θεодорита:

„Царь учредилъ пиръ и праздновалъ на немъ вмѣстѣ съ миренными служителями Божиими... Одни изъ нихъ возлегали вмѣстѣ съ царемъ, а другіе размѣстились на скамьяхъ по обѣимъ сторонамъ палаты (гл. 15).....Послѣ торжественнаго

„Тѣхъ епископовъ, которые собрались въ числѣ трехъ сотъ осьмнадцати, царь обласкалъ многими привѣтствованіями и дарами и, приказавъ приготовить большое число столовъ, угостилъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, — достойнѣйшихъ принялъ за свой столъ, а

δὲ παρεθών ἐπὶ τὴν πρώτην τῶν ταγματῶν ἀρχὴν μέσος πρώτος ἔστη, σμικροδίνος αὐτῷ καθίσματος ὕλης χρυσοῦ πεποιημένου προτεθέντος, οὐ πρότερον ἢ τοὺς ἐπισκόπους ἐπιγεῖναι, ἐκάθησε. Ταυτὸ δ' ἐπραττον πάντες μετὰ βασιλείᾳ“ De vita Const. III. 10.

¹⁾ Что касается описанія дворцовой палаты, то можетъ быть Θεодоритъ заимствовалъ его не прямо изъ „Жизни Константина“, а чрезъ посредство Созомена (I, 19, стр. 67—68), который также описываетъ царскую палату на основаніи Евсевія.

²⁾ III, 17—20.

³⁾ Θεод. I, 10 (Migne cap. 9).

угощенія царь къ своей привѣтливости присоединилъ еще и то, что каждаго изъ епископовъ по степенн ихъ достоинства почтилъ дарами“ (Ш, 16) ¹⁾.

Въ 12 гл. (по русск. изд. 13) своей исторіи Θεодоритъ приводитъ буквальные выдержки изъ „Жизни Константина“: кн. Ш, гл. 13 и начало 14-й, конецъ 21-й и 22-ю гл.

Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ Θεодоритъ приводитъ въ полномъ видѣ ³⁾.

Пользовался Θεодоритъ для своего повѣствованія о Никейскомъ соборѣ и церковною исторіею Руфина. Изъ исторіи Руфина, кажется, Θεодоритъ заимствовалъ показаніе, что императоръ особенное уваженіе и почтеніе оказывалъ исповѣдникамъ, принявшимъ страданія за имя Христово. Θεодоритъ здѣсь говоритъ тоже самое, что Руфинъ, только гораздо общѣе. Руфинъ свидѣтельствуетъ, что императоръ оказывалъ уваженіе Пафнутію Θивайдскому. Θεодоритъ расширяетъ показаніе Руфина и говоритъ, что императоръ оказывалъ уваженіе вѣсьмъ исповѣдникамъ. Вотъ показаніе того и другаго:

Р у ф и н а :

„Къ Пафнутію Константинъ

Θ ε ο δ ο ρ ι τ α :

„Замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ

1) Τοῖς τοῦ Θεοῦ λειτουργοῖς, εὐωχίας αὐτὸς ἐξήρχε βασιλεὺς, συμπροσάξων εἰρηγεύσας. Οἱ μὲν αὐτῷ συνανεκλίνοντο, οἱ δ' ἄμφι τὰς ἐξ ἐκατέρων προσανεπαύοντο κλινάδας (Ш. 15)... Ἐπεὶ δὲ λαμπρῶς τὰ τῆς εὐωχίας προῦχόμενος, ἔτι καὶ τοῦτο βασιλεὺς δεξιούμενος τοὺς πάντας προσετίθει, μεγαλοψύχως ἕκαστον κατὰ τὴν πρέπουσαν ἀξίαν τοῖς παρ' αὐτοῦ τιμῶν ξενίσις“ (16).

2) Τοὺς συνεληλυθότας, ὀκτώκαίδεκα δὲ ἦσαν καὶ τριακόσιοι, πολλοὺς μὲν ἐφιλοφρονήσατο καὶ λόγοις καὶ ὄμοις· πολλὰς δὲ στιβάδας εὐτραπέσθηνα κελύσας, κατὰ ταῦτόν ἐστίασεν ἅπαντας, τοὺς μὲν ἀξιωτέροισι ὀμοτραπέζους λαβὼν, τοὺς δὲ ἄλλοις διελὼν εἰς τὰς ἄλλας“. Theodor. I, 10; по. рус. изд. 11.

3) Текстъ Θεодоритовой редакціи посланія отличается во многомъ отъ текста какъ Аонасасіевой, такъ и Сократовой редакціи. См. примѣчанія къ 11 гл. I кн. исторіи Θεодорита у Миня (t. 82, col. 936—946).

питалъ такое уваженіе и расположенность, что часто, призывая во дворецъ, обнималъ его и съ любовію цѣловалъ (*avidioribus osculis demulceret*) глазъ его, выколотый за исповѣданіе вѣры“ ¹⁾. (епископовъ) исторгнуто по правому глазу, и узнавъ, что это страданіе они потерпѣли за твердость въ вѣрѣ, онъ прикасался губами къ ихъ язвамъ съ полною вѣрою, что извлечетъ отсюда благословеніе для своей любви“ ²⁾.

Въ 10-й же гл. (по рус. изд. 11) Θεодоритъ передаетъ разсказъ о сожженіи императоромъ жалобъ на епископовъ. Подобный разсказъ находится въ исторіи Руфина ³⁾. Можетъ быть, Θεодоритъ въ данномъ случаѣ зависимъ отъ Руфина. Впрочемъ положительно утверждать этого нельзя. Θεодоритъ передаетъ разсказъ съ значительными измѣненіями сравнительно съ Руфиномъ, такъ что между Θεодоритовымъ и Руфиновымъ разсказами общаго осталось только то, что императоръ не пожелалъ разбирать жалобы на епископовъ и сжегъ ихъ; а на основаніи лишь тако-го сходства нельзя рѣшительно говорить о зависимости Θεодорита отъ Руфина, потому что содержаніе разсказа Θεодоритъ могъ заимствовать у Сократа ⁴⁾ или Созомена ⁵⁾, у которыхъ есть подобный же разсказъ.

Изъ церковной исторіи Сократа, можетъ быть, Θεодоритъ заимствовалъ соборное посланіе къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египетскимъ ⁶⁾, хотя прямо утверждать этого нельзя, потому что посланіе у Θεодорита имѣетъ нѣкоторыя разности сравнительно съ посланіемъ у Сократа. Такъ къ концу по-

¹⁾ Rufin. I, с. 4.

²⁾ I гл. 10 (по рус. изд. 11).

³⁾ I, с. 2.

⁴⁾ lib. I, с. 8, col. 64—65 (стр. 35).

⁵⁾ I, 17.

⁶⁾ Сокр. I, 99, стр. 45—49 (col. 77—84), Θεодор. I, 9 (Migne с. 8).

сланія у Θεодорита прибавлено выраженіе: „Троица единосущная и вѣчная“ (ἡ Τριάς ὁμοούσιος καὶ ἀίδιος) ¹⁾. Есть и другія разности въ текстѣ посланія у того и другаго историка ²⁾.

Что касается исторіи Созомена, то Θεодоритъ, кажется, вовсе не пользовался ею. Мы ранѣе замѣчали, что изъ исторіи Созомена, можетъ быть, Θεодоритъ заимствовалъ описаніе дворцовой палаты, назначенной для торжественныхъ засѣданій собора. Но это одно только предположеніе; несомнѣнныхъ же заимствованій изъ исторіи Созомена мы не находимъ.

Пользуясь сказаніями церковныхъ историковъ, Θεодоритъ пользовался и сказаніями церковныхъ писателей и пользовался, нужно замѣтить, гораздо болѣе своихъ предшественниковъ—историковъ. Такъ прежде всего Θεодоритъ пользовался сочиненіями Епифанія Кипрскаго. Вѣроятно, изъ сочиненія Епифанія „Панарій“ ³⁾ заимствовалъ Θεодоритъ въ подлинномъ видѣ письмо Арія къ Евсеію Никомидійскому ⁴⁾. Болѣе своихъ предшественниковъ историковъ пользовался Θεодоритъ и сочиненіями Аѳанасія Александрійскаго. Онъ помѣстилъ въ свое повѣствованіе въ цѣломъ видѣ рассказъ Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, находящійся въ посланіи къ африканскимъ епископамъ ⁵⁾; между тѣмъ другіе историки, въ ущербъ полнотѣ своихъ повѣствованій, вовсе не пользовались показаніями Аѳанасія о внутренней исторіи собора. Далѣе, Θεодоритъ пользовался письмами Евстаѳія Антиохійскаго ⁶⁾. Какъ много заимствовалъ Θεодоритъ изъ этого источника, опре-

¹⁾ Migne t. 82, col. 932 (стр. 54).

²⁾ Разности отмѣчены у Мина: t. 82, col. 927—932.

³⁾ Ересь 69, гл. 6; по рус. изд. Тв. Епиф. ч. 4. Migne ser. gr. t. 42.

⁴⁾ Θεодоритъ. Церк. ист. гл. 5, кн. I. (Migne cap. 4). Впрочемъ въ текстѣ письма у Θεодорита и Епифанія есть разности; онѣ отмѣчены у Мина: t. 82 gr. ser. col. 909—912.

⁵⁾ Ев африк. еписк. Тв. Ав. ч. III, 320—322 (Mign. t. 26, col. 1037—1040); см. Θεодор. церк. ист. гл. 8. (Mign. c. 7) стр. 47—50 (col. 921—925).

⁶⁾ Предшественники Θεодорита вовсе незнакомы были съ соч. Евстаѳія.

дѣлать съ точностью нельзя, потому что до насъ почти ничего не дошло изъ сочиненій Евстаѳіа, относящихся къ Никейскому собору. Съ вѣроятностью можно указать только на два мѣста, какъ на заимствованныя изъ посланій Евстаѳіа: на начало 7 гл. (по рус. изд. 8-й) и конецъ 6-й (по рус. изд. 7-й). Относительно перваго мѣста Θεодоритъ прямо замѣчаетъ, что оно есть выдержка изъ сочиненія Евстаѳіа¹⁾, а второе мѣсто есть не болѣе, какъ парафраза перваго. Различіе между парафразомъ и подлинникомъ очень незначительно: въ первомъ по имени называются нѣкоторые сторонники Арія, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ такихъ указаній нѣтъ. Другихъ заимствованій Θεодорита изъ писемъ Евстаѳіа мы указать не можемъ по ранѣе обозначенной причинѣ. Но можно думать, что Θεодоритъ дѣлалъ и другія заимствованія. Евстаѳій, какъ мы замѣчали выше, писалъ много сочиненій противъ аріанъ, въ которыхъ, неомнѣнно, касался и исторіи Никейскаго собора. Θεодоритъ же, поставившій цѣлью своего труда пополнить сказанія предшественниковъ, вѣроятно, постарался воспользоваться сочиненіями Евстаѳіа, какъ такими, которыми не пользовались его предшественники и изъ которыхъ поэтому онъ могъ извлечь новыя свѣдѣнія.

Наконецъ, Θεодоритъ имѣлъ нѣсколько новыхъ документовъ, которыхъ не имѣли или, по крайней мѣрѣ, не приводили въ подлинномъ видѣ его предшественники. Эти документы слѣдующіе: а) посланіе Александра Александрійскаго къ соименному ему Александру Константинопольскому²⁾; б) посланіе императора Константина къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Θεогниса³⁾. Пользовался-ли Θεодоритъ для повѣствованія о Никейскомъ соборѣ

¹⁾ Θεодор. Церк. ист. I, 7.

²⁾ Θεодор. I гл. 4 (Migne cap. 3).

³⁾ Это посланіе известно было Сократу и Созомену; тотъ и другой указываютъ на него (Сокр. I, 9, стр. 63; Созом. I, 21); но ни тотъ, ни другой не приводятъ его въ подлинномъ видѣ.

еще какими-либо источниками, кромѣ указанных нами, неизвѣстно.

Резюмируя сказанное, мы можемъ сдѣлать такой выводъ касательно повѣствованія Θεодорита о Никейскомъ соборѣ. Θεодоритъ многое переноситъ въ свое повѣствованіе изъ прежнихъ сказаній о Никейскомъ соборѣ, много говоритъ такого, что извѣстно и безъ него; ³/₇ его повѣствованія не имѣютъ для насъ никакого значенія, потому что все это извѣстно и находится въ болѣе раннихъ повѣствованіяхъ. Но въ тоже время Θεодоритъ во многомъ является и независимымъ отъ своихъ предшественниковъ: ⁴/₇ его повѣствованія составляютъ его чистую собственность, на которую не имѣютъ никакого права посягать прежніе повѣствователи о Никейскомъ соборѣ. Слѣдовательно, Θεодоритъ по самостоятельности своего повѣствованія если уступаетъ Сократу, то на много превосходитъ Созомена. Положимъ, можетъ быть, значительная часть новыхъ показаній Θεодорита заимствована изъ писемъ Евстаѳія; но такъ какъ эти послѣднія до насъ не дошли, то заимствованія Θεодорита получаютъ значеніе оригинала. Такимъ образомъ замѣчанія Іеена о полной несамостоятельности Θεодорита оказываются слишкомъ рѣзкими и несправедливыми.

Разсматривая повѣствованія Θεодорита съ внѣшней и внутренней стороны, мы не можемъ не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ во первыхъ онъ не вездѣ послѣдовательно передаетъ событія. Напр. онъ говоритъ, что императоръ предалъ сожженію жалобы на епископовъ уже послѣ соборныхъ совѣщаній, когда уже былъ утвержденъ миръ. „Когда не было восстановлено согласіе между епископами, царь принималъ доносы, ... но потомъ, когда миръ былъ утвержденъ, онъ принесъ поданные ему доносы въ присутствіе епископовъ и предъ ними сожегъ ихъ“ ¹). Между тѣмъ, по свидѣтельству другихъ церковныхъ историковъ, этотъ

¹) Θεодоритъ I, 11 (Migne cap. 10).

фактъ случился до начала соборныхъ совѣщаній. Далѣе, по Θεодориту, каноническія правила соборъ составилъ непосредственно послѣ окончанія догматическихъ разсужденій, т. е. до совѣщанія относительно празднованія Пасхи и относительно мелетіанъ. „Послѣ того (осужденія Арія и его сторонниковъ), пишетъ Θεодоритъ, епископы собрались снова и написали 20 правилъ касательно церковнаго благочинія“ ¹⁾. Между тѣмъ изъ исторіи Сократа мы знаемъ, что каноническія правила были установлены предъ самымъ отъѣздомъ епископовъ въ свои епархіи ²⁾. Во вторыхъ встрѣчаются у Θεодорита неправильныя показанія. Такъ напр. онъ утверждаетъ, что привѣтственную рѣчь императору на соборѣ произнесилъ Евстацій Антиохійскій, что, какъ мы показали ранѣе, нельзя признать справедливымъ. Въ третьихъ — Θεодоритъ не вездѣ безпристрастенъ: онъ иногда старается слишкомъ очернить еретиковъ и не въ мѣру усердно охранять честь православныхъ, и для достиженія этой цѣли иногда намѣренно неправильно передаетъ смыслъ своихъ источниковъ. Такъ, передавая фактъ сожженія жалобъ на епископовъ, Θεодоритъ скрываетъ, что эти жалобы и доносы подавали сами же епископы, о чемъ прямо говорятъ Руфинъ, Сократъ и Созоменъ; онъ утверждаетъ, что доносы на епископовъ выходили не изъ среды самихъ же епископовъ, а отъ стороннихъ людей. „Какіе-то сварливые люди (*φιλοπερθήμενος ἄνδρες*) внесли обвиненія на нѣкоторыхъ епископовъ и свои доносы подали царю письменно“ ³⁾. Здѣсь Θεодоритъ намѣренно, съ цѣлью скрыть истину относительно нѣкоторыхъ, собравшихся на соборъ, епископовъ, неправильно передаетъ показанія болѣе раннихъ историковъ. Скрывая недостатки православныхъ, Θεодоритъ аріанъ наоборотъ слишкомъ унижаетъ. Онъ смотритъ на аріанство, какъ на произведеніе демоновъ. Говоря напр. о происхожденіи аріан-

¹⁾ Ibid. I, 8 (Migne, cap. 7).

²⁾ Сокр. I, 13.

³⁾ Θεодор. I, 11 (Migne 10).

ства, онъ выражается слѣдующимъ образомъ. „Для лукаваго и завистливаго демона, губителя людей, пишетъ Θεодоритъ, невыносимо было видѣть плаваніе церкви при попутномъ вѣтрѣ; онъ составилъ злокозненные замыслы и старался потопить ее, управляемую Творцомъ и Владыкою вселенскихъ.... Но онъ не отерято воздвигъ войну на Бога и Спаса Нашего, но нашелъ людей, удостоенныхъ наименованія христіанъ и однакоже поработившихся любочестію и тщеславію, и ихъ-то употребилъ въ орудіе своихъ замысловъ, а чрезъ нихъ вовлекъ въ прежнее заблужденіе и много другихъ, не заставляя ихъ боготворить тварь, но располагая причислить къ твари Самого Творца и Создателя“¹⁾. Характеризуя членовъ Никейскаго собора, Θεодоритъ, послѣ указанія на высокія нравственныя качества православныхъ епископовъ, такъ описываетъ аріанствующихъ членовъ собора. „Это божественное и присноамятное собраніе (Никейскій соборъ) не обошлось безъ людей и противнаго свойства: въ немъ участвовали также, хотя не въ большемъ числѣ, люди коварные, подобные подводнымъ камнямъ; они скрывали свое ученіе и тайно одобряли богохульное ученіе Арія“²⁾.

Страдая указанными недостатками, повѣствованіе Θεодорита о Никейскомъ соборѣ, какъ источникъ исторіи этого послѣднѣго, все же очень важно и существенно. Θεодоритъ, какъ мы замѣчали, пользовался посланіями Евстаѳія Антіохійскаго. Евстаѳій Антіохійскій былъ участникомъ и очевидцемъ собора: слѣдовательно, его рассказы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основывающіяся на нихъ показанія Θεодорита имѣютъ характеръ полной авторитетности. Въ этомъ отношеніи Θεодоритъ стоитъ выше своихъ предшественниковъ—историковъ. Въ то время какъ другіе историки для описанія соборныхъ дѣяній, для изображенія внутренней исторіи собора пользовались цвѣтистыми, но мало содержательными

¹⁾ Θεодор. I, 2 (Migne 1).

²⁾ Ibid. I, 7 (Migne 6).

и далеко не безпристрастными описаніями Евсевія, Θεодоритъ для этой цѣли пользуется вполне авторитетными и правдивыми показаніями Евстаѳія. Кромя того Θεодоритъ сохранилъ намъ нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Никейскаго собора. Въ частности повѣствованіе Θεодорита даетъ намъ слѣдующія данныя для исторіи собора.

1) Θεодоритъ даетъ характеристику православныхъ епископовъ собора. Отличительною особенностью православной стороны была глубокая, твердая вѣра, засвидѣтельствованная исповѣдничествомъ и страданіями за имя Христова, прославленная чудотвореніями¹⁾. Подобную характеристику даетъ и Руфинъ²⁾. Но Θεодоритова характеристика яснѣе и выразительнѣе. „Въ то время, писать Θεодоритъ, много было мужей, украшавшихся дарами апостольскими (*πολλοὶ ἀποστολικῶς χαρίσμασι διαπρέποντες*); много было и такихъ, которые, по словамъ апостола Павла, носили язвы Господа Иисуса на тѣлѣ своемъ (*πολλοὶ... τὰ στίγματα τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ... ἐν τῷ σώματι φέροντες*)... Кратко сказать, тамъ можно было видѣть собравшійся въ одно мѣсто сонмъ мучениковъ (*ἀπαξαπλῶς ἦν ἰδεῖν δῆμον μαρτύρων κατὰ ταυτὸν συνηθροισμένον*)“. При этомъ Θεодоритъ указываетъ на Іакова Низибійскаго, Павла Неокесарійскаго и Пафнутія Оиваидскаго, какъ выразителей перечисленныхъ свойствъ православныхъ епископовъ. Нужно замѣтить, что два первые лица ранѣе Θεодорита не указывались въ числѣ православныхъ членовъ собора.

2) Θεодоритъ даетъ списокъ арианствующихъ членовъ собора³⁾. Этотъ списокъ важенъ тѣмъ, что онъ исправляетъ и дополняетъ списокъ Филосторгія; но и его нельзя считать полнымъ и точнымъ.

3) Θεодоритъ передаетъ содержаніе рѣчи Константина собору, отличной отъ той, которую приводитъ въ своемъ сочиненіи

¹⁾ Θεодор. I, 7 (Migne cap. 6).

²⁾ Rufin. I, c. 2.

³⁾ Θεодор. Церк. ист. I, гл. 5 и 7 (Migne стр. 4 et 6).

Евсевій ¹⁾). На эту рѣчь императора никто ранѣе Θεодорита не указывалъ: онъ первый выводитъ ее на свѣтъ.

4) Θεодоритъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ, что на сторонѣ Арія, послѣ соборнаго осужденія его ученія, остались только два епископа: Θεона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій ²⁾). Это показаніе мы встрѣчали уже въ соборномъ посланіи къ Александрійской церкви; но тамъ это показаніе не совсѣмъ опредѣленно. Тамъ утверждается только то, что Секундъ и Θεона остались на сторонѣ Арія, но не говорится прямо, что другихъ епископовъ на сторонѣ Арія не осталось. И если бы у насъ было одно показаніе посланія, то еще оставалось бы сомнѣніе, дѣйствительно-ли только два епископа остались на сторонѣ Арія? Можетъ быть, посланіе не упоминаетъ о другихъ епископахъ потому, что оно имѣло въ виду сообщить лишь то, что близко касалось Египта. Θεодоритъ устраняетъ возможность такого сомнѣнія. „Аріане, пишетъ Θεодоритъ, убоились и, вставъ первые, кромѣ Секунда и Θεоны, отлучили Арія“. Этимъ показаніемъ Θεодоритъ исправляетъ показанія другихъ историковъ — Евсевія, утверждающаго, что съ опредѣленіями собора согласились всѣ ³⁾, Руфина ⁴⁾, по которому на сторонѣ Арія осталось 6 человекъ, Сократа ⁵⁾, по которому съ Аріемъ осталось 5 человекъ, и Созомена ⁶⁾, утверждающаго, что символъ подписаль вмѣстѣ съ другими и Секундъ Птолемаидскій.

¹⁾ Ibid. гл. 7 (Migne с. 6).—Какъ примирить въ данномъ случаѣ Θεодорита съ Евсевіемъ, которую рѣчь признать дѣйствительною рѣчью, и если оба признать за произнесенныя на соборѣ, то какъ раздѣлить ихъ, въ какой стадіи соборной дѣятельности отнести одну рѣчь и къ какой—другую, на всѣ эти вопросы мы постараемся дать отвѣтъ послѣ, при разборѣ повѣствованія о Никейскомъ соборѣ Геласія Клявическаго, у котораго эта рѣчь приведена въ полномъ видѣ.

²⁾ Θεодор. I. гл. 7—8 (Migne с. 6—7).

³⁾ „Жизнь Константина“ III, 13—14.

⁴⁾ Ruf. I. с. 5.

⁵⁾ I. 8.

⁶⁾ I. 21.

Теперь разберемъ документы, сохраненные Θεодоритомъ.

1) *Послание Александра Александрійскаго къ Александру Константинопольскому*. Послание это у Θεодорита озаглавляется такъ, какъ мы сейчасъ указали. Но такое заглавіе едва-ли принадлежитъ самому автору посланія. Прежде всего не рѣшенъ еще вопросъ, былъ-ли Александръ Константинопольскій епископомъ до Никейскаго собора. Что онъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ въ качествѣ представителя Византійской церкви, въ этомъ согласна вся древность. Но какъ онъ присутствовалъ, — въ качествѣ ли епископа Византійскаго или въ качествѣ только легата своего епископа Митрофана, — въ этомъ разногласятъ ¹⁾. Далѣе, Александръ не могъ называться во время написанія посланія „Константинопольскимъ“. Византія была переименована въ Константинополь уже послѣ Никейскаго собора. Наконецъ, это посланіе, какъ видно изъ самого содержанія, назначалось не для одного епископа, а для многихъ. Въ немъ Александръ всегда обращается къ своимъ адресатамъ во множественномъ числѣ. „Вы возлюбленные“, „вы возлюбленные и единомышленники“, — вотъ обычные обращенія Александра въ этомъ письмѣ ²⁾. Притомъ и Θεодоритъ, приведя письмо Александра, замѣчаетъ: „по такому же посланію отправилъ Александръ къ Филогонію, предстоятелю церкви Антиохійской, къ Евстахію, которому ввѣрено было тогда управленіе церкви Беррейской, и ко всѣмъ прочимъ защитникамъ апостольскихъ догматовъ“ ³⁾. Очевидно, посланіе не было назначено исключительно для Александра Византійскаго: оно было оружіемъ посланіемъ, которое Александръ Александрійскій разсылалъ по всѣмъ церквамъ. То же заглавіе, какое оно носитъ теперь, вѣроятно, появилось случайно. Это письмо найдено было среди документовъ

¹⁾ О разногласіи по этому вопросу см. *Historia con. Nic. Ittigii* § 27, p. 30—31.

²⁾ См. по рус. изд. стр. 29, 32, 35 и др. изг. Θεодорита.

³⁾ Θεодор. I, 4 (*Migne cap. 3*).

Александра Константинопольскаго, а потому переписчикъ озаглавилъ его такъ, какъ оно озаглавивается теперь. — Написано это посланіе ранѣе другаго — окружнаго. Въ одномъ мѣстѣ разбираемаго нами посланія Александръ выражается такъ: „узнавъ о жизни ихъ (аріанъ) и нечестивомъ предпріятіи, хотя это свѣдѣніе, по причинѣ скрытности ихъ, получено нами и поздно, мы съ общаго согласія изгнали ихъ изъ церкви“ ...¹⁾). Изъ этихъ словъ несомнѣнно слѣдуетъ, что посланіе было написано при первомъ появленіи аріанства. Въ другомъ мѣстѣ Александръ выражается такъ: „аріане утверждаютъ, будто бы на ихъ сторонѣ есть и епископы, держащіеся того же образа мыслей“²⁾). Очевидно, Александру не были извѣстны еще Феона и Секундъ, которые въ окружномъ посланіи объявляются уже отлученными отъ церкви. Для исторіи Никейскаго собора это посланіе важно тѣмъ, что оно говоритъ о состояніи аріанства до Никейскаго собора, перечисляетъ сторонниковъ Арія въ Египтѣ и даетъ очень выразительную, хотя и нечуждую полемическихъ увлеченій, характеристику аріанъ.

2) *Посланіе императора Константина къ никоидійцамъ противъ Евсевія и Θεониса*. Посланіе это важно тѣмъ, что оно показываетъ козни и хитрыя уловки Евсевія Никомидійскаго, его упорную защиту аріанскихъ воззрѣній какъ ранѣе Никейскаго собора, такъ и на самомъ соборѣ. Говоритъ также это посланіе о присутствіи на соборѣ самого императора и о его желаніи привести всѣхъ къ единомыслію.

Мы разсмотрѣли сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ V в. Какъ видно изъ анализа этихъ сказаній, историки, повторяя отчасти то, что находится въ сказаніяхъ современниковъ собора, дѣлаютъ много новыхъ и цѣнныхъ добавленій къ сообщеніямъ послѣднихъ. Но изъ этого анализа видно и то,

¹⁾ Ibid. Θεодор. стр. 18—19 (Migne col. 889).

²⁾ Θεодор. I, 4, стр. 19 (Migne cap. 3, col. 892).

что разсмотрѣнныя нами повѣствованія далеко не представляютъ исторіи собора съ тою полнотою, обстоятельностью и отчетливостью, которыя бы вполне удовлетворяли пытливымъ изысканіямъ интересующагося этимъ вопросомъ ума и дѣлали излишними всѣ другія свѣдѣнія о соборѣ. Эта недостаточность и неполнота свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ дѣлаютъ не только излишнимъ, но положительно необходимымъ обращеніе къ церковнымъ писателямъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ. Къ обзорнію извѣстій и сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ мы теперь и перейдемъ.

Глава IV-я.

Извѣстія и сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ.

Извѣстія и сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей, во многомъ уступающія повѣствованіямъ о томъ же предметѣ современниковъ собора и церковныхъ историковъ, не лишены все-таки значенія для исторіи Никейскаго собора. Нѣкоторые изъ этихъ писателей, оставившихъ намъ извѣстія о соборѣ, были почти современниками его (напр. Епифаній Кирскій); слѣдовательно, хорошо были знакомы съ обстоятельствами этого великаго въ исторіи христіанской церкви событія. Другіе могли пользоваться частными записями и устнымъ преданіемъ мѣстныхъ церквей, епископы которыхъ присутствовали на Никейскомъ соборѣ; слѣдовательно, опять могли получать свѣдѣнія изъ источниковъ довольно чистыхъ и въ тоже время недоступныхъ для церковныхъ историковъ, которые не могли собрать преданія всѣхъ мѣстныхъ церквей и

частныхъ лицъ. Наконецъ, нѣкоторые писатели спеціально занимались исторіею Никейскаго собора, собирали извѣстія о немъ, документы, относящіеся къ нему, и издавали болѣе полныя описанія этого событія, чѣмъ какія мы имѣемъ отъ современниковъ собора и церковныхъ историковъ. Такова напр. исторія Никейскаго собора, составленная Геласіемъ Кизическимъ. Что извѣстія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей не лишены значенія, доказательствомъ этого служить уже тотъ фактъ, что сами церковные историки по мѣстамъ пользовались этими извѣстіями.

Но признавая значеніе и достоинство за извѣстіями и сказаніями о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей, мы однако должны очень осторожно относиться къ нимъ; и если сказанія современниковъ собора и церковныхъ историковъ нуждались въ критикѣ и разборѣ, то еще болѣе нуждаются въ этомъ сказанія и извѣстія церковныхъ писателей. Церковные писатели, такъ или иначе касавшіеся въ своихъ сочиненіяхъ Никейскаго собора, не имѣли въ виду строго-исторической, научной цѣли: они дѣлали замѣтки о соборѣ или даже составляли цѣлыя сказанія о немъ съ цѣлію практическою¹⁾. А эта практическая цѣль, оказавшая, какъ мы видѣли, не особенно благопріятное вліяніе на сказанія современниковъ собора, должна была оказать и дѣйствительно оказала еще болѣе невыгодное вліяніе на сказанія и извѣстія церковныхъ писателей послѣдующаго времени. Преслѣдуя свои практическія цѣли, церковные писатели очень мало заботились о точности историческихъ показаній и допускали иногда невѣроятныя ошибки (таковы анахронизмы Епифанія). Далѣе, ради практическихъ цѣлей церковные писатели иногда въ ущербъ истинѣ слишкомъ довѣряли разнымъ преданіямъ и легендамъ или

¹⁾ Изъ этого не составляетъ исключенія даже и Геласій Кизическій съ своею исторіею Никейскаго собора, потому что и онъ, какъ увидимъ ниже, при написаніи своей исторіи имѣлъ въ виду не историческую, а скорѣе практическую цѣль.

какимъ-либо совершенно безавторитетнымъ записямъ, если послѣднія подходили къ ихъ цѣлямъ. Велѣдствіе этого въ ихъ сказаніяхъ наряду съ достовѣрными и цѣнными показаніями встрѣчаются и чисто баснословныя. Наконецъ, большинство сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей находится въ сильной зависимости отъ ранѣе разсмотрѣнныхъ нами повѣствованій о соборѣ. Если къ сказанному мы прибавимъ, что большая часть сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей принадлежитъ сравнительно довольно позднему времени, то мы поймемъ необходимость самой внимательной и тщательной критики этихъ сказаній.

Извѣстія и замѣтки о Никейскомъ соборѣ встрѣчаются въ очень многихъ сочиненіяхъ церковныхъ писателей IV, V и послѣдующихъ вѣковъ. Церковные писатели имѣли много поводовъ обращаться къ Никейскому собору и упоминать о томъ или другомъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто на соборѣ, или о томъ или другомъ лицѣ, присутствовавшемъ тамъ. Напр. разсуждая объ извѣстномъ догматическомъ или каноническомъ вопросѣ, они часто ссылаются на Никейскій соборъ, какъ на доказательство за или противъ извѣстнаго положенія, если Никейскій соборъ разсуждалъ объ этомъ вопросѣ, или признаютъ необходимымъ самостоятельное изслѣдованіе о томъ или другомъ предметѣ на томъ основаніи, что соборъ не касался его. Таковы напр. свидѣтельства западныхъ писателей—Амвросія Медиоланскаго о нѣкоторыхъ Никейскихъ канонахъ, бл. Иеронима о каноническомъ достоинствѣ книги Іудифъ, призванномъ будто бы Никейскимъ соборомъ, бл. Августина о правилѣ Никейскаго собора, запрещающемъ поставлять двухъ епископовъ въ одномъ городѣ; таковы же свидѣтельства восточныхъ отцовъ—напр. Василія Великаго и Епифанія Кипрскаго о томъ, что на соборѣ не поднимался вопросъ о Св. Духѣ¹⁾. Равнымъ образомъ церковные писатели, касаясь жизни

¹⁾ Всѣ эти свидѣтельства мы разсматривали выше въ разныхъ мѣстахъ.

и дѣятельности того или другаго лица, бывшаго на соборѣ, передаютъ нѣкоторыя обстоятельства и изъ исторіи самого собора. Много было у церковныхъ писателей и другихъ поводовъ обращаться къ Никейскому собору; вслѣдствіе этого у нихъ очень много и замѣтокъ о соборѣ. Конечно эти отрывочныя замѣчанія нельзя въ строгомъ смыслѣ относить къ источникамъ исторіи Никейскаго собора, а потому мы не будемъ перечислять, а тѣмъ болѣе разбирать всѣ эти извѣстія. Мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать только слѣдующее общее замѣчаніе о всѣхъ этихъ извѣстіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій очень важны и если мало даютъ новыхъ чертъ для характеристики собора, то за то разъясняютъ свѣдѣнія, полученныя изъ другихъ источниковъ; но встрѣчаются между ними и такія, которыя грѣшатъ противъ истины.

Кромѣ отрывочныхъ замѣтокъ и извѣстій у церковныхъ писателей есть и цѣльныя сказанія о Никейскомъ соборѣ. Эти послѣднія могутъ считаться въ числѣ источниковъ исторіи Никейскаго собора и требуютъ частнаго разбора. Къ этому разбору сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и слѣдующихъ вѣковъ мы и перейдемъ.

Извѣстія о Никейскомъ соборѣ св. Епифанія Кипрскаго.

Среди церковныхъ писателей, касавшихся въ своихъ сочиненіяхъ исторіи Никейскаго собора, писателей не бывшихъ очевидцами собора, первое по времени мѣсто занимаетъ Епифаній Кипрскій съ своимъ Панаріемъ.—Епифаній, по происхожденію палестинецъ, родился около 310 года ¹⁾. Въ молодости онъ перешелъ въ христіанство ²⁾ и воспитывался подъ строгимъ аскетическимъ вліяніемъ подвижниковъ Палестины и Египта. Въ 367 году онъ избранъ былъ въ епископа Кипрскаго и съ этого времени жилъ

¹⁾ Cellier. Hist. gener. t. VI, p. 375.

²⁾ Vita Euphaniai. Migne gr. ser. t. 41. col. 23—31.

преимущественно въ Констанціи—главномъ городѣ острова. Впрочемъ и отсюда онъ предпринималъ путешествія: былъ въ Египтѣ, Палестинѣ, Константинополѣ и даже Римѣ. Умеръ около 404 года¹⁾.

Къ составленію Панарія Епифаній приступилъ по просьбѣ почитателей своихъ и бывшихъ учениковъ—пресвитеровъ Акакія и Павла, архимандритовъ изъ Халкиды и Верин изъ Кесаріи, въ 11 годъ Валентиніана и Валента, въ 8 годъ Граціана, т. е. вѣроятно въ началѣ 375 года²⁾. Цѣль этого сочиненія состояла въ томъ, чтобы описать и обличить всѣ ереси отъ сотворенія міра до временъ Епифанія. Задавшись такою цѣлью, онъ описываетъ расколъ Мелетія (68 ер.) и ересь арианъ, или аріоманитовъ (69 ер.), а вмѣстѣ съ тѣмъ касается и Никейскаго собора, который разсматривалъ дѣло объ арианахъ и мелетіанахъ.

Епифаній, можно сказать, былъ современникомъ собора, и память объ этомъ великомъ событіи была, вѣроятно, такъ жива во времена Епифанія, что сохраняла даже подробности и детали событія. Равнымъ образомъ во времена Епифанія удобно было пользоваться многими письменными документами—грамотами и посланіями, относящимися къ Никейскому собору. Самъ Епифаній по поводу одного посланія Константина противъ арианъ замѣчаетъ, что это посланіе въ цѣломъ видѣ хранится и теперь у добролюбецвъ³⁾. Вообще Епифаній по обилію источниковъ могъ бы быть хорошимъ погѣтователемъ о Никейскомъ соборѣ. Но онъ такимъ не сдѣлался. Горячій по натурѣ и крайне суровый въ отношеніи къ еретикамъ, онъ занимался не столько изложеніемъ исторіи ересей, сколько ихъ опроверженіемъ и обличеніемъ. Вслѣдствіе этого и при описаніи Мелетіева раскола и арианской ереси, онъ, такъ сказать, только указываетъ на Никейскій соборъ, какъ на одинъ

¹⁾ Ceillier. Hist. gener. t. VI p. 375—381.

²⁾ Иванцовъ. Ереси и расколы 1-хъ 3-хъ вѣковъ; стр. 297—298.

³⁾ Ер. 69, гл. 9. Твор. Епиф. въ р. пер. ч. IV; см. также стр. 69, гл. 5.

изъ моментовъ исторіи этихъ сектъ, но не описываетъ его. Отсюда Епифаніевъ разсказъ о Никейскомъ соборѣ является лишь сухимъ перечнемъ опредѣленій этого собора о разсматриваемыхъ ересьяхъ, не дающимъ никакихъ свѣдѣній о самомъ ходѣ дѣлъ на соборѣ. При краткости и сухости своихъ показаній о соборѣ Епифаній впадаетъ еще и въ погрѣшности. Онъ очень не внимателенъ къ хронологическимъ показаніямъ и въ своемъ повѣствованіи допускаетъ такіе анахронизмы, которые кажутся положительно невѣроятными въ писателѣ почти современникѣ Никейскаго собора. Такъ смерть Арія онъ полагаетъ до Никейскаго собора. „Блаженный Константинъ, пишетъ Епифаній, собралъ соборъ въ городѣ Никей и ересь Арія предана проклятію послѣ его смерти ¹⁾. Епископъ Александрійскій Ахиллъ, предшественникъ Александра, по Епифанію, является преемникомъ ему. „Когда Арій былъ проклятъ и дѣло было сдѣлано на Никейскомъ соборѣ, въ томъ же году оканчиваетъ жизнь свою Александръ и преемствуетъ ему Ахиллъ“ ²⁾. Евсевій, епископъ Никомидійскій и потомъ Константинопольскій, умершій при императорѣ Констанціи, является современникомъ императора Валента ³⁾.

Но при всей своей краткости и неточности въ хронологіи, показанія Епифанія имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи Никейскаго собора.

1. Епифаній подробно говоритъ о состояніи арианства до Никейскаго собора ⁴⁾.

2. Въ подлинномъ видѣ приводитъ письмо Арія къ Евсевию Никомидійскому ⁵⁾. Это письмо перечисляетъ нѣкоторыхъ арианствующихъ епископовъ и показываетъ, что арианство до собора

¹⁾ Ер. 68, гл. 4; ср. ер. 69, гл. 10—11.

²⁾ Ер. 69, гл. 11.

³⁾ Ер. 69, гл. 13.

⁴⁾ Ер. 69, гл. 2—8.

⁵⁾ Ер. 69, гл. 6.

Никейскаго получило значительное распространение, такъ что созваніе вселенскаго собора для рѣшенія аріанскихъ споровъ было дѣломъ необходимости.

3. Епифаній приводитъ въ подлинномъ видѣ письмо Арія къ Александру Александрійскому ¹⁾. Это письмо указываетъ сторонниковъ Арія, осужденныхъ въ Александріи и бѣжавшихъ изъ нея.

Дѣянія Никейскаго собора по дѣлу низложенія Арія, въ которыхъ между прочимъ находится и рассказъ о жизни св. царя Константина Великаго ²⁾.

Относительно этого произведенія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: неизвѣстенъ ни авторъ его, ни время, ни мѣсто его происхожденія. Фотій ³⁾, сдѣлавъ отзывъ о немъ, какъ литературномъ произведеніи, ничего не говоритъ о его происхожденіи. Произведеніе это носитъ названіе „актовъ, или дѣяній Никейскаго собора“ (*acta synodi Nicaenae*); но носитъ незаконно. За это ручается уже вторая половина заглавія: „μερικὴ διήγησις τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως“: рассказъ о жизни Константина не можетъ имѣть мѣста въ актахъ собора. Еще болѣе за незаконность заглавія говоритъ самое содержаніе памятника: содержаніе его не представляетъ ничего подобнаго актамъ. Эти „дѣянія“ начинаются рассказомъ о гоненіи Діоклетіана на христіанъ; потомъ говорятъ о возведеніи Константина въ званіе кесаря, о его борьбѣ съ своими соправителями и, наконецъ,

¹⁾ Ер. 69, гл. 7.

²⁾ Въ подлинникѣ заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Τὰ πρῶθεντα ἐν Νικαίᾳ παρὰ τῆς συνόδου ἐπὶ καθαιρέσει Ἀρείου ἐν οἷς καὶ μερικὴ διήγησις τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως“. Это сочиненіе почти въ цѣломъ видѣ находится въ библіотекѣ Фотія (с. 256). Въ новое время это произведеніе издано въ Парижѣ въ 1648 году „in novo auctario“ Combesis t. II.

³⁾ Cenzura Photii. Combesis. Nov. auctar. t. II, col. 692.

о достиженіи имъ единовластія. Далѣе излагается исторія Никейскаго собора довольно кратко: здѣсь говорится о началѣ аріанства, о созваніи собора, указываются нѣкоторые члены собора, какъ-то: Александръ, пресвитеръ Константинопольскій, замѣнявшій своего епископа Митрофана, Аонасій, архидіаконъ Александрійскій, бывший вмѣстѣ съ епископомъ Александромъ, Пафнутій Оивандскій и Спиридонъ Тримифунтскій; указывается также число аріанскихъ сторонниковъ при началѣ соборныхъ разсужденій и при концѣ ихъ; о самыхъ же засѣданіяхъ собора не говорится ничего. Затѣмъ идетъ рѣчь о событіяхъ послѣ Никейскаго собора, именно: о назначеніи Митрофаномъ Константинопольскимъ въ преемника себѣ пресвитера Александра, о возвращеніи изъ ссылки Арія, благодаря ходатайству Констанціи, объ интригахъ аріанъ и о смерти Арія. Оканчивается это произведеніе замѣчаніемъ о смерти Александра Константинопольскаго. Какъ видно изъ представленнаго содержанія, разбираемое нами произведеніе не можетъ быть названо актами, или дѣяніями собора; это не болѣе какъ повѣствованіе о временахъ Константина, о Никейскомъ соборѣ и Константинопольскихъ епископахъ.

Кто былъ авторъ этого произведенія, какъ мы сказали, неизвѣстно. На основаніи самого содержанія произведенія можно догадываться, что онъ былъ жителемъ Константинополя. Онъ очень подробно говоритъ объ Александрѣ Константинопольскомъ, о его заслугахъ на Никейскомъ соборѣ, о его избраніи на кафедру Константинопольскаго епископа и о его борьбѣ съ аріанствомъ. Такое вниманіе къ представителю Константинопольской іерархіи несомнѣнно говоритъ за автора константинопольца. На соборѣ были лица болѣе извѣстныя своими заслугами, чѣмъ Александръ Константинопольскій, и однако нашъ авторъ объ этихъ лицахъ ничего не говоритъ, или говоритъ очень мало, какъ-бы мимоходомъ. Притомъ еслибы авторъ разсматриваемаго нами произведенія не былъ жителемъ Константинополя, то ему не откуда было бы и получить подробныхъ свѣдѣній объ Александрѣ Константинополь-

скомъ. О дѣятельности Александра никто изъ другихъ церковныхъ писателей не говоритъ ничего. Очевидно, свѣдѣнія эти хранились въ преданіи Константинопольской церкви, которыми естественно удобно было пользоваться только жителямъ Константинополя.

Относительно личности, или лучше сказать, относительно имени автора можно сдѣлать одно предположеніе. Наше произведеніе имѣетъ много сходнаго съ сочиненіемъ Геласія Кизическаго „исторія Никейскаго собора“. Такъ нашъ авторъ и Геласій — оба начинаютъ свой рассказъ съ начала царствованія Константина (нашъ авторъ нѣсколько ранѣе), говорятъ о борьбѣ Константина съ Максенціемъ и Ликиніемъ и полной побѣдѣ его надъ ними¹⁾. Положимъ, Геласій говоритъ гораздо подробнѣе, чѣмъ нашъ авторъ, но планъ и порядокъ рассказа у того и другаго одинъ и тотъ же. Далѣе, какъ Геласій, такъ и нашъ авторъ опредѣляютъ продолжительность Никейскаго собора въ 3½ года. Соборъ продолжался, пишетъ нашъ авторъ, 3 года и 6 мѣсяцевъ: начался въ апрѣлѣ, а окончился въ сентябрѣ чрезъ 3 года²⁾. А Геласій о продолжительности собора выражается такъ: „императоръ собралъ святой соборъ епископовъ въ 16-й годъ 6-й мѣсяць своего царствованія, какъ значится въ древнихъ исторіяхъ, закрылъ же засѣданія собора въ 20-й годъ“³⁾. Еще: оба автора говорятъ объ Александрѣ Константинопольскомъ, занимавшемъ мѣсто своего епископа Митрофана, какъ объ одномъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ членовъ Никейскаго собора: оба они говорятъ о немъ прежде, чѣмъ о другихъ членахъ собора, и съ большимъ уваженіемъ⁴⁾, чего не видно у другихъ повѣствователей о соборѣ. Наконецъ, оба автора говорятъ о томъ, что епи-

1) Combeses. col. 573--577. „Acta synodi Nicaenae“; Gel. Cyz. l. I. Migne t. 85. gr. ser.

2) Combeses. col. 584.

3) Gelas. Cyz. lib. II, c. 36; col. 1341; lib. II, c. 5.

4) Combeses. col. 580. Gel. Cyz. lib. II, c. 5.

сконы, бывшіе на соборѣ, постарались распространить опредѣленія Никейскаго собора всюду; при этомъ тотъ и другой указываютъ на Осію Кордубскаго, принесшаго опредѣленія Никейскаго собора на западъ, Азанасія Александрійскаго, распространившаго эти опредѣленія въ Египтѣ и пограничныхъ съ нимъ странахъ, и Александра Константинопольскаго, позвакомившаго съ этими опредѣленіями Оракію и Иллирикъ¹⁾. Положимъ, Геласій и здѣсь передаетъ дѣло подробнѣе нашего автора, онъ указываетъ не троихъ только сейчасъ перечисленныхъ вѣстниковъ Никейскаго собора, а 13; но опять замѣтимъ, что сущность показаній обоихъ авторовъ одна и таже. Мы не имѣемъ конца исторіи Геласія, а потому мы не можемъ провести дальнѣйшаго сравненія между его исторіею и разбираемымъ нами произведеніемъ. Но и указаннаго достаточно, чтобы видѣть сходство въ планѣ и нѣкоторыхъ показаніяхъ у Геласія съ нашимъ авторомъ. Это сходство приводитъ къ заключенію, что одинъ изъ нихъ пользовался произведеніемъ другого. Такое заключеніе тѣмъ болѣе естественно, что нѣкоторыя сходныя показанія Геласія и нашего автора — единственныя въ своемъ родѣ, не встрѣчающіяся у другихъ повѣствователей о Никейскомъ соборѣ; таково напр. показаніе о продолжительности собора; таково же показаніе о видной дѣятельности на соборѣ Александра Константинопольскаго и о томъ что онъ присутствовалъ на соборѣ еще въ санѣ пресвитера. Кого же изъ двухъ авторовъ признать болѣе раннимъ писателемъ? По нашему мнѣнію, болѣе раннимъ писателемъ нужно признать анонимнаго автора разбираемаго нами произведенія. Въ пользу такого предположенія можно указать слѣдующія основанія: а) нашъ авторъ, опредѣляя продолжительность Никейскаго собора въ 3¹/₂ года, въ подтвержденіе своего показанія ссылается на Александра (вѣроятно Константинопольскаго), записавшаго акты собора. „Такъ, говоритъ нашъ авторъ, обозначилъ продолжительность собора (въ 3¹/₂ года) мудрый Александръ, записавшій ак-

²⁾ Combef. col. 581; Gel. Cyz. lib. II, c. 36, col. 1341—1344.

ты собора“¹⁾. Мы, конечно, не будем отстаивать правильность цитации нашего автора. Акты въ смыслѣ опредѣленій—были, но въ нихъ не могло быть такого показанія о времени собора. Для насъ важно здѣсь то, что анонимъ ссылается не на какое-либо позднее повѣствованіе, а на первоисточникъ, хотя и испорченный; слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ онъ даетъ самостоятельное показаніе. Не то мы находимъ у Геласія. Онъ въ подтвержденіе своего показанія ссылается на какія то „древнія исторіи“ (*τὰ παλαιὰ ἐπιγράμματα*)²⁾, а не на первоисточникъ. б) Геласій говоритъ объ Александрѣ Константинопольскомъ съ такимъ же уваженіемъ, съ такими же похвалами, какъ и нашъ авторъ. Признавъ нашего автора Константинопольцемъ, мы понимаемъ его стремленіе возвысить Александра. Но откуда могло явиться у Геласія такое стремленіе? Онъ не былъ жителемъ Константинополя, а потому у него не могло быть и поводовъ особенно возвеличивать Константинопольскаго іерарха. Не могъ не откуда онъ и заимствовать такихъ панегирическихъ показаній объ Александрѣ, потому что у древнихъ писателей (ранѣе Геласія) ничего не говорится о дѣятельности Александра на соборѣ. Предположивши же, что нашъ авторъ служилъ источникомъ для Геласія, мы поймемъ, почему Геласій говоритъ объ Александрѣ Константинопольскомъ: поставивъ себѣ цѣлью, насколько возможно, подробнѣе передать исторію Никейскаго собора, Геласій воспользовался и показаніями нашего автора объ Александрѣ Константинопольскомъ. Наконецъ, с) въ пользу нашего предположенія говоритъ слѣдующее. Геласій свидѣтельствуетъ, что при написаніи исторіи Никейскаго собора пользовался сочиненіями какого-то пресвитера Іоанна, мужа очень древняго и опытнаго въ писаніи³⁾. Намъ неизвѣстно, кто былъ пресвитеръ Іоаннъ и какія были его сочиненія; можно полагать только, что эти сочиненія имѣли отношеніе къ

¹⁾ Combef. t. II, col. 584.

²⁾ Gel. Cyz. lib. II. c. 36, col. 1341.

³⁾ Gel. Cyz. Praefatio. col. 1197.

Никейскому собору. Но такъ какъ въ V вѣкѣ Никейскій соборъ былъ у всѣхъ въ большомъ уваженіи, даже еретики признавали авторитетъ его, то трудно допустить, чтобы въ это время пропали какія-либо сочиненія, относящіяся къ Никейскому собору: ихъ, вѣроятно, берегли и распространяли, а не уничтожали. Трудно поэтому допустить, чтобы пропали и сочиненія пресвитера Іоанна... Нельзя ли признать за сочиненія пресвитера Іоанна, а также и за тѣ „древнія исторіи“ (*τα παλαιὰ διηγήματα*), которыми пользовался Геласій, разбираемое нами произведеніе?... Мы не имѣемъ препятствій къ такому предположенію; а между тѣмъ отъ такого предположенія многое объясняется изъ исторіи Геласія: объясняются нѣкоторые его показанія о соборѣ и свидѣтельство о пресвитерѣ Іоаннѣ. Принявъ это предположеніе, мы не будемъ задаваться вопросомъ, какъ могли пропасть сочиненія пресвитера Іоанна? Равнымъ образомъ при такомъ предположеніи не потребуютъ объясненія и показанія Геласія объ Александрѣ Константинопольскомъ, о времени собора и др. Въ пользу нашего предположенія о тождествѣ сочиненій Іоанна съ разбираемымъ нами произведеніемъ говорятъ и отзывъ Геласія о сочиненіяхъ пресвитера Іоанна. Геласій называетъ Іоанна „мужемъ опытнымъ въ писаніи“ (*ἄγρον γράφικός* — *scribendi abmodum peritus*)¹⁾; а вотъ рецензія патріарха Фотія о разбираемомъ нами произведеніи. „Эта исторія не вполне совершенна, но всетаки она замѣчательна по изложенію и мыслямъ, далеко не ничтожна и не заслуживаетъ пренебреженія“²⁾. Какъ видно, отзывъ Геласія о сочиненіяхъ Іоанна близко подходитъ къ отзыву Фотія о разбираемомъ нами произведеніи. Конечно, на основаніи приведенныхъ аргументовъ, мы не думаемъ считать свое предположеніе твердымъ и вѣрнымъ; мы смотримъ на него только какъ на догадку, гипотезу.

¹⁾ Gel. Cyz. praefatio. col. 1197.

²⁾ Censura Photii. Combefes. t. II, col. 592.

Принявъ предположеніе о зависимости Геласія отъ анонимнаго произведенія и о тождествѣ послѣдняго съ сочиненіями пресвитера Іоанна, мы приблизительно можемъ опредѣлить и время происхожденія анонимнаго произведенія, или по крайней мѣрѣ опредѣлить крайній пунктъ, позднѣе котораго нельзя полагать его происхожденіе. Геласій, какъ видно изъ *praefatio*, писалъ исторію Никейскаго собора около 476 года. Въ это время Іоаннъ былъ уже древнимъ писателемъ и его сочиненія Геласій называетъ „древними тетрадами“ (*tetradibus palaiis*); слѣдовательно, нужно относить происхожденіе этихъ тетрадей не позднѣе какъ къ половинѣ V вѣка или даже къ болѣе раннему времени. Вотъ одинъ крайній пунктъ происхожденія анонимнаго произведенія. Постараемся указать другой. Наше произведеніе имѣетъ много общаго съ церковною исторіею Руфина. Разсказъ о Пафнутіи Египетскомъ и Спиридонѣ Кипрскомъ у нашего автора и Руфина излагается почти дословно сходно; различіе только въ томъ, что у нашего автора не достаетъ нѣкоторыхъ фразъ (но не мыслей) сравнительно съ Руфиномъ¹⁾. О числѣ Аріевыхъ сторонниковъ въ началѣ собора и въ концѣ его, о неискренности подписи Евсевія Никомидійскаго и другихъ аріанъ подъ Никейскими опредѣленіями Руфинъ и нашъ авторъ говорятъ одно и тоже: оба они опредѣляютъ число аріанъ на соборѣ въ 17 человекъ, изъ которыхъ отказались подписать Никейскія опредѣленія и остались на сторонѣ Арія только 6 человекъ; остальные же 11 подписали опредѣленія собора, хотя подписали неискренно; примѣръ такого лицемѣрія первый подалъ Евсевій Никомидійскій²⁾. Точно также дословно сходно говорятъ нашъ авторъ и Руфинъ объ обстоятельствахъ послѣ Никейскаго собора: о возвращеніи изъ ссылки Арія и Евзоя по ходатайству Констанціи и о смерти Арія. Но что особенно замѣчательно, оба автора впадаютъ въ грубый анахро-

¹⁾ Rufin. *Histor. eccles. lib. I, c. 4—5; conf. Combef. t. II, col. 580—581.*

²⁾ Rufin. *lib. I, c. 5 ad finem; cf. Combef. t. II, col. 581.*

низмъ: смерть Арія полагають послѣ смерти Константина ¹⁾. Такое сходство нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, какъ только зависимостью одного автора отъ другаго. Кто же изъ нихъ зависимъ? По нашему мнѣнію анонимный авторъ зависимъ отъ Руфина. Вотъ основанія для такого предположенія. а) Если допустить, что произведеніе анонимнаго автора появилось ранѣе исторіи Руфина, то появилось во всякомъ случаѣ незадолго до послѣдней, не ранѣе конца IV вѣка, потому что въ немъ встрѣчаются такіе анахронизмы, которые положительно невѣроятны въ авторѣ близкомъ по времени къ собору; таково показаніе о продолжительности собора, о смерти Арія послѣ смерти Константина ²⁾. Теперь является вопросъ: если происхожденіе анонимнаго произведенія отнести къ послѣдней четверти IV столѣтія, могъ-ли Руфинъ воспользоваться имъ при написаніи своей исторіи? Едвали. Нашъ авторъ, какъ мы показали, былъ жителемъ Константинополя; а Руфинъ жилъ на западѣ; изъ восточныхъ же странъ былъ только въ Египтѣ и Палестинѣ, куда по всей вѣроятности не успѣло еще дойти, во время пребыванія тамъ Руфина, произведеніе нашего автора, такъ какъ незначительныя произведенія вообще распространяются очень медленно. б) Руфинъ ничего не говоритъ о Митрофанѣ Константинопольскомъ и о его пресвитерѣ Александрѣ, о которыхъ подробно говоритъ нашъ авторъ. Если бы Руфинъ пользовался нашимъ авторомъ, то онъ несомнѣнно помѣстилъ бы и рассказъ объ Александрѣ Константинопольскомъ, тѣмъ болѣе что онъ безъ особенной критики относился къ историческимъ рассказамъ: очевидно, Руфинъ не имѣлъ подъ руками разсматриваемаго нами произведенія. Слѣдовательно, пользовался не Руфинъ нашимъ авторомъ, а нашъ авторъ Руфиномъ. Отсюда опредѣляется другой крайній пунктъ происхожденія разбираемаго нами произведенія:

¹⁾ Rufin. lib. I, c. 11—13; cf. Combef. col. 585—589.

²⁾ Что такіе анахронизмы въ концѣ IV в. были возможны, видно на примѣрѣ Елифанія и Руфина.

оно появилось послѣ церковной исторіи Руфина, т. е. не ранѣе конца 1-й или начала 2-й четверти V-го вѣка. Къ этому же времени приводить и сличеніе нашего произведенія съ исторією Сократа и Созомена. У Созомена есть разсказъ о посрамленіи Александромъ Константинопольскимъ языческихъ философовъ¹⁾. У нашего автора нѣтъ ничего подобнаго и, намъ думается, нѣтъ потому, что онъ не зналъ исторіи Созомена, или проще: писалъ свое произведеніе ранѣе Созомена. Если же бы онъ зналъ исторію Созомена, то несомнѣнно помѣстилъ бы разсказъ о посрамленіи Александромъ языческихъ философовъ, такъ какъ онъ поставилъ цѣлью своего произведенія говорить о дѣятельности Александра. У Сократа въ его исторіи есть одно показаніе буквально сходное съ показаніемъ разбираемаго нами произведенія и притомъ показаніе единственное, не встрѣчающееся ни въ какихъ другихъ повѣствованіяхъ о соборѣ. Говоря о торжественномъ за-сѣданіи собора, Сократъ свидѣтельствуетъ, что „императоръ, вошедши (въ собраніе), сталъ среди епископовъ и не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ епископы пригласили его“²⁾. Буквально такое же показаніе встрѣчаемъ мы и у нашего автора³⁾. Кто у кого заимствовалъ это показаніе? Если бы нашъ авторъ былъ знакомъ съ исторією Сократа, то онъ избѣжалъ бы грубыхъ хронологическихъ ошибокъ какъ въ опредѣленіи времени собора, такъ и въ опредѣленіи смерти Арія: ясно, нашъ авторъ не зналъ исторіи Сократа и не пользовался ею. Наоборотъ то предположеніе, что Сократъ заимствовалъ приведенное выраженіе у нашего автора, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Сократъ критически относился къ своимъ источникамъ; поэтому онъ не внесъ въ свою исторію тѣхъ ошибокъ, какія находятся у нашего автора, хотя и зналъ произведеніе послѣдняго. Онъ увлекся только однимъ пока-

1) Созом. I, 18.

2) Сократъ I, 8; стр. 35. Migne t. 67, col. 64.

3) Combefes. t. II, col. 580.

занієм анонима и предпочель его болѣе вѣрному показанію Евсевія. Если же мы допустимъ, что разбираемое произведеніе явилось ранѣе исторіи Созомена и Сократа, то опять должны относить его происхожденіе къ концу 1-й или началу 2-й четверти V вѣка.

Для исторіи Никейскаго собора разбираемое произведеніе не имѣетъ почти никакого значенія. О Никейскомъ соборѣ въ этомъ произведеніи говорится очень мало и то на основаніи извѣстныхъ намъ источниковъ. Такъ объ арианствѣ до Никейскаго собора говорится, кажется, на основаніи посланія Александра Александрійскаго къ Александру Константинопольскому, потому что нашъ авторъ, какъ и посланіе, свидѣтельствуетъ, что на сторонѣ Арія было 9 человекъ изъ простыхъ клириковъ ¹⁾. О посольствѣ Осія Кордубскаго въ Александрію съ цѣлью умиротворенія спорившихъ и о созваніи Никейскаго собора нашъ авторъ говоритъ на основаніи сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ ²⁾. Наконецъ, о нѣкоторыхъ епископахъ, участвовавшихъ на соборѣ, и о дѣятельности собора нашъ авторъ говоритъ на основаніи Руфина: это мы показали ранѣе.

Тѣ же показанія нашего автора, которыя можно назвать новыми, представляютъ мало вѣроятнаго. Таково напр. показаніе о продолжительности Никейскаго собора. Всѣ церковные историки ³⁾ единодушно говорятъ, что Никейскій соборъ происходилъ въ 20-й

¹⁾ Впрочемъ, нашъ авторъ въ числѣ сторонниковъ Арія указываетъ и двухъ епископовъ—Θεону и Секунда, о которыхъ не говоритъ посланіе къ Александру Византійскому. Вѣроятно, нашъ авторъ дополняетъ показанія посланія на основаніи другихъ источниковъ, можетъ быть,—окружнаго посланія Александра; нашъ авторъ свидѣтельствуетъ, что въ Александріи сторонники Арія преданы были анаемъ по рѣшенію 100 епископовъ (Combes. col. 577); а это показаніе окружнаго посланія Александра (Дьян. I, 35). Равнымъ образомъ и указаніе нашего автора на Евсевія Никомидійскаго, какъ на сторонника Арія, основано, вѣроятно, на томъ же окружномъ посланіи (Combes. col. 557; cf. Дьян. I, 33).

²⁾ „Жизнь Константина“ II, 73; III, 5—6; cf. Combes. II, col. 577—580.

³⁾ Евсевій „Жизнь Константина“ III, 15; Rufin. I, 1; Сокр., I, 13.

годъ царствованія Константина, въ консульство Павлина и Юліана. На этотъ же 20-й годъ царствованія Константина, 325-й по Р. Хр. указываютъ, какъ на время собора: Александрійская хроника, 4-й вселенскій соборъ (дѣяніе 2-е) и всѣ каноническія коллекціи. Наконецъ, въ 325 году, какъ во времени собора, приводитъ и самый ходъ событій. Какъ видно изъ свидѣтельства церковныхъ историковъ, Никейскій соборъ созванъ былъ послѣ окончательной побѣды Константина надъ Ликиніемъ; эта побѣда совершилась по указанію Фастъ Идація (Fasti Idatii) и Александрійской хроники ¹⁾ въ 324 году по Р. Хр., въ 15-е октябрскихъ календъ, т. е. 18-го сентября; а соборъ окончился, по указанію Евсевія, въ 325 году. Очевидно, показаніе о 3^{1/2} годовой продолжительности Никейскаго собора не болѣе, какъ басня.

Все значеніе разбираемаго произведенія состоитъ въ томъ, что оно опредѣленно свидѣтельствуетъ о присутствіи на Никейскомъ соборѣ Александра Константинопольскаго.

Сочиненіе Геласія Кизическаго „Исторія Никейскаго собора“.

Исторія Геласія Кизическаго есть самое обширное и полное изъ всѣхъ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, какія мы только имѣемъ ²⁾. Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ этой исторіи очень

¹⁾ Valesii annotationes. Migne t. 20 gr. ser. col. 1071.

²⁾ Полное заглавіе этого труда таково: Γελασίου τοῦ Κιζικηνῶν τῶν κατὰ ἐν Νικαίᾳ συνόδου πρᾶξιόντων σύνταγμα (Gelasii Syziceni actorum concilii Nicaeni commentarius). Въ древности это сочиненіе обращалось подъ именемъ исторіи Никейскаго собора; съ такимъ заглавіемъ извѣстно было оно Фотію, Никитѣ Хоніату и др. писателямъ, которые дѣлали о немъ свои замѣтки (Testimonia veterum. Migne t. 85. curs. patr. col. 1187—1189). Въ новое время въ 1-й разъ исторія Геласія была найдена въ Ватиканской библіотекѣ въ греческомъ манускриптѣ Альфонсомъ Пизаномъ и издана была подъ именемъ актовъ Никейскаго собора. Съ латинскимъ переводомъ и настоящимъ названіемъ исторія Геласія издава была трудами Бельфорейя. Последнее изданіе было сдѣлано не съ того экземпляра, который открылъ въ Ватиканской библіотекѣ Альфонсъ Пизанъ, а съ

судны, или вѣрнѣе: мы не знаемъ о немъ почти ничего. Отецъ его былъ священникомъ въ Кизики при архіепископѣ Далматіи ¹⁾. Въ домѣ отца Геласій, вѣроятно, получилъ и первоначальное образованіе; по крайней мѣрѣ, какъ видно изъ его собственнаго свидѣтельства, онъ, еще живя въ домѣ отца (ἔτι ἐν τῇ πατρῴᾳ οἰκίᾳ διαγῶν), былъ настолько образованъ, что читалъ древнюю книгу, въ которой заключалось описаніе Никейскаго собора, и понималъ ея значеніе: онъ старался выучить ее наизусть и если не выучилъ, то только по причинѣ ея громадности ²⁾. Это свидѣтельство Геласія о существованіи книги очень сомнительно; но изъ этого свидѣтельства несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ еще во время жизни въ домѣ отца получилъ образованіе; иначе онъ не могъ бы заявлять о своемъ знакомствѣ съ книгою архіепископа Далматія. Изъ дальнѣйшей жизни Геласія извѣстно только то, что онъ въ царствованіе Васписка, въ 476 году, прибылъ въ Виеннію и здѣсь имѣлъ споръ съ послѣдователями Евтихія, заявлявшими, что они держатся вѣры, утвержденной отцами Никейскаго собора ³⁾. О своемъ общественномъ положеніи, о своихъ занятіяхъ и дѣятельности самъ Геласій ничего не говоритъ; также ничего не говорятъ и другіе писатели. Каве (Cave) ⁴⁾ назы-

другаго, который нашелъ на островѣ Хиосѣ Францъ де-Ноаль (François de Noailles), епископъ и посланникъ въ Константинополѣ (Cave. Hist. litter. vol. I, p. 455; Ceillier Hist. gen. t. X p. 533). Но это изданіе было неполно: изданы были только двѣ первыя книги исторіи Геласія. Болѣе полныя изданія Геласіевой исторіи появлялись въ сборныхъ дѣяніяхъ, какъ-то: Bini, Labbei, Harduini, Mansi. Изъ изданія Манси исторія Геласія перепечатана въ изданіи Маниа: *Cursus completus patrologiae gr. ser. t. 85, col. 1185 et seq.* Нужно впрочемъ замѣтить, что и въ настоящемъ своемъ видѣ исторія Геласія не полна: третья книга этой исторіи не имѣетъ конца. Конецъ ея еще не изданъ; онъ находится въ рукописи амвросіанской бібліотеки. Содержаніе этой неизданной части Геласіевой исторіи передалъ Franz Oehler. (*Zeitschrift für Wissenschaftliche Theologie. 1861. Gft. 4.*)

¹⁾ Gel. Cyz. Migne. t. 85, col. 1193.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. col. 1193—1196.

⁴⁾ Cave. Hist. litteraria t. I, col. 454.

ваетъ его епископомъ Кесаріи Палестинской на томъ основаніи, что такъ Геласій назывался въ экземплярѣ его исторіи, который былъ въ рукахъ Фотія ¹⁾). Другіе (Фабрицій ²⁾, Гефеле) ³⁾ называютъ его епископомъ Кизическимъ. Наконецъ, третьи перемѣщаютъ Геласія въ Виеннію на томъ основаніи, что свою исторію Никейскаго собора онъ писалъ не въ Кизики и не въ Кесаріи, а въ Виенніи, какъ это видно изъ *praefatio*. Которое изъ этихъ мнѣній справедливо, рѣшить трудно по неизмѣннѣю положительныхъ данныхъ. Вѣроятнѣе же представляется то мнѣніе, по которому Геласій былъ епископомъ Кизическимъ въ Протопондѣ ⁴⁾).

Извѣстность Геласій приобрѣлъ своимъ трудомъ, изданнымъ подъ именемъ „исторіи Никейскаго собора“. Поводомъ къ написанію исторіи, какъ видно изъ *praefatio*, послужило слѣдующее обстоятельство. Въ царствованіе Василиска, извѣстнаго покровителя монофизитовъ, Геласій прибылъ въ Виеннію. Покровительство императора дѣлало монофизитовъ слишкомъ смѣлыми: они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нападать и злословить православныхъ. Геласій вступилъ съ ними въ споръ. Монофизиты въ защиту себя и въ опроверженіе своего оппонента указывали на то, что они слѣдуютъ постановленіямъ Никейскаго собора ⁵⁾. Геласій имъ доказалъ, что они жестоко ошибаются, — ут-

1) „Геласίου τοῦ ἐπισκόπου Καισαρείας τῆς Παλαιστίνης“. *Testimonia veterum script.* Migne t. 85, col. 1189.

2) *Notitia.* Migne t. 85, col. 1179—1180.

3) Hefele. *Concilien-geschichte.* Band. I, s. 284.

4) Это мнѣніе мы принимаемъ какъ потому, что оно болѣе распространенное и общее, такъ и потому, что другія мнѣнія мало имѣютъ да нныхъ въ свою пользу. Мнѣніе Каве не выдерживаетъ критики, такъ какъ другой экземпляръ той же исторіи, который имѣлъ Фотій, обозначался именемъ Геласія Кизическаго, а не Кесарійскаго. Притомъ въ 484 году епископомъ Кесаріи былъ Тимофей, а не Геласій (*Ceillier. Hist. gen. t. X, p. 533*); очевидно, надпись на исторіи Геласія: „епископа Кесарійскаго“ — ошибка. Написаніе исторіи собора Никейскаго въ Виенніи также не можетъ ручаться за то, что и мѣстомъ служенія Геласія была Виеннія.

5) „προβαλλομένων ἡμῶν ὑπόβλεψας, τὴν ἐν Νικαίᾳ, φημί, ὑπὸ τῶν πατέρων κρατεῖν πίστην“. *Migne t. 85, col. 1193—1196.*

верждаютъ то, чего хорошо не знаютъ ¹⁾), и, изложивши предъ ними исторію Никейскаго собора, заставилъ ихъ согласиться съ тѣмъ, что принципы ихъ секты не правильны и подвергаются тому же анаеѣматетствованію, которому подверглось арианство. Такой успѣхъ въ диспутѣ показалъ Геласію, какъ много пользы въ спорахъ съ еретиками можетъ принести подробная и обстоятельная исторія Никейскаго собора, собора всеми уважаемаго, на который ссылались всѣ, какъ на непоколебимый авторитетъ и непреложную истину, и отвергать который не осмѣливался никто. Этотъ диспутъ показалъ Геласію, что дѣянія Никейскаго собора можно выставить въ качествѣ аргумента противъ всѣхъ еретиковъ и въ защиту православныхъ. И вотъ онъ рѣшился розыскать все, что относится къ исторіи Никейскаго собора и составить по возможности полное и обстоятельное изложеніе исторіи Никейскаго собора для того, чтобы этимъ повѣствованіемъ можно было пользоваться какъ орудіемъ противъ еретиковъ, чтобы принести практическую пользу читателямъ исторіи. „Когда я собралъ кое-что изъ разныхъ источниковъ, говоритъ Геласій, то нашель нужнымъ написать это въ настоящей книгѣ для общей пользы и для утвержденія тѣхъ, которымъ попадутся эти записки“ ²⁾).

Рѣшившись написать исторію Никейскаго собора, Геласій не думалъ, однако, ограничиваться изображеніемъ одного собора: онъ намѣгилъ болѣе широкіе размѣры для своего сочиненія. По его предначертанію, исторія должна была обнимать все царствованіе Константина. „Начнемъ свою рѣчь, пишетъ Геласій въ praefatio, со времени благочестивѣйшаго и христовоснаго (τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ χριστοφόρου) императора Константина, по приказанію котораго собранъ былъ соборъ епископовъ въ городѣ Никее“ ³⁾. Гела-

¹⁾ „οἱ διηλέγοντο πρὸς ἡμῶν πολέμοι ἐκείνοισι ὑπάρχοντες. Οὐ γὰρ ἤδεισαν τί λέγουσιν, ἢ περὶ τίνων διαβεβαιῶνται“. Ibid. col. 1193.

²⁾ Gel. Cyz. Migne t. 85, col. 1197.

³⁾ Ibid.

сій думалъ даже описать время, предшествовавшее царствованію Константина. „Если Богу угодно будетъ, то я въ другой книгѣ (ἐν ἑτέρῳ λόγῳ), пишуъ Геласій, передамъ о рожденіи боголюбиваго императора Константина и о временахъ, въ которыя царствовалъ отецъ его“¹⁾. Исполнено-ли это послѣднее предназначеніе Геласія, мы не знаемъ; первое же его предназначеніе исполнено. Его исторія состоитъ изъ трехъ книгъ, которымъ предшествуетъ введеніе, или *praefatio*. Въ *praefatio* Геласій говоритъ о поводахъ къ написанію исторіи и объ источникахъ, какими онъ пользовался для своего произведенія. Въ 1-й книгѣ Геласій рассказываетъ исторію царствованія Константина, начиная со времени войны его съ Максенціемъ и кончая полною побѣдою его надъ Ликиніемъ. Во 2-й книгѣ Геласій говоритъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ Никейскому собору и вызвавшихъ этотъ послѣдній, и передаетъ очень подробно исторію самого собора; при этомъ онъ приводитъ въ подлинникѣ всѣ документы — посланія, грамоты, опредѣленія. 3-я книга содержитъ три письма Константина.

Намъ нѣтъ нужды входить въ подробный разборъ всей исторіи Геласія. Разборъ 1-й книги этой исторіи, какъ посвященной событіямъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи Никейскаго собора, выходитъ за предѣлы нашей задачи. Намъ нужно обратить особенное вниманіе на 2-ю книгу, въ которой излагается исторія Никейскаго собора, и отчасти на 3-ю, какъ содержащую въ себѣ документы, сопряженные съ Никейскимъ соборомъ²⁾.

Первый вопросъ, который мы ставили при разборѣ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, не современныхъ ему, былъ вопросъ

¹⁾ GeI. Suz. Migne t. 85. col. 1197.

²⁾ 3-я книга исторіи Геласія, какъ мы замѣчали, издана еще не вся. Но этотъ недостатокъ для насъ не особенно чувствителенъ. Намъ нужны только описанія Никейскаго собора, а эти описанія кончаются, какъ свидѣлствуетъ Геласій (lib. II, c. 36, col. 1341), во 2-й книгѣ.

объ источникахъ этихъ повѣствованій. Тотъ-же вопросъ мы поставимъ первымъ и при разборѣ исторіи Геласія. Какими источниками пользовался Геласій при написаніи исторіи Никейскаго собора? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ самъ Геласій въ *praefatio*. Первымъ и самымъ главнымъ источникомъ для Геласія, по его свидѣтельству, служили акты Никейскаго собора. Онъ говоритъ, что въ молодости, когда еще жилъ въ домѣ отца, нашелъ одну старинную книгу, принадлежащую Далматію, архіепископу Кизическому; въ этой книгѣ описано было все, что говорили, дѣлали и постановили на Никейскомъ соборѣ (*πάντα τὰ ἐν ἐκείνῃ τῇ ἐναρέτῳ καὶ ἀγίᾳ συνόδῳ λεχθέντα τε καὶ πραχθέντα καὶ διατυπωθέντα*); въ ней находился и подробный трактатъ объ единствѣ Божества Сына и Св. Духа, Которое (Божество) прежде вѣкъ существуетъ, не имѣетъ начала, но всегда съ Богомъ и Отцемъ пребываетъ; о неизреченномъ воплощеніи Бога Слова отъ Богородицы Дѣвы Маріи (*ἐκ τῆς Θεοτόκου Παρθένου Μαρίας*) въ послѣднее время для нашего спасенія и объ апостольскихъ постановленіяхъ для церкви. Равнымъ образомъ Геласій встрѣтилъ въ книгѣ Далматія божественныя и по-истинѣ апостольскія мнѣнія (*θείας καὶ ἀληθῶς ἀποστολικὰς ἐννοίας*), которыя Константинъ высказывалъ на соборѣ ¹⁾. Найденная книга произвела на Геласія глубокое впечатлѣніе. „Я такъ былъ услажденъ всѣмъ, что содержалось въ этой книгѣ, пишетъ Геласій, что невольно воскликнулъ: „Господи, какъ пріятны Слова Твои гортели моей, слаще меда устамъ моимъ“ (Пс, 108, 103). Онъ прилагалъ много старанія, чтобы выучить всю книгу наизусть, но не могъ этого сдѣлать, потомучто книга по своему содержанію была громадна, какъ необъятное море (*τὸ ἄφατον πέλαγος*) ²⁾. Не успѣвъ выучить всей книги, онъ однако многое замѣтилъ изъ нея (*πλείστα ἐπεσημηγνάμην* — *plurima annotavi*), какъ-то:

¹⁾ Praefatio. Migne t. 85. col. 1193.

²⁾ Ibid.

догматы учения отцев (*διδασκαλίαι πατέρων δόγματα*), именно изложенныя опроверженія арианскаго богохульства, направленнаго незаконными аріанами не только противъ Сына Божія, но и противъ Св. Духа, возраженія нанятыхъ аріанами философовъ и опроверженія ихъ софизмовъ православными епископами ¹⁾. Всѣмъ этимъ Геласій воспользовался, когда сталъ писать исторію Никейскаго собора ²⁾. Но такъ какъ этого всеже далеко было недостаточно для послѣдовательнаго и обстоятельнаго изображенія исторіи Никейскаго собора, а самая книга уже затерялась, то онъ обратился къ другимъ источникамъ. Такъ онъ пользовался сочиненіями нѣкоего давно жившаго и искуснаго въ писаніи пресвитера Іоанна; равнымъ образомъ пользовался сочиненіями Евсевія Памфила, епископа Кесарійскаго, Руфина, пресвитера Римскаго (*Ρουφίνου πρεσβυτέρου Ῥώμης*), которые присутствовали на Никейскомъ соборѣ (*τῶν τῇ ἀγίᾳ ἐκείνῃ κοινωνησάντων συνόδῳ*), и многихъ другихъ писателей ³⁾. Вотъ показанія самого Геласія объ источникахъ его исторіи Никейскаго собора. Провѣримъ эти показанія.

Первымъ и главнымъ источникомъ для Геласія служила, по его свидѣтельству, книга Далматія. Геласій считаетъ эту книгу за точную записъ всего происходившаго на соборѣ, т. е. за экземпляръ актовъ Никейскаго собора. Можно-ли согласиться съ Геласіемъ? Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи тѣхъ замѣчаній, какія дѣлаетъ о книгѣ Далматія самъ Геласій. Геласій свидѣтельствуеть, что, по сказанію книги Далматія, аріане ко времени Никейскаго собора богохульно учили не только о Сынѣ Божіемъ, но и о Св. Духѣ ⁴⁾; поэтому на Никейскомъ соборѣ, на ряду съ вопросомъ объ отношеніи сущности Сына Бо-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. col. 1197.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid. col. 1193.

жій къ сущности Отца, поднимался и рѣшался вопросъ и объ отношеніи Св. Духа къ двумъ первымъ лицамъ Св. Троицы, рѣшался, нужно замѣтить, очень точно и опредѣленно, какъ на 2-мъ вселенскомъ соборѣ. Такъ напр. въ 12-й гл. II-й кн. своей исторіи Геласій передаетъ, что соборъ чрезъ Осію Кордубскаго выражалъ въ слѣдующемъ видѣ свои мысли о Св. Троицѣ: „Вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ существуетъ и Духъ Святой, Который имѣетъ ту же сущность и власть, какъ Отецъ и Сынъ. Итакъ мы должны исповѣдывать единое произволеніе, единое царство, единую силу, единое господство надъ всѣми сотворенными существами, видимыми и умопредставляемыми, единое Божество и ту же сущность Отца и Сына и Св. Духа“ ¹⁾. Въ 24-й гл. той же книги Геласій, также несомнѣнно на основаніи книги Далматія, говоритъ, что епископы единодушно согласились исповѣдывать, что Сынъ и Св. Духъ одной и той же сущности съ Отцемъ ²⁾. Въ частности Геласій изъ книги Далматія приводитъ длинные протоколы споровъ между языческими философами, наемниками Арія, и православными епископами по вопросу о Божествѣ и отношеніи Св. Духа къ Отцу и Сыну. Философы рѣшительно говорили противъ Божества Св. Духа. „Что вы имѣете сказать о Св. Духѣ“? спрашиваетъ философъ епископовъ. „Не дерзновенно-ли утверждаютъ, что Духъ Святой есть творецъ какой-либо созданной твари? Гдѣ свидѣтельства, показывающія, что Онъ создалъ какую-либо изъ тварей видимыхъ или невидимыхъ? Кто изъ богодухновенныхъ писателей говоритъ о Немъ такъ же прямо, какъ и о Сынѣ?“ ³⁾. Епископы съ своей стороны положительно утверждали единосушіе Св. Духа съ Отцемъ и Сыномъ. „Духъ Святой, говоритъ напр. Леонтій, епископъ Кесаріи Каппадокійской, имѣетъ одно Божество, одну и ту же сущность и силу съ Отцемъ и Сы-

¹⁾ Gel. Suz. lib. II c. 12. „Дѣянія I т., 159 стр.

²⁾ Ibidem. c. 24.

³⁾ Ibid. c. 20. Дѣян. I, стр. 133.

номъ и всегда существуетъ съ Отцемъ и Сыномъ“¹⁾. Также положительно говорятъ епископы и объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. „Вѣрую во единого Отца, говоритъ Леонтій, неизреченно рождающаго Сына, и Сына отъ Него рожденнаго, и Духа Св., отъ того же Отца исходящаго и собственнаго Сыну (τοῦ ἁγίου Πνεύματος τοῦ ἐκπορευομένου ἐξ αὐτοῦ τοῦ Πατρὸς, ἰδίου δὲ ὄντος τοῦ Υἱοῦ“)²⁾. Но подобныхъ разсужденій о Св. Духѣ на Никейскомъ соборѣ не было. Далѣе, по свидѣтельствѣ Геласія, въ книгѣ Далматія Дѣва Марія прямо называется „Богородицею“ (Θεοτόκος)³⁾; а православные епископы въ спорахъ съ философами особенно настаиваютъ на дѣйствительномъ и полномъ воплощеніи Сына Божія, на одновременномъ, неслитномъ и нераздѣльномъ пребываніи въ Иисусѣ Христѣ двухъ природъ—Божеской и человѣческой. „Богъ Слово, говоритъ напр. Евсеій Памфиловъ въ рѣчи противъ философа, воспріялъ плоть, чтобы чрезъ неизмѣнное соединеніе съ Собою (διὰ τῆς πρὸς αὐτὸν ἀτρέπτου ἐνώσεως) избавить плоть отъ смерти; невидимый явился въ видимомъ, чтобы видимое могло снести; сдѣлался человѣкомъ во времени, но на самомъ дѣлѣ былъ то и другое: Богъ и человѣкъ, человѣкъ и Богъ одинъ и тотъ же, одинъ и тотъ же Христосъ изъ обонхъ; былъ и есть Богъ, но сдѣлался человѣкомъ по строительству спасенія (ὡς ἄνθρωπος ὑπὸ χρόνου, ἀλλ' ἀληθεῖα κατ' ἀμφοτέρα Θεὸς καὶ ἄνθρωπος, ἄνθρωπος καὶ Θεὸς ὁ αὐτός· εἷς γὰρ ἐξ ἀφοῶν Χριστὸς νοουμένης καὶ γνωριζομένης τῆς διαφορᾶς τῶν οὐσιῶν, τῆς τε θεότητος αὐτοῦ καὶ τῆς σαρκὸς, Θεὸς ἦν καὶ ἔστι· γέγονεν ἄνθρωπος δι' οἰκονομίαν“)⁴⁾. Вотъ еще слова собора, высказанныя чрезъ Макарія Иерусалимскаго: „Сынъ Божій безтѣлесный воспріялъ вѣлесную сущность. Воспри-

¹⁾ Gel. Cuz. lib. II, c. 20, col. 1288. Дѣян. I, 138.

²⁾ Ibid.

³⁾ Praefatio. col. 1193.

⁴⁾ Gelaz. Cuz. I. II, c. 19 col. 1280. Дѣян. I, 130.

ялъ Онъ плоть отъ жены, ибо такимъ образомъ Онъ угодился намъ и по рожденію, чтобы сообщить намъ, какъ подобно-рожденнымъ, славу свою и спасти жену своимъ рожденіемъ, ибо сказано: „спасется жена чадородія ради (I Тим. 2, 15)“¹⁾. Слово „Богородица— Θεοτόκος“ прямо указываетъ на времена несторіанскихъ споровъ, а настойчивое утвержденіе, что въ Иисусѣ Христѣ—двѣ природы, говоритъ уже о монофизитскихъ волненіяхъ. Такимъ образомъ книга Далматія приписываетъ Никейскому собору то, что было много спустя послѣ собора, въ V вѣкѣ, а потому никакимъ образомъ не можетъ быть признана за акты Никейскаго собора. Въ частности относительно протоколовъ споровъ между философами и православными епископами, которые Геласій заимствовалъ изъ книги Далматія, нужно замѣтить, что они рѣшительно не могутъ принадлежать Никейскому собору. Мы уже при разборѣ показаній Руфина замѣчали, что рассказъ о спорѣ философовъ съ епископами нельзя принять за вполне достоверный. Относительно споровъ, представленныхъ Геласіемъ, это мнѣніе можетъ быть высказано еще болѣе категорически. Кромѣ того, что сказали мы о рассказѣ Руфина, кромѣ также вопроса о Св. Духѣ и двухъ природахъ въ Иисусѣ Христѣ, очень опредѣленно разрѣшаемаго православными епископами по поводу возраженій философовъ,—вѣскимъ доказательствомъ неподлинности этихъ споровъ служить еще одно обстоятельство. Въ числѣ епископовъ, горячо защищавшихъ единосущіе и равенство Сына Божія съ Отцемъ, былъ, по свидѣтельству Геласія, и Евсевій Кесарійскій: онъ говоритъ длинныя (гл. 18—19, кн. II) и одушевленные рѣчи въ пользу православнаго ученія; объ ученіи же Арія выражается очень рѣзко и съ крайнимъ негодованіемъ. Приведемъ для образца нѣкоторые отвѣты Евсевія на возраженія философовъ. „Премудрость Бога и Отца, говоритъ напр. Евсевій, есть воистину Богъ отъ Самого Бога, вѣчный отъ вѣч-

¹⁾ Gel. Syn. lib. II, c. 23, col. 1301. Дьян. I, 152.

наго, истинный отъ истиннаго, потомучто Онъ по существу всегда есть Сынъ вѣчнаго Бога и Отца (τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς σοφία Θεός ἐστι ἀληθῶς, ἐξ αὐτοῦ τοῦ Θεοῦ αἰδῖος ἐξ αἰδίου, καὶ ἀληθινός ἐξ ἀληθινοῦ, φύσει ὦν αἰὶ ὄντος Θεοῦ καὶ Πατρὸς“) 1). Въ другомъ мѣстѣ Евсевій такъ заключаетъ свою рѣчь: „Богъ Отець, Богъ и рожденный отъ Него Сынъ (Θεὸς ὁ Πατὴρ, Θεὸς καὶ ὁ ἐξ αὐτοῦ γεγεννημένος Υἱός); совершенъ Отець и совершенъ Сынъ Его (τέλειος ὁ Πατὴρ, τέλειος οὐτοῦ καὶ ὁ Υἱός)... Вѣришь-ли ты, философъ, тому, что едиnorodный Сынъ Божій рожденъ изъ сущности Отца (ὅτι γεγένηται ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς ὁ μονογενὴς Υἱός)? 2) Наоборотъ, объ Аріи и арианскомъ ученіи Евсевій говоритъ съ неудовольствіемъ. Онъ называетъ это ученіе богохульнымъ (βλάσφημα), нечестіемъ (μαχθηρία) и пропастью нечестія (βυθὸς τῆς μαχθηρίας). „Ты повергаешься въ пропасть Аріева нечестія, говоритъ Евсевій философу, или лучше сказать, погрязаетъ въ ней. Ты предпочитаешь, несчастный, апостольскимъ догматамъ хульные слова Арія, который называетъ Сына Божія тварью и орудіемъ“ 3). Мы рѣшительно утверждаемъ, что Евсевій не могъ такъ выражаться. Онъ былъ сторонникомъ арианскихъ воззрѣній, по крайней мѣрѣ въ умѣренной формѣ и далеко былъ отъ того горячаго сочувствія православному ученію о единосущіи и равенствѣ Сына Божія съ Отцемъ, каковымъ проникнуты рѣчи его у Геласія противъ философвъ. Сводя все сказанное, мы можемъ положительно утверждать, что книга Далматія вообще, протоколы споровъ между философами и епископами, заимствованные изъ этой книги, въ частности—не могутъ быть признаны за запись дѣйствительныхъ дѣяній Никейскаго собора.

Что же такое представляла изъ себя книга Далматія, если

1) Ibid. с. 18., col. 1276. Дѣян. I, 125.

2) Ibid. с. 19, col. 1277. Дѣян. I, 127.

3) Ibid. col. 1281. Дѣян. I, 132.

ее нельзя признать за точную запись дѣяній Никейскаго собора?—
 Можетъ быть, Геласій нигдѣ и никогда не видалъ книги Далматія, о которой свидѣтельствуется въ введеніи къ своей исторіи: на эту книгу онъ, можетъ быть, указывалъ только для того, чтобы придать авторитетъ своему произведенію въ глазахъ читателей. Протоколы же споровъ между философами и епископами онъ составилъ самъ или на основаніи преданія. Такое предположеніе имѣетъ за себя нѣкоторыя доказательства. Геласій говоритъ, что у Далматія, архіепископа Кизическаго, была большая книга, относящаяся къ Никейскому собору: но почему же объ этой книгѣ никто и нигдѣ не упоминаетъ? Если бы у Далматія была такая замѣчательная книга, то на нее обратили бы вниманіе и указали бы, какъ на источникъ, откуда можно получить полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ. Далѣе, если бы такая книга дѣйствительно существовала, то куда она могла пропасть? Такая книга, какъ рѣдка, а можетъ быть и единственная въ своемъ родѣ, сохранялась, вѣроятно, очень тщательно и утратиться ей было довольно трудно. Между тѣмъ она по какой-то роковой случайности утратилась и утратилась въ то самое время, когда особенно была нужна, когда Геласій сталъ писать исторію Никейскаго собора... Почему затѣмъ Геласій не взялъ этой книги въ Визанію, куда онъ отправился для спора съ монофизитами? Онъ зналъ, что эта книга содержитъ въ себѣ все, относящееся къ Никейскому собору; зналъ также и то, что на монофизитовъ можно сильно повліять обстоятельнымъ и подробнымъ изложеніемъ исторіи Никейскаго собора: ему нужно бы застѣсь этой книгой и въ спорахъ съ монофизитами указывать на нее. Но Геласій этого не дѣлаетъ: книгу Далматія онъ оставилъ на своей родинѣ. Еще одно довольно странное обстоятельство. Геласій, какъ онъ самъ свидѣтельствуется, когда читалъ книгу Далматія, то замѣтилъ (ἐπεσημηνάμην—annotavi) споры философовъ съ епископами и потомъ внесъ ихъ въ свою исторію. Какъ онъ „замѣтилъ“ эти споры? Контекстъ рѣчи требуетъ понимать это по-

казаніе въ томъ смыслѣ, что Геласій, не успѣвъ выучить всей книги Далматія на память, часть ея, въ томъ числѣ и протоколы споровъ философовъ съ епископами, всеже выучилъ, такъ какъ обратилъ особенное вниманіе, „замѣтилъ“. Но если мы такъ поймемъ показаніе Геласія, то нельзя будетъ признать споры, помѣщенные въ его исторіи, за подлинныя. Длиныя рѣчи нельзя удерживать въ памяти долгое время; при счастливыхъ обстоятельствахъ ихъ можно передать только съ приблизительною точностію, но никакъ не болѣе. Слѣдовательно, только сущность содержанія споровъ, приведенныхъ Геласіемъ, можно признать за заимствованіе изъ книги Далматія, все же остальное относится къ измышленію самого Геласія; а съ этимъ послѣдній не согласенъ. Если же придать глаголу „ἐπισημαίνω“ производное значеніе и выразить его по-русски: „записываю для памяти“, то тогда мы не будемъ недоумѣвать, какъ Геласій могъ сохранить въ памяти длиныя рѣчи епископовъ; но за то будемъ недоумѣвать тому, почему Геласій выписалъ именно споры философовъ съ епископами, т. е. то, чего нѣтъ въ другихъ повѣствованіяхъ о соборѣ? Онъ, конечно, не могъ въ этомъ случаѣ руководиться тѣми соображеніями, что споры нѣтъ въ другихъ источникахъ, слѣдовательно, они важны для болѣе полного воспроизведенія исторіи собора, такъ какъ онъ съ источниками исторіи Никейскаго собора познакмился послѣ, когда задумалъ писать исторію собора и когда книги Далматія уже не оказалось. Съ другой стороны, если бы онъ зналъ, что въ существующихъ источникахъ исторія Никейскаго собора излагается неполно, то онъ или сдѣлалъ бы болѣе значительныя выдержки изъ книги Далматія или же приберегъ бы ее въ цѣломъ видѣ. Очевидно, онъ случайно, чисто случайно выписалъ изъ книги Далматія именно то, чего нѣтъ въ извѣстныхъ намъ сказаніяхъ о соборѣ. Но такая случайность едвали вѣроятна.—Правдоподобнѣе представлять дѣло такъ. Геласій не видалъ и не читалъ никакой древней книги. Когда же въ спорѣ съ еutihіанами онъ увидѣлъ важность подробной и обстоятельной исторіи Никей-

скаго собора, то началъ отыскивать все, относящееся къ исторіи собора, и все найденное заносилъ въ свое произведеніе, не разбирая того, все ли, что выдается за принадлежащее Никейскому собору, дѣйствительно принадлежитъ ему. Такъ встрѣтивъ разсказъ Руфина о спорѣ философовъ, онъ заноситъ его въ свою исторію. Но такъ какъ этотъ разсказъ былъ очень сухъ и не могъ удовлетворять цѣли Геласія — побуждать еретиковъ, то онъ, воспользовавшись сюжетомъ Руфинова разсказа, создалъ цѣлую драму: сочинилъ длинныя рѣчи и приписалъ ихъ епископамъ. Въ этихъ рѣчахъ епископы изъясняютъ мѣста Св. Писанія, на которыя ссылались аріане въ защиту своихъ воззрѣній и объясненіе которыхъ дается во многихъ сочиненіяхъ отцевъ церкви¹⁾. Но такъ какъ Геласій имѣлъ въ виду поразить исторію собора не аріанъ только, а и другихъ еретиковъ, явившихся послѣ Никейскаго собора, то въ споры философовъ съ православными онъ вводитъ такіе предметы, которые возбуждали вопросы много спустя послѣ собора, какъ-то: о Св. Духѣ, о Его единосущіи и равенствѣ съ Отцемъ и Сыномъ, объ Его исхожденіи отъ Отца, а также о двухъ природахъ въ Иисусѣ Христѣ. И вотъ у Геласія получились настоящіе споры философовъ съ епископами. Впрочемъ, говоря такъ, мы не думаемъ рѣшительно отвергать и другаго предположенія. Можетъ быть Геласій и не самъ былъ авторомъ „споровъ“; можетъ быть, дѣйствительно онъ имѣлъ подъ руками какую-либо записъ, содержащую въ себѣ разныя легендарныя сказанія о Никейскомъ соборѣ. Таковъ, по нашему мнѣнію, первый источникъ Геласіевой исторіи.

Вторымъ источникомъ служили для Геласія сочиненія пресвитера Іоанна. Относительно этого источника ничего нельзя сказать положительнаго. Кто такой былъ пресвитеръ Іоаннъ, какія

¹⁾ Напр. въ сочиненіяхъ Аванасія: „окружное посланіе къ епископамъ Египта и Ливіа“. Тв. ч. I, стр. 425; „2-е слово противъ аріанъ“. Тв. ч. II; „2-е посланіе къ Серапіону“; ч. III; также въ сочиненіи Епифанія — „Панарій“ — стр. 69. Тв. ч. IV.

его были сочиненія и что заимствовалъ изъ нихъ Геласій для своей исторіи, мы не знаемъ. Самъ Геласій не сообщаетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній ни объ Іоаннѣ, ни о его сочиненіяхъ, ни о своихъ заимствованіяхъ изъ нихъ; онъ говоритъ только, что заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ изъ древнихъ тетрадей нѣкоего пресвитера Іоанна мужа, древняго и опытнаго въ писаніи (Ἰωάννη μὲν τινὶ πρεσβυτέρῳ, ἀνδρὶ παλαιῷ ἄγαν γραφικῷ, ἐν τετραδίῳ παλαιῷς λίαν...) ¹⁾. Если же принять высказанную нами выше догадку о тождествѣ анонимнаго автора Никейскихъ актовъ съ Геласіевымъ пресвитеромъ Іоанномъ, то дѣло нѣсколько прояснится. Положимъ, свою догадку мы немного прибавимъ свѣдѣній о личности самого Іоанна, кромѣ того развѣ, что онъ былъ жителемъ Константинополя; но за то тогда мы можемъ опредѣленно указать, что заимствовалъ Геласій изъ сочиненія Іоанна. Собственно для исторіи Никейскаго собора Геласій сдѣлалъ слѣдующія заимствования: 1) показаніе о продолжительности Никейскаго собора. Правда, между Геласіемъ и анонимомъ есть нѣкоторое различіе: анонимъ опредѣляетъ только общую продолжительность собора ²⁾, а Геласій раздѣльно указываетъ, съ какого года царствованія Константина и по какой продолжался соборъ ³⁾. Но это различіе не существенно. Геласій зналъ изъ показанія Евсевія, что соборъ окончился въ 20-ти-лѣтіе царствованія Константина; отбросивъ отъ 20 три съ половиною года, Геласій нашелъ, что начало собора падаетъ на 16-й годъ 6-й мѣсяць царствованія Константина. 2) Показаніе о присутствіи на Никейскомъ соборѣ Александра Константинопольскаго, замѣнявшаго своего епископа Митрофана. Объ этомъ Геласій и анонимъ говорятъ одно и тоже; разница между ними только въ словахъ ⁴⁾. 3) Показаніе о томъ, чрезъ какихъ епископовъ и гдѣ

¹⁾ Praefatio. col. 1197.

²⁾ Combefesis. Nov. auctar. t. II, col. 584.

³⁾ Gel. Cuz. II, 5, col. 1229; с. 36, col. 1341.

⁴⁾ Gel. Cuz. II, с. 36; Combefes. II, col. 581.

распространены были Никейскія опредѣленія ¹⁾). Вотъ заимствованія Геласія изъ сочиненія Иоанна, или точнѣе—изъ анонимнаго сказанія о Никейскомъ соборѣ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами, для Геласія въ качествѣ источниковъ служили сочиненія Евсевія, Руфина и другихъ авторовъ. Укажемъ опредѣленнѣе зависимость Геласія отъ этихъ источниковъ.

Предположительно, какъ на заимствованія изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ ²⁾, можно указать на слѣдующія мѣста II книги исторіи Геласія ³⁾. 4-я гл. II кн. исторіи Геласія содержитъ часть письма Константина къ Александру и Арію, которая находится и въ сочиненіи Евсевія ⁴⁾. Въ 5-й гл. Геласій описываетъ епископовъ, съѣхавшихся на соборъ, словами Евсевія, какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ: 5-я гл. Геласія повторяетъ 7—9 гл. III кн. „Жизни Константина“. Вп рочемъ, здѣсь Геласій допускаетъ нѣкоторыя отступленія отъ Евсевія. Такъ число епископовъ, прибывшихъ на соборъ, Геласій опредѣляетъ не въ 250, какъ у Евсевія, а въ 300, какъ у Сократа; говоритъ о присутствіи на соборѣ, вмѣсто Римскаго епископа Силивестра, Осія Кордубскаго и двухъ пресвитеровъ—Витона и Викентія, а вмѣсто Митрофана Константинопольскаго—его пресвитера Александра, о чемъ не говоритъ Евсевій ⁵⁾. 28 гл. Геласія ⁶⁾, гдѣ говорится объ

¹⁾ Gel. Curg. II, с. 36; Combes., col. 581.

²⁾ Мы говоримъ „предположительно“, потому что, можетъ быть, Геласій заимствовалъ показанія не прямо изъ Евсевіевой „Жизни Константина“, а чрезъ посредство Сократа.

³⁾ Мы разсматриваемъ источники только 2-й книги исторіи Геласія, потому что 1-я книга не относится къ исторіи собора. О 1-й книгѣ Геласіевой исторіи замѣтимъ только то, что она почти вся (а также I гл. 2-й кн.) состоитъ изъ выдержекъ, заимствованныхъ изъ церковной исторіи Евсевія и отчасти изъ „Жизни Константина“.

⁴⁾ гл. 69—72, II кн.

⁵⁾ О присутствіи на соборѣ Осія Кордубскаго и о неприсутствіи Римскаго епископа Евсевій говоритъ (III, 7); но онъ не говоритъ, что Осія Кордубскій былъ легатомъ Римскаго епископа; не называетъ также по имени Римскихъ пресвитеровъ, замѣнявшихъ своего епископа.

⁶⁾ Съ половины главы—со словъ: *πλείστον δέσται ὄφ' ἑκατέρου τῶν αὐτῶν πρεσβυτέρων*... до конца главы.

участіи императора въ засѣданіяхъ собора и объ умиротвореніи имъ спорившихъ, представляетъ буквальное повтореніе 13 и начала 14 гл. III кн. „Жизни Константина“. Въ 36-й гл. Геласій помѣщаетъ посланіе Константина къ епископамъ, не присутствовавшимъ на соборѣ, о догматическихкихъ опредѣленіяхъ и о согласіи касательно празднованія Пасхи ¹⁾, которое (посланіе) находится въ Жизни Константина ²⁾. Конецъ 36-й гл. ³⁾, гдѣ говорится о возвращеніи епископовъ въ свои епархіи и о совѣтахъ императора возвращающимся епископамъ, представляетъ буквальное заимствованіе изъ 21 гл. (конца) ⁴⁾ III кн. Жизни Константина, заимствованіе, несомнѣнно сдѣланное безъ посредства Сократа, такъ какъ у Сократа этого заимствованія нѣтъ.

Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ Геласій приводитъ въ полномъ видѣ: II кн. 34—35 ⁵⁾.

Какъ на источникъ, Геласій указываетъ еще на церковную исторію Руфина. Геласій называетъ Руфина пресвитеромъ Римскимъ и утверждаетъ, что онъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ. Извѣстный намъ Руфинъ не былъ пресвитеромъ Римскимъ и на Никейскомъ соборѣ не присутствовалъ. Но отсюда нельзя заключать, что Геласій имѣлъ подъ руками и пользовался сочиненіями какого-то другаго Руфина, а не извѣстнаго намъ. Геласій здѣсь допускаетъ ошибку или намѣренно, съ цѣлью придать болѣе авторитета тѣмъ свѣдѣніямъ, какія онъ заимствуетъ изъ исторіи Руфина, или ненамѣренно, по незнанію. Изъ исторіи Руфина онъ заимствовалъ слѣдующее. Первая половина 2-й гл.

¹⁾ Это посланіе у Миня не напечатано; у Манси оно есть: Saec. Concil. t. II, col. 921—925; lib. II, c. 36.

²⁾ кн. III, гл. 17—20.

³⁾ Со словъ: οὕτω δὲ τοὺς ἁγίους ἐπισκόπους... и кончая словами: ὡς ἐραϊρων τὴν ἑορτὴν τῆς εἰκοσαστοῦς αὐτοῦ βασιλείας. Migne t. 85, col. 1341.

⁴⁾ Со словъ: οὕτω δὲ συταξάμενος ἐπὶ τὰ σφῶν οἰκεία τοὺς πάντας ἐπανίνατο ἡφίαι...

⁵⁾ Этого посланія нѣтъ у Миня; у Манси оно напечатано: t. II, col. 913—917.

II кн. истории Геласія, гдѣ говорится о началѣ аріанства, характеризуется Аріей и передается сущность аріанскаго ученія, представляет почти буквальное заимствованіе изъ 1-й гл. I кн. истории Руфина. Замѣчательно здѣсь то, что Геласій удерживаетъ и самую неточность Руфина въ опредѣленіи сущности аріанства. Въ 7-й гл. Геласій опредѣляетъ число Аріевыхъ сторонниковъ на Никейскомъ соборѣ. Сказавъ, что изъ 318 епископовъ—300 были православнаго образа мыслей, Геласій продолжаетъ: „остальные же числомъ 17 (δέκα καὶ ἑπτὰ τὸν ἀριθμὸν ὄντες) старались дать торжество мнѣнію Арія“¹⁾. Это показаніе заимствовано изъ 5-й гл. истории Руфина. Первая половина 8-й гл. Геласія²⁾, гдѣ разсказывается объ уничтоженіи императоромъ епископскихъ жалобъ, представляет буквальное заимствованіе изъ 2-й гл. истории Руфина. Конецъ 8-й гл., гдѣ говорится о разногласіи епископовъ при рѣшеніи вопроса объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, представляет собою не что иное, какъ риторически распространенный парафраза конца 2-й гл. история Руфина. Въ 9-й гл. Геласій говоритъ о Пафнугіи Египетскомъ и говоритъ то, что Руфинъ въ 4 главѣ. 10 и первая половина 11-й гл. Геласія, гдѣ содержится разсказъ о чудесахъ Спиридона Тримифунтскаго, буквально заимствованы изъ первой половины 5-й гл. истории Руфина. Съ половины 11 гл. Геласій говоритъ объ участіи Аванасія Александрійскаго въ спорахъ съ аріанами и о дѣятельности собора; всѣ показанія здѣсь не болѣе, какъ парафраза Руфиновыхъ показаній, заключающихся въ 5 гл. Въ 13-й гл. Геласій разсказываетъ о посрамленіи философа простымъ и необразованнымъ христіаниномъ: его разсказъ есть свободный парафраза [Руфинова разсказа о томъ же фактѣ. Первую половину разсказа Геласій передаетъ въ очень свободномъ парафразѣ; вторую же половину,

¹⁾ Migue t. 85. col. 1241.

²⁾ Кончая словами: τασάτη ἡ τοῦ βασιλέως πρὸς τοὺς ἱερεῖς τοῦ Θεοῦ εὐλαβεία, ἢ θαυμάσιαν ἅπαντες οἱ εὐφρονούντες“.

гдѣ собственно говорится о посярвленіи философа (со словъ: ἵνα δείξῃ ὁ Θεός... , ὅτι οὐκ ἐν λόγῳ ἡ βασιλεία αὐτοῦ... и до конца главы), онъ излагаетъ дословно сходно съ Руфиномъ. Конецъ 26 гл., гдѣ сообщается объ утвержденіи символа вѣры императоромъ и о неискренности Аріевыхъ сторонниковъ, подписавшихъ символъ, представляетъ явное заимствованіе изъ 3 гл. исторіи Руфина. Въ данномъ мѣстѣ Геласій удерживаетъ даже и сомнительное показаніе Руфина о числѣ лицъ, рѣшительно оставшихся на сторонѣ Арія. Таковы заимствования Геласія изъ церковной исторіи Руфина.

Кромѣ Евсевія и Руфина Геласій не называетъ по имени другихъ писателей, сочиненіями которыхъ онъ пользовался: онъ говоритъ только, что пользовался и другими писателями. Къ этимъ другимъ писателямъ прежде всего принадлежитъ Сократъ. Геласій не указываетъ прямо на исторію Сократа, какъ на свой источникъ, а между тѣмъ онъ пользовался ею болѣе, чѣмъ какими-либо другими источниками, и во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ повѣствованіями Евсевія и Руфина, на которыя Геласій указывалъ. Нужно замѣтить, что, можетъ быть, изъ исторіи Сократа Геласій заимствовалъ и то, на что мы указывали, какъ на заимствованіе изъ „Жизни Константина“. Такое предположеніе во все не невѣроятно. Геласій изъ „Жизни Константина“ дѣлаетъ тѣ же самыя выдержки и въ той же послѣдовательности, какъ и Сократъ. Такъ Геласій приводитъ не все посланіе Константина къ Александру и Арію, а только ту часть его, которую приводитъ Сократъ. Для характеристичности епископовъ Геласій заимствуетъ у Евсевія то же самое, что и Сократъ, и при этомъ дѣлаетъ одинаковую съ Сократомъ поправку Евсевіева показанія о числѣ епископовъ: вмѣсто 250 ставитъ 300. Точно также и во всѣхъ другихъ случаяхъ (за исключеніемъ одного, отмѣченнаго нами выше) Геласій заимствуетъ изъ сочиненія Евсевія то самое, что заимствуетъ Сократъ. Очевидно, Геласій дѣлалъ выдержки изъ сочиненія Евсевія не прямо, а чрезъ посредство Сократа, или

но крайней мѣрѣ руководился исторією послѣдняго при своихъ заимствованіяхъ изъ „Жизни Константина“. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, вѣроятныхъ заимствованій изъ исторіи Сократа, у Геласія много и положительныхъ. Вотъ они. Конецъ 2-й гл., гдѣ Геласій говоритъ о распространеніи аrianства за предѣлы Александріи и объ осужденіи Арія Александромъ, можно считать парафразомъ начала 6-й гл. исторіи Сократа. Конецъ 3 гл. (со словъ: τοιαῦτα τοῖς ἀπαύταχοῖ...) Геласій буквально заимствовалъ изъ исторіи Сократа ¹⁾. Конецъ 4-й гл. Геласія буквально сходенъ съ началомъ 8-й гл. Сократа. Приведа въ подлинномъ видѣ посланіе Константина въ Александру и Арію, Геласій такими словами заключаетъ 4-ю главу: „Такія-то дивныя и исполненныя премудрости увѣщанія предлагало имъ царское посланіе. Но не смотря ни на стараніе царя, ни на достоинство отправленнаго съ посланіемъ мужа, зло становилось еще сильнѣе, ибо это посланіе не смягчило ни Александра, ни Арія“ ²⁾. Буквально тоже самое говоритъ и Сократъ ³⁾. Въ началѣ 5-й гл. Геласій говоритъ о созваніи императоромъ собора въ Никее и говоритъ буквально сходно съ Сократомъ ⁴⁾; различіе состоитъ только въ томъ, что Геласій указываетъ здѣсь между прочимъ время созванія собора: 16-й годъ 6 мѣсяць царствованія Константина, каковаго показанія нѣтъ у Сократа. Первая половина 6-й гл. Геласія буквально заимствована изъ исторіи Сократа ⁵⁾. Геласій удерживаетъ здѣсь и то показаніе Сократа, что императоръ, взоидя въ собраніе епископовъ, не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его. Конецъ 7-й гл., гдѣ Геласій перечисляетъ нѣкоторыхъ сторонниковъ Арія на Никейскомъ соборѣ, указыва-

¹⁾ гл. 6, стр. 23 (col. 52) и гл. 7, стр. 26 (col. 53—56).

²⁾ Gel. Cuz II, c. 4. Mansi. Socr. conc. t. II, col. 805.

³⁾ Socrat. I, c. 8, col. 60.

⁴⁾ гл. 8, стр. 32 (col. 61).

⁵⁾ гл. 8, стр. 34 (col. 61—64) и стр. 35 (col. 64).

еть на Аонасіа, какъ на мужественнаго защитника православія, почти дословно заимствованъ изъ исторіи Сократа¹). Различіе между Геласіемъ и Сократамъ только въ томъ, что первый вмѣстѣ съ Аонасіемъ указываетъ, какъ на защитника православія, и на Александра Константинопольскаго, между тѣмъ Сократъ указываетъ на одного Аонасіа. Разсказъ Геласія объ Акесіи, призванномъ императоромъ Константиномъ на соборъ, равнымъ образомъ разсказъ о томъ, какъ отцы собора думали установить обязательное безбрачіе для лицъ духовнаго сана и какъ воспротивился этому Пафнутій Оивалдскій, заимствованы изъ исторіи Сократа, такъ что 29 гл. Геласія представляетъ дублетъ 10 гл. исторіи Сократа, а конецъ 31-й и начало 32-й гл. Геласія — дублетъ 11-й гл. Сократа. Все различіе между Геласіемъ и Сократомъ состоитъ лишь въ томъ, что первый, какъ и Созоменъ, говоритъ о намѣреніи отцевъ собора утвердить безбрачіе не только для епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, но и для иподіаконовъ. Но это различіе объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Геласій, подобно Созомену, имѣлъ подъ руками другой экземпляръ Сократовой исторіи, въ которомъ есть слово: „ὁμοδίαχονοι“²). Въ 33 главѣ Геласій помѣщаетъ посланіе собора къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египта объ опредѣленіяхъ собора и о низложеніи Арія и его единомышленниковъ³). Это посланіе въ подлинномъ видѣ находится въ исторіи Сократа⁴). Можетъ быть, Геласій заимствовалъ это посланіе изъ исторіи Сократа⁵). Въ 36

¹) гл. 8, стр. 34 (col. 64).

²) Впрочемъ, можетъ быть, дѣло было проще: можетъ быть, Геласій имѣлъ такую же редакцію Сократовой исторіи, какою пользуемся и мы; слово же „ὁμοδίαχονοι“ взялъ изъ исторіи Созомена (I, 23), которую онъ зналъ и которой пользовался, какъ это мы увидимъ ниже.

³) У Мниа это посланіе не напечатано; издатель отсылаетъ къ церковной исторіи Феодорита; въ изданіи Манси оно напечатано: t. II, col. 909—911.

⁴) гл. 9, стр. 45—49 (col. 77—84).

⁵) Впрочемъ, положительно опредѣлить, откуда заимствовалъ Геласій это посланіе, довольно трудно. Самый текстъ Геласіевой редакціи посланія не при-

гл. Геласій помѣстилъ три посланія Константина; два первыя посланія а) къ епископамъ и народамъ и б) къ александрійцамъ и всѣмъ православнымъ противъ Арія—находятся и въ церковной исторіи Сократа¹⁾; вѣроятно, отсюда Геласій и перенесъ эти посланія въ свою исторію.

Немало заимствованій сдѣлалъ Геласій и изъ церковной исторіи Созомена, хотя онъ не указываетъ ея въ числѣ своихъ источниковъ. Конецъ 7-й гл., гдѣ говорится о призваніи на соборъ Арія, Геласій заимствовалъ изъ исторіи Созомена. Положимъ, Созоменъ не говоритъ буквально того, что говоритъ Геласій; но изъ показаній Созомена²⁾ прямо слѣдуетъ то, что передаетъ Геласій, такъ что показанія послѣдняго можно принимать за парафразъ показаній Созомена. 25 гл. исторіи Геласія, гдѣ говорится объ осужденіи Арія и его мнѣній, представляетъ (за исключеніемъ конца) компиляцію, составленную на основаніи разныхъ мѣстъ исторіи Созомена³⁾, съ нѣкоторыми, впрочемъ, варіаціями.

Пользовался Геласій и церковною исторіею Θεодорита. Объ исторіи Θεодорита Геласій упоминаетъ въ своемъ сочиненіи и даже отсылаетъ къ ней читателей, когда говоритъ объ интригахъ Евсевія Никомидійскаго и Θεогниса Никейскаго⁴⁾, но не говоритъ, что пользовался ею. Заимствовалъ Геласій изъ церковной исторіи Θεодорита слѣдующее. Въ 25-й гл. Геласій, рассказывая объ осужденіи аріяна, между прочимъ замѣчаетъ, что письменное вѣ-

водитъ ихъ къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Въ текстѣ Геласіевой редакціи есть много сходнаго съ Сократовой редакціей и отличнаго отъ редакціи Θεодоритовой; но немало и такихъ мѣстъ, гдѣ Геласіева редакція сходится съ Θεодоритовой и расходится съ Сократовой. Вѣроятноже впрочемъ полагать, что Геласій заимствовалъ это посланіе изъ церковной исторіи Θεодорита (I кн. гл. 9. Migne t. 82. с. 8), потому что начало 33 главы, предшествующее тексту посланія, заимствовано Геласіемъ у Θεодорита, а не у Сократа.

¹⁾ гл. 9, col. 88 et 84.

²⁾ I кн. гл. 17, стр. 64 (col. 913) и гл. 19, стр. 67 (col. 917).

³⁾ I, 21, стр. 70—73 (col. 921).

⁴⁾ Gel. Cyr. II, с. 32, col. 1337.

роизложение арианъ было разодрано на соборѣ. Это показаніе Геласій несомнѣнно заимствовалъ у Θεодорита, который одинъ только свидѣтельствуесть объ этомъ фактѣ¹⁾. Въ 33-й гл. Геласій передаетъ, что соборъ сдѣлалъ постановленіе и относительно Мелетія, и приводитъ посланіе собора къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египта. Откуда взято самое посланіе, рѣшительно сказать нельзя; но предшествующія этому посланію показанія Геласій взялъ у Θεодорита²⁾. Въ 36-й гл. Геласій говоритъ о ширшествахъ и дарахъ, которыми Константинъ выражалъ свою пріязнь епископамъ, бывшимъ на соборѣ, и говоритъ совершенно сходно съ Θεодоритомъ³⁾. Вотъ заимствованія Геласія изъ церковной исторіи Θεодорита.

Кромѣ церковныхъ историковъ Геласій пользовался сочиненіями Аѳанасія Александрійскаго, хотя онъ самъ не упоминаесть объ этомъ источникѣ. Изъ сочиненій Аѳанасія Геласій заимствовалъ окружное посланіе Александра Александрійскаго⁴⁾. Это посланіе есть и въ исторіи Сократа⁵⁾. Но Геласій заимствовалъ его не у Сократа: Геласіева редакція отлична отъ Сократовой. У Сократа не приводится списка пресвитеровъ, подписавшихся подъ опредѣленіями Александрійскаго собора о низложеніи Арія и его единомышленниковъ; между тѣмъ у Геласія этотъ списокъ, какъ и у Аѳанасія, приводится. Положимъ, между Геласіевой и Аѳанасіевой редакціями посланія есть не мало разностей въ текстѣ, особенно въ именахъ пресвитеровъ, подписавшихся подъ опредѣленіями собора⁶⁾, но эти разности не столь значительны, чтобы

1) Gel. Syn. II, c. 25; cf. Theod. Hist. eccles. I, 6 (по рус. изд. гл. 7).

2) I, 9. Migne c. 8.

3) Θεодор. Церк. ист. I, 11 (Migne c. 10).

4) Посланіе находится въ 3 гл. II кн. исторіи Геласія. У Мниа оно не напечатано; издатель отсылаетъ (не совсѣмъ удачно...) къ исторіи Сократа; у Мансиа оно есть: t. II, col. 793—801.

5) Сокр. I, 6.

6) Разности отмѣчены у Мниа: Sur. patr. t. 18 gr. ser. col. 572—581 (въ

Геласіеву редакцію посланія считать за самостоятельную и отличную отъ Аѳанасіевой: эти разности, особенно въ именахъ пресвитеровъ, легко могли произойти отъ невнимательности и ошибокъ переписчиковъ. Изъ сочиненій Аѳанасія, вѣроятно, заимствовали Геласій и показанія о томъ, какъ епископы противооставляли арианскимъ терминамъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ другіе термины, выражающіе православное ученіе¹⁾). Правда, Геласій въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ дословныхъ заимствованій изъ сочиненій Аѳанасія, онъ передаетъ только смыслъ того полемическаго процесса, которымъ православные епископы замѣнили арианскія выраженія ортодоксальными; но такъ какъ объ этомъ процессѣ передаетъ одинъ только Аѳанасій въ своихъ двухъ посланіяхъ: „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ африканскимъ епископамъ“, то въ данномъ случаѣ можно ставить Геласія въ зависимость отъ Аѳанасія²⁾).

Какіе у Геласія были еще источники, кромѣ указанныхъ, неизвѣстно; но что они были, это несомнѣнно, потому что онъ приводитъ нѣкоторые новые документы—грамоты и посланія, которыхъ мы не встрѣчали въ болѣе раннихъ сказаніяхъ о соборѣ, и правоучительныя опредѣленія собора, или діатипозы, о которыхъ никто изъ повѣствователей о Никейскомъ соборѣ даже не упоминаетъ.

Мы указали источники, которыми пользовался Геласій, и отмѣтили заимствованія, какія онъ сдѣлалъ изъ этихъ источниковъ. Изъ обзора источниковъ прежде всего открывается, что Геласій въ своей исторіи очень много повторяетъ уже извѣстнаго намъ изъ болѣе раннихъ повѣствованій о соборѣ; болѣе ²/₃ его

примѣчанійхъ), гдѣ напечатано окружное посланіе Александра по Аѳанасіевой редакціи.

¹⁾ Gel. Сыз. II, 11, col. 1248—1249.

²⁾ Можетъ быть, Геласій заимствовалъ изображеніе процесса замѣны арианскихъ терминовъ православными не прямо изъ сочиненій Аѳанасія, а чрезъ посредство Θεодорита, который въ своей исторіи (I, 7, по рус. изд. 8) приводитъ отрывокъ изъ посланія Аѳанасія „къ африканскимъ епископамъ“.

второй книги (въ которой собственно и излагается исторія Никейскаго собора) составляютъ заимствованія изъ сочиненій Евсевія, Руфина, Сократа, Созомена, Θεодорита, Аѳанасія Александрійскаго и анонимнаго автора. Слѣдовательно, новаго въ исторіи Геласія не такъ много, какъ можно было-бы ожидать отъ такого обширнаго повѣствованія. Во вторыхъ, изъ того-же обзора источниковъ Геласіевой исторіи видно, что Геласій въ своихъ показаніяхъ не вездѣ безупреченъ съ точки зрѣнія исторической достовѣрности. Онъ безъ всякой критики относится къ своимъ источникамъ и безъ всякаго колебанія заноситъ въ свою исторію всякое показаніе, какъ исполнѣ достовѣрное. А такъ какъ не всѣ показанія источниковъ, которыми пользовался Геласій, достовѣрны: нѣкоторыя изъ нихъ довольно сомнительны, а нѣкоторыя — положительно ложны, то влѣдствіе этого въ исторію Геласія вкрадось много неточностей, ошибокъ и даже легендъ. Эти неточныя и недостовѣрныя показанія по своему объему составляютъ болѣе $\frac{1}{3}$ всего повѣствованія Геласія о соборѣ. Мало того, Геласій не только вноситъ въ свою исторію неправильныя показанія источниковъ, но на основаніи этихъ неправильныхъ свидѣтельствъ составляетъ и свои показанія, конечно, также ложныя. Напр. помѣстивъ въ своей исторіи споры философовъ съ епископами, въ которыхъ философы касались и вопроса о Св. Духѣ, Геласій и самъ въ своемъ *praefatio* свидѣтельствуесть, что на Никейскомъ соборѣ поднимался и рѣшался вопросъ не только о Сынѣ Божіемъ, но и о Св. Духѣ; въ 12-й гл. II книги онъ говоритъ, что соборъ чрезъ Осію Кордубекаго разъяснилъ, какъ нужно понимать три лица въ одномъ Божествѣ, и при этомъ очень опредѣленно выразилъ ученіе о единосущіи и равенствѣ съ Отцемъ Сына и Св. Духа¹⁾. Равнымъ образомъ, помѣстивъ споры философовъ съ епископами, гдѣ выводится въ качествѣ защитника православія Евсевій Кесарійскій, Геласій дѣлаесть самыя лестныя отзы-

¹⁾ См. также 24 гл. II кн.

вы о послѣднемъ, называетъ его заслуживающимъ удивленія (θαυμάσιος) ¹⁾ и ставитъ его по твердости въ православіи на ряду съ Леонасіемъ Александрійскимъ и Евстаѳіемъ Антиохійскимъ ²⁾. Точно также принявъ показаніе анонима (или пресвитера Іоанна) о 3½ годовой продолжительности Никейскаго собора, Геласій на основаніи этого показанія и вопреки свидѣтельству церковныхъ историковъ, полагаетъ довольно много времени на самыя засѣданія собора. По его свидѣтельству, епископы собирались для предварительныхъ разсужденій въ продолженіи многихъ дней и мѣсяцевъ ³⁾, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Руфина, на предварительныя совѣщанія употреблено было только нѣсколько дней ⁴⁾.

Кромѣ указанныхъ есть у Геласія и другія немаловажныя погрѣшности. Такъ Геласій говоритъ, что Никейскій соборъ издалъ не только догматическія и каноническія опредѣленія, но и нравоучительныя, или діатипозы, часть которыхъ онъ приводитъ въ своей исторіи ⁵⁾. Онъ утверждаетъ, что нравоучительныя опредѣленія (діатипозы) изданы отцами собора по настоянію императора послѣ рѣшенія догматическаго вопроса и вопроса о Пасхѣ и мелетіанахъ ⁶⁾. Постановленій этихъ, какъ можно догадываться изъ словъ Геласія, издано было довольно много, потому что Геласій, приведя въ своей исторіи нѣкоторые изъ нихъ (постановленій), замѣчаетъ: „мы помѣстили въ своемъ сочиненіи эти церковныя постановленія, изданныя св. отцами нашими, помѣстили немногія изъ многихъ (μικρὰ ἐκ πολλῶν) ⁷⁾. Но, кажется, не пужно много жалѣть о томъ, что Геласій привелъ не всѣ діатипозы, а только

1) Praefatio. col. 1197.

2) Gel. Cuz. II, с. 26, col. 1310.

3) Ibid. с. 8, col. 1245.

4) Ruf. Hist. eccles. I, с. 2.

5) Gel. Cuz. lib. II, с. 30.

6) Ibid. II, с. 28.

7) Ibid. II, с. 30, col. 1320.

небольшую часть ихъ; и по этой небольшой части можно судить о достоинствѣ и принадлежности ихъ Никейскому собору. Діа-типозы представляютъ изъ себя общія правила и наставленія, касающіяся разныхъ предметовъ догматическихъ, нравственныхъ и дисциплинарныхъ. Первое правило въ самыхъ общихъ выраженіяхъ совѣтуетъ обращаться ко Христу, Который есть нашъ свѣтъ. „Будемъ бесѣдовать со свѣтомъ, который есть Христосъ, какъ ближніе Его, какъ окружающіе Его, чтобы намъ руководиться освещающими молитвами; ибо молитвы освещаютъ, если мы обращаемся къ Божественному Слову. Слово же Божественное присутствуетъ тамъ, гдѣ сердце въ смиреніи сохраняется. Трудился Израиль, приносилъ жертвы; зывали пророки къ Богу: „пошли свѣтъ твой и истину твою“ (Пс. 42, 3); они зывали, а мы получимъ; они трудились, какъ говорить Господь, а мы въ трудъ ихъ взойдемъ. Ибо пришелъ къ намъ Господь, говоря: Я—свѣтъ, Я—истина (Іоан. 8, 12; 14, 6): безъ труда мы принимаемъ благодать, но съ трудомъ намъ должно сохранять ее“. Второе наставленіе направлено противъ тѣхъ, которые на основаніи словъ Спасителя: „не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть“ (Матѳ. 6, 25), утверждаютъ, что христіанамъ не слѣдуетъ трудиться, въ частности не слѣдуетъ обрабатывать и воздѣлывать землю. Должно доказать, что не такъ сказалъ Господь, читаемъ въ наставленіи. Мы можемъ трудиться и быть спокойны, зная и вѣря, что приращеніе и плодъ даетъ Господь, Который сказалъ: „царствіе Божіе подобно тому, какъ если человекъ броситъ въ землю сѣмя; и спитъ и встанетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ (Мар. 4, 26—27)“. Третье наставленіе касается лицъ священнаго сана. „Лица священнаго сана, читаемъ въ наставленіи, должны быть тинами и образами небесныхъ степеней. Епископъ долженъ занимать мѣсто Господа, какъ глава церкви, которую принялъ; пресвитеръ—мѣсто серафима; діаконъ—мѣсто херувима; имъ долженъ прислуживать помощникъ“. Четвертое наставленіе—дисциплинарнаго характера: оно

запрещаетъ мірянамъ входить на амвонъ, кромѣ тѣхъ, которые должны читать или пѣть. Пятое наставленіе говоритъ о крещеніи: здѣсь указывается значеніе крещенія, какъ очищенія отъ грѣховъ дѣйствіемъ Св. Духа. Шестое наставленіе говоритъ о таинствѣ евхаристіи (хотя ничего не говоритъ о пресуществленіи); седьмое— о воскресеніи изъ мертвыхъ; восьмое—о единствѣ церкви; девятое—о провидѣніи. Всѣ эти наставленія основываются на текстахъ св. Писанія, или вѣрнѣе: они представляютъ изъ себя собраніе разныхъ изреченій св. Писанія, относящихся къ тому или другому предмету. Вообще, діатипозы имѣютъ большое сходство съ гномами, съ которыми мы имѣли дѣло при разборѣ коптскихъ текстовъ. Діатипозы—такія же общія наставленія, касающіяся разныхъ предметовъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, какъ и гномы. Различіе состоитъ только въ томъ, что діатипозы Геласія не проникнуты аскетизмомъ. Но это различіе не особенно существенно. Поэтому и относительно принадлежности діатипозовъ Никейскому собору нужно сказать тоже, что мы сказали о гномахъ: діатипозы не могутъ принадлежать Никейскому собору по своей общности и неопредѣленности. Притомъ нѣкоторыя изъ постановленій, приписываемыхъ Геласіемъ Никейскому собору, не могутъ быть признаны за Никейскія потому, что они принадлежатъ другимъ соборамъ. Таково четвертое постановленіе. Это постановленіе издано соборомъ Лаодикійскимъ и находится въ числѣ его правилъ (прим. 15). Но собору Лаодикійскому, бывшему послѣ Никейскаго¹⁾, не зачѣмъ было бы издавать такое правило, если бы его издалъ Никейскій соборъ. Вселенскій соборъ имѣетъ болѣе авторитета, чѣмъ помѣстный, и обык-

¹⁾ Время Лаодикійскаго собора съ точностью неизвѣстно. Можно только замѣтить, что во всѣхъ извѣстныхъ собраніяхъ правилъ Лаодикійскій соборъ полагается послѣ Антиохійскаго; поэтому вѣроятнѣе то мнѣніе, что Лаодикійскій соборъ былъ во второй половинѣ IV вѣка, незадолго до 2-го вселенскаго собора. Беверегій полагаетъ его около 365 года. Соборъ вселенскій VI при исчисленіи соборовъ полагаетъ Лаодикійскій между Антиохійскимъ (341 г.) и 2-мъ вселенскимъ (381 г.). „Опытъ курса церковн. законовѣдѣнія“ еп. Іоанна стр. 421.

новенно вселенскіе соборы подтверждали опредѣленія помѣстныхъ, а не наоборотъ. Вѣроятно, Геласій заимствовалъ діатипозы изъ какого-нибудь частнаго сборника правилъ и наставленій, обращавшихся подъ именемъ Никейскихъ. Существованіе такихъ сборниковъ въ V вѣкѣ вполне естественно и понятно. Никейскій соборъ въ V вѣкѣ былъ всѣми принятъ и опредѣленія его очень уважались. Поэтому разные постановленія и предписанія очень выгодно было выдавать за Никейскія, чтобы придать имъ больше авторитета и значенія. Мы имѣемъ образцы подобнаго подлога. Напр. каноническія правила Сардиійскаго собора первоначально соединялись съ правилами Никейскими и во многихъ каноническихъ сборникахъ извѣстны были подъ именемъ этихъ послѣднихъ. Другой подлогъ представляютъ констские тексты. Здѣсь общія правственныя предписанія выдаются за Никейскія постановленія — несомнѣнно для того, чтобы придать больше важности этимъ предписаніямъ. Наконецъ, болѣе явный подлогъ представляютъ арабскіе каноны: они содержатъ въ себѣ постановленія, относящіяся къ разнымъ вѣкамъ и изданныя разными соборами вселенскими и помѣстными, и однако выдаются за каноны Никейскіе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго предположить нѣчто подобное и по отношенію къ Геласію. Можетъ быть, Геласій нашелъ сборникъ постановленій и сентенцій, обращавшихся подъ именемъ Никейскихъ, и изъ этого сборника сдѣлалъ нѣкоторыя извлеченія для своей исторіи.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя погрѣшности Геласія противъ исторической правды. Мы ранѣе напр. замѣчали, что Руфина онъ называетъ римскимъ пресвитеромъ и считаетъ его очевидцемъ собора. Эта погрѣшность въ строгомъ смыслѣ слова къ исторіи собора не относится; но есть у Геласія непростительныя погрѣшности и относительно самого собора. Такъ онъ свидѣтельствуетъ, что Осія Кордубскій былъ легатомъ папы вмѣстѣ съ пресвитерами Витомомъ и Викенгіемъ. „Вмѣстѣ со многими другими, пишетъ Геласій, присутствовалъ на соборѣ самъ знаменитый Осія изъ Испаніи, который вмѣстѣ съ римскими пресвитерами — Ви-

тономъ (или Витомъ) и Викентіемъ занималъ мѣсто Сплавестра, епископа великаго Рима¹⁾. Это показаніе Геласія объ Осіи, какъ представителѣ папы, едва-ли вѣрно. По свидѣтельству Евсевія²⁾, Созомена³⁾ и Θεодорита⁴⁾, римскаго епископа замѣняли только два пресвитера, но ни одинъ изъ поименованныхъ историковъ не указываетъ, какъ на легата папы, и на Осію Кордубскаго. Вѣроятно, Осія былъ самостоятельнымъ членомъ собора; источникомъ же Геласіева показанія были, нужно полагать, латинскія тенденціи о главенствѣ папы, которыя послѣ 4-го вселенскаго Халкидонскаго собора стали довольно ощутительно и опредѣленно заявлять себя. Не избѣгъ Геласій и той ошибки, съ которой мы уже встрѣчались, будто Никейскій соборъ анаематствовалъ не только Арія, но и другихъ еретиковъ—Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, манихеевъ, Валентина, Маркіона и др.

Страдая со стороны своей достовѣрности, исторія Геласія не безупречна и въ другихъ отношеніяхъ. Геласій, не вездѣ послѣдовательно излагаетъ исторію собора, не всегда тому или другому факту отводитъ надлежащее мѣсто: фактъ, совершившійся ранѣе другаго, онъ иногда ставитъ послѣ; факты, совершившіеся непосредственно одинъ за другимъ, иногда разъединяетъ. Вотъ примѣры такой непослѣдовательности. По сказанію Геласію, извѣстный намъ фактъ сожженія императоромъ жалобъ епископовъ другъ на друга имѣлъ мѣсто на самыхъ засѣданіяхъ собора и, какъ кажется, на засѣданіяхъ торжественныхъ. Къ торжественнымъ же засѣданіямъ собора Геласій приурочиваетъ и споры философовъ съ епископами. Опредѣленіе о Мелетіи и мелетіанахъ, по указанію Геласія, было составлено на соборѣ уже послѣ всѣхъ

1) Gelas. Syn. II, 5.

2) „Жизнь Константина“. III 7.

3) Церковн. исторія. I 17.

4) Церковн. исторія. I, 7 (Migne cap. 6).

других постановлений, въ самомъ концѣ соборной дѣятельности. Евсевій Никомидійскій и Θεогнисъ Никейскій, по Геласію, были осуждены на самомъ соборѣ и тутъ же кафедръ ихъ были замѣщены Амфіономъ и Христомъ. „Евсевій, Θεогнисъ и другіе аріане, которые были съ нами, принужденные скрѣпить изложеніе истинной вѣры, но отказавшіеся анаеematствовать Арію, по рѣшенію собора епископовъ и суду благочестивѣйшаго императора, подверглись изгнанію, а вмѣсто нихъ въ ихъ епархіи, по рѣшенію собора, клира и народа каждой изъ этихъ епархій, поставлены были Амфіонъ къ церкви Никомидійской, Христъ—къ Никейской“¹⁾. Въ указанные примѣры непослѣдовательности Геласія въ изложеніи событій (съ которыми мы уже встрѣчались) произошли оттого, что онъ, пользуясь источниками, не подвергалъ ихъ критикѣ и сличенію, не опредѣлялъ ихъ взаимоотношенія.

Не опредѣливъ взаимоотношенія своихъ источниковъ, Геласій допустилъ, кромѣ непослѣдовательности въ изложеніи событій, новый недостатокъ: онъ часто повторяется, одинъ и тотъ же фактъ передаетъ дважды. Такъ, передавъ въ началѣ 8-й главы II книги своей исторіи фактъ сожженія императоромъ жалобъ епископовъ другъ на друга по Руфину, Геласій далѣе въ концѣ 8-й главы передаетъ тотъ же самый фактъ по Θεодориту, принявъ измѣненный Θεодоритомъ рассказъ Руфина за совершенно новый. Передавъ на основаніи Созомена и Руфина краткій рассказъ о посрамленіи философа простымъ старцемъ²⁾, Геласій далѣе³⁾ очень пространно и подробно рассказываетъ о спорѣ философа Федона съ епископами, хотя этотъ послѣдній рассказъ въ сущности тождественъ съ первымъ краткимъ.

Наконецъ, какъ на недостаюць исторіи Геласія, мы должны указать на неполноту. Геласій въ praetatio говоритъ, что

¹⁾ Gel. Cuz. II, c. 32, col. 1337.

²⁾ Ibid. c. 13.

³⁾ Ibid. c. 14--23.

онъ старался отыскать все, относящееся къ исторіи Никейскаго собора, чтобы составить исторію собора по возможности полную и обстоятельную. Дѣйствительно, его исторія подробнѣе и полнѣе другихъ повѣствованій о соборѣ. Но при всемъ томъ мы обвиняемъ Геласія за нецѣлосту. Онъ не всеми источниками воспользовался въ должной мѣрѣ; нѣкоторые документы онъ опустилъ, хотя несомнѣнно зналъ ихъ. Такъ онъ помѣстилъ въ своей исторіи ¹⁾ только одно окружное посланіе Александра Александрійскаго и опустилъ другое—къ Александру Византійскому, хотя зналъ и это послѣднее. Изъ посланія Константина къ Александру и Арію Геласій приводитъ только часть, а рѣчь императора къ епископамъ при открытіи торжественныхъ засѣданій собора, которую приводитъ Евсевій ²⁾, Геласій опустилъ совсѣмъ. Правда, Геласій приводитъ рѣчь императора, но не ту, которую приводитъ Евсевій. Конечно, всѣ указаные нами пробѣлы въ исторіи Геласія не важны сами по себѣ; мы имѣемъ возможность пополнить ихъ изъ другихъ повѣствованій о соборѣ; но они важны для характеристики Геласіева произведенія. Геласій выдаетъ свое произведеніе за самое тщательное и подробное повѣствованіе о соборѣ и, однако, не помѣщаетъ въ немъ многихъ и важныхъ показаній; а это уже неисправность, неисполненіе своего обѣщанія.

Мы отмѣтили недостатки исторіи Геласія Кизическаго: недостатковъ этихъ очень много. Но мы не думаемъ отнимать всякое значеніе у произведенія Геласія, какъ источника исторіи Никейскаго собора. Переимѣшивая истину съ ложью, повторяя въ большинствѣ случаевъ то, что извѣстно изъ другихъ сказаній о соборѣ, или впадая въ легендарность, Геласій сообщаетъ, однако, нѣкоторыя и новыя достовѣрныя свѣдѣнія о соборѣ. Вотъ они:

1) Геласій указываетъ въ числѣ аріанствующихъ членовъ собора новое лицо, котораго не указываетъ никто изъ предыду-

¹⁾ Ibid. с. 3.

²⁾ „Жизнь Константина“. III, 12.

щих повѣствователей. Это новое лицо — Θεοδοτῆς, епископъ Ираклійскій во Фракіи¹⁾, человекъ, по свидѣтельству Θεοδοριτου, весьма ученый (ἐλλόγιμος διαφερόντως — *eximiae doctrinae vir*), написавшій комментарий на св. Евангелія²⁾, а также толкованія и на нѣкоторыя другія книги свящ. Писанія, наконецъ — извѣстный, какъ знатокъ исторіи³⁾.

2) Геласій приводитъ часть списка епископовъ, подписавшихся подъ опредѣленіями Никейскаго собора⁴⁾. Всѣ дошедшіе до насъ списки перечисляютъ епископовъ по провинціямъ, начиная съ Египта и сосѣднихъ съ нимъ странъ, между тѣмъ у Геласія подписи епископовъ приведены, кажется, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были на подлинномъ экземплярѣ. Къ такому заключенію приводятъ то обстоятельство, что подписи епископовъ идутъ у Геласія въ порядкѣ, сообразномъ съ достоинствомъ и заслугами самихъ епископовъ.

3) Геласій свидѣтельствуеъ, что дисциплинарныя правила, или каноны соборъ издалъ по настоянію императора⁵⁾. Этого показанія мы не встрѣчаемъ у другихъ повѣствователей о соборѣ, но сомнѣваться въ немъ мы не имѣемъ никакихъ основаній. Императоръ очень заботился о преобращеніи всѣхъ несогласій и водвореніи между всѣми полнаго мира и единомыслія, а потому естественно желалъ, чтобы установлены были опредѣленныя постановленія по всѣмъ спорнымъ вопросамъ. Притомъ императоръ занималъ мѣсто предсѣдателя собора⁶⁾, слѣдовательно, указывалъ и предметы для соборнаго обсужденія.

4) Геласій приводитъ въ своей исторіи символъ Никейскій

¹⁾ Gel. Suz. II, с. 7, col. 1241.

²⁾ Theod. Hist. eccles. II, с. 2 (по р. изд. гл. 3).

³⁾ Ал. П. Лебедева „Изъ ист. вселен. собор. IV и V вв.“ стр. 82—83.

⁴⁾ Gel. Syl. II с. 27.

⁵⁾ Gel. Suz. II. с. 28.

⁶⁾ „Жизнь Константина“. III, 10; Созом. I, 19.

съ анаѳематствованіемъ на Аріи ¹⁾ и каноны ²⁾). Геласіева редакція символа нѣсколько отличается отъ редакціи, сохраненной въ приложеніи къ сочиненію Аѳанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“. Такъ у Геласія послѣ слова „страдавшаго“ вставлено слово „погребеннаго“ (ταφέντα); послѣ словъ „восшедшаго на небеса“ вставлено выраженіе „и сѣдящаго одесную Отца (καὶ καθέζομενον ἐν δεξιᾷ τοῦ Πατρὸς); къ слову „церковь“ въ анаѳематствованіи прибавлено слово „апостольская“ (ἀποστολική). Каноны, приведенные Геласіемъ, не представляютъ никакихъ особенныхъ разностей съ другими списками.

Кромѣ новыхъ показаній о соборѣ, Геласій даетъ намъ и новые документы, относящіеся къ исторіи собора. Эти документы слѣдующіе:

1) *Рѣчь императора Константина къ собору* ³⁾). Въ подлинности этой рѣчи едва ли можно сомнѣваться. Содержаніе ея вполне соотвѣтствуетъ свидѣтельству Евсевія ⁴⁾ о содержаніи рѣчей Константина вообще. Въ пользу подлинности этой рѣчи и ея произнесенія на соборѣ говоритъ и Θεодоритъ. Θεодоритъ въ подлинникѣ приводитъ только конецъ рѣчи, начало же онъ не редаетъ лишь въ краткомъ изложеніи. Но и приведеннаго Θεодоритомъ вполне достаточно, чтобы видѣть, что онъ имѣлъ ту же рѣчь, какую и Геласій. Представленное Θεодоритомъ изложеніе содержанія рѣчи вполне согласно съ рѣчью, приведенною Геласіемъ; а конецъ рѣчи, приведенный Θεодоритомъ въ подлинникѣ, дословно сходенъ съ концемъ рѣчи, приведенной Геласіемъ ⁵⁾). Труднѣе рѣшнить вопросъ, въ какой моментъ соборной дѣятельности произнесена была эта рѣчь и въ какомъ отношеніи она на-

¹⁾ Gel. Суз. II с. 26.

²⁾ Ibid. с. 31.

³⁾ Ibid. с. 7; Дѣян., I, стр. 90.

⁴⁾ „Жизнь Константина.“ IV, гл. 29.

⁵⁾ См. Θεод. I, 7 (Migne с. 6), Gel. Суз. с. 7. col. 1241.

ходится къ рѣчи, сохраненной Евсевіемъ. Несомнѣнно, объ эти рѣчи произнесены въ разное время; когда же? Рѣчь, сохраненная Евсевіемъ, какъ видно изъ повѣствованія послѣдняго, была произнесена „въ день, назначенный для разрѣшенія недоумѣнія спорящихъ, когда каждый явился на засѣданіе собора съ своимъ мнѣніемъ“¹⁾; притомъ она произнесена была на такихъ засѣданіяхъ собора, на которыхъ произошло окончательное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ²⁾. Все это приводитъ къ тому заключенію, что рѣчь, сохраненная Евсевіемъ, произнесена была на торжественныхъ засѣданіяхъ собора. Но торжественнымъ засѣданіямъ собора предшествовали частныя, предварительныя совѣщанія, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Созоменъ. Вѣроятно на этихъ-то совѣщаніяхъ при началѣ ихъ, когда епископы только что собрались въ Никею, императоръ и сказалъ ту рѣчь, которую приводитъ въ своей исторіи Геласій. Къ этому моменту приводитъ насъ и самое содержаніе рѣчи. Геласіева рѣчь представляетъ изъ себя простую бесѣду, подобно тѣмъ, какія вель Константинъ съ своими подданными; въ этой же рѣчи императоръ проситъ епископовъ принять его въ число своихъ членовъ: все это не гармонируетъ съ торжественными засѣданіями собора, гдѣ рѣчь должна быть по возможности кратка и гдѣ императору, занявшему председательское мѣсто, излишне было просить епископовъ, чтобы они приняли его въ число своихъ членовъ. Итакъ съ правомъ можно утверждать, что Геласіеву рѣчь императоръ произнесъ при началѣ предварительныхъ совѣщаній собора, послѣ того, вѣроятно, какъ ежечь жалобы епископовъ другъ на друга. Признавши, что рѣчь Константина, сохраненная Геласіемъ, была произнесена на предварительныхъ совѣщаніяхъ, мы поймемъ и то, почему не приводить ее Евсевій, столь любившій въ подлинникѣ помѣщать всякіе документы вообще, рѣчи и посланія Константина въ особен-

1) „Жизнь Константина“. III, 10.

2) Ibid. III, 13—14.

ности. Евсевій въ своемъ повѣствованіи опустилъ предварительныя совѣщанія и описываетъ только одни торжественныя засѣданія; вслѣдствіе этого ему негдѣ было помѣстить ту рѣчь Константина, которую приводитъ Геласій, и онъ по необходимости долженъ былъ умолчать о ней.

2) *Посланіе императора Константина къ Θεодоту епископу Лаодикійскому*. Подлинность этого посланія не подлежитъ сомнѣнію: оно было цитовано Бенигномъ, епископомъ Гераклея Целагонійской, на 5-мъ вселенскомъ соборѣ (на 5-мъ засѣданіи)¹⁾. Написано это посланіе одновременно съ посланіемъ къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Θεогниса. Въ этомъ посланіи императоръ увѣдомляетъ Θεодота епископа Лаодикійскаго, сторонника арианства, объ изгнаніи Евсевія Никомидійскаго и Θεогниса Никейскаго и совѣтуетъ ему извлечь для себя выгоду изъ этого примѣра: не употреблять богохульныхъ выраженій, навѣянныхъ арианствомъ. Письмо это для исторіи Никейскаго собора имѣетъ то значеніе, что оно подтверждаетъ показаніе Филосторгія²⁾ и отвергаетъ показаніе Сократа и самого Геласія о времени осужденія и изгнанія Евсевія и Θεогниса. Если бы Евсевій и Θεогнисъ присуждены были къ ссылке на самомъ соборѣ, какъ утверждаютъ Сократъ и Геласій, то императору не зачѣмъ было бы извѣщать объ этомъ Θεодота Лаодикійскаго, который самъ былъ на Никейскомъ соборѣ³⁾ и, слѣдовательно, зналъ бы причину и фактъ изгнанія. Очевидно, Евсевій и Θεогнисъ осуждены были на ссылку уже послѣ собора, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Филосторгій⁴⁾.

1) Дѣянія вселен. соборовъ т. V стр. 167.

2) Сокращ. вст. Филосторгія у Фотія I, 10.

3) Θεодоритъ I, 5. (Minge с. 4) 7 (Minge с. 6); также см. списки епископовъ: Mansi. Sacr. Con. t. II, col. 693, 698. Pitra. Analecta sacra. 1883. t. IV, p. 459—464.

4) Кромѣ двухъ разобранныхъ документовъ у Геласія приводятся еще два посланія императора Константина: а) „къ арію и Арианамъ“ (lib. III, Дѣян.

Мы кончили разборъ исторіи Геласія. Подводя итогъ сказанному, мы можемъ такъ формулировать свои выводы относительно этого произведенія. Исторія Геласія далеко не то, за что выдаетъ ее самъ авторъ. Съ одной стороны, она представляетъ собою сводъ показаній о Никейскомъ соборѣ, заимствованныхъ изъ болѣе раннихъ сказаній о соборѣ, заимствованныхъ безъ всякой критики и потому не всегда вполне достовѣрныхъ. Эта часть исторіи Геласія, конечно, не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ конія излишня при существованіи оригинала. Съ другой стороны, исторія Геласія содержитъ въ себѣ много баснословнаго, вымышленнаго, не имѣющаго подъ собою никакой исторической подкладки. Понятно, и эта часть не можетъ служить источникомъ исторіи собора. Если же выбросить изъ исторіи Геласія то, что заимствовано изъ дошедшихъ до насъ повѣствованій, и то, что заимствовано изъ источниковъ хотя новыхъ, но недостовѣрныхъ, то отъ этого обширнаго произведенія останется очень и очень немного: нѣсколько отрывочныхъ показаній и нѣсколько не особенно важныхъ документовъ. Но такъ какъ мы не имѣемъ подробныхъ и обстоятельныхъ повѣствованій о соборѣ, откуда можно бы было заимствовать все нужное, такъ какъ для воспроизведенія исторіи собора приходится собирать отрывочныя показанія, то нельзя пренебрегать и небольшимъ количествомъ данныхъ. Въ силу этого не должно совсѣмъ сторониться и отъ исторіи Геласія: ей можно отвести мѣсто, хотя и скромное, среди источниковъ исторіи Никейскаго собора.

1, 73) и 2) „къ никоидійцамъ противъ Евсеія и Θεосияса“ (ib. III, col. 1356. Minge t. 85. У Мьяна приведена только 1-я часть посланія, которой нѣтъ у Θεодорита; у Маня приведено все: t. II col. 940—944; Дьян. I, стр. 199: здѣсь посланіе приведено не все). Но такъ какъ эти посланія не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи собора (значеніе 2-й половины втораго посланія указано нами при разборѣ повѣствованія Θεодорита), то и разборъ ихъ считаемъ излишнимъ.

Слово Григорія, пресвитера Кесаріи Каппадокійской, о 318 святыхъ богоносныхъ отцахъ и благочестивѣйшемъ императорѣ Константинѣ¹⁾.

О личности самого Григорія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того только, что онъ былъ пресвитеромъ Кесаріи Каппадокійской, какъ значится въ заглавіи слова. Время жизни Григорія, а также время написанія слова о 318 отцахъ Никейскихъ неизвѣстно. По догадкамъ одни (напр. Vossius²⁾ и др.) относятъ Григорія къ X вѣку, другіе (Bollandus³⁾)—къ началу VII вѣка, наконецъ, третьи⁴⁾)—къ началу VIII вѣка. Въ виду разногласія мнѣній постараемся приблизительно опредѣлить время жизни Григорія и время написанія имъ своего слова на основаніи самого содержанія разбираемаго нами документа. Говоря объ уваженіи и почитаніи мѣста собранія 318 отцевъ, Григорій между прочимъ передаетъ слѣдующее: „какъ много отцы Никейскіе потрудились и какъ много они заботились, объ этомъ можно заключать изъ того чуда, которое совершилось въ наше время (κατὰ τὴν ἡμετέραν γενεάν) въ Никее. Когда ассиріане, необразованные и дикіе, оуестошили всю Римскую имперію... и все уничтожили съ варварскою необузданностью, Никее осталась совершенно невредимою отъ всякаго насилія вавилонянъ; никто въ ней ни изъ мужей, ни изъ женъ, даже изъ отроковъ не погибъ ни отъ огня,

¹⁾ Въ подлинникѣ это сочиненіе носитъ такое заглавіе: „Γρηγορίου, πρεσβυτέρου Καισαρείας Καππαδοκίας, λόγος εἰς τοὺς ἀγίους τῆς Θεοφόρου πατέρας καὶ εἰς Κωνσταντῖνον τὸν εὐσεβεστάτου βασιλέα“. (Gregorii presbyteri Caesareae Cappadociae oratio in sanctos trecentem decem et octo deiferos Patres, et in Constantinum piissimum imperatorem). Первоначально это слово издано было только на латинскомъ языкѣ; съ греческимъ подлинникомъ оно было издано въ 1648 году: in novo auctario. Combesis. Paris. Въ двухъ текстахъ оно находится у Бинія: Concil. t. II и въ изданіи Миня: cursus petrologiae gr. ser. t. 111. Мы будемъ ссылаться на это послѣднее изданіе.

²⁾ Vossius. De historicis graecis, lib. IV, p. 491.

³⁾ Migne patrologiae curs. t. 35, gr. ser. col. 241.

⁴⁾ Ibid.

ни отъ меча, хоти они часто и тайно и явно нападали на нее. Говорять, что гордый начальникъ ихъ войска... намѣревался оскорбить безстыднымъ рѣшеніемъ храмъ святыхъ отцевъ, намѣревался принести заклинательныя жертвы магін; но ночными видѣніями и ему одному только въ продолженіи дня встрѣчающимися страшилищами удержанъ былъ отъ начинанія. Тогда, переѣхавъ намѣреніе, храмъ тотъ, или лучше — обителя храма Христа, истиннаго Бога Нашего, почтилъ чествованіемъ и возженіемъ свѣчей. При этомъ онъ удержалъ все вавилонское войско отъ приближенія къ святому мѣсту и обнаружилъ по отношенію къ жителямъ Никеи кротость, вовсе несвойственную варварской жестокости, что послужило къ спасенію немалого количества лицъ, живущихъ и въ Никеи; потомучто, если кто былъ захваченъ въ плѣнъ и хотя ложно утверждалъ, что онъ — житель Никеи, тотчасъ дѣлался свободнымъ“ ¹⁾. Изъ приведенныхъ словъ видно, что во времена Григорія на восточные предѣлы Римской имперіи были нападенія какихъ-то варварскихъ народовъ. Григорій называетъ этихъ варваровъ ассиріянами и вавилонянами; но, конечно, это не болѣе, какъ ошибка или какое-либо фигуральное выраженіе. Подъ ассиріянами, несомнѣнно, нужно разумѣть восточные народы, нападавшіе и опустошавшіе Византійскую имперію, каковы были персы, сарацины, турки и др. Вѣроятноже подъ ассиріянами Григорія разумѣть персовъ, опустошавшихъ подъ предводительствомъ Хозроя восточные предѣлы Византійской имперіи и подступавшими даже къ самому Константинополю въ царствованіе императора Ираклія — въ началѣ VІІ вѣка. Ранѣе этого времени не было особенно опустошительныхъ нападеній на восточные предѣлы Византійской имперіи. А что авторъ разбираемаго нами произведенія подъ нападеніемъ ассиріянъ разумѣетъ не какое-либо позднѣйшее опустошеніе Византійской имперіи, въ пользу этого говоритъ упоминаніе его объ одномъ только первомъ вселенскомъ Ни-

¹⁾ Gregorii presbyteri oratio. Migne t. 111. col. 436 - 437.

кейскомъ соборѣ и полное молчаніе о второмъ Никейскомъ седьмомъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ 787 году. Если бы Григорій описывалъ какое-либо другое нападеніе восточныхъ народовъ, бывшее послѣ 7-го вселенскаго собора, то онъ для восхваленія Никей на ряду съ 1-мъ вселенскимъ соборомъ упомянулъ бы и о 7-мъ. Слѣдовательно, происхожденіе нашего слова нужно относить ко времени отъ начала VІІ до конца VІІІ вѣка. Точнѣе опредѣлить время написанія слова нельзя. Положимъ, авторъ о нашествіи варваровъ говорить, какъ о событіи современномъ ему („въ наше время“); но это свидѣтельство нельзя понимать слишкомъ буквально. Вѣроятнѣе намъ представляется то мнѣніе, которое относитъ написаніе слова къ началу VІІІ вѣка.

Поводомъ къ написанію слова была просьба Никейскаго епископа Θεοφιλα. Самъ Григорій указываетъ на это обстоятельство, какъ на причину написанія разбираемаго нами произведенія. „Повинуясь по увѣщанію Апостола (Евр. 13, 17) начальническимъ приказаніямъ, Θεοφιλη, забывая о своей неспособности и пренебрегая изящностью рѣчи, я послушался уважаемаго отца, предложившаго мнѣ кратко написать о собраніи 318 отцевъ въ Никее, и передалъ ради его святой Никейской церкви, чтобы она имѣла письменныя сказанія о духовной борьбѣ тѣхъ, тѣлеснаго присутствія которыхъ она заслуженно удостоилась“¹⁾.

Въ качествѣ источника при составленіи слова о 318 отцахъ служила для Григорія прежде всего церковная исторія Θεοδοριτα. Самъ Григорій не указываетъ на исторію Θεοδοριτα, какъ на свой источникъ, но онъ очень много пользовался ею, перенося изъ нея въ свое произведеніе иное дословно, а иное передавая въ парафразѣ и разукрашивая риторическими фразами, подъ которыми, впрочемъ, легко видѣть оригиналь. Отмѣтимъ заимствованія Григорія изъ исторіи Θεοδοριτα. Послѣ введенія; гдѣ говорится о поводѣ къ написанію слова, Григорій рассказы-

¹⁾ Ibid. col. 420.

ваетъ о дѣйствіяхъ Константина въ пользу христіанъ, по уничтоженіи тирановъ Максенція, Максимиана и Ликинія, и о мирѣ христіанъ¹⁾. Этотъ разсказъ (не относящійся, впрочемъ, къ исторіи Никейскаго собора) заимствованъ Григоріемъ изъ 1-й гл. (по рус. изд. 2-й гл.) I кв. исторіи Θεодорита. Отличіе Григорія состоитъ только въ томъ, что онъ разукрасилъ риторикою простой разсказъ Θεодорита. О появленіи аріанской ереси и ея первоначальной судьбѣ Григорій опять говоритъ на основаніи Θεодорита, разукрашивая показанія послѣдняго и отчасти измѣняя ихъ послѣдовательность²⁾. О заботахъ Константина доставить собравшимся въ Никее епископамъ все нужное и о болѣе замѣчательныхъ епископахъ собора, замѣчательныхъ не по образованію, а по подвижничеству, Григорій разсказываетъ по Θεодориту, только опять разукрашиваетъ показанія послѣдняго и размѣщаетъ ихъ въ иномъ порядкѣ. Изъ епископовъ онъ указываетъ на Іакова Низибійскаго, Павла Неокесарійскаго и Пафнотія Египетскаго, на которыхъ указываетъ Θεодоритъ; отличительнымъ свойствомъ православныхъ членовъ собора поставляетъ, какъ и Θεодоритъ, исповѣдничество и мученичество³⁾. О присутствіи на Никейскомъ соборѣ аріанствующихъ епископовъ Григорій опять говоритъ на основаніи Θεодорита, хотя и здѣсь не забываетъ своей риторики. Особенно бросается въ глаза сходство въ характеристикахъ аріанствующихъ членовъ у того и другаго автора: тотъ и другой указываютъ на хитрость и коварство аріанъ, какъ на ихъ отличительное свойство; одинъ (Θεодоритъ) называетъ ихъ людьми „коварными, подобными подводнымъ камнямъ“ (εὐαρίθμητοι, ὕπουλοι); другой (Григорій) — „волками“, (λύκος) въ стадѣ овецъ⁴⁾. Согласно съ Θεодоритомъ (однимъ только Θεодоритомъ) Григорій

¹⁾ Ibid. col. 420—421.

²⁾ Ibid. col. 421—422; cf. Theod. Histor. eccl. I c. 1.

³⁾ Greg. or. col. 425; cf. Theod. Hist. eccl. I, 6.

⁴⁾ Greg. or. col. 425—428; cf. Theod. Hist. eccl. I, 6.

утверждаетъ, что привѣтственную рѣчь императору на соборѣ произносилъ Евстаѳій Антиохійскій ¹⁾). О почетѣ, который оказывалъ Константинъ епископамъ, пострадавшимъ за исповѣданіе вѣры Христовой, Григорій говоритъ тоже самое, что и Θεодоритъ ²⁾). Вотъ болѣе или менѣе очевидныя заимствованія Григорія изъ церковной исторіи Θεодорита. Но, можетъ быть, и нѣкоторыя другія показанія Григорія составляютъ не что иное, какъ вольный парафразъ Θεодоритовыхъ показаній.

Другими намъ извѣстными повѣствованіями о соборѣ, кромѣ исторіи Θεодорита, Григорій, кажется, вовсе не пользовался. Но несомнѣнно онъ пользовался какими-то частными записями о Никейскомъ соборѣ, откуда буквально заимствовалъ нѣкоторые документы. Такъ, вѣроятно, изъ этихъ записей онъ заимствовалъ привѣтственную рѣчь Евстаѳія Антиохійскаго императору на соборѣ; изъ этихъ же записей, можетъ быть, онъ заимствовалъ и отрывокъ рѣчи императора Константина собору. Можетъ быть, изъ этихъ записей онъ сдѣлалъ еще какія-либо заимствованія.

Кромѣ письменныхъ сказаній обильнымъ источникомъ для Геласія служило мѣстное преданіе. Самъ Григорій не былъ жителемъ Никей, но, какъ видно, хорошо зналъ ее; можетъ быть, даже онъ жилъ тамъ до своего пресвитерства въ Кесаріи и ознакомился съ преданіями, которыя, естественно, должны были храниться въ Никее, какъ мѣстъ собранія епископовъ. Такъ изъ преданія онъ заимствовалъ разсказъ о чудесной подписи къ символу Никейскому двухъ епископовъ — Хрисанфа и Музанія, умершихъ до окончанія собора. Григорій не говоритъ прямо, что онъ заимствовалъ этотъ разсказъ изъ преданія, но это ясно видно изъ его словъ, которыя онъ предпосылаетъ разсказу. „Послѣ изложенія и публичнаго чтенія символа вѣры, пишетъ Григорій, когда уже всѣ почти подписались, случилось нѣчто удивительное,

¹⁾ Theod. I, 6; conf. Greg. or. col. 428.

²⁾ Theod. I, 10; conf. Greg. or. col. 433—436.

достойное того, чтобы передать памяти (Θαυμαστοποιεῖται τι μνήμης ἄξιον) для славы вѣрныхъ и для посрамленія невѣрныхъ“¹⁾. Если Григорій находить нужнымъ записать для памяти этотъ случай, то, очевидно, онъ ранѣе хранился только въ устномъ преданіи. Изъ преданія же заимствовалъ Григорій показаніе о томъ, что Минофантъ Ефесскій, при видѣ посрамленія философа простымъ необразованнымъ старцемъ, былъ такъ устыженъ, что добровольно согласился съ вѣроизложеніемъ Никейскаго собора и анаѳематствовалъ Арія и его ученіе. Самъ Григорій указываетъ на преданіе, какъ на источникъ, откуда заимствовалъ онъ это показаніе²⁾. Точно также изъ преданія Григорій заимствовалъ рассказъ о томъ, что въ средней части храма, въ который собрались Никейскіе отцы помолиться о благополучномъ возвращеніи въ свои епархіи, около средней апсиды, гдѣ стоялъ сонмъ епископовъ, открылись источники едея (ἐλαίου πηγάς). Какъ на источникъ этого рассказа Григорій указываетъ на свидѣтельство³⁾ (μαρτυρεῖ), свидѣтельство, очевидно, преданія, иначе онъ обозначилъ бы лицо свидѣтельствующее. Изъ преданія Григорій заимствовалъ и рассказъ, который мы приводили выше, объ уваженіи, какое оказали Никейскіе ассиріане (точнѣе—персы) при нападеніи на Византійскую имперію. Можетъ быть, преданіе было источникомъ и другихъ показаній Григорія, по крайней мѣрѣ источникомъ вспомогательнымъ, на основаніи котораго онъ разукрашивалъ показанія письменныхъ свидѣтельствъ.

Наконецъ, въ качествѣ источника служило для Григорія личное знакомство съ Никеею, личное наблюденіе. Какъ очевидно, онъ описываетъ помѣщеніе, назначенное императоромъ Константинемъ для засѣданія собора⁴⁾. На основаніи также своего личного,

1) Greg. oratio. col. 432.

2) Ibid. col. 433.

3) Ibid. col. 436.

4) Ibid. col. 428.

такъ сказать, опытнаго знанія онъ говоритъ о нетлѣнныхъ мощахъ Леонтія Кесарійскаго, а на основаніи свидѣтельствъ (достоверныхъ) говоритъ о спокойной, сну подобной, смерти и нетлѣнии мощей прочихъ православныхъ отцевъ Никейскаго собора ¹⁾.

Изъ обзора источниковъ, которыми пользовался Григорій, открывается, что очень значительная часть его повѣствованія заимствована изъ церковной исторіи Θεодорита. Конечно, заимствованныя показанія Григорія не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ у насъ есть оригиналь. Но и новыя показанія Григорія въ большинствѣ случаевъ не могутъ имѣть значенія, потому что ихъ нельзя признать за показанія достоверныя. Такъ чудесныя событія, по сказанію Григорія, имѣвшія мѣсто на соборѣ, какъ-то: открытіе источниковъ елея, подпись къ символу двухъ умершихъ епископовъ—не болѣе, какъ легенды, созданныя много времени спустя послѣ собора. Если бы эти событія или только подобныя имъ случились на соборѣ, то объ нихъ непременно упомянули бы современники Никейскаго собора, особенно Евсевій Кесарійскій, и церковные историки. Однако никто изъ нихъ не говоритъ ничего подобнаго; не говоритъ объ этихъ событіяхъ даже Геласій Кизическій, столь ревностный собиратель всякихъ свѣдѣній о соборѣ и столь неразборчивый въ нихъ: знакъ, что сказанія Григорія о чудесахъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ, есть плодъ среднихъ вѣковъ, когда, при упадкѣ просвѣщенія, пріобрѣли большой кредитъ басни и легенды. Равнымъ образомъ и другія показанія Григорія, не встрѣчающіяся въ болѣе раннихъ повѣствованіяхъ о соборѣ, не отличаются особенною достоверностью. Мы уже ранѣе, при разборѣ показаній Евстазія, говорили, что рѣчь, которую приписываетъ Григорій Евстазію, нельзя признать подлинною. Рѣчь императора, приводимая Григоріемъ, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что бы прямо говорило противъ ея подлинности; но за то она не представляетъ ничего новаго срав-

²⁾ Ibid. col. 440.

нительно съ рѣчью, сохраненною Геласіемъ Кизическимъ¹⁾; она, вѣроятно, представляетъ изъ себя сокращенный вариантъ Геласіевой рѣчи, вариантъ—менѣе исправный, чѣмъ Геласіевъ, такъ какъ послѣдній засвидѣтельствованъ Θεодоритомъ. Показаніе Григорія о томъ, что императоръ Константинъ приглашалъ на соборъ чрезъ посланія не только епископовъ, но и свѣтскихъ лицъ высшаго ранга (οἱ ἐν τέλει—magistratus), также очень сомнительно, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой оно излагается у Григорія. На соборѣ вмѣстѣ съ императоромъ присутствовали и нѣкоторые государственные чиновники изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему: объ этомъ очень опредѣленно говоритъ Евсевій Кесарійскій²⁾; но присутствовали только одни приближенные императора, его друзья, которые были всегда съ нимъ и которыхъ не зачѣмъ было приглашать на соборъ посланіями. Между тѣмъ, по сказанію Григорія, Константинъ приглашалъ на соборъ государственныхъ чиновниковъ, какъ членовъ собора, наравнѣ съ епископами и такими же посланіями, какъ этихъ послѣднихъ³⁾. Въ этомъ видѣ показаніе Григорія болѣе, чѣмъ сомнительно. Константинъ не позволялъ переносить дѣла вѣры на судъ свѣтскихъ государственныхъ чиновниковъ; онъ и себя сталъ считать членомъ собора не прежде, какъ испросилъ на то разрѣшеніе епископовъ⁴⁾. Также сомнительно и то показаніе Григорія, что Минофантъ Ефесскій, при видѣ посрамленныхъ философовъ, искренно принялъ Никейское вѣроизложеніе и анаѳематствовалъ Арія и его ученіе. Не говоря уже о томъ, что самый фактъ посрамленія философовъ очень сомнительной достовѣрности, мы сошлемся на Руфина и другихъ церковныхъ историковъ, которые положительно утверждаютъ, что арианствующіе епископы подписались къ Никейскому символу

1) Gel. Cuz. II, с. 7. Migne t. 85.

2) „Жизнь Константина“. III, 10.

3) Greg. oratio, col. 424.

4) Gel. Cuz. II, с. 7.

только рукою. Не думаемъ отдавать предпочтеніе Григорію, писателю VI или даже VII вѣка, основывающему свои показанія на одномъ преданіи, предъ церковными историками начала V вѣка.

Мы указали недостатки слова Григорія Кесарійскаго, или точнѣе — несамостоятельность и недостоверность его показаній. Но оно имѣетъ и нѣкоторое значеніе для исторіи собора: въ немъ можно найти нѣкоторыя пополненія (правда, неважныя) тѣхъ свѣдѣній, какія мы получаемъ изъ болѣе раннихъ повѣствованій о соборѣ. Напр. Григорій подробнѣе, чѣмъ другіе повѣствователи, описываетъ мѣсто, гдѣ происходили засѣданія собора¹⁾; полнѣе также передаетъ опредѣленіе касательно празднованія Пасхи²⁾.

Краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателей среднихъ вѣковъ.

Словомъ Григорія Кесарійскаго о 318 отцахъ кончается рядъ источниковъ (въ полномъ смыслѣ слова) исторіи Никейскаго собора: остается только нѣсколько краткихъ сказаній, или вѣрнѣе: замѣтокъ о Никейскомъ соборѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ авторовъ среднихъ вѣковъ. Эти замѣтки и по своей краткости и по своему очень позднему происхожденію не могутъ имѣть никакого значенія для исторіи Никейскаго собора; онѣ не могутъ даже считаться среди источниковъ исторіи собора. Авторы этихъ сказаній не имѣли подъ руками никакихъ новыхъ документовъ, благодаря которымъ ихъ сказанія могли бы возбудить къ себѣ интересъ историка, а сами по себѣ эти авторы, какъ жившіе нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Никейскаго собора, не могутъ быть авторитетными повѣствователями. Въ силу сказаннаго можно бы обойти молчаніемъ всѣ эти краткія повѣствованія о соборѣ. Но

¹⁾ Greg. oratio. col. 428.

²⁾ Ibid. col. 432.

такъ какъ эти позднѣйшія сказанія, не доставляя никакихъ новыхъ данныхъ для исторіи собора, крайне изобилуютъ всевозможными ошибками и анахронизмами, возбуждающими сомнѣніе въ достовѣрности несомнѣнно истинныхъ показаній, то мы считаемъ не лишнимъ ознакомиться для примѣра съ нѣкоторыми изъ этихъ позднѣйшихъ сказаній о соборѣ.

Сказаніе о Никейскомъ соборѣ, заимствованное изъ соборной книжки. („Oecumenica prima CCCXVIII patrum, cum aliis, praecipue arianorum, ab anno Christi 325 ad Damasiae papae tempora. Ex libello synodico“¹⁾). Сказаніе это очень кратко: оно перечисляетъ только болѣе замѣчательныхъ епископовъ, участвовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, и опредѣленія собора. Но и при этой краткости въ сказаніи очень много ошибокъ. Такъ самое заглавіе сказанія заключаетъ въ себѣ уже анахронизмъ. По заглавію Никейскій соборъ продолжался съ 325 года до времени папы Дамаса, т. е. до 367 года. Перечисляя членовъ собора (немногихъ), сказаніе опять впадаетъ въ анахронизмъ, вытекающій, впрочемъ, изъ предыдущаго: Витъ и Викентій, римскіе пресвитеры, называются легатами не только папы Силивестра, но и Юлія. Допускаетъ сказаніе и знакомую намъ ошибку въ томъ, что считаетъ Никейское вѣроизложеніе направленнымъ не только противъ Арія и еретиковъ предшествующаго собору времени—Савеллія, Павла Самосатскаго, но и противъ еретиковъ, появившихся послѣ собора, противъ Фотина. Наконецъ, авторъ сказанія приписываетъ Никейскому собору утвержденіе канона священныхъ книгъ ветхаго и новаго заветовъ. Самое отдѣленіе священныхъ книгъ отъ апокрифическихъ произошло, по сказанію, слѣдующимъ чудеснымъ образомъ. Отцы собора, собравъ все книги и положивъ ихъ въ церкви около престола, обратились съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ отдѣлилъ священныя книги отъ ложныхъ. Отдѣленіе дѣйствительно произошло: богодухновенныя книги

¹⁾ Mansi. Sacr. conc. collec. t. II, col. 748.

оказались вверху, а апокрифическія — внизу. Какъ мы знаемъ, никто изъ достовѣрныхъ писателей и историковъ не говоритъ, что Никейскій соборъ занимался пересмотромъ канона священныя книгъ. Можетъ быть, авторъ сказанія введенъ былъ въ заблужденіе извѣстнымъ свидѣтельствомъ бл. Иеронима о книгѣ Іудичъ, которое мы разсматривали въ своемъ мѣстѣ, а можетъ быть, онъ смѣшалъ соборъ Никейскій съ Лаодикійскимъ и дѣйствіе этого послѣдняго, дѣйствительно занимавшагося пересмотромъ канона священныя книгъ, приписалъ собору Никейскому, окруживъ при этомъ соборное рѣшеніе чудесною обстановкою.

Сказаніе, заимствованное изъ письма Фотія. („Nicaena synodus ex epistola Photii ad Michaellem Bulgariae principem seu libello de septem conciliis oecumenicis“) ¹⁾. Это сказаніе не даетъ никакихъ новыхъ данныхъ для исторіи собора: въ немъ указывается число епископовъ собора (318), перечисляются поименно нѣкоторые члены собора, при чемъ указываются достоинства и добродѣтели каждаго изъ поименно перечисленныхъ членовъ собора и, наконецъ, излагается сущность арианской ереси съ краткимъ, но сильнымъ опроверженіемъ ея. Не представляя ничего новаго, сказаніе однако не свободно отъ ошибокъ какъ уже извѣстныхъ намъ, такъ и новыхъ. Напр. сказаніе допускаетъ знакомую намъ ошибку Созомена, который считаетъ современниками Никейскаго собора не только папу Силивестра, но и Юлія. А вотъ новая ошибка: Александра Константинопольскаго это сказаніе называетъ предсѣдателемъ собора вмѣстѣ съ римскими папами. Не смотря на то, что вопросъ о томъ, кто изъ епископовъ былъ предсѣдателемъ на Никейскомъ соборѣ, не рѣшенъ, данное показаніе никакъ нельзя считать правильнымъ. На соборѣ присутствовали болѣе заслуженные и извѣстные епископы, чѣмъ Александръ Константинопольскій, какъ напр. Осія Кордубскій, Алек-

¹⁾ Mansi. Sacr. conc. collectio. t. II, 748—749.

²⁾ Ibid. col. 752.

сандръ Александрійскій, Евстаѳій Антиохійскій. Вѣроятноже, который-нибудь изъ этихъ епископовъ и былъ предѣдателемъ собора (если таковой только былъ), а не Александръ Константинопольскій.

Сказаніе изъ синоптическаго разказа *Нила, митрополита Родосскаго* (*Nicaena synodus ex Nili Rhodi Mitropolitae enarratione synoptica, seu libello de oecumenicis synodis*)²⁾. Это сказаніе очень кратко: оно указываетъ только нѣкоторыхъ членовъ собора и въ немногихъ словахъ излагаетъ сущность арианской ереси. Но при всемъ томъ оно не свободно отъ ошибокъ. Въ немъ говорится, что соборъ Никейскій былъ въ 515 году отъ сотворенія міра, въ 318 году отъ Рождества Христова и за 54 года до втораго вселенскаго Константинопольскаго собора: всѣ показанія не правильны.

Кромѣ указанныхъ и разобранныхъ нами повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, существуетъ немало и другихъ сказаній, таковы: сказаніе изъ анонимнаго повѣствованія о 6-ти соборахъ (*Nicaena synodus ex anonimo de VI synodis*)¹⁾, сказаніе, заимствованное изъ втораго антирретика Никифора, архіепископа Константинопольскаго (*S. Patris nostri Nicephoris, archiepiscopi Constantinopolitani ex secundo ejus antirretico: de sex synodis*)²⁾, греко-латинская исторія Никейскаго собора Михаила Глики, переводъ Михаила Пселла о вселенскихъ соборахъ, хронографія Теофана и нѣкоторыя другія³⁾. Точно также существуютъ краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ въ каноническихъ коллекціяхъ греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и др. въ видѣ введенія къ Никейскимъ канонамъ. Но всѣ эти сказанія не имѣютъ никакого значенія для исторіи собора, какъ слишкомъ позднія и несамостоятельныя; всѣ эти сказанія представляютъ собою не болѣе, какъ компиляціи, составленныя на основаніи рассмотрѣнныхъ нами по-

¹⁾ Mansi. Sacr. cons. t. II, col. 752.

²⁾ Combesesis. Nov. auctar. t. II, col. 604—605.

³⁾ Эти сказанія перечислены у Манси. Sacr. conc. t. II, col. 751—752.

вѣствованій о соборѣ или же на основаніи темныхъ преданій, вслѣдствіе чего они изобилуютъ разными новыми легендами и баснями, а не новыми достовѣрными историческими повѣстаніями. Въ силу сказаннаго мы находимъ излишнимъ разсматривать эти позднѣйшія сказанія, не имѣющія самостоятельнаго значенія, и считаемъ себя въ правѣ закончить обзоръ источниковъ исторіи перваго вселенскаго Никейскаго собора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ВВЕДЕНІЕ.—Значеніе и важность Никейскаго собора.—Важность и нужда критико-библіографическаго изслѣдованія источниковъ исторіи перваго вселенскаго собора.—Планъ и порядокъ изслѣдованія 3—16

ГЛАВА I-я. **Акты Никейскаго собора.**—Существованіе актовъ Никейскаго собора въ смыслѣ опредѣлений и ихъ неполнота въ настоящее время.—Акты въ смыслѣ протоколовъ засѣданій собора. Свидѣтельства о существованіи такихъ актовъ; разборъ и опроверженіе этихъ свидѣтельствъ. Доказательство несуществованія актовъ въ смыслѣ протоколовъ (16—33).—*Сборники соборныхъ дѣяній*, ихъ составъ и значеніе, какъ источниковъ исторіи Никейскаго собора (33—40).—*Коптскіе тексты Никейскаго собора*. Краткая исторія ихъ постепеннаго открытія и ихъ содержаніе. Мнѣніе Ревилью о коптскихъ текстахъ. Разборъ коптскихъ текстовъ и мнѣнія Ревилью. Предположеніе о времени происхожденія текстовъ. Дѣйствительное значеніе текстовъ (40—73).—*Сирскіе акты Никейскаго собора*. Мнѣніе Питры объ этомъ документѣ. Содержаніе документа. Дѣйствительное значеніе сирскихъ актовъ (73—76).—*Преніе Аванасія съ Аріемъ на Никейскомъ соборѣ*. Характеръ этого памятника; его анахронизмы и ошибки. Предположеніе о времени происхожденія этого памятника (76—82) 16—82

ГЛАВА II. **Сказанія о Никейскомъ соборѣ современниковъ и очевидцевъ его**—Евсевія Кесарійскаго, св. Аванасія Александрійскаго и св. Евстаѳія Антиохійскаго.—Важность сказаній о Никейскомъ соборѣ современниковъ и очевидцевъ его

менниковъ его; практическая цѣль этихъ сказаній и необходимость критическаго обозрѣнія ихъ (82—84).—*Сказанія о Никейскомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго*. Краткія біографическія свѣдѣнія объ Евсевіи. Отличительныя черты въ воззрѣніяхъ Евсевія, наложившія своеобразный колоритъ на его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ (84—91).—Сочиненіе Евсевія «*Жизнь Константина*». Время, поводъ и цѣль написанія сочиненія. Недостатки повѣствованія о Никейскомъ соборѣ, заключающагося въ «*Жизни Константина*». Достоинства и значеніе этого повѣствованія для внѣшней исторіи собора (91—104).—*Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ*. Время, поводъ и цѣль написанія посланія. Неискренность и фальшь Евсевія какъ въ самой постановкѣ разсказа о дѣйствіяхъ собора, такъ и въ объясненіи Никейскаго символа и терминовъ, въ него внесенныхъ православными епископами. Достоверность исторической стороны посланія. Значеніе этого посланія, какъ источника исторіи Никейскаго собора (104—117).—*Извѣстія о Никейскомъ соборѣ св. Аванасія Александрійскаго*. Характеръ и направленіе жизни и дѣятельности Аванасія вообще, литературной въ частности (117—120).—Посланія Аванасія «объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора» и «къ африканскимъ епископамъ». Время, поводъ и цѣль ихъ написанія.—Особенности показаній Аванасія о Никейскомъ соборѣ, вытекающія изъ полемическаго характера его сочиненій (121—141).—Отношеніе показаній Аванасія къ показаніямъ Евсевія Кесарійскаго (141—150).—Значеніе показаній Аванасія о Никейскомъ соборѣ (150—159).—*Сказаніе о Никейскомъ соборѣ св. Евстація Антиохійскаго*. Характеръ и направленіе дѣятельности Евстація противъ аrianства какъ всей вообще, такъ и литературной въ частности (159—161).—Отрывки сочиненій о Никейскомъ соборѣ, приписываемые Евстацію. Рѣчь на Никейскомъ соборѣ (у Григорія Кесарійскаго). Объясненіе текста кн. Притчей 8 гл. 22 ст. (у Геласія Кизич.). Отрывокъ изъ сочиненія Евстація «о дѣяніяхъ Никейскаго собора» (въ церковной исторіи Феоодорита). Харак-

теръ этого отрывка, какъ сказанія о Никейскомъ соборѣ, и его значеніе для исторіи Никейскаго собора (161—173)

82—173

ГЛАВА III-я. Сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ: латинскихъ—Руфина, Сульпиція Севера и греческихъ—Филосторгія, Сократа, Созомена и Θεодорита.—Общій взглядъ на сказанія церковныхъ историковъ о Никейскомъ соборѣ (174—176).—*Сказанія о Никейскомъ соборѣ Руфина и Сульпиція Севера.* Биографія Руфина.—Время поводъ и цѣль написанія исторіи. Положеніе Руфина, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ.—Самобытность и оригинальность Руфинова повѣствованія.—Недостатки Руфинова повѣствованія; его значеніе (176—205).—Краткія замѣчанія о *Сульпиціи Северѣ* и его извѣстіяхъ о Никейскомъ соборѣ (206).—*Сказанія о Никейскомъ соборѣ Филосторгія и Сократа.*—Краткія свѣдѣнія о личности *Филосторгія* и его исторіи.—Характеръ повѣствованія *Филосторгія* объ арианскихъ спорахъ вообще, о Никейскомъ соборѣ въ частности. Значеніе его показаній для исторіи Никейскаго собора (206—209).—Краткія свѣдѣнія о *Сократѣ* и его исторіи.—Источники *Сократова* повѣствованія о Никейскомъ соборѣ.—Недостатки *Сократова* повѣствованія. Достоинства.—Новыя свѣдѣнія, сообщаемыя *Сократомъ* о Никейскомъ соборѣ.—Значеніе для исторіи собора документовъ, сохранныхъ *Сократомъ* (209—244).—*Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ Созомена.*—Краткія свѣдѣнія о *Созоменѣ* и его исторіи.—Источники, недостатки и значеніе *Созоменова* повѣствованія для исторіи собора (244—275).—*Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ бл. Θεодорита.*—Краткія свѣдѣнія о личности *Θεодорита* и его исторіи.—Источники, недостатки и достоинства *Θεодоритова* повѣствованія (276—293) . . . 174—293

ГЛАВА IV-я. Извѣстія и сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ.—Значеніе и важность извѣстій и сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей.—

Замѣчанія о краткихъ, отрывочныхъ извѣстіяхъ о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей и о значеніи ихъ для исторіи Никейскаго собора (293—296). — *Извѣстія о Никейскомъ соборѣ съ Епифанія Кипрскаго*. Свѣдѣнія объ Епифаніи и его «Паваріи». — Положеніе Епифанія, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ. — Недостатки Епифаніевыхъ показаній о Никейскомъ соборѣ. — Значеніе этихъ показаній для исторіи Никейскаго собора (296—299). *Анонимное сочиненіе «днѣнія Никейскаго собора»*. — Предположенія о личности и времени жизни автора. — Гипотеза о тождествѣ анонима съ пресвитеромъ Іоанномъ, цитируемымъ Геласіемъ Кизическимъ — Значеніе документа для исторіи Никейскаго собора (299—309). — *Исторія Никейскаго собора, составленная Геласіемъ Кизическимъ*. Свѣдѣнія о личности Геласія. — Поводъ, время и цѣль написанія его исторіи. — Источники исторіи. — Разборъ Геласіева свидѣтельства о книгѣ архіепископа Далматія. — Предположенія о личности и сочиненіяхъ пресвитера Іоанна — Зависимость Геласія отъ Евсевія, Руфина, Сократа, Созомена, Θεодорита и сочиненій Аванасія. — Недостатки Геласіева повѣствованія; его значеніе для исторіи Никейскаго собора (309—345). — *Слово Григорія, пресвитера Кесарійскаго*. Свѣдѣнія о личности Григорія. — Время, поводъ и цѣль написанія слова. — Источники слова. — Недостовѣрность и легендарность показаній Григорія о Никейскомъ соборѣ. — Значеніе слова для исторіи Никейскаго собора (346—354). — *Краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ*. Замѣчанія о значеніи ихъ для исторіи собора. Частный разборъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сказаній. — Заключительныя замѣчанія о другихъ позднѣйшихъ сказаніяхъ о Никейскомъ соборѣ (354—358)

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Сльд. читать.</i>
11	11 св.	основаній, относиться	основаній относиться
25	4 сн.	Zw. Auf. I.	Zw. Aufl.
79	3 —	²⁾	¹⁾
—	1 —	³⁾ Πνεῦμα	²⁾ Πνεῦμα
102	23 св.	grande	grand
116	1 сн.	⁵⁾ Ibid. III. 13.	⁵⁾ III. 13.
119	14 св.	πάντα μᾶλλον ἢ χριστιανοὶ	πάντα μᾶλλον ἢ χριστιανοὶ
199	16 —	improbaliter	improbiter
200	7 —	ejus) [Arii]	ejus [Arii]
206	14 —	о числѣ, епископовъ онъ вѣроятно,	о числѣ епископовъ онъ, вѣроятно,
249	19 —	распоряженія	расторженія
251	8 —	мѣстамъ	мѣстахъ
253	7 —	обозначеніи	обозначеніи
354	13 —	⁵⁾	³⁾
—	16 —	⁶⁾	²⁾
299	13 —	сдѣлавъ	сдѣлавъ
344	1 сн.	арію и Аріанамъ	Арію и аріанамъ

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru